

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

# ФРАНК ТИЛЛЕ

СИНДРОМ

Е

Расследование ведут  
комиссар Шарко и Люси Энебель

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

## Annotation

Коллекционер старых кинофильмов приобретает раритетную киноплёнку и во время просмотра внезапно слепнет. Он звонит своей бывшей подруге, лейтенанту полиции Люси Энебель, с просьбой о помощи, и Люси с головой погружается в расследование странного происшествия. Что спрятано за этими черно-белыми кадрами? И почему за лентой охотятся неизвестные? Поиски заходят в тупик, и Люси в свою очередь обращается за помощью – к комиссару Шарко, опытному аналитику. По мере расследования история создания киноплёнки обрастает невероятными подробностями. Похоже, одна и та же тайна скрыта в трущобах Каира и сиротском приюте в Монреале...

***Книга также выходила под названием «Монреальский синдром».***

---

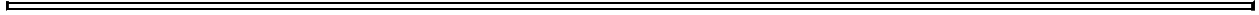
- [Франк Тилье](#)

- 
- 
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
  - [61](#)
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)



# Франк Тилье

## Синдром Е

Franck Thilliez

LE SYNDROME E

Copyright © 2010, Fleuve Editions, Departement d'Univers Poche

© М. Сашина, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

\* \* \*

*Моим близким*

Быть там первым.

Он отправился в дорогу, едва увидев на рассвете объявление, и одолел двести километров, отделявших лильский пригород от Льежа, за рекордное время.

Продается коллекция старых (30-е годы и позже), немых и звуковых, фильмов на шестнадцати- и тридцатипятимиллиметровой пленке. Представлены все жанры, есть короткометражные и полнометражные ленты. Свыше 800 бобин, из которых 500 – шпионские фильмы. Цена по договоренности...

Объявления подобного рода на обычном, неспециализированном сайте – все-таки большая редкость. Обычно владельцы киноколлекций торгуют ими на ярмарках типа аржантейской или продают оптом на одном из интернет-аукционов, а тут... а тут ее, похоже, сбывают с рук, будто старый холодильник. Хороший знак – такое объявление!

Добравшись до самого центра бельгийского города, Людовик с трудом припарковался, сверил номер дома, перед которым поставил машину, с указанным в объявлении, и пошел знакомиться с владельцем, Люком Шпильманом. Ага. На вид лет двадцать пять, «конверсы», очки для серфинга, булловская футболка, ну да, конечно, и пирсинг. Немного, кое-где, но есть.

– Значит, вы приехали за фильмами. Пойдемте, они на чердаке.

– Я первый?

– Другие не задержатся, с утра уже было несколько звонков. Вот не думал, что все пойдет так быстро.

Людовик шел следом за молодым человеком. Типично фламандское жилье – теплые цвета, темный кирпич, все комнаты расположены вокруг лестничной клетки, в кровле над ней – широкое окно...

– А почему вы решили избавиться от этих старых фильмов?

Людовик тщательно подбирал слова: «избавиться», «старые»... По существу, он уже начал торговаться.

– Вчера умер мой отец. Он никогда и никому не говорил, что делать дальше с этими бобинами.

Хм... Еще не похоронили, а уже отбирают у усопшего патриарха его добро, думал Людовик. Хотя... хотя какой смысл этому дурачку-сыну хранить двадцать пять килограммов пленки, когда можно собрать в тысячу раз больше изображений, которые будут весить в тысячу раз меньше. Несчастное потерянное поколение...

Лестница у них до того крутая, того и гляди шею свернешь. Оказавшись на чердаке, Шпильман включил свет – жалкую маломощную лампочку. Людовик улыбнулся, его сердце коллекционера забилося быстрее. Вот они, вот они все – прекрасно защищенные от естественного света... Разноцветные коробки, уложенные на стеллажах в стопки по двадцать штук. Здесь немножко сквозит – и ах как сладко пахнет пленкой... До верхних полок можно добраться с помощью стремянки на колесиках. Людовик подошел поближе. С одной стороны фильмы на тридцатипятимиллиметровой пленке, тяжелые, объемистые коробки, с другой – шестнадцатимиллиметровые, к ним у него особый интерес. На каждой крышке – этикетка, все так аккуратно сложено... Отличное хранилище! Вот классика немого кино, вот французские ленты золотого века кинематографа, и действительно – больше всего шпионских: судя по объявлению, они составляют больше половины коллекции Шпильмана. Людовик взял в руки одну из коробок. «Самый опасный человек в мире» – фильм Джона Ли Томпсона о ЦРУ и коммунистическом Китае. Полная нетронутая копия, защищенная при хранении от света и влаги, как вина лучших лет. Тут в коробках есть даже лакмусовые бумажки, чтобы не пропустить, если пленка вдруг начнет окисляться. Людовик с трудом сдерживал волнение. Одному только этому сокровищу, на его взгляд, цена на рынке не меньше пятисот евро.

– Ваш отец был помешан на шпионских фильмах?

– Не то слово – помешан! Вы еще не видели его библиотеку! Книги – сплошь по теории заговора и тэ дэ и тэ пэ. Сильно смахивает на навязчивую идею, да?

– А сколько вы хотите за бобину?

– Я порылся в Интернете. По-хорошему надо брать за каждую по сотне евро. Но я-то хочу сбыть все это поскорее – мне нужно место, стало быть, можем поторговаться.

– Очень надеюсь.

Людовик продолжал шарить по полкам.

– Наверное, у вашего отца был и проектор, и кинозал?

– Конечно. Скоро я все там переоборудую. Выкину старье, прикуплю самое современное: жидкокристаллический экран, домашний кинотеатр



последней модели... А здесь, на чердаке, устрою музыкальную студию.

Людovicу тошно было слушать – что за парень, ни малейшего уважения к прошлому! Он переместился правее, подвигал стопки, наслаждался благоуханием пленки... Тут были Гарольд Ллойд, Бастер Китон, чуть подальше – такие фильмы, как «Гамлет» и «Капитан Фракасс». Ему хотелось бы купить все, но зарплата в Фонде социального страхования и необходимость ежемесячно платить за сайт знакомств и Интернет вообще, за кабельное и спутниковое телевидение не позволяли такой роскоши. Ну и значит, надо будет выбирать.

Он подошел к стремянке, и Люк Шпильман тут же предупредил:

– Будьте осторожны! Именно с нее мой отец упал и раскроил себе голову. Вообще-то, заниматься подобной акробатикой в восемьдесят два года – это...

Людovic поколебался, но тем не менее полез наверх, думая о старике, обожавшем свои фильмы до такой степени, что умер из-за них. Поднявшись настолько высоко, насколько смог, Людovic продолжил отбор. Позади «Письма из Кремля», в невидимом поначалу ряду, он обнаружил черную коробку без этикетки. Пытаясь сохранить равновесие, достал ее, открыл. Внутри оказался короткометражный (судя по диаметру бобины) фильм – десять, максимум двадцать минут проекции. Возможно, это фильм потерянный, забытый, уникальный, а новому владельцу так и не удалось его опознать. Людovic спустился, держа в руках коробочку, положил ее на стопку из девяти уже отобранных культовых фильмов. Именно такие анонимные картины делают просмотр особенно занимательным.

Он повернулся к наследнику коллекции, изо всех сил стараясь казаться спокойным, хотя сердце забилось сильнее:

– К сожалению, бóльшая часть ваших фильмов ничего особенного собой не представляет. Все как везде, стандартный набор. А кроме того... вы чувствуете, чем пахнет?

– А чем пахнет?

– Уксусный такой запах – ощущаете? Пленка уже затронута кислотой, короче, ей грозит гибель. Причем скоро.

Молодой человек шагнул вперед и втянул носом воздух.

– Вы уверены?

– Более чем уверен. И готов избавить вас хотя бы от этих десяти коробок. Тридцать пять евро за штуку, идет?

– Полсотни.

– Сорок.

– Ладно, согласен...

Людовик подписал чек на четыреста евро, протянул Шпильману. Отъезжая, он увидел машину с французскими номерами, водитель которой искал место для парковки.

Тоже, наверное, покупатель. Слетаются вóроны.

Людовик вышел из своей личной проекционной и, не забыв захватить из холодильника бутылку пива, выбрал одно из обитых искусственной кожей двенадцати кресел в стиле пятидесятых. Он купил эти кресла, когда закрыли маленький кинотеатр «Рекс», который находился в двух шагах от его дома, оборудовал на вид такой же, как там, кинозал в подвале дома и окрестил этот кинозал «мое карманное кино». Откидные сиденья, невысокие подмости, экран из специальной ткани со стеклянными микросферами, проектор Tri-Film Heurtier, рассчитанный на узкую пленку, – здесь было все. Да, в сорок два года у него было все, чего хотелось, кроме подруги, которую он обнимал бы во время просмотра «Унесенных ветром». Подруги не было, и пока что поиски ее на этих чертовых сайтах знакомств приводили только к неудачам или в лучшем случае к мимолетным интрижкам.

Было почти три часа ночи. Перекормленный шпионскими и военными кадрами, он завершил свой нескончаемый сеанс неведомо каким чудом сохранившейся безвестной короткометражкой. На вид это явно была копия, но такие вот безымянные фильмы иногда оказывались истинными сокровищами, а если повезет, то и утерянными шедеврами знаменитых кинематографистов: Мельеса, Уэлса, Чаплина. Людовик – как истинный коллекционер – очень любил помечтать. Когда он высвободил ракорд бобины, чтобы засунуть его в проектор, оказалось, что на ленте написано: «50 кадров в секунду». Такое редко увидишь, обычная-то скорость – 24 кадра в секунду, этого вполне достаточно, чтобы создать на экране иллюзию движения. Он пожал плечами и переключил скорость воспроизведения проектора, чтобы увидеть все так, как было задумано автором. Не хватало еще смотреть фильм замедленно...

Очень скоро белизна экрана уступила место темному мутному изображению. Никакого названия, никаких титров. Только внезапно появившийся в правом верхнем углу экрана на том же мутно-темном фоне белый кружок. Людовик сначала даже подумал, что это дефект пленки, так нередко бывало со старыми бобинами.

И тут начался фильм.

Пытаясь подняться из подвала на первый этаж, Людовик свалился

мешком.

Он больше ничего не видел, даже с включенным светом.

Он ослеп.

Резкий телефонный звонок – и сон Люси Энебель как рукой сняло. Она встрепенулась в кресле, схватила мобильник:

– Алло...

«Алло» прозвучало тускло. Люси глянула на часы – всего-то полпятого утра, даже четыре двадцать восемь. Посмотрела на Жюльетту с воткнутой в правую руку иглой – дочери круглосуточно капали раствор глюкозы: вроде бы девочка сладко спит.

А голос с той стороны дрожал:

– Алло-алло, кто это?

Люси откинула назад длинные светлые волосы, она еле сдерживалась: только-только удалось заснуть, ей-богу, странное время для розыгрышей.

– Вообще-то, представиться следовало скорее вам! Вы знаете, который час?

– Людовик... это Людовик Сенешаль... А это... это Люси?

Она тихонько вышла из комнаты в больничный коридор, освещенный лампами дневного света, зевнула, одернула пижамную рубашку – надо же выглядеть поприличнее. Вдали слышался плач новорожденных, казалось, плач этот стелется вдоль стен. Тишина в педиатрическом отделении – не более чем химера.

На то, чтобы разобраться, кто это звонит посреди ночи, понадобилось несколько секунд. Людовик Сенешаль?.. А-а, они пересеклись на сайте знакомств, после нескольких недель непрерывных разговоров в чате встретились в одном из лильских кафе и в конце концов расстались из-за того, что «не сошлись характерами». Их хватило тогда всего на семь месяцев.

– Людовик? Ты? Что случилось?

Люси услышала звон стекла – как будто стакан, упав на пол, разбился.

– Необходимо, чтобы кто-то ко мне приехал. Надо, чтобы...

Он задыхался, еле выговаривал слова, – похоже, его охватила паника. Люси постаралась успокоить собеседника, предложила говорить тише: может, так будет легче.

– Не знаю, что случилось, Люси! Я был в своем «карманном кинотеатре», смотрел фильм и... Послушай, послушай, я больше ничего не вижу. Я включил полный свет, но это не помогло. Думаю, это... думаю, я ослеп. И номер набрал случайный, даже не набирал – просто ткнул куда

попало...

Ну да, конечно, это вполне в духе Людовика Сенешаля – смотреть кино в четыре утра! Потирая ноющую поясницу, Люси принялась ходить туда-сюда вдоль широкого окна во двор, где располагалась группа клиник Лилльского университетского медицинского центра. Господи, как спину-то ломит – наверняка из-за этого чертова кресла с его дурацкой спинкой! Впрочем, и тело в тридцать семь лет куда как менее выносливо, чем раньше.

– Сейчас пришлю тебе «скорую».

Наверное, Людовик ударился головой. Травма черепа или рваная рана способны спровоцировать такую симптоматику, и осложнение может стать фатальным.

– Пощупай голову и оближи пальцы – убедись, что нигде не кровит. Ну, что нет крови ни на голове, ни на висках, что из носа кровь не течет. Если кровь есть, приложи лед, замотай полотенцем. «Скорая» привезет тебя в одну из здешних клиник, и я смогу тебя навестить. Только не вздумай ложиться, оставайся на ногах. Адрес у тебя тот же?

– Да. Пожалуйста, скорее! Пожалуйста!

Она отключилась и рванула в приемный покой отделения скорой помощи, где попросила отправить к Людовику машину. В эти июльские отпускные дни события разворачивались слишком уж круто. Ее восьмилетняя дочка только что подцепила вирусный гастроэнтерит. Такого почти никогда не случается в разгар лета, просто жуткая невезуха... И эта болезнь – прямо как торнадо! Налетела на девочку – и вот тебе всего-то за двадцать часов полное обезвоживание! А Жюльетта при этом не может есть, не может пить – даже воды глотнуть не может. Врачи говорят, что бедняжке придется долго лежать в больнице, нужен покой, тщательный уход и искусственное питание. Ну и малышка не смогла поехать с сестрой Кларой в свой первый летний лагерь, а близнецы так тяжело переносят разлуку...

Люси облокотилась на подоконник. Глядя на вращающийся на крыше машины «скорой помощи» проблесковый маячок, она думала, что хоть в центральном комиссариате, хоть вне его, хоть во время отпуска, хоть в рабочее время жизнь всегда найдет способ одарить ее полной мерой дерьма.

Несколькими часами позже в двухстах километрах от Лилля глава Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности Мартен Леклерк вглядывался в трехмерное изображение человеческого лица на экране «мака». Он ясно видел мозг и еще несколько приметных зон: кончик носа, наружную поверхность правого глаза, козелок левой ушной раковины... Указывая на зеленое пятно, расположенное в верхней извилине левой височной доли мозга, Леклерк спросил:

– Стало быть – что? Оно появляется каждый раз, как я с тобой заговариваю?

Одетый в шапочку со ста двадцатью восемью электродами комиссар Франк Шарко, полулежа в гидравлическом кресле, глядел в потолок и не шевелился.

– Это центр Вернике, его задача – восприятие услышанного. Что у тебя, что у меня: стоит прозвучать чьему-то голосу – туда приливает кровь. Оттого там и появляется цветное пятно.

– Впечатляет...

– Не больше, чем твое присутствие здесь, рядом со мной. Может, ты и не помнишь, Мартен, но я приглашал тебя к себе выпить по стаканчику. Именно к себе. Потому что здесь, кроме их гнусного пойла, называемого «кофе», никому ничего не светит.

– Слушай, твой психиатр ничего не имел против того, чтобы я присутствовал на сеансе, да ты и сам мне это предложил. У тебя что, провалы в памяти?

Шарко опустил на металлические подлокотники кресла большие ладони, и обручальное кольцо звякнуло. Сколько уже недель продолжаются эти сеансы ремонта его мозгов, а ему так и не удастся расслабиться.

– Ну а чего ты хочешь-то? Зачем пришел?

Глава Центрального управления выглядел усталым, потирал пальцами виски. За двадцать лет, которые эти двое проработали в аппарате министерства внутренних дел, черных дней было немало, и они не раз видели друг друга в более чем паршивом состоянии. Когда случались особенно ужасные преступления, когда происходило что-то нехорошее в семье и когда возникали проблемы со здоровьем.

– Дело было два дня назад. В какой-то дыре между Гавром и Руаном. Нотр-Дам-де-Граваншон, ничего себе названьице, верно?.. Да ты наверняка

слышал в теленовостях о трупах, вырытых на берегу Сены...

– Что-то такое, связанное со стройкой, с прокладкой трубопровода?

– Ну да. Представляешь себе, сколько радости для журналюг? Они уже были там из-за стройки, понаделавшей шума, и вдруг – такой подарок... В общем, в этой самой дыре обнаружено пять трупов с распиленными черепами. Руанская полиция в содружестве с местной жандармерией занялась этим делом, тамошний прокурор собрался было отправить туда ребят из аналитической группы<sup>[1]</sup>, но не вышло: дело в конце концов передали нам. Честно говоря, меня, в отличие от журналюг, все это совершенно не радует: лето только началось – и на тебе, такая мерзость.

– А Девуаз что?

– Увяз в одном деликатном деле, требующем особого внимания, не могу его отрывать. А Бертоле в отпуске.

– Можно подумать, я не в отпуске!

Леклерк поправил узкий галстук в полоску. За плечами полвека, на плечах костюм из синтетики, обут в начищенные башмаки, лицо осунувшееся, с резкими чертами – сразу видно: большая шишка из уголовной полиции во всем своем великолепии...

Лоб начальника Центрального управления покрылся испариной, и он вытер платком капельки пота.

– Ты единственный, кто сейчас на месте. И потом, они там с женами, с детьми... Черт, ну ты же сам знаешь, как это бывает...

Они замолчали, и тишина повисла какая-то свинцовая. Жена, дети... Мячики на пляже, смех, теряющийся в волнах... Все это теперь так далеко, так туманно... Шарко повернул голову к монитору, на котором демонстрировалась активность его мозга в реальном времени, его мозга – старого, пятидесятилетнего органа, переполненного мраком. Двинул подбородком, призывая Леклерка следовать в направлении его взгляда. Несмотря на то что слов не прозвучало, слева, наверху височной доли, высветилась зеленая зона.

– Знаешь, почему светится? Потому что сейчас, вот прямо сейчас, она говорит со мной...

– Эжени?

Шарко кивнул. Леклерк почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Увидишь, как мозг твоего комиссара реагирует на слова, когда мимо даже муха не пролетала, – невольно покажется, что в комнате, где-то совсем рядом с тобой, призрак.

– Ну и что же она тебе говорит?

– Она велела, чтобы в следующий раз, когда пойду за продуктами,

купил соус-коктейль и засахаренные каштаны. Она обожает эти дурацкие засахаренные каштаны. Прости, еще пара секунд...

Шарко закрыл глаза, сжал губы. Он везде, всегда видит Эжени и слышит ее. На сиденье своего старенького «Рено-21». Ночью, когда ложится спать. Сидящую по-турецки и наблюдающую, как маленькие вагончики ездят по рельсам. Два года назад Эжени часто показывалась в компании негра по имени Вилли, не выпускавшего изо рта «Кэмел» или сигарету с марихуаной. Зараза куда хуже девочки, этот негр был совершенно уже невыносимым, потому что орал как резаный и все время размахивал руками. Лечение помогло, но частично: антилец пропал, зато девчонка так и приходит постоянно, неистребимая, как вирус.

Зеленая зона на экране «мака» продолжала светиться еще несколько секунд, потом начала постепенно гаснуть. Шарко снова открыл глаза и посмотрел на шефа с усталой улыбкой:

– А ведь ты, старина, наслушавшись, какую чушь несет твой комиссар, в конце концов пошлешь его куда подальше...

– С чего бы? Это тебе ничуть не мешает, ты вполне справляешься с работой и распутываешь любые дела. Я бы даже сказал, что иногда у тебя получается лучше прежнего.

– Скажи это лучше Жослену, угу? А то наш общий шеф совсем уже меня затрахал. Такое ощущение, будто он только и мечтает, чтобы я подох.

– Ну, с начальниками всегда так: новая метла чисто метет, главное – навести порядок, остальное не считается.

Явился наконец профессор Бертовски из психиатрической службы Сальпетриер, а с ним – его нейроанатом.

– Ну что, месье Шарко, начнем?

Месье Шарко... С тех пор как он узнал, что слово «Шарко» – часть названия болезни, при которой последовательно отмирают все мышцы, собственная фамилия стала казаться ему странной. Да-да, так ведь и называется «болезнь Шарко». Как будто все болезни в мире случаются по его вине.

– Начнем...

Бертовски порылся в папке с историей болезни – он не расставался с этой папкой.

– Судя по тому, что я здесь вижу, характерные для паранойи эпизоды с бредом преследования стали очень редкими. Сохранились, правда, следы подозрительности, но в целом результат превосходный, превосходный... А как у нас с видениями?

– Бывают, и помногу. Не знаю, может быть, потому, что я сижу



взаперти в своей квартире, но ни дня не проходит без визита Эжени. Большой частью девчонка задерживается у меня всего на две-три минуты, тем не менее вынести ее просто невозможно! И одному Богу известно, сколько килограммов засахаренных каштанов она заставила меня купить с прошлого раза.

С Шарко стали снимать шапочку с электродами, и Леклерк предпочел отступить вглубь комнаты.

– Что – много стрессов в последнее время? – спросил врач.

– Да нет, в основном – жара.

– Ваша профессия не способствует лечению. Нам стоило бы сократить промежутки между сеансами. Думаю, каждые три недели – это будет отличное компромиссное решение.

Закрепив голову Шарко двумя белыми лентами, нейроанатом подвел к его макушке инструмент в форме восьмерки: с помощью этого инструмента магнитные волны направлялись в определенный участок головного мозга. Прицел был на нейроны, которые сами, словно микромагниты, реагировали на приближение «восьмерки» и выстраивались в другом порядке. Транскраниальная магнитотерапия позволяла если не искоренить совсем галлюцинации, вызываемые шизофренией, то хотя бы резко снизить частоту их появления, но главная трудность для врача состояла здесь в том, чтобы найти правильное место. Зона, куда следовало направлять магнитную волну, занимает на черепе всего несколько квадратных сантиметров, а ошибка в один-единственный миллиметр способна привести к тому, что пациент *ad vitam aeternam*<sup>[2]</sup> будет мяукать или воспроизводить алфавит наоборот, от конца к началу.

Шарко полулежал с повязкой на глазах, все, что от него сейчас требовалось, – не шевелиться. Теперь единственным, что слышалось в комнате, было потрескивание, с каким исходили из генератора короткие импульсы магнитного поля с частотой в один герц. Шарко не ощущал ни малейшей боли, эта магнитотерапия даже не казалась ему неприятной, только при мысли о том, что десять лет назад для лечения того же назначались сеансы электрошока, делалось страшно.

Все прошло без проблем. Еще тысяча двести импульсов – что-то около двадцати минут, – и полицейский встал. Тело малость затекло, но это ничего, это скоро пройдет. Он поправил безупречную сорочку, провел рукой по стриженным ежиком темным волосам. Надо же так вспотеть... Впрочем, при такой жаре и с избытком веса, неизбежным, если принимаешь зипрексу<sup>[3]</sup>, неудивительно. Сейчас, в начале июля, когда

температура снаружи зашкаливает, даже кондиционеры работают с трудом.

Он записал дату следующего сеанса, поблагодарил психиатра и вышел из кабинета.

Леклерка он обнаружил в конце коридора у кофейного автомата. Несколько минут наблюдения за процедурой оказались для начальника управления по борьбе с преступлениями против личности тяжелым испытанием, ему захотелось курить.

– Сногшибательно в буквальном смысле – видеть, что они вытворяют с твоей черепушкой!

– Обычное дело. Для меня это все равно... все равно что сидеть под сушкой в парикмахерской.

Шарко улыбнулся и поднес к губам пластиковый стаканчик.

– Ну давай, выкладывай. Расскажи о деле подробнее.

Они медленно двинулись к выходу.

– Пять жуткого вида трупов, зарыты на двухметровой глубине. По первому впечатлению четверых уже хорошенько обглодали черви, но пятый в относительно приличном состоянии. У всех отсутствует верхушка черепа – как будто отпилили.

– И что они сами там думают насчет всего этого?

– А ты как считаешь? Провинциальный городок, в котором, должно быть, самое серьезное правонарушение – не рассортировать как положено мусор. Тела были захоронены несколько недель, если не месяцев назад, никто ничего не видел и не слышал, расследование обещает быть сложным, и, думаю, в команде не помешает психолог, аналитик поведения. Ты будешь делать все как обычно, не больше и не меньше. Соберешь информацию, встретишься с нужными людьми, со всем остальным управимся из Нантерра. Всех делов дня на два, на три. После чего ты сможешь заняться своими вагончиками или чем угодно, а я... я сделаю то же самое. Не хочу растягивать это надолго, мне в ближайшее время нужно сматываться.

– Вы с Катей собираетесь в отпуск?

Леклерк поджал губы:

– Пока не знаю. Это зависит от...

– От чего?

– От многих обстоятельств, которые касаются меня одного.

Шарко промолчал. Когда друзья вышли за двери клиники, их обдало волной горячего воздуха. Комиссар, сунув руки в карманы льняных брюк, обернулся и посмотрел на длинное здание из белого камня, на купол, сверкающий под безжалостным солнцем. Здание, которое в последние годы стало для него вторым, после рабочего кабинета, родным домом.

– Знаешь, я побаиваюсь возвращаться к работе. Так уже все это далеко...

– Ничего-ничего, ты быстро восстановишься.

Шарко помолчал еще немножко, казалось взвешивая все за и против, и пожал плечами:

– Ладно, хрен с ним! Я настолько прилип к креслу задницей, что она уже сама принимает форму кресла. Скажи им, что буду на месте ближе к вечеру.

Когда врач из «скорой», который занимался в клинике Салангро Людовиком Сенешалем, подошел к Люси, она как раз допивала кофе. Эскулап был высоким брюнетом, с тонкими чертами лица и великолепными зубами, в других обстоятельствах она бы наверняка на него запала – ее тип мужчины. На кармашке чересчур свободного для этого стройного красавца халата Люси прочитала: «Доктор Л. Турнель».

– Так что с ним, доктор?

– Никаких ранений, ничего похожего на кровоподтек, стало быть – ничего указывающего на травму. Офтальмологическое исследование не обнаружило ни малейшей патологии. Глазное дно в порядке, глазные яблоки подвижны, фотомоторные рефлексы нормальные, зрачок сокращается как положено. Но при этом Людовик Сенешаль ничего не видит.

– Тогда что же это за странная болезнь?

– Мы проведем более полное обследование, особенно надеемся на МРТ – вдруг покажет опухоль мозга.

– Разве от опухоли слепнут?

– Если она распространяется на зрительную хиазму, то слепнут.

Люси с трудом сглотнула. Людовик стал для нее всего-навсего далеким воспоминанием, но все-таки она разделила с ним семь месяцев жизни.

– А это можно вылечить?

– Зависит от величины опухоли, от ее расположения, от того, злокачественная она или доброкачественная. Я предпочел бы не ставить диагноз до сканирования. Если хотите, можете навестить вашего друга, он в палате двести восемь. – Прежде чем быстрым шагом удалиться, доктор пожал ей руку. Рукопожатие оказалось крепким.

Люси не хватило мужества одолевать ступени лестницы, и она решила подождать лифт. Две бессонные ночи в педиатрии, две ночи с плачем и рвотой, совершенно ее опустошили – не осталось ни капли энергии. К счастью, днем приходила мать и отпускала ее, чтобы она могла хоть немножко поспать.

Она тихонько постучала в дверь и зашла в палату. Людовик лежал на кровати, уставившись в потолок. Люси почувствовала комок в горле: Сенешаль совсем не изменился... Конечно, еще маленько облысел, но лицо такое же круглое и мягкое, какое ей приглянулось, когда она впервые его

увидела на сайте знакомств. Лицо сложившегося человека.

– Людовик, это я, Люси...

Он, услышав голос, повернул голову, но взгляд его оказался направлен не на нее – на стену напротив. Люси поежилась, растерла плечи. Людовик попытался улыбнуться:

– Можешь подойти ближе. Я не заразный.

Люси сделала несколько шагов и взяла его за руку:

– Все будет хорошо.

– Как странно, что набрался именно твой номер, а? Ведь мог бы получиться любой другой...

– И еще более странно, что я оказалась именно там, где нужно. Больница для меня сейчас – просто дом родной.

Она рассказала Людовику о болезни Жюльетты. В те семь месяцев Сенешаль виделся с близняшками, и девочки сильно к нему привязались. Люси чувствовала, что нервничает все больше и больше, никак не выходила из головы мысль об этом ужасе, об опухоли, которая, возможно, зреет в голове ее бывшего.

– Они найдут, они разберутся, что с тобой такое.

– Они говорили тебе об опухоли, верно?

– Это просто гипотеза.

– Нет там никакой опухоли, Люси! Все дело в фильме.

– В каком фильме?

– Ну в том... с маленьким белым кружочком. В том, который я вчера нашел у одного коллекционера. Он был...

Люси заметила, что Людовик вцепился в простыню.

– Он был очень странный, этот фильм.

– Что значит «странный»?

– Странный – и все! До того странный, что я из-за него ослеп, черт побери, тебе мало?

Теперь он кричал. И дрожал. И, нащупав руку Люси, крепко за нее ухватился.

– Я уверен, что прежний владелец пришел на чердак именно за этим фильмом. И раскроил себе череп, свалившись со стремянки. Что-то должно было произойти, чтобы старику позарез понадобилось лезть черт знает куда ради какой-то короткометражки.

Люси чувствовала, что он на грани, а ей всегда было невыносимо видеть близких, друзей в отчаянии.

– Пожалуй, посмотрю-ка я сама эту короткометражку.

Он покачал головой:

– Нет-нет, я не хочу, чтоб и ты...  
– Чтобы я тоже ослепла? Что за ерунда! Как можно ослепнуть оттого, что увидишь изображение на экране, объясни!

В ответ – молчание.

– Бобина осталась в проекторе?

Еще немного помолчав, Людовик уступил:

– Да. Нужно будет только проделать кое-какие операции, но я тебе их показывал. Помнишь?

– Да... Кажется, это было, когда мы смотрели «Прикосновение зла»...

– «Прикосновение зла»... Орсон Уэллс...

Людовик горестно вздохнул и вроде как забылся. По щекам покатались слезы. Потом он ткнул пальцем в пустоту:

– На тумбочке должен быть мой бумажник, а в нем – визитные карточки. Найди визитку Клода Пуанье. Он реставрирует старые фильмы, и я хочу, чтобы ты отнесла ему бобину. Пусть посмотрит, ладно? И хорошо бы узнать, откуда могла взяться эта короткометражка. Да, возьми там, в бумажнике, еще вырезку из газеты, объявление – в нем есть адрес и номер телефона сына коллекционера. Парня зовут Люк Шпильман.

– Ну и что ты хочешь, чтобы я сделала с этой вырезкой?

– Просто оставила у себя. Забери все. Ты хочешь мне помочь, Люси? Вот и помоги.

Теперь замолчала и вздохнула Люси. Потом взяла с тумбочки бумажник Людовика, достала из него визитную карточку и объявление.

– Сделано.

Казалось, он успокоился. Сел, спустив ноги с кровати.

– А ты-то сама как живешь, Люси?

– Как всегда. Ничего нового. Убийств и нападений меньше не становится, и безработица полицейским не грозит...

– Мне хотелось поговорить о тебе, а не о твоей работе.

– Обо мне? Ну-у...

– Ладно. Потом поговорим.

Сенешаль протянул Люси ключи от дома и сильно сжал ее запястье. Люси вздрогнула, когда Людовик поглядел ей прямо в глаза, приблизив лицо так, что между ними осталось едва ли больше десяти сантиметров.

– Берегись этого фильма!

В Нотр-Дам-де-Граваншон – середина дня... Этот хорошенький городок затерялся на просторах департамента Сен-Маритим, здесь симпатичные лавочки, здесь спокойно, много зелени, поля – сколько видит глаз... если, конечно, посмотреть с нужной стороны. Потому как меньше чем в километре к юго-западу берег Сены загроможден чем-то вроде огромного стального корабля, испускающего такую вонь и такой серый дым, что даже небо над ним обесцветилось.

Шарко пошел в направлении, указанном лейтенантом полиции, – самого лейтенанта он надеялся встретить там, на месте. Пусть даже трупы накануне унесли (полицейским потребовались целые сутки, чтобы вытащить их из-под земли, не оставив собственных следов на месте преступления, в таких случаях работаешь прямо как археолог), комиссару хотелось восстановить, как все шло с самого начала. С отправной точки. Он был на грани нервного срыва, три часа пути под солнцем его измучили, тем более что уже несколько лет он почти не садился за руль. Ездил на скоростном метро: когда по линии А – Шатле – Нантерр, когда по линии В – Бур-ла-Рен – Шатле – Лез-Аль.

Но вот наконец указатель. Шарко свернул, закупорил окна, включил кондиционер на полную мощность – и двинул через промышленную зону Пор-Жером. Однако, несмотря на все предосторожности, чувствовалось, что воздух какой-то липкий, что пахнет металлическими опилками и кислотой. Здесь, надежно спрятавшись среди красот природы, крупнейшие промышленные компании мира создали и поделили между собой империю горючего и технических масел. Нефтехимический концерн «Тоталь», американская корпорация «Эксон Мобил», французская компания «Эр Ликид» – она производит технические газы... Комиссар проехал по скопищу труб добрых два километра, пока наконец не вырвался на более спокойный участок дороги, еще не освоенный индустриальными монстрами.

Пейзаж тут был бы вполне ничего, если бы не замершие бульдозеры. Шарко припарковался чуть в стороне от стройплощадки, вышел из машины, поправил воротничок сорочки. К черту пиджак!.. Бросил его на сиденье рядом со спортивной сумкой, где было все, что могло понадобиться в гостинице, размял ноги, отметив хруст в коленке, когда сгибал и разгибал ее.

– Господи боже мой...

Надев солнцезащитные очки, у которых одна из дужек была кое-как склеена, комиссар осмотрелся. Справа – Сена, слева – деревья, позади – промышленная зона. Впечатление полной заброшенности. Ни единого дома, только пустые дороги и невозделанная земля. Как будто тут все вымерло, все выжжено небесным огнем.

Перед ним – чуть ниже – чесали языки два или три человека в касках. У их ног земля разверзлась, огромная рыжевато-коричневая, поделившая ее надвое рана протянулась на километры вдоль реки, и сходились края этой раны только там, где вяло трепыхались на ветру черно-желтые ленты, какими полицейские огораживают место преступления от зевак. Пахло разогретой глиной и сыростью.

Комиссар сразу заметил ожидавшего его руанского коллегу – а как не заметить, если кобура на поясе просто-таки бросается в глаза? Парень был одет в джинсы на бедрах, черную футболку с коротким рукавом, на ногах – старые полотняные туфли. Высокий, сухощавый, черноволосый, хорошо, если ему двадцать пять или двадцать шесть стукнуло, он разговаривал с кинооператором и еще каким-то существом, напоминавшим журналистку. Шарко поднял очки, примяв ими ежик на голове, достал служебное удостоверение и протянул лейтенанту полиции:

– Вы и есть Люка Пуарье?

– А вы – аналитик из Парижа, профайлер? Приятно познакомиться.

Входить в подробности и объяснять, что его работа, в общем, имеет мало общего с занятиями профайлеров? На это могут уйти часы.

– Зовите меня Шарко. Или Шарк. Без званий.

– Сожалею, комиссар, но вот этого не могу.

Подошла журналистка:

– Комиссар Шарко, нас предупредили о вашем прибытии и...

– Рискую показаться невежливым, но предложу вам и вашему спутнику с камерой отправиться куда подальше...

Парижанин посмотрел на девушку таким мрачным взглядом, каким только умел. Он не выносил журналюг. Девушка чуть отступила, но все-таки попросила оператора хоть немножко поснимать. Возможно, им и удастся слепить какой-нибудь сюжетец, подкрепив текст видами разлома. Плюс к этому станут твердить как попугаи, что к делу подключен командированный из Парижа профайлер, – чем не сенсация.

Шарко отодвинул телевизионщиков взглядом и обратился к Пуарье:

– Не знаете, номер в гостинице забронирован? Кто у вас этим занимается?



– Ну-у... Не знаю. Наверное...

– Мне хотелось бы большой. И с ванной.

Пуарье кивнул, соглашаясь; так всегда было с людьми, у которых Шарко что-то просил, – комиссар неизменно внушал уважение.

– Ладно... Не будем терять времени. Объясните, что здесь и как, – снова оглядев окрестности, сказал он лейтенанту.

Молодой человек засосал добрую половину бутылочки воды, которую держал в руке, потом широким жестом обвел владения компании модульных конструкций «Алжеко», находившиеся чуть в стороне.

– Траншеи начали рыть в прошедшем месяце. Здесь прокладывают трубопровод, который позволит переправлять все виды химической продукции с заводов Гонфревиля к очистительным сооружениям. Туда, ниже по течению. Не меньше тридцати километров зарытых в землю труб. Ну и вот, им оставалось раскопать всего пятьсот или шестьсот метров, но, когда они обнаружили то, что обнаружили, работы были приостановлены. Видели бы вы, как они разозлились, – словами не описать!..

Немного подальше мужчина в костюме и галстукe – вероятно, начальник строительства трубопровода – ходил туда-сюда, прижимая к уху мобильный. Такого рода открытие, какое выпало на его долю, – последнее, чего можно было ожидать. И даже если этот несчастный ничего не может поделать, отчитаться перед финансистами ему придется непременно.

Шарко вытер платком лоб. Когда он поднял руку, стал виден темный круг под мышками. Пуарье двинулся вперед.

– Рабочие нашли их вон там. Пять трупов, зарытых на глубину два метра. Бульдозерист не успел особенно повредить останки: едва увидев, что показалась мертвая рука, он остановил машину.

Комиссар пролез под черно-желтые ленты и подошел к краю глубокой траншеи. Отвернулся, сморщив нос. Сопровождавший его Пуарье вообще все лицо прикрыл футболкой.

– Ага, малость еще пованивает. Они там варились в собственном соку, и жара-то ведь тоже поспособствовала... Не сомневайтесь: судмедэксперт и ученые ребята-криминалисты развлекаются теперь вовсю.

Комиссар сделал глубокий вдох и наклонился над траншеей, рассматривая дно.

– Кто они, эти люди? Мужчины, женщины, дети? С возрастом хоть что-то уже понятно?

– Они мужчины, антрополог – я сведу вас с ним – подтвердит. Состояние четырех жертв плачевное, тела практически распались на части: влажность почвы и близость Сены ускорили разложение, теперь это почти

что скелеты. Я говорю «почти», потому что на костях остались ошметки сгнившей плоти, выделения, в общем, короче, вы...

– Погодите, а пятый труп?

Пуарье снова нервно схватился за бутылку с водой. Под футболкой он был весь мокрый, по лбу катились капли пота, кожа исторгала из себя воду и соль.

– Тоже мужской, относительно сохранный. Ну... если можно так сказать. Тела над и под ним создали что-то вроде изолирующей прокладки...

– Был под трупами или рядом брезент или какая-либо другая упаковка?

– Нет. И одежды на них тоже не было. Совершенно голые. Что касается того парня, который лучше других сохранился, ему... у него часть тела ободрана. Руки, грудь. Я видел это своими глазами, ужас что такое... Как очищенный апельсин. Вы даже представить себе не можете...

Представить себе он мог.

Комиссар вздохнул. Вроде бы запахло висяком. Досье со всеми этими пикантными подробностями пополнит уже имеющуюся в Нантерре кучу, и ничего-то ему, этому досье, не светит, кроме того, что время от времени его без всякой пользы прокрутят в очередном компьютере.

Шарко протянул лейтенанту руку:

– Помогите мне спуститься.

Полицейский повиновался. Парижанину показалось, что этот мальчик за время своей недолгой карьеры успел уже навидаться слишком многого. Небось увяз уже, бедняга, и невредимым теперь вряд ли выберется. Все мы движемся одним путем, по одним рельсам – тем, что ведут в пропасть и не дают подняться. Потому что эта чертова профессия тебя пожирает, переваривает с потрохами.

Оказавшись на дне траншеи, комиссар выпустил руку Пуарье. Отряхнул тыльной стороной кисти с рубашки землю. Тут воняло, как в морге, солнце скрылось, и зловреднее здешней жары и духоты было не придумать. Шарко присел на корточки, пощупал землю. Ее уже просеяли, чтобы не пропустить ни малейшей улики – ни косточки, ни хрящика, ни куколки насекомого. Да, местные криминалисты хорошо поработали. Он выпрямился, осмотрел коричневые стены. Два метра глубины, это сколько ж надо было рыть, чтобы засунуть сюда трупы... Старательный, однако, убийца.

– Шеф говорил мне, что черепа наполовину отрезаны.

Пуарье наклонился к нему. Капля пота скатилась с его лба и упала в

траншею.

– Действительно отрезаны, и пресса тут же налетела – а как же, сенсация ведь для таблоидов. Все теперь только и говорят о серийном убийце, о маньяке. Верхние части черепов не найдены. Их нет. Исчезли бесследно.

– А мозг?

– Внутри черепов пусто. То есть нет, конечно, там земля. Но кажется ведь, мозг и глаза первыми разрушаются и полностью исчезают после смерти... В общем, судмедэксперт продолжает исследовать эти черепа, так что пока ничего не известно.

Лейтенант высунул язык и вылил на него последние оставшиеся в бутылке капли воды.

– Чертова жарница!

Раздавил в кулаке бутылку. Похоже, нервы его были на пределе.

– Послушайте, комиссар, а что, если нам наконец уйти отсюда? Я вон уже сколько часов тут парюсь, давно пора свежего воздуха глотнуть. Мы можем поговорить по дороге, мне же все равно ехать с вами.

Шарко огляделся в последний раз. На сегодняшний день тут ничего больше не увидеть, и никаких открытий не ожидалось. Наверное, фотографии места преступления, крупные планы или аэрофотосъемка окрестностей, если таковая имеется, скажут ему гораздо больше.

– Какие-то особенности у тел обнаружились? Зубы, часом, не вырваны?

Молчание. Обалдевший от пронизательности парижанина юнец кивнул:

– Вы правы. Ни единого зуба. И кисти рук отрублены. А как вы...

– У всех пятерых?

– Думаю, да... Я... Простите...

Лейтенант исчез из поля зрения Шарко. Тяжелый, конечно, выдался день у мальчика, да... Комиссар медленно пошел по дну траншеи. Там, вдали, видны эти два болвана с телевидения – вон они, явно снимают их трансфокатором. Точно, а теперь бочком-бочком к нанятой ради такого дела машине. Ну и привет!

Слава богу, он остался совсем один. Теперь можно, уставившись в пустоту, думать, думать, думать. Представлять себе их, пятерых, штабель из покойников... У одного содрана кожа – не везде, кое-где – почему? Зачем с ним обошлись иначе, чем с другими? А кожу содрали – до или после смерти? Вопросы, неизбежно возникающие, когда начинаешь разбираться в том, как все произошло, роились у него в голове. Были ли жертвы знакомы

между собой? Встречались ли они раньше со своим палачом? Все ли умерли в одно время? При каких обстоятельствах?

Шарко почувствовал дрожь, которая всегда охватывала его в начале расследования, – в это время возбуждаешься сильнее, чем когда-либо, и чувствуешь все куда более остро. Здесь разило смертью, бульдозерным горючим, сыростью, но он поймал себя на том, что ему все еще нравятся эти тошнотворные запахи, – надо же! В былые времена тьма и такой вот адреналин действовали на него буквально как наркотик. И не сосчитать было случаев, когда он возвращался чуть не к утру и видел, что Сюзанна уснула, свернувшись на диване калачиком, вся в слезах...

Франк ненавидел это свое прошлое, но ровно с такой же силой тосковал о нем.

Чуть подальше он заметил лестницу, прислоненную к стене траншеи, и смог легко по ней подняться. Метрах в тридцати от стройплощадки проходила асфальтированная дорога. Наверняка убийцы воспользовались ею, чтобы доставить сюда тела. Руанская полиция, должно быть, уже начала опрашивать всех тут поблизости – персонал завода или кого-то еще в этом роде, так, на всякий случай... Хм, судя по виду местности, коллеги, скорее всего, останутся ни с чем.

Подальше, на берегу Сены, сидел, прижав мобильник к уху, Люка Пуарье. Небось жене звонит – предупреждает, что может поздно вернуться. Скоро он ей даже и звонить насчет такого не будет: поздние возвращения и долгие отсутствия станут частью его ремесла. А еще позже, годы спустя, он поймет, подводя итоги, что при этой работе нужно сразу учиться жить одному со своими демонами, выпивать за жалкой оцинкованной стойкой и срывать на ком-нибудь зло, когда уже не вмоготу. Шарко вздохнул и показал руанцу знаком, что собирается ехать. Тот закончил разговор и подбежал к комиссару.

– А скажете – насчет зубов-то? Как вы догадались?

– Увидел. Вы что, забыли? Сами же сказали: я – профайлер!

– Смеетесь надо мной, комиссар...

Шарко улыбнулся мальчишке от всего сердца. Ему нравилась наивность этих ребятишек, нравилось простодушие, доказывавшее, что живет в них еще какая-то чистота, какой-то свет, которых не найти во все повидавших стариках – таких стреляных воробьях, как он сам.

– Преступник раздел убитых и захоронил их в рыхлой влажной земле, поблизости от воды, именно затем, чтобы ускорить разложение. Несмотря на то что место уединенное, непригодное для застройки, он опасался, что тела будут найдены, потому зарыл их так глубоко. Ну а коли уж он

соблюдал все эти меры предосторожности, он просто не мог оставить трупы опознаваемыми. Специалисты сейчас способны снять отпечатки пальцев даже у мумифицированных трупов, убийца, возможно, знал об этом, вот и перестраховался: без зубов и без кистей рук жертвы так и останутся анонимными.

– Не обязательно и не совсем анонимными! Даже из такого скудного биоматериала можно выделить ДНК.

– О, ДНК!.. Да-да, на это всегда можно надеяться.

Они сели в машину, Шарко включил зажигание и тронулся с места.

– Кому мне надо позвонить насчет номера? Помню, что уже говорил об этом, но повторяю еще раз: я хочу большой номер и непременно с ванной.

Людовик Сенешаль жил за ипподромом Марк-ан-Барёля, не приметного городка, притулившегося к Лиллю. Тихая улочка, кирпичный дом в современном стиле, маленький садик – такой, чтобы не проводить всю субботу за стрижкой газона. Люси с улыбкой взглянула на окно второго этажа. Там, в чистенькой спальне, они первый раз любили друг друга. Обычное дело для тех, кого сводит сайт знакомств, комплект деталей для сборки... Сначала встречаешься потехи ради, потом по-настоящему, потом ложишься в постель, а потом... потом посмотрим.

Она посмотрела. Людовик был хорош во всех отношениях: серьезный, внимательный, обладающий множеством других достоинств, но ему не хватало блеска, элегантности, да просто – выправки. А откуда? Если живешь как столетний дед, если никаких удовольствий, кроме кино: день проходит за сводками социального страхования, вечером – фильмы, а завтра все сначала... Да если к тому же у тебя явная тенденция предаваться мрачным мыслям, хандрить... Люси было очень трудно вообразить Сенешаля отцом своих близняшек, человеком, который стал бы подбадривать девочек на танцевальных конкурсах или кататься с ними на велосипеде.

Она вставила ключ в замочную скважину и только тут заметила: дверь – то открыта. Легко догадаться: Людовик впал в такую панику, что бросил все как есть. Она вошла, заперла за собой дверь. Внутри было просторно, обстановка в том же стиле, что и дом: современная. Именно такого пространства не хватало ей и ее дочерям. Но может быть, когда-нибудь...

Надо вспомнить дорогу в подвал. Киносеансы с пивом и попкорном, подсушенным в микроволновке, – это нечто незабываемое, вневременное.

Проходя через холл, она видела перевернутые стулья, разбитые вазы и очень ясно представляла себе: вот, перед тем как позвонить ей, совершенно слепой Людовик ощупью поднимается по лестнице, вот он идет, натываясь на все, что попадает на пути...

Люси сбежала по ступенькам и оказалась в «карманном кинотеатре». С прошлого года ничего не изменилось, все осталось на местах. Стены по-прежнему обиты толстой красной тканью, запах старых ковров, атмосфера семидесятых... Во всем этом было свое очарование. В белом луче проектора мерцал этот его знаменитый экран из специальной ткани с микросферами.

Она толкнула дверь крошечной проекционной. Там все еще горела мощная ксеноновая лампа и было жарко будто в печке. Казалось, все пространство заполнено стрекотом, приемная бобина крутилась впустую, в воздухе болтался свисающий кончик пленки. Люси, долго не раздумывая, ткнула пальцем в большую красную кнопку на блоке питания, мастодонте весом не меньше шестидесяти кило. Стрекот наконец прекратился.

Тогда она нажала на выключатель, и замигала неоновая лампочка. Стало видно, что в комнатке ужасный беспорядок: повсюду валяются пустые бобины, магнитофоны, афиши... Организованный бардак – вполне в стиле Людовика. Она попыталась вспомнить, как заряжают проектор, чтобы посмотреть фильм. Так, прежде всего надо поменять местами передающую и приемную бобины, закрепив каждую скобочкой на оси соответствующего барабана, потом проверить, совпадают ли перфорации пленки с зубчиками передающего устройства, и только тогда можно нажать на пуск... Кнопку перед ней оказалось чересчур много, так что простая на первый взгляд задача осложнилась, но все-таки ей повезло, она справилась, запустила машину – и вот уже магия света и человеческого глаза превращает последовательность малюсеньких разрозненных кадров в плавное движение.

И рождается кино.

Люси погасила свет, закрыла за собой дверь проекционной и спустилась на три ступеньки – в зал. Садиться не стала – так и стояла у задней стены, скрестив на груди руки. Эта пустая комната, эти двенадцать обитых зеленой искусственной кожей кресел – в них было что-то угнетающее. Как, впрочем, и в их владельце. Она уставилась на экран, ощущая все-таки нечто вроде боязни. Людовик говорил, что фильм странный, и теперь слеп... А если в этих изображениях есть что-то опасное, например... например, яркий свет, до того яркий, что и она может ослепнуть? Люси покачала головой: да что за ерунда! Полная ерунда! У Людовика наверняка опухоль мозга.

Луч света пронизал темноту, и перед Люси вспыхнул большой белый прямоугольник. Пошли кадры. Сначала экран был равномерно черным, потом – через пять или шесть секунд – в верхнем правом углу появился белый кружок. И в ту же минуту зазвучала оглушительная музыка – просто-таки стены задрожали. Веселенький мотивчик, из тех, что извергались в старину из недр каруселей на сельских праздниках. Люси улыбнулась, услышав шипение и потрескивание, которые ничем не забить: звуковой ряд совершенно точно был записан с древней сорокапятки или почище того – с фонографа.

Никаких титров, никакого названия. Центральную часть экрана заняло женское лицо: крупный план, вписанный в овал. Вокруг этого овала по-прежнему царили сумерки, словно все заволокло сероватым, почти черным туманом, – у киношников это вроде бы называется «каше». Ставят перед объективом какую-то штуку, ну и получается эффект, как будто смотришь через замочную скважину, этакий вуайеризм.

Люси решила, что актриса красива, а взгляд ее больших таинственных глаз гипнотизирует. Девушке на экране было лет двадцать, она смотрела прямо в объектив. Темная помада на губах, гладкие черные как смоль волосы убраны назад, один-единственный завиток на лбу, изящная, чистого рисунка шея. И можно догадаться, что на ней клетчатый жакет: верх немножко виден. Люси вспомнились семейные фотографии – она видела такие внутри строгих медальонов, хранившихся в старинных, времен бабушек-дедушек, шкатулках для драгоценностей. Юная актриса смотрела вроде как свысока, без улыбки, и напоминала роковых женщин из фильмов Хичкока. Вот губы ее задвигались, она что-то сказала, но беззвучно, а по губам Люси ничего прочесть не смогла. Потом в кадре появились два пальца – два мужских пальца, они спустились сверху и раздвинули веки на левом глазу девушки, и тут же ворвавшийся откуда-то слева и исчезнувший потом за правой границей кадра скальпель разрезал глаз надвое, и при этом гремела цирковая музыка, звякали цимбалы.

Сжав зубы, Люси отвернулась. Поздно. Увиденное хлестнуло ее слишком резко, и она разозлилась. Нет, она совсем не против ужастиков, даже наоборот – она с удовольствием смотрела такие фильмы, особенно в субботу вечером, но она ненавидела манеру некоторых режиссеров обрушивать на зрителя нечто невыносимое, не давая ему ни малейшего шанса избежать гнусного зрелища. Мерзость из мерзостей! Низко и подло так делать, считала Люси.

И вдруг звуки фанфар оборвались.

Воцарилась тишина – ни шороха, кроме тревожного жужжания проектора.

Люси, слегка уже не в себе, подумала, взглянув на экран: еще один подобный кадр – и надо прекращать этот дурацкий сеанс. Кровавых сцен хватает и в больнице скорой помощи!

Напряжение все возрастало, и теперь она чувствовала себя не так уверенно, как в начале просмотра.

От проектора к экрану по-прежнему тянулся световой конус. На полотне возникли подметки, затем башмаки, которым они соответствовали, шаг за шагом ушли вглубь кадра, и на экране осталось только небо,



ослепительное небо, которое подействовало на Люси успокаивающе. Потом появилась беленькая девочка в строгом костюме, она качалась на качелях и улыбалась во весь рот. Черно-белый эпизод, немой, хотя видно, что малышка что-то говорит. У девочки длинные волосы, почти наверняка золотистые, и вся она излучает сияние. Радужка глаз ловит солнечные лучи, тени деревьев пляшут на нежной коже. Освещение, ракурсы, пойманное объективом выражение лица ребенка – все это позволяло думать, что фильм снимали профессионалы. Иногда – нет, довольно часто – камера, подвижная камера (вероятно, оператор переходил с места на место, держа ее в руках), задерживалась на глазу малышки. Ясный, чистый, полный жизни глаз. Яблоко чуть подрагивает, зрачок расширяется и сужается, как диафрагма объектива. Белый кружок так и оставался в верхнем правом углу экрана, и Люси никак не удавалось забыть о нем. Не то чтобы ее привлекал этот кружок, скорее мешал, и почему-то, она сама не могла понять почему, по спине поползли мурашки. Все-таки сцена с порезанным глазом сильно ее потрясла.

Планы с девочкой шли теперь один за другим, но они стали большей частью очень короткими, и один, похоже, не имел никакого отношения к другому. Как во сне, когда сменяют друг друга обрывки видений, не привязанных ни к определенному пространству, ни к определенному времени. Иногда изображение словно бы подпрыгивало, но тут, может быть, дело было в качестве пленки. Камера металась от глаза девочки к качелям, от качелей к ручонке, играющей с муравьями. Вот крупный план жующего рта, потом сразу – поднимающиеся и опускающиеся веки. Вдруг – долгий, минуты на две, даже на три – общий план: девочка нежно ласкает двух сидящих в траве котят. Берет их на руки, прижимает к себе, целует. А в это время – Люси никак не могла понять, как это сделано, – все вокруг заволакивает туманом. Когда девочка бросает взгляд на камеру, она не играет никакой роли, она общинчески улыбается, она говорит с кем-то, кого хорошо знает. А потом приближается к камере и кружится. Кружится, кружится, кружится... И изображение на экране тоже начинает кружиться, будто аккомпанируя танцу, будто у оператора посреди этого тумана у самого закружилась голова.

Следующий эпизод. Во взгляде девочки опять что-то изменилось, теперь он полон глубокой, вековой печали. Невероятно мрачный кадр. Вокруг темной картинке, как и раньше, танцуя, стекает по экрану туман. Камера приближается, отступает, снова приближается, поддразнивая девочку, и та отталкивает объектив, протягивая вперед руки, – точно насекомое отгоняет. Люси, глядя на все это, чувствует себя не в своей

тарелке, чувствует себя лишней, как будто тайком подглядывает за сценой, происходящей между отцом и дочерью.

Эпизод так же внезапно, как предыдущие, заканчивается. Люси переводит взгляд туда-сюда, стараясь освоить обстановку новой сцены. Обширное, заросшее травой пространство, огороженное заборами, над ним – мглистое черное небо, в небе хаотичное движение облаков... или не облаков... какое-то тут все ненатуральное, может быть, спецэффекты? На краю пастбища – а это пастбище? – девочка. Руки ребенка висят вдоль тела, в правой руке – нож. Огромный нож, такие бывают у мясников, он явно не подходит к этим невинным пальчикам.

Наезд на глаза девочки. Они смотрят в пустоту, зрачки вроде бы расширены. Люси чувствует: что-то эту девочку встревожило, взволновало. Камера медленно движется позади ограды, идет, идет, идет... и вдруг бросается вправо, чтобы запечатлеть бешеного быка. Здоровенное, пышущее силой чудовище, на губах – пена, роет землю копытом, пытается смести ограду. Огромные, как сабли, рога выставлены вперед.

Единственная зрительница невольно прикрывает рот ладонью. Они же не решатся...

Люси наваливается на спинку стоящего впереди нее кресла, шея вытянута вперед, к экрану, ногти впиваются в зеленую кожу обивки.

Вдруг в кадре появляется неизвестно чья рука и отодвигает шпингалет, распахивает воротца. Тот, кто это делает, намеренно остается за кадром. И вот уже загон, в котором находится возбужденное животное, открыт. Зверь вырисовывается темной массой, могучий, разозленный. Сколько он весит? Наверное, не меньше тонны? Вот он поворачивается вокруг своей оси, замирает в центре площадки и, кажется, вглядывается в девочку. Девочка неподвижна.

Зрительнице очень хочется подняться в проекционную и остановить сеанс. Игры кончились, никаких уже качелей, улыбок, сообщничества, сейчас начнется непостижимое, невысказанное, и в него надо будет окунуться с головой.

Люси прижимает палец к губам, она глаз не может отвести от этого чертова экрана. В небе, раздуваясь, клубятся черные облака, все погружается во тьму, все словно бы готовится к трагическому финалу. И тут у Люси появляется ощущение, что постановщик хочет показать борьбу Добра со Злом. Со Злом, ни с чем не соизмеримым по силе, со Злом неприступным и неуязвимым. Давид и Голиаф.

Бык идет в атаку.

От немоты фильма и отсутствия музыки впечатление удушья

усиливается. Даже не слыша, догадываешься, как грохочут всякий раз копыта животного, соприкасаясь с землей, какое фырчанье раздается из маслянистых ноздрей. Теперь в кадре двое: слева – бык, справа – девочка. Расстояние между чудовищем и неподвижным ребенком сокращается. Тридцать метров, двадцать... Сколько же еще девочка будет стоять на месте? Почему она не закричит, почему не убежит? Люси вспомнила расширенные зрачки ребенка. Малышка загипнотизирована, ее накачали наркотиком?

Сейчас бык поднимет девочку на рога.

Десять метров, девять, восемь...

Пять метров!

Животное резко замедляет бег, все его мышцы напряжены, из-под копыт летят комья земли. И вот оно замирает – в метре от жертвы, не больше. Люси думает, что это просто стоп-кадр, она смотрит не дыша. Сейчас все возобновится, сейчас произойдет трагедия. Нет. Не происходит ровным счетом ничего. Бык не двигается, стоит на месте, тяжело дышит, и клочья пены падают с его губ. В бешеных глазах зверя можно прочесть желание сделать последний рывок, убить, но тело отказывается ему повиноваться.

Он парализован – вот какое определение сейчас лучше всего подходит быку.

Девочка смотрит на зверя не мигая. Делает шаг вперед, проскальзывает под морду чудовища, в сорок, в пятьдесят раз более тяжелого, чем она сама. Лицо ее не выражает никаких чувств. Она поднимает руку с ножом и уверенным движением перерезает глотку быка. Хлещет черная кровь, и бык, будто сраженный безумным матадором, валится на землю, поднимая тучу пыли.

Экран тут же становится темным, таким, каким был в начале фильма. Белый кружок справа вверху медленно исчезает.

И тогда в зале начинает мерцать свет – свет будто аплодирует увиденному. Фильм прощается со зрительницей.

Люси замерла. Внутри у нее все дрожало, ее бил озноб. Неужели она на самом деле это видела: как бешеный бык остановился перед ребенком, безропотно дал ребенку себя зарезать, неужели это снято одним куском, без монтажа?

Все еще дрожа, она поднялась в проекционную и резко нажала на кнопку. Стрекотание прекратилось, снова, потрескивая, загорелась лампа дневного света. Люси испытала бесконечное облегчение. Какой извращенный ум создал весь этот бред? Перед ней все еще мелькали

расползающийся по экрану мерзкий туман, крупные планы с глазами, странное начало и странный финал, сцены неслыханной жестокости... Что-то отличало эту короткометражку от классических фильмов ужасов... Что?.. Реализм! Девчушка семи или восьми лет не могла быть актрисой. Или, наоборот, она была выдающейся, гениальной актрисой.

Люси собралась уже выбираться из подвала, когда услышала на первом этаже шаги. И как будто кто-то наступил на стекло, раздавил... Она затаила дыхание. Может, ей просто почудилось – после всех этих ужасов на экране? Стараясь не производить ни малейшего шума, она двинулась вверх по ступенькам. И вот наконец прихожая.

Дверь в дом приоткрыта.

Но она же, войдя, заперла ее на ключ!

Люси кинулась к двери, выглянула наружу.

Никого.

Озадаченная, она вернулась в дом и осмотрелась. На первый взгляд все в порядке, никто ничего не трогал, никто ничего не двигал. Она пошла по коридору, исследуя выходившие в него помещения. Ванная, кухня, кабинет...

Кабинет! А в кабинете Людовик хранит свои километры пленки!

Дверь и здесь оказалась приоткрыта. Люси проскользнула в щель и оказалась в комнате, где обычно стопками громоздились круглые жестяные коробки. Обычно... Сейчас все оказалось не так, как обычно: десятки коробок валялись на полу, куда ни глянь – выдернутая из своего гнездышка пленка. Люси работала в полиции, – естественно, она сразу заметила, что пленка вынута только из тех коробок, на которых нет этикеток: ни имени автора, ни названия фильма, ни года выпуска... Да, точно, незванный гость вытаскивал из коробок и исследовал именно и только такие пленки.

Тот, кто побывал здесь, искал что-то вполне определенное.

Анонимный фильм.

Людовик сказал, что приобрел накануне у одного коллекционера кучу фильмов, включая и тот, который она только что посмотрела. Люси поколебалась, еще раз оглядела комнату. Вызывать полицию и составлять протокол показалось ей бессмысленным: никаких следов взлома, никаких повреждений, ничего не украдено... Тем не менее она снова спустилась в подвал, отделила от проектора эту странную бобину, сунула в коробку и положила в сумку – надо отнести реставратору, визитка с адресом у нее есть. Похоже, ни одна короткометражка в жизни не производила на ее психику такого впечатления, она чувствовала себя опустошенной, она – повидавшая теперь уже за многие годы работы столько вскрытий и столько

следов преступлений!

А когда она вышла наконец на свежий воздух – подумала, что дневной свет все-таки не такая уж плохая штука.

– А чем вы занимались, прежде чем начали пахать в управлении, комиссар Шарко?

– Скажем, чтобы не усложнять, что довольно долго проторчал в уголовке...

– Понятно.

Лицо комиссара Руанской территориальной службы судебной полиции Жоржа Переса, которому было поручено расследование по делу о пяти трупах в траншее, казалось суровым. В машине, когда Шарко ехал сюда с лейтенантом Пуарье, тот сообщил о своем начальнике, что шеф непреклонен, упрям и у него аллергия на любую форму вмешательства в его дела. Перес оказался невысоким – едва ли метр шестьдесят – и совершенно затерявшимся в своем сером костюме, но голос у него был сильный, как у Барри Уайта. Когда комиссар Перес принимался орать на подчиненных, стены дрожали.

– Вообще-то, мы не привыкли работать вместе с... с аналитиками. Надеюсь, вы сумеете разобраться во всем сами – народу у меня мало, и заняты все по горло.

Шарко сидел напротив Переса, положив руки на колени, и еле дышал от жары.

– Не беспокойтесь, я буду нем, как протокол вскрытия. И возможно, дня через два, через три слиняю отсюда с кучей ксерокопий под мышкой. Главное – обеспечить мне доступ к информации, – приезжий ткнул пальцем в сияющий лаком стол, – имею в виду, ко всей информации, и чтобы у меня в номере была ванная, потому что при такой температуре воздуха мне всегда охота полежать в ледяной воде.

Комиссар Перес разразился громовым хохотом, встал и запустил вентилятор, стоявший непосредственно перед портретом президента Саркози, на полную скорость.

– Ах, вам нужна информация! Ну так вот. Есть на сегодняшний день хоть какие-нибудь заслуживающие внимания результаты опроса по соседству? Нет! Есть свидетели, прямые или косвенные? Нет! На месте преступления, помимо разложившихся трупов, не было обнаружено ни единой улики, ни единого следа, что, впрочем, естественно, если трупы были зарыты несколько месяцев назад, да еще с учетом того, сколько с тех пор было гроз. Все наши: судмедэксперт, антрополог, энтомолог – бьются

сейчас над тем, чтобы разобраться, какой шматок тела – чей. Это хуже пазла из тысячи кусочков! Наверняка до утра не закончат. Единственное, в чем мы уверены: жертвы – люди, и люди взрослые. К несчастью, вы рискуете уехать лишь с этой информацией, комиссар, то есть почти ни с чем.

Всякий раз, как ветерок от вентилятора ласкал Шарко щеку, он закрывал глаза.

– А как насчет списков пропавших, находящихся в розыске?

– Пока рано что-либо говорить. Жду ответа из Института судебной медицины насчет времени смерти и физических характеристик жертв. Одно точно: ни в нашем регионе, ни по стране в целом не было зарегистрировано столь массового исчезновения людей в одной конкретной местности.

– А вне страны? Интерпол что говорит?

– Придет время – свяжемся и с Интерполом, расследование только началось. Главное сейчас – понять, с чем мы столкнулись. Конечно, я собираюсь обратиться к ребятам из Интерпола, но ведь для начала следовало бы, наверное, разобраться, какую именно мы хотим получить от них информацию, разве не так?

Он скрестил руки и уставился в затемненное окно. Центральный комиссариат, блокгауз из стекла и стали, вносящий дисгармонию в местный пейзаж, высился на левом берегу. Постояв с минуту молча, Перес снова повернулся к парижскому коллеге:

– А вы? Вы уже что-нибудь поняли? Ну и каковы первые выводы?

Обычно Шарко начинал разбираться в новом деле, когда досье уже было собрано полностью, и опирался тогда на четыре главных элемента, содержащиеся в материале. Как, собственно, произошло преступление, как действовал преступник, в каком состоянии была его психика во время преступления и в каком состоянии она, так сказать, «в мирной жизни». Сейчас ему просто не за что было зацепиться. Ни единой правдоподобной гипотезы, кроме той, что жертвы были убиты не там, где обнаружены. Череп посреди улицы не распилишь...

– Если честно, пока почти никаких. Тем не менее думаю, неплохо было бы поискать фигурантов среди местных правонарушителей или в закрытых уголовных делах. Посмотреть, например, кто у вас тут недавно вышел из тюрьмы. Поскольку тел так много, нельзя исключать месть. Чаще всего убийцы нападают на тех, кого знали раньше. Второе. Возможно, мы ищем кого-то, у кого есть грузовичок или автомобиль большой вместимости. Пять трупов на тачке или даже в багажнике не перевезешь. Может, стоит еще посмотреть, кто и когда нанимал такие машины?

– Посмотрим.

Шарко взял пиджак со спинки стула и кинул на плечо.

– Завтра, когда аутопсия всех трупов будет закончена, наведаюсь к судмедэкспертам. Позаботитесь о том, чтобы там меня ждали?

Перес не сдержал вздоха.

– Как скажете. Еще что-нибудь надо сделать?

Парижанин протянул свою тяжелую руку:

– До завтра, комиссар. Будем надеяться, что трупы разговорятся. Не так давно я сам сидел на вашем месте и знаю, что это не слишком-то весело...

Полчаса спустя Шарко спокойно обедал на террасе кафе, расположенного напротив величественного Руанского собора. Он вспомнил то, что выучил в школе: «...а само свое львиное сердце английский король Ричард завещал похоронить в Руанском соборе, в специальном саркофаге», и улыбнулся. Память у него до сих пор была прекрасная, и он постоянно тренировал ее, разгадывая кроссворды. Одно из редких качеств, которые ему не изменили. И теперь он был доволен, почти счастлив. Ему казалось, что вырваться из щупальцев Гигантского Спрута – уже благо. Здесь жизнь выглядит совсем другой, куда более мирной, уравновешенной, просто-таки сладостной. К великому его удовольствию, он получил номер с ванной на шестом этаже отеля «Меркурий», что прямо за собором, а теперь – досыта наелся макарон, омерзительного местного мороженого с реблошоном и камамбером – несомненная приманка для туристов! – и напился воды. Вот только эта жарница, даже по ночам – жарница наверняка его прикончит...

Он вернулся в гостиницу. Принял ледяную ванну, надел трусы, почистил туфли, вытащил из спортивной сумки древний магнитофон на батарейках и нечто, тщательно упакованное в пузырчатый полиэтилен. Под упаковкой, которую он снял в высшей степени аккуратно, оказался миниатюрный паровозик с прицепленной к нему черной вагонеткой для дров и угля. Шарко поставил игрушку на тумбочку у кровати. Одна из передних лампочек-фар была разбита, но, даже увечный, этот паровозик ставил рекорды скорости на разложенных в его квартире рельсах.

Комиссар положил на язык таблетку зипрексы, запил ее стаканом воды и улегся на одеяло, заложив руки под голову. Гостиница... Отсыревший даже в такую жару безликий номер... Каким далеким все это казалось ему, когда он несколько лет руководил поисками преступников, не поднимая задницы с кожаного кресла...

А сегодня он снова «на земле», он снова встретился с кровью, с



кишками и пока не знает, как это на него подействует. Конечно, может быть, ему и понравится, но прошлое способно выскочить внезапно, в любой момент. Лучше сохранять дистанцию. Сделать, соблюдая все правила, свое дело и вернуться под стеклянный колпак. Иначе Эжени заставит его расплатиться. Девочка, живущая у него в голове, терпеть не может, когда он сходит с рельсов.

Он погасил свет, повернулся на бок и включил магнитофон. Эжени наверняка не явится к нему сегодня: этим магнитным волнам, воздействовавшим на его мозг, удалось-таки ее усыпить.

И понеслись на полной скорости миниатюрные поезда – в динамике стучали по рельсам колесики, раздавались гудки... И Шарко заснул с улыбкой на губах, видя перед собой лица жены и дочери, погибших при ужасных обстоятельствах пять лет назад.

Он приехал в Руан расследовать гнусное преступление, но это не так уж важно. Сейчас он был один, он лежал в постели, слушал поезда, ванна была рядом, и ему было хорошо.

Выбравшись наконец после всех своих злоключений из дома Людовика Сенешаля, Люси сразу же отправилась с мерзкой бобиной к реставратору Клоду Пуанье и сказала ему, что во время просмотра этого фильма Людовик ослеп. Семидесятилетний специалист по аутопсии фильмов взял пленку и пообещал немедленно разобраться, что в ней могло быть такое.

Теперь, сидя у постели дочки, она с тяжелым вздохом в последний раз подносила ко рту девочки вилку. «Девочку надо заставить поесть!» – настырно повторяли врачи. Хорошо им говорить... попробовали бы сами!

– Ну давай, давай, моя маленькая, ну постарайся, очень тебя прошу.

Малышка покачала головой и заплакала. Щеки у нее ввалились, цвет лица стал зеленоватым. Люси оттолкнула столик на колесах, где стояла тарелка с отвратительным гороховым пюре, и прижала к себе дочку, чувствуя, как жаждут маленькие ручки соединиться у нее на спине и как им недостает на это сил. Просто невыносимо видеть, как висит теперь пижама на ее исхудавшей дочурке – прежде такой веселой, улыбчивой, – как ребенку, неразлучному с капельницей, неудобно двигаться...

– Не плачь, солнышко, не надо, все будет хорошо!

– Мам, я хочу к Кларе...

Два дня назад Люси поняла, какую совершила ошибку, и задумалась, а не вернуть ли вторую девочку из лагеря в Изере. Но ведь Клара так мечтала об этой поездке, ей так хотелось провести каникулы с подружками.

– Скоро вы увидите, лапушка. А еще раньше – совсем уже скоро – Клара пришлет тебе красивую открытку. Она же обещала.

Люси убедилась, что поблизости нет никого из персонала, и достала из сумки коробочку печенья в шоколаде.

– А этого – хочешь?

Жюльетта робко спросила:

– Да разве мне можно?

– Конечно можно. Только никому не говори, что ела печенье, ладно? Честное слово?

Девочка, слабо улыбнувшись, хлопнула ладошкой по протянутой ладони матери, потом съела оба печенья. От напряжения на шее малышки стали видны жилки и связки, и, дожевывая, она сразу легла – уж слишком измотала ребенка болезнь. Люси, радуясь тому, что желудок ее

дочурки наконец-то перестал быть пустым, поскорее избавилась от упаковки.

Только она успела это сделать – пришла медсестра за посудой, отметила с гримасой: «Две ложки пюре, полсухарика и ни кусочка ветчины» – и стало ясно, что капельницу пока не снимут, а о выписке из больницы и думать нечего.

Расстроенная донельзя, Люси просидела у постели дочки, пока та не заснула. Сидела, уставившись на экран телевизора.

Там говорили об ужасном преступлении на строительстве трубопровода в Верхней Нормандии. Куча трупов, у всех вскрыты черепа... С делом разбирается парижский профайлер, вот он как раз появился на экране. Могучий дядька, настоящий полицейский, совершенно ничего от психолога... Интересно, откуда он, какой он школы? Занимался ли раньше делами о серийных убийствах? Люси немножко завидовала этому парижанину: тип расследования, который сулит эта история с отпиленными макушками у трупов, интересовал ее больше всего. Искать и находить – уже наркотик, и какой же кайф – охота за чем-то или кем-то опасным, преследование... Но черт побери, разгар лета, она в отпуске, стало быть, ей положено развлекаться, прожигать жизнь и ни о чем не думать. В этот вечер, в больничной палате, наедине со своей девочкой, она чувствовала себя оторванной от мира.

Люси положила рядом с дочкой новую игрушку, подарок бабушки, голубого плюшевого слона, сказала медсестре, что ей надо выйти, и отправилась в Салангро, этот корпус всего-то метрах в ста от педиатрического. У доктора Турнеля были какие-то новости насчет Людовика Сенешаля.

Врач принял ее в просторном помещении, разделенном на две части стеклянной перегородкой, за которой можно было разглядеть установку для компьютерной томографии и другую ультрасовременную аппаратуру. Напротив Люси на светящейся стенке было развешено десятка два рентгеновских снимков, на столе лежали бумаги и анатомические схемы глаза, нервной системы, мозга. Доктор нервно потер подбородок, с утра, когда Люси видела его в прошлый раз, волосы его как будто прилипли к коже, под глазами обозначились мешки, теперь его не назовешь привлекательным – просто человек, затраханый работой, каких полно.

– Мы весь день его обследовали, – сказал Турнель, – и в конце концов, примерно час назад, перевели в психиатрическое отделение.

– Психиатрическое? – откликнулась изумленная Люси. – С чего это вдруг?

Турнель положил очки на стол и помассировал пальцами виски.

– Как бы вам объяснить попроще? Ладно, попробую... Дело в том, что в физиологическом смысле Людовик не слеп. Как я и говорил вам утром, зрачки у него сокращаются нормально и мы не обнаружили никакой сколько-нибудь значительной патологии во всей зрительной системе. Но в то же время взгляд у пациента блуждающий и с ним невозможен визуальный контакт.

– Вы сказали – в психиатрическое... То есть опухоли в мозгу нет?

Доктор повернулся к стене со снимками мозга Людовика, взял в руки один:

– Нет. Вот посмотрите: все чисто. Ни малейшей аномалии.

С таким же успехом он мог показать ей мозг коровы... Тем не менее Люси почувствовала, что ей стало спокойнее: значит, Людовик не умрет.

– Верю вам на слово, доктор.

– Мы искали не только опухоль, но и повреждения в затылочных долях: такие повреждения также могли бы привести к корковой слепоте. Искали, но и тут ничего не нашли.

– Что еще за «корковая слепота»?

Доктор устало улыбнулся:

– Мы считаем, что видим глазами, но на самом-то деле глаз – всего лишь инструмент или, можно еще сказать, колодец, через который проникает свет. Гляньте на это – сразу поймете, о чем речь.

Люси взяла протянутую врачом картонку с напечатанным на ней текстом.

ЭТТО ТЕСКТ НЕЖУН ДЯЛ ТГОО ЧОТБЫ ПАКОЗТАЬ  
ЧТО АНШ МОГЗ НЕ ПОСВРИНИМЕАТ ТОЧОН ТГОО ЧОТ  
ДИВИТ АНШ ЛГАЗ А ЧОТ ОН АН ОНСОАВИНИ СОВЕОГ  
ПЫЮТА УНЗЕАТ СОЛАВ В ЦЛОМЕ ЕН  
БОРАЦЯА ВИНАМИНЯ НА РОПЯ-КОД ВУКБ

– Однако впечатляет...

– Вот видите! Ретине все равно, что она видит, ретина, то есть сетчатая оболочка глаза, готова воспроизвести любой физический объект, примерно так, как это делает киноэкран. Глаз – объект пассивный, линза, а интерпретирует увиденное мозг, используя для этого накопленный им опыт, пережитое, культурную среду. Только мозг делает изображение значащим, таким, каково оно на самом деле.

Врач повесил рентгеновский снимок на место.

– Самое удивительное в состоянии нашего пациента – то, что он способен обойти препятствие, его не видя. Какую-нибудь коробку, поставленную на пути, или стул, или другой предмет мебели. Мы сняли это на видео, могу показать. Тоже впечатляет!

– Нет, спасибо. Могу себе представить. То есть он видит, не видя. Но это же непостижимо...

– Да, непостижимо с точки зрения соматики, с точки зрения врачей, лечащих тело. Но если мы – офтальмологи, неврологи, терапевты – не видим у пациента никакой аномалии, стало быть дело в его психике.

– То есть вы хотите сказать, что у него болезнь вроде депрессии... или даже шизофрении? Что-то такое, что мешает ему видеть?

– Правильнее было бы говорить о неврозе, о тревожности, фобии или истерии. Что касается нас, то мы предполагаем именно истерическую слепоту. Речь идет о сенсорном расстройстве как следствии истерического превращения, конверсии, если пользоваться научными терминами. Другие проявления того же – воображаемый паралич, глухота, потеря чувствительности в конечностях... Один из самых известных в этом плане примеров – фантомные боли в ампутированной ноге или руке.

Доктор погасил свет, и они вышли в коридор неврологического отделения. Здесь горели тусклые лампы, и казалось, что ты попал в какое-то футуристическое, вычищенное до стерильности место.

– Психиатр объяснил бы вам это лучше меня, но в принципе истерия – защитный механизм, который запускается, чтобы уберечь психику от неожиданной агрессии извне. Истерическая реакция может возникнуть внезапно, если в окружающем человека мире вдруг появляется нечто имеющее отношение к его детству и глубоко для него мучительное, травмирующее.

– А какие-то особенные изображения тоже могут вызвать подобную реакцию?

– Понимаю, что вы имеете в виду. Фильм, из-за которого он, возможно, и ослеп? Да, месье Сенешаль без конца говорил мне об этом фильме. Теоретически такое возможно, и если принять во внимание обстоятельства, то я готов признать: причина именно в этой короткометражке. Слепота наступила во время просмотра, и единственная тут загвоздка – пациент утверждает, что ни один кадр его особенно не потряс. Вымысел в кино для месье Сенешаля – дело привычное, и показанный в начале фильма разрезанный глаз, о котором он упоминал, несколько его не взволновал. Что до остального, то, судя опять же по тому, что рассказывал сам пациент, там не было ничего способного нанести травму. Тем не менее месье Сенешаль

даже и финала фильма не увидел: он был уже слеп.

– То есть он не видел эпизода с быком?

– С быком? Нет, среди перечисленных им эпизодов такого не было. Зато много говорилось о тревоге, страхе, о болезненном ощущении, которое нарастало по мере просмотра. Как будто месье Сенешаля взяли за горло и душили до тех пор, пока он не лишился зрения.

Люси во время просмотра чувствовала в точности то же самое: словно ее схватили за горло и душат. Она поежилась, потеряла руки у плеч. Хм, а ведь между рассеченным глазом и зарезанным быком, которого Людовик не видел, в фильме не было ничего по-настоящему страшного. Была только маленькая девочка, которая гладила кошку или ела, сидя за столом.

– А если в скрытых изображениях? Вот, скажем, если там был двадцать пятый кадр? Мог Людовик от такого ослепнуть?

Доктор помолчал, подумал.

– То, что ниже порога раздражения, имеете вы в виду... воздействие на подсознательное... Да, тут, пожалуй, стоило бы поискать.

– А... а что будет с Людовиком дальше? Он...

Врач остановился – они дошли до двери его кабинета.

– К нему должно вернуться зрение. Постепенно. Главное – попытаться найти причину травмы, выявить ее истоки. Мои коллеги-психиатры отлично знают, как это делается, – например, с помощью гипноза. Хотите, дам вам координаты профессора, который займется месье Сенешалем? Только потерпите – идите к психиатрам не раньше чем завтра во второй половине дня. А пока можете попробовать разобраться с фильмом.

Люси записала имя и телефон нового врача и вернулась в палату дочери, озадаченная таким странным поворотом истории. Травматический шок, обыск у Людовика, недомогание к концу просмотра... Что стоит за этим таинственным фильмом? Кто хочет отобрать его у Сенешаля? Почему? Зачем?

Она бесшумно умылась в до смешного маленькой туалетной комнате при палате, переоделась в пижаму, довольно долго простояла, глядя в зеркало. Нет, не на себя – на отражение, на то, как пересеклись там, в зазеркалье, продолжения отброшенных гладкой поверхностью световых лучей. Доктор Турнель прав: глаз различает только сочетание цветов, форм, а вот эту женщину тридцати семи лет – невыспавшуюся, усталую, живущую в отсутствие любви и секса – видит мозг. Мозг, и ничто иное, разгадывает каждую световую вибрацию и ищет, как бы связать ее с прожитым.

Люси вспомнились наезды камеры на лицо девочки на качелях, ее

крупные планы. Расширяющийся или сужающийся зрачок, движения радужки в овальной черной рамке-каше... И это впечатление неуместного вторжения, подглядывания через замочную скважину: глаз, который вбирает свет и молча наблюдает... А особенно много она думала о глазном яблоке, рассеченном пополам в первом же эпизоде фильма. Кажется, она в этот момент отвернулась – вот и доказательство бурной реакции ее мозга. Доказательство того, что именно мозг истолковал увиденное глазами.

С этой секунды ее восприятие фильма изменилось. Может быть, ставя при монтаже эпизод, вызывающий у зрителя такой сильный шок, в самом начале фильма, режиссер вовсе и не думал щеголять ужасами, может быть, он хотел этим сказать что-нибудь очень для него значимое, типа: «Сконцентрируйте внимание и как следует смотрите, что я хочу вам показать!» или «Делайте то, что сделал я своим скальпелем: открывайте глаза!».

Открыть глаза...

Посреди ночи мобильник, лежавший у ножки кресла, в котором Люси спала, завибрировал, но она на этот раз не проснулась, слишком устала.

В эсэмэске было написано: «Это реставратор Клод Пуанье. Приходите завтра ближе к обеду. У меня есть по меньшей мере странная информация о вашем фильме».

Два судмедэксперта и антрополог работали весь день и всю ночь, не спали ни минуты, и, когда Шарко, которому не терпелось задать им кучу вопросов, явился в руанский Институт судебной медицины утром понедельника, исследования были почти закончены и выводы частично сделаны. Потом, уже в Нантерре, надо будет, наверное, копаться в сотнях страниц отчетов, пришедших из этих стен, так что лучше к тому времени запастись информацией и по максимуму разобраться в том, в чем можно разобраться прямо сейчас.

Потом... Нет, он не стремился вернуться домой поскорее, даже притом что пребывание в этом здании, целиком отданном смерти, не сулило ничего приятного. Много, слишком много тяжелых воспоминаний, случаев нераскрытых преступлений приходило ему здесь на память. Ребенок, найденный мертвым на дне Сены. Проститутки с перерезанным горлом в каких-то гнусных мебелирашках. Женщины, мужчины, избитые, располосованные, расчлененные, задушенные... Трагедии, которые разрушили его жизнь, подтолкнули к необходимости прибегать вновь и вновь к таблеткам зипрексы.

И все-таки он здесь. Именно здесь.

По дороге к судмедэксперту его перехватил специалист по костям и зубам доктор Пьер Плезан; доктор спешил: ему пора было на конференцию по кариесам Левенталья, какие бывают у наркоманов, употребляющих героин. Они наскоро обменялись парой банальностей, и Плезан перешел к делу:

– Кости оказались весьма красноречивы. Вам как рассказать – попроще или со всеми подробностями?

Высокому и худому Плезану было на вид лет тридцать, его блестящий мозг прятался за обширным и гладким, как драже, лбом. Позади врача были разложены черно-белые прямоугольники пленок, рентгеновские снимки тел, сочленений, костей, просвеченных рентгеновскими лучами.

– На данный момент все равно. Дайте мне для начала достаточно сведений для того, чтобы, когда получу материалы от Переса, не вгрызаться сразу же в полсотни страниц с техническими деталями.

Доктор Плезан провел комиссара к столам из нержавеющей стали, служащим для остеометрических измерений. Верхняя доска каждого была расчерчена, как миллиметровка, а по ней ездила еще и другая:



перпендикулярная к ней, подвижная, в виде прямоугольного треугольника – с его помощью точно фиксировались размеры костей. На столах лежало четыре частично восстановленных скелета. В комнате, которая больше напоминала кухню, чем лабораторию, пахло сухой землей и моющими средствами: здесь с помощью водяной бани отделяли от костей лоскутья плоти.

– Пятый труп – тот, что лучше других сохранился, – в прозекторской, вы посмотрите – и его отправят в холодильник.

Плезан взял карандаш и ввел острие в передний шип носа левого, самого маленького скелета.

– Конец карандаша соприкасается с подбородком. Скулы выдвинуты вперед, лицо круглое и плоское. Этот человек – наверняка монголоид. Четверо остальных – светлокожие, люди европеоидной расы.

Первая хорошая новость: убитого азиата легче будет искать в полицейских сводках и протоколах. Плезан, оставив карандаш торчать из носа мертвеца, повернул разрезанный череп вертикально, так что опорой стала нижняя челюсть, и качнул взад-вперед. Отпустил руку – череп продолжал покачиваться.

– Вот такое раскачивание характерно для мужских черепов. Женские стоят на месте: мозг слишком мал, – улыбнулся он и тут же предупредил: – Я шучу!

Выражение лица Шарко не изменилось: у него-то не было никакого желания смеяться. Ночь выдалась беспокойная – ему мешало спать уличное движение и жужжание какой-то мухи, которую так и не удалось поймать и раздавить. Доктор, осознав, насколько не к месту пошутил, тоже стал серьезным.

– Уточнял я в основном по тазовым костям, их показания более достоверны. У женщин любой расы та кость, которая начинается от гребня лобка, приподнята. Здесь я ни разу такого не увидел, потому и могу с уверенностью сказать, что все наши клиенты – мужчины.

– А возраст?

– Сейчас перейду к возрасту. Поскольку ни у одного трупа не было зубов, я основывал свои выводы на состоянии швов черепа, на дегенеративных изменениях межпозвоночных суставов, какие могли бы быть связаны с артрозом, и главное – на состоянии края четвертого ребра, прилегающего к грудной кости. В этой области...

Шарко неожиданно прервал врача, кивнув в сторону кофеварки:

– Доктор, а можно чашку кофе? Я не успел позавтракать, и от этих запахов меня уже подташнивает.

Плезан слегка удивился тому, что его профессиональное рвение недооценено таким вот образом, минутку помолчал и направился в угол лаборатории, говоря на ходу:

– Нам повезло с трупами. Чем люди моложе, тем меньше поле для предварительных прикидок; выяснить, сколько лет было жертве, если лет этих больше тридцати, куда труднее. Для того чтобы определить возраст, мы исследуем лонное сочленение, оно же – лобковый симфиз. У молодых эта часть скелета очень неровная, шероховатая, бугристая, там наблюдаются впадины и глубокие борозды, а...

– Так сколько же им было лет?

Кофеварка урчала, кофе уже начал капать в кувшинчик. Плезан вернулся к столам со скелетами.

– Всем нашим юношам к моменту гибели было от двадцати двух до двадцати шести лет. Что касается роста каждого и других антропометрических подробностей – вы найдете их в отчете.

Комиссар Шарко прислонился спиной к стене. Жертвы молоды, все – мужского пола. Может быть, именно этим определялся выбор, может быть, возраст был важен для убийцы. Принадлежал ли он сам к тому же поколению? Был ли знаком со своими жертвами? Где с ними встречался? В университете, в спортивном клубе? Полицейский ткнул пальцем в череп, в нижней части которого, в районе затылка, виднелась дырочка, окруженная мелкими трещинами.

– Они были убиты пулей в голову?

Антрополог вооружился вязальной спицей.

– Убиты или ранены. Хотя если говорить об этих четверых, то они, видимо, были убиты. Пятого, возможно, только ранили в плечо, но его вам покажет доктор Бюснель. – Плезан указал концом спицы на позвоночный столб азиата. – Этому пуля попала в спину: четвертый позвонок у него раздроблен и осколки сдвинуты вперед. В тех двоих, по-видимому, стреляли спереди, и они были убиты именно этими выстрелами: здесь раздроблены некоторые ребра, – возможно, пуля, прежде чем поразить жизненно важный орган, рикошетом отскочила. Мой коллега-рентгенолог должен подвергнуть трупы сканированию, чтобы сделать трехмерную реконструкцию и попытаться воспроизвести точки входа и выхода пуль. Правда, учитывая состояние скелетов, и это может оказаться не слишком наглядным. Что до последнего – тут все ясно: убит выстрелом в голову, пуля даже не вышла через лицо, застряла.

Доктор разлил кофе по двум чашечкам и протянул одну Шарко, который, стоя неподвижно, разглядывал скелеты. В том, как были

вычеркнуты из жизни эти четверо, нет никакого сходства. Выстрелы в спину, в грудь, в голову. Обрядовая сторона отсутствует, массовое убийство похоже скорее на беспорядочное, стихийное действие, хотя то, как разделявали и упрятавали трупы, говорит о завидном мастерстве убийцы. Что же это было? Казнь? Сведение счетов? Столкновение?

Парижанин отхлебнул кофе.

– Думаю, пуль вы не обнаружили?

– Нет, конечно. Ни мы в телах, ни оперативники поблизости. Все пули были изъяты из тел, иногда очень грубым способом. Об этом свидетельствуют расщепленные ребра одного из скелетов.

Собственно, ничего другого Шарко и не ожидал. Убийца, уничтожая все следы, был последователен и проявил поразительную способность доводить намеченное до конца. В результате – нет никакой возможности провести нормальную баллистическую экспертизу, нет никакой возможности понять, что за оружие применялось.

– Может быть, уцелели хотя бы фрагменты пуль?

После безоболочечных пуль всегда остаются фрагменты, след в виде хвоста кометы или снежной бури.

– Ничего похожего. Наверняка это были пули со свинцовой рубашкой.

И это на самом-то деле не стало для Шарко открытием. Бóльшая часть классических боеприпасов – в оболочке из сплавов, со свинцовым сердечником, а не полые и не просто свинцовые шарики, как пули для некоторых охотничьих ружей. Комиссар провел рукой по ежику на голове. Ему хотелось другого – того, что позволило бы ему пойти по верному следу, хотелось серьезных улик – таких, которые можно пощупать, потрогать... Стоп! Шарко напомнил себе, что сейчас он всего лишь зритель. Сейчас его задача – понять психологию преступника, разгадать его мотивы, а больше ничего. И он не поддастся бесам, подталкивающим его в прошлое, к временам, когда он работал на земле.

– Время смерти удалось определить?

– С этим в данном случае особенно сложно. Трупы, найденные в грунте, всегда вызывают самые серьезные проблемы: тут ведь все зависит от глубины захоронения, состава и влажности почвы, водородного показателя почвенного раствора... А там, где обнаружили наших клиентов, кислотность земли повышенная. По состоянию этой четверки я бы сказал, что давность преступления – от полугода до года. Точнее, к сожалению, определить невозможно.

Так. Стало быть, седая древность.

– Все парни были убиты одновременно?

– Думаю, да. Энтомолог, исследуя трупы, обнаружил на каждом куколки домашних мух, но в таком незначительном количестве, что это позволяет сделать два вывода: во-первых, тела были закопаны спустя день или два после убийства, во-вторых, на место захоронения они были откуда-то привезены.

В той части мозга Шарко, которую не затронула болезнь, уже переваривалась полученная информация. Надо снова пошуровать по спискам пропавших, ориентируясь теперь уже не на географию, а на хронологию. Антрополог между тем продолжал рассказывать:

– Я думаю, после убийства над телами трудились двое. Один отпиливал верхушки черепов, другой... другой занимался руками и зубами. Черепа вскрыты с поистине хирургической чистотой и точностью. Совершенно очевидно, что применялась для этой операции пила Страйкера или какой-то другой инструмент из арсенала судебной медицины и патанатомии и орудовали этим инструментом вполне профессионально. Вот, можете убедиться: бороздки здесь характерные. – Он протянул полицейскому лупу.

Шарко взял лупу и положил на стол, не воспользовавшись ею.

– Профессионально... То есть вы хотите сказать, что с трупами работал специалист, медик?

– Работал человек, привычный к пиле. Отправная точка, к примеру, смыкается с точкой конечной, а я вам гарантирую, что это совсем не просто сделать, когда имеешь дело со структурой, близкой к форме шара. Что касается специальностей, то круг их достаточно широк – от лесоруба до судебного медика.

– Плоховато представляю себе лесоруба, срезающего дубы хирургической пилой... А что насчет второго скажете?

– Зубы вырваны грубо, корни остались в лунках. Похоже, делалось это с помощью клещей. Кисти рук, скорее всего, отрублены топором. Если бы все это делал тот же человек, что спиливал макушки, он наверняка действовал бы аккуратнее. И наверняка использовал бы свою пилу.

Доктор посмотрел на часы, поставил чашку и выключил кофеварку.

– Мне, к сожалению, пора идти. Вы все прочтете в...

– Мозг был удален?

– Полностью. Иначе мы обнаружили бы следы ликвора, то есть спинномозговой жидкости, или твердой мозговой оболочки. Плотная фиброзная ткань, из которой она состоит, содержит большое количество эластических волокон, способных не разложиться, пробыв год в земле. И еще у них изъяли глаза.

– Глаза?

– Да, об этом сказано в заключении. В земле, заполнившей глазные впадины, не обнаружено никаких признаков жидкости типа стекловидного тела. Остальное вы узнаете от доктора Бюснеля, его владения – в подвале. А я, если не возражаете, хочу после бессонной ночи хотя бы душ принять перед конференцией.

Они попрощались в коридоре, и Шарко, еще под впечатлением от всего услышанного, стал спускаться по лестнице. Пока ему виделось два пути, и один исключал другой. С одной стороны, расстрел и последовавшее за ним сокрытие трупов позволяли думать о казни: люди пытались напасть или убежать, их уложили на месте и спрятали тела, причем спрятали более чем профессионально. Глубокое захоронение – такой же надежный метод, как огонь или кислота. Но с другой стороны – эта история с изъятыми глазами и мозгом наводила на мысль об обряде, о ритуале, совершенном людьми, прекрасно владевшими собой, обладавшими завидным хладнокровием с некоторой примесью садизма. Узнав о пяти трупах, немедленно начинаешь думать о серийном убийце или о маньяке... Но тут-то убийц двое! Короче, в любом случае здесь с общими мерками не подойдешь. Шарко знал, что нельзя пренебрегать ни малейшей подробностью, потому что любая из таких подробностей способна вывести на глубинные мотивации преступника или преступников. На этой планете существуют люди достаточно порочные для того, чтобы убивать себе подобных и выедавать потом из черепа их мозг серебряной ложечкой.

Комиссар добрался до морга. В глубине – стеклянная дверь, за дверью сияет не дающая тени хирургическая лампа. Вообще-то, нет ничего сложного в том, чтобы найти морг в любом институте судебной медицины: прийохайся и иди на запах.

Когда Шарко открыл дверь, доктор Бюснель поливал водой кафельный пол, и парижский полицейский остановился на пороге в ожидании, пока прозектор наконец его заметит и подойдет к нему.

– Комиссар Шарко из Парижа?

Шарко протянул руку. Рукопожатие оказалось крепким.

– Вижу, что комиссар Перес по всем правилам распространил информацию.

– Вы пришли позже всех, и должен признаться, мне уже наскучило повторять одно и то же. Я уже два дня не выхожу из этого подвала, и есть протоколы и...

Шарко показал на муху, которая сидела на покрывающей труп зеленой простыне:

– В моей гостинице тоже была муха. Между тем здесь холодно. Ничем их не остановить. Ненавижу насекомых, особенно тех, что летают.

Бюснель, не скрывая раздражения, направился к столу и откинул простыню.

– Ладно. Может, подойдете, чтобы покончить с этим?

Комиссар посмотрел на спокойно стекавшую в желобок воду и медленно, осторожно приблизился.

– Я очень берегу свои башмаки. Они из кордовской кожи и...

– Может, если не возражаете, поговорим наконец о теле? Том, что лучше других сохранилось. Полагаю, мой коллега-антрополог вас уже просветил?

– Да, именно так.

Бюснель был крепким мужчиной высокого роста: метр девяносто или около того. Квадратная рожа, сплюснутый нос – такого легко представить себе в свалке на игре в регби. Шарко перевел глаза на труп. Ему открылось нечто неопишное: месиво из плоти, земли, костей и жил, настолько лишенное чего-либо человеческого, что уже и не пугало, не отталкивало. Тут тоже верхушка черепа была отпилена.

Судмедэксперт ткнул пальцем в место, где предполагалось плечо:

– Сюда попала пуля, а отсюда, через дельтовидную мышцу, она вылетела. *Apriori*<sup>[4]</sup> не это стало причиной смерти. Я говорю *apriori*, потому что при таком состоянии тела сказать что-либо точное о причинах и времени смерти выше сил человеческих. – Затем Бюснель обвел рукой лишённые мяса кости рук, запястий, торса. – Отсюда была содрана кожа.

– С помощью какого инструмента?

Доктор обернулся к столу и взял оттуда закрытую наглухо склянку. Шарко прищурился:

– Ногтями?

– Да, ногти так и остались в мясе, причем я думаю, что речь идет о его собственных ногтях. С большого, указательного и среднего пальцев правой руки. Это еще предстоит подтвердить анализами.

– Он что, этот затейник, сам с себя кожу сдирал перед смертью?

– Получается так. С непостижимой силой и яростью. Боль при этом он должен был испытывать чудовищную.

У полицейского все обострялось ощущение того, что его кружит водоворот и вода при этом мутная. Открытия не просто ошеломили – ничего подобного он даже представить себе не мог.

– А... а другие тела?

– В таком состоянии, что сказать о них что-либо еще труднее.

Полагаю, и с них в некоторых местах была содрана кожа – в частности, на плечах, на лодыжках и на спине. Но не ногтями. Следы четкие, равномерно расположенные, довольно глубокие. Такие следы можно было бы оставить, действуя ножом или другим режущим инструментом. Классическая технология хитреца, которому нужно избавиться от татуировок на теле. – Он снова указал на ногти. – Можно вынудить кого угодно себя покалечить, приставив ему к виску ствол. Узнать бы почему и зачем...

– Я могу получить фотографии?

– Они в папках с документацией. И это не слишком-то красиво, это ой как некрасиво, уж поверьте.

– Я всегда верю судмедэкспертам.

Патологоанатом кивнул в направлении полки, где лежал прозрачный пластиковый пакетик.

– Есть еще это. Крошечный кусочек зеленого пластика, найденный у него под кожей – между ключицей и шеей.

Шарко подошел к полке:

– Что бы это могло быть такое, как вы думаете? Есть идеи на этот счет?

– Нечто округлое, типа цилиндрика, и проколотое в середине. Скорее всего, фрагмент порта или манжетки подкожного внутривенного катетера, какие применяются в хирургии.

– А с какой целью они применяются?

– Уточню это у кого-нибудь из хирургов, но, помнится, областей применения довольно много. Часто, к примеру, такие катетеры ставят онкологическим больным, находящимся на длительном курсе химиотерапии, иногда так подают питательные растворы, препараты крови, даже антибиотики. Смысл тут в том, что благодаря катетерам нет необходимости постоянно травмировать вену. Думаю, кое-что подскажет токсикологический анализ тканей: был ли клиент чем-нибудь болен? Не страдал ли он, например, раком?

– Что еще?

– Остальное – уже не мое дело. Остальное относится к области технологии судмедэкспертизы, для вас не особо существенной. Ну, скажем, я изъял кусочки ткани из поясничной мышцы, чтобы можно было определить ДНК каждой жертвы. Поскольку черепа у всех были начисто выбриты, отправил ребятам из токсикологической лаборатории волосы с лобка. Теперь пусть они пашут. Будем надеяться, что их открытия позволят идентифицировать эти трупы, иначе дело затянется до бесконечности и чрезмерно усложнится.

– А вам не кажется, что это уже произошло?

Судмедэксперт принялся стаскивать с себя запятнанный комбинезон. Шарко, глядя вниз, в пол, потер губы:

– Даже в те времена, когда я не вылезал из моргов, мне ни разу и в голову не пришло купить такую обувь, как у вас, резиновую. Вы и представить себе не можете, сколько пар мокасин я там вконец загубил! Запах смерти, он... он будто врастает в кожу. А такие, как у вас, – они где продаются-то?

Доктор пристально поглядел на собеседника, потом разложил по местам в глубине прозекторской недавно использованные инструменты и ответил, чуть улыбаясь:

– Сходите в «Леруа Мерлен», там в отделе садоводства найдете то, что вам нужно. А теперь – всего вам наилучшего, комиссар, желаю успеха! Я же, с вашего позволения, пойду наконец посплю.

Оказавшись на улице, Шарко первым делом глотнул побольше свежего воздуха, потом посмотрел на часы. Почти одиннадцать... Большую часть экспертных заключений он получит к концу дня. Парижский полицейский глянул на безоблачное небо и принялся к своей одежде. Меньше двух часов там пробыл – и все насквозь пропиталось вонью... Франк решил, что надо зайти в отель переодеться, а потом уже отправиться к коллегам в территориальное управление, чтобы узнать, как там все, и, если получится, почитать дела. Да, еще не забыть бы в гостинице разделаться с этой чертовой мухой, которая не давала ему спать.

Ну а если в течение сорока восьми часов ничего здесь не сдвинется с места и не будут получены конкретные данные, он соберет вещи и двинет в Нантерр. Будет думать там. Уж очень он соскучился по своим маленьким поездкам, сил нет как соскучился.



Реставратор киноплёнки Клод Пуанье жил на улице Гамбетта – в самом водовороте разноцветных и разнообразных магазинов и лавок. С одной стороны – Ваземм, с его крытым рынком и смешением народов, с другой – открывался путь в студенческие кварталы, находящиеся между улицами Сольферино и Вобана. Домик реставратора зажали с двух сторон китайский ресторан и табачный ларек, а семидесятилетний хозяин был на вид так же неказист, как его обиталище: очки с бифокальными стеклами в коричневой роговой оправе, старый бордовый шерстяной пуловер с V-образным вырезом, плохо поглаженная клетчатая сорочка. Кем он был на самом деле – реставратором древних фильмов или все-таки древним реставратором фильмов?

– Я сказал бы о себе «древний реставратор древних фильмов», – улыбнулся, словно прочитав ее мысли, хозяин домишка. – Работу десять лет назад пришлось оставить из-за глаз. Помутнели, свет проходит уже не так хорошо, как раньше. А кино ведь, знаете, – это прежде всего свет. Нет света – нет кино.

Люси вошла в один из тех еще сохранившихся на севере старинных домов, где в гостиной можно увидеть кафельный пол из наклеенных на цемент плиток, где все трубы прокладывались на виду, а потолки были высокими. На газовой плите дымился кофейник, распространяя по всему дому едкий запах; когда Клод принялся разливать варево по чашкам, Люси подумала, что это не иначе как жидкий уголь, и сразу бросила в свою целых два куска сахара – она-то, сроду не пившая сладкого кофе!

– Ну что, Клод? Вы уже произвели вскрытие фильма?

Пуанье снова улыбнулся. Зубы старика выглядели такими же не тронутыми цивилизацией, как обстановка его дома, тем не менее, если бы убрать морщины, наверняка оказалось бы, что Клод – мужчина невероятного обаяния. Типа Редфорда.

– Ах, до чего же полицейский термин – «вскрытие»! Но как такой прелестной женщине пришло в голову гоняться за преступниками?

– Возможно, потому, что меня в дрожь от этого бросает. Мы ведь, в конце-то концов, делаем одно и то же: вы – с миром кино, с вашими бобинами, я – с миром улицы. Мы стараемся исправить то, что неладно.

Она постаралась глотнуть из чашки – ну и гадость, хоть весь сахар мира туда положи! К ней подошла ангорская кошка, мурлыча, потерлась о

ее ноги. Люси ласково погладила кошку.

– Вы давно знакомы с Людовиком?

– Я служил в армии с его отцом. И именно я – больше двадцати лет назад – подарил Людовику его первый кинопроектор: Пате, для девяти с половиной миллиметровой пленки. Сам я тогда попросту избавился от старичка таким образом – места-то у меня тут мало, а Людовик обрадовался, стал устраивать в доме своего отца киносеансы – показывал кино прямо на стене. Паршивая история с ним приключилась... Его мать тяжело заболела и умерла, когда мальчику еще и девяти не исполнилось. Знаете, он ведь хороший парень.

– Знаю. И пришла сюда, чтобы ему помочь. Расскажите мне о фильме?

– Пошли наверх.

Они стали подниматься по узким скрипучим ступенькам, выдававшим возраст дома, и Люси видела по дороге десятки портретов: не кинозвезд, а неизвестной женщины. Лицо этой женщины с очень тонким искусным макияжем фантастическим образом притягивало свет. Наверняка – память о былой страсти Клода, о безвременно утерянной любви... Добравшись до второго этажа, они оказались в подобии прихожей с истертым полом, здесь царил полумрак.

– Слева – моя проявочная лаборатория. Знаете, я ведь и сейчас иногда снимаю старенькой шестнадцатимиллиметровой камерой, просто так – забавы ради. Можете не сомневаться, что уйду я из этого мира, зажав в пальцах кусочек кинопленки.

Он распахнул дверь в комнату без окон – и Люси увидела камеры, бобины с пленкой, бидоны с химикатами, – потом тихонько прикрыл дверь:

– Нам надо дальше – туда, в глубину.

Последняя комната выглядела настоящим цехом киностудии или даже несколькими цехами вместе: тут стояли монтажные и просмотрные столы, самые совершенные компьютеры и сканеры для кинопленки. Имелся в немалом числе и инструмент более давних времен: ножницы, склеечные прессы, резак для пленки, рулоны скотча, линейки. Люси как чувствовала, когда спросила про «вскрытие»: похоже, здесь разбирали фильм на кусочки и исследовали каждый кусочек отдельно, как судмедэксперт исследует фрагменты тела... Здесь нашлись даже перчатки, которые реставратор тут же и натянул на руки, – правда, белые нитяные.

– Скоро ничего этого не будет. Цифровые камеры с объективами высочайшего разрешения полностью вытеснят добрые старые тридцатипятимиллиметровки. И уверяю вас – магия кино пропадет! Фильм без скачущего изображения – разве же это фильм?

Бобина, послужившая поводом для их встречи, была надета на вертикальную ось левой моталки просмотрового стола. Примерно метр пленки был вытянут из бобины, протянут через центральное устройство, состоявшее из лупы и экрана, а кончик ее реставратор закрепил на принимающей, правой моталке. Из всех осветительных приборов в комнате горела только неоновая лампочка.

– Начнем сначала. Подойдите сюда, барышня, и позвольте мне прежде всего сказать, что вы очаровательны.

Старик явно за словом в карман не лез. Люси улыбнулась и села рядом с ним.

– Как будем смотреть? – спросил он. – С объяснениями попроще или можно с подробностями?

– Ради бога, не стесняйтесь объяснять подробно! Я же в этом ничего не понимаю, притом что обожаю кино. Как раз в те времена, когда вы подарили Людовику проектор, я впервые увидела фильм ужасов – смотрела одна в одиннадцать часов вечера. Это был «Изгоняющий дьявола» – лучшее и худшее из моих воспоминаний одновременно...

– «Изгоняющий дьявола»... Один из самых кассовых фильмов в истории кино. Его режиссер поставил актеров, снимавшихся в картине, в совершенно кошмарные условия, чтобы игра их получалась более естественной: оглушительные выстрелы у самого уха в самое непредсказуемое время, съемки в ледяном помещении... Теперь-то ведь с артистами так не обращаются – им требуется комфорт.

Люси смотрела на старого реставратора с нежностью. Он говорил до того горячо, до того страстно – прямо как ее отец, когда тому доводилось рассказывать об удочках, крючках и блеснах. Она была в те времена такая маленькая...

– Ну а наш фильм?

– Да-да, наш фильм! Прежде всего о формате: шестнадцать миллиметров. Все снято с ручной камеры: оператор держал ее на плече. Думаю, скорее всего, аппарат был швейцарский, «Болекс». Легкая портативная... легендарная камера пятидесятых... Странность в том, что – и на ракорде это обозначено – снимал оператор со скоростью пятьдесят кадров в секунду, тогда как нормальная для кино – двадцать четыре, но «Болекс» позволяет осуществлять такие эксперименты, он вообще дает возможность для самых разнообразных изысков, потому...

– Это оригинал фильма?

– Нет-нет, ну что вы! Оригинал – то, что выходит из камеры, проявляется и превращается в негатив, точно так же как в фотографии. А

тираж делается на позитивной пленке, где все так, как видит глаз. Мы всегда работаем с позитивом, который, кроме того, сохраняется как резервная копия. Позитивную пленку можно резать, клеить, как угодно монтировать, не опасаясь повредить оригинал – он остается неприкосновенным.

Старик покрутил ручку справа, и на экране просмотрового стола, в нижней части кадра, появилась надпись: SAFETY.

– Эта надпись, украшающая начальный ракорд, свидетельствует, что основа пленки, подложка под эмульсией, – ацетатная, безопасная. А безопасна она потому, что исключено самовозгорание. До пятидесятых годов кино снимали в большинстве случаев на пленках с основой из нитрата целлюлозы, а она легко воспламенялась. Наверное, вы помните эпизод из «Кинотеатра „Парадизо“» – когда в проекционной у Филиппа Нуаре начинается пожар? Так вот, пожар-то там начался только из-за того, что открыли коробку с пленкой на нитратной основе! Легендарная пленка...

Люси кивнула, соглашаясь, хотя фильма в глаза не видела: итальянская киноклассика не очень-то входила в круг ее интересов, в отличие от американских фильмов ужасов пятидесятых годов – вот их она была готова смотреть чуть ли не сутками.

– Черный кружочек над буквой «А» говорит о том, что пленка сделана в Канаде. Это – международная символика для «Кодака».

Канада... Людовик сказал, что обнаружил бобину на чердаке бельгийского коллекционера. Сегодня эта самая бобина находится во Франции. Должно быть, у таких анонимных фильмов жизнь не менее бурная, чем у марок или коллекционных монет: тоже путешествуют из страны в страну. Люси отодвинула мысль в дальний уголок памяти на случай, если окажется, что овчинка стоит выделки и придется поговорить об этом с наследником старика Шпильмана. Ох, надо признаться хотя бы себе самой, как возбуждает ее это частное, далекое от протоптанных тропок расследование... Клод между тем снова как будто бы откликнулся на ее мысли:

– Фильмы путешествуют, фильмы теряются... Представляете: пропало ведь больше половины того, что было сделано до начала Второй мировой войны! Среди этих исчезнувших произведений были истинные шедевры, а теперь они наверняка гниют на каких-нибудь чердаках... Мельес, Чаплин, кое-что из Джона Форда...

– А известно, когда был снят этот фильм?

Клод Пуанье покрутил ручку. Когда на экране возник самый первый

кадр фильма: абсолютно черный с белым кружком, – реставратор указал пальцем на нижнюю часть пленки. Люси разглядела там, прямо над перфорацией, два символа: + и ■ – и какие-то цифры.

– «Кодак» использовал для датировки своих пленок код из геометрических фигур и математических символов. Этот код повторялся каждые двадцать лет.

Он протянул Люси лист бумаги, засунутый в прозрачный файл: что-то вроде таблички со множеством значков и цифр.

– Гляньте сюда, на таблицу. Крестик и квадратик означают, что данная позитивная копия была отпечатана либо в тридцать пятом году, либо в пятьдесят пятом, либо в семьдесят пятом. Однако состояние пленки и одежда актрисы в первой сцене со всей несомненностью указывают на то, что съемки производились в пятьдесят пятом году. А вот эти цифры, которые появляются через каждые двадцать кадров, – он снова указал пальцем на нижнюю часть пленки, – называют футажным номером. По футажному номеру можно установить изготовителя – в нашем случае это «Кодак», – тип пленки, номер рулона, последние же четыре циферки – это индивидуальный номер кадра. Короче, кей-код, который наносится на пленку в процессе ее изготовления и сохраняется на всех стадиях производства фильма, позволяет узнать о пленке все. В принципе, можно даже определить день, когда пленка вышла из лаборатории, и где эта лаборатория находится, однако сразу предупрежу, что по тем номерам, которые вы видите, вряд ли что удастся установить. Слишком давно все это было, и, если учесть, как далеко продвинулось за это время кино, вероятнее всего, лаборатории, где проявлялся оригинал, попросту уже не существует.

Старик посмотрел на Люси с довольным видом. За увеличивающими стеклами очков глаза старика казались особенно большими. Люси ответила ему улыбкой.

– Ну что, перейдем к содержанию?

Лицо Клода омрачилось, доброе настроение мигом улетучилось.

– Я должен был сказать вам с самого начала, что постановщик фильма – одновременно гений и психопат. Этаким извращенный разум, в котором объединились оба человеческих типа.

Люси почувствовала привычное для работы возбуждение. А как могло быть иначе: посреди отпуска, сидя в дальнем углу лаборатории реставратора кинопленки, она ступила на границу такого же опасного мира, с каким сталкивается всякий день в комиссариате.

– Почему вы так решили?

– Здесь есть кадры... мягко говоря, тревожащие. Но ведь, наверное, вы

и сами при просмотре ощутили в глубине души безотчетную, вам самой непонятную тревогу, да?

– Да, очень тягостное чувство. Мне даже нехорошо становилось. Особенно в начале, когда пошла сцена с глазом, такая от нее жуть охватывает...

– Совершенно очевидно, что тут-то как раз – чистый трюк. Рассеченный скальпелем глаз – глаз животного, возможно собаки. И цель этого эпизода – показать, что сам по себе глаз – всего лишь губка, которая впитывает изображение, гладкая поверхность, не осознающая смысла вещей. А для того чтобы раскрыть этот смысл, чтобы правильно видеть, надо пробить гладкую поверхность и двигаться дальше. Внутрь фильма...

Клод Пуанье крутил ручку до тех пор, пока под лупой не обозначилась фигура полностью обнаженной женщины. Щедрая грудь, вызывающая поза – да, это та самая высокомерная актриса из начала фильма, та самая, которой разрезали глаз. Стоит в полутьме, изображение не слишком контрастное... Стоит неподвижно, и вдруг откуда-то сзади появляются десятки рук, которые принимаются ощупывать ее тело, ее половые органы. Актеров не видно, должно быть, они с ног до головы одеты в черное, как помощники мага, когда на сцене показывают волшебство.

Реставратор снова крутанул ручку, проматывая пленку, и тут же появилась девочка на качелях. Лицо женщины оказалось замещено лицом этого ребенка с точностью до сантиметра.

– Только что перед вами был так называемый двадцать пятый кадр, хотя тут-то надо говорить скорее о пятьдесят первом кадре. Короткометражка битком набита этими «пятьдесят первыми», хотя датируется лента пятьдесят пятым годом, а сублиминальная реклама, иными словами, реклама, воздействующая на подсознание, впервые была официально использована американцем Джеймсом Вайкери только в пятьдесят седьмом. Так что, должен сказать, наличие здесь скрытых кадров удивляет, причем довольно сильно.

Люси знала: идея двадцать пятого кадра основывается на гипотезе о том, что глаз человека способен различать не больше двадцати четырех кадров в секунду, и поэтому дополнительный кадр, мелькнувший на экране за более короткое, чем  $1/24$  секунды, время, минуя сознание, воздействует сразу на подсознание. Она вспомнила, что Франсуа Миттеран использовал эту технологию в предвыборной кампании 1988 года. Лицо кандидата в президенты появлялось тогда в титрах новостей на «Антенн-2», но не оставалось на экране достаточно долго для того, чтобы зритель мог отметить это сознательно.

– Значит, тот, кто создал фильм, первооткрыватель принципа сублиминальной рекламы?

– В любом случае он проявил незаурядный талант в этой области. Великий Жорж Мельес изобрел все нынешние спецэффекты, но манипулировал пленкой – не подсознанием. И не стоит забывать, что в пятидесятых годах, о которых мы говорим, научные знания о мозге и воздействии изображения на сознание были еще относительно архаичны. Один из моих друзей работает в области нейромаркетинга, я дам вам его адрес. Впрочем, если не возражаете, я бы и фильм ему показал: возможно, ультрасовременная аппаратура поможет ученому увидеть нечто интересное, моими несовершенными глазами пропущенное.

– Нет-нет, какие же тут могут быть возражения!

Реставратор порылся в корзинке, в которую были свалены визитные карточки.

– Вот держите – на всякий случай. Мой друг расскажет вам о подсознательном куда лучше меня самого. Расскажет о мозге, о кинокадрах, об их воздействии на сознание... А вы отдаете себе отчет, до какой степени развилась возможность нами манипулировать, причем так, чтобы мы об этом даже и не подозревали? У вас есть дети?

Лицо молодой женщины смягчилось.

– Да. Близнецы. Клара и Жюльетта. Им по восемь лет.

– И наверное, вы уже познакомили их с Бьянкой и Бернардом?<sup>[5]</sup>

– А как же – все мамы это делают.

– Ну так вот. В этом мультфильме есть скрытое изображение голой женщины: в определенный момент оно возникает в окне. Думаю, здесь просто шутка аниматора, и, уверяю вас, никакого воздействия на ваших детей это не оказывает, слишком уж мало изображение, но все-таки рисунок там есть, пусть даже его никто за долгие годы просмотров и не заметил.

Разговор сворачивал куда-то не туда, как бы не увязнуть... Люси смотрела на обнаженную старлетку: экая она... вся настежь, бери не хочу... Ух ты, как скандально – для тех-то времен.

– А каким же образом режиссер вставлял в фильм эти кадры, действующие прямо на подсознание?

– Вы, когда учились в школе, вырезали картинки, клеили аппликации? Вот и он делал ровно то же самое. Для начала снял сцены с обнаженной актрисой на отдельной пленке, обозначим ее как пленку А, а сцены с девочкой – на пленке Б. Затем вырезал нужные ему кадры из пленки А и вклеил их в пленку Б, разрезав и ее там, где ему было надо. А когда дело

было сделано, все это скопировали на новую пленку – и получили то, что вы видите. Многие знаменитые кинорежиссеры поступали так, чтобы усилить воздействие эпизода: Хичкок в «Психо», Дэвид Финчер в «Бойцовском клубе», большинство создателей фильмов ужасов, – но все это было куда позже. А в то время никто и заподозрить не мог наличия на пленке скрытых кадров.

– Скажите, Клод, наверное, в короткометражке есть и другие скрытые кадры? А там что?

– Похоть, порнография, все пропитано испариной и сексом. Есть еще откровенные и тошнотворные сцены половых актов, где действующие лица в масках. А в финале – сцены убийств.

– Убийств? – Люси почувствовала, как напрягаются мышцы.

Она уже слышала о так называемом мокром видео – документально-игровых порнофильмах, в которых засняты настоящие насилие и убийство. Кассеты с такими фильмами передаются из рук в руки в каких-то параллельных, подземных кругах... Неужели перед ней образчик подобного? «Мокрое видео», изготовленное задолго до появления бытовых видеокамер? Больше полувека назад? На кинопленке?

Клод принялся медленно крутить ручку, счетчики фиксировали время, реставратор останавливался на каждом скрытом изображении. Некоторые стоп-кадры с голыми людьми выглядели особенно непристойными, отталкивающими, на грани патологии. Какие могут быть сомнения, что в эпоху, когда женщина не всегда решалась даже и в купальнике показаться, все это должно было вызвать шок!

– Кровавые эпизоды – ближе к концу. Сцена с девочкой и быком ими изобилует. Простите, конечно, лишнее время уходит на перемотку с помощью этой ручки, но автоматический перемотчик сломался, а тут все-таки тринадцать минут фильма, то есть больше ста метров пленки. Скажите, а вы встречались с Людовиком, у вас с ним что-то было? Ему всегда нравились женщины вашего типа.

– Моего типа? Это какого же?

– Типа Джоди Фостер.

Люси от души расхохоталась:

– Думаю, надо воспринимать ваши слова как комплимент?

– Вот именно.

Нет, положительно, лучше вернуться к делу.

– А эпизод, когда бык останавливается прямо перед девочкой, как был сделан? Там комбинированная съемка? – спросила она, поудобнее пристраивая на стуле затекшую спину.



Любопытно, по пальцам ведь можно сосчитать фильмы, которые произвели на нее настолько же сильное впечатление, как эта короткометражка. Люси казалось, она могла бы описать во всех подробностях любую сцену, словно бы череда эпизодов накрепко впечаталась в ее серое вещество.

– Возможно, – согласился реставратор. – Но в определенный момент животное действительно зарезали. Что же до девчонки, стоящей перед бычьей мордой... Здесь придется детально исследовать каждый кадрик: может быть, оператор сначала снял быка одного, перемотал пленку обратно, не вынимая из камеры, и тогда уже снял девочку, поиграв с двойным экспонированием. Правда, мне этот способ кажется излишне громоздким, трудоемким, и, главное, надо признаться, что уж как-то слишком хорошо все это здесь сделано для эпохи, когда не было компьютеров и использовались в общем довольно примитивные материалы и аппаратура.

– А расширенные зрачки девочки вы заметили? Вдруг они ее накачали наркотиками?

– Актрис не накачивают наркотиками: даже если не думать о спецэффектах, в кино есть свои средства, способные расширить зрачки. И средства эти в пятидесятых были уже известны.

Реставратор замедлил скорость перемотки. Люси видела, как на экране сменяются кадры, как рождается и трансформируется движение – в зависимости от того, насколько быстро Клод крутит ручку...

Добрались до эпизода с пастбищем, окруженным заборами. Реставратор еще замедлил перемотку и наконец остановился. Стоп-кадр представлял собой изображение голы женщины. Вроде бы простодушная такая картинка: ну лежит себе женщина на травке... Да, конечно, простодушная, если бы не расползающиеся во все стороны, подобно библейским змеям, волосы и не круглая черная дыра, уходящая в глубь ее живота – как колодец.

Люси прикрыла рот рукой:

– Ах ты господи!..

Старик чуть подвинулся, взял в руки пленку и подставил ее под свет неоновой лампы:

– Вот посмотрите... Сделано просто классно: как и порнографические кадры, эта картинка не отличается по колориту от остальных. Здесь преобладают те же тона, здесь та же освещенность, та же контрастность. Всё просто один в один! Разве что пастбище чуть-чуть отличается, но и тут различие не очевидно: когда фильм идет на нормальной скорости, никакого

перескока в цветовой гамме не происходит, стало быть, глазами мы ничего и не воспринимаем. Зато наш мозг воспринимает все полностью.

Люси едва ли не носом водила по пленке. Подумать только, ведь эти кадры прошли через ее глаза так, что она ничего не заметила! А теперь, метром дальше, она опять увидела на прозрачной ленте эту лежащую как мертвая женщину. Потом – по мере того, как Пуанье подавал пленку дальше, пропуская ее между пальцами, – еще и еще.

– При каждом появлении лежащей на траве голой актрисы – а появляется она каждые примерно двести кадров – у нее на теле появляется новый надрез, идущий от черного кружка на животе. Этакая последовательность во времени. И все только для того, чтобы получить...

Он вернул пленку на место и опять принялся крутить ручку, пока не дошел до невероятной сцены с быком, замершим в шаге от девочки. Следующее скрытое изображение стало контрастом ко всем предыдущим.

– ...глаз!

Люси с трудом улавливала, что за добыча шла к ней в руки, или, точнее, во что она вляпалась. Актрисе постепенно кромсали живот, делая надрезы вокруг дыры на месте пупка, который гляделся теперь как солнце с лучами-ранами. Открытые раны на белом, лежащем в густой траве теле. Когда смотришь – кажется, что прорези образуют радужку со зрачком посреди. Упрятанный за видимым изображением глаз, который наблюдает за тобой, упрятанный за видимым изображением взгляд, который пронизывает тебя насквозь, вызывая желание отвернуться. Больше не смотреть. *Больше не видеть.* У Люси появилось ощущение, что она изучает фотографии, сделанные на месте преступления, что перед ней – жертва убийцы-извращенца, садиста.

– Здесь не может быть никаких комбинированных кадров, – решительно сказала она. – Это настолько... настолько реально!

Клод снял очки и протер линзы лоскутком замши. Без увеличивающих стекол морщинистое лицо старика-реставратора казалось спокойным, было видно, какие тонкие у него черты.

– Так и должно быть при хорошо сделанной трюковой съемке. А я-то нисколько не сомневаюсь, что тут именно трюковая съемка.

Из-за того что изображение было черно-белым, изуродованное тело женщины четче выделялось на вполне мирном фоне, и сцена насилия выглядела еще более кошмарной. Люси никак не могла опомниться.

– Но почему вы в этом так уверены?

– Потому что это кино, а не реальная жизнь, барышня! Седьмое искусство – искусство магии, иллюзии, искусство обмана глаз. Тут вполне

может быть манекен, а не живая... или мертвая женщина. Ловкость рук, грим плюс кое-какие постановочные эффекты – и все в порядке. И при этом – ничего настоящего! Но что бы там ни было, одно точно: режиссера наверняка преследовали две навязчивые идеи – глаз и воздействие образа на мозг. Первооткрыватель, как вы сказали, и действительно, его можно так назвать, учитывая, насколько нашу сегодняшнюю жизнь пропитали всякого рода изображения и всякого рода насилие. Наши дети сталкиваются за день больше чем с тремястами тысячами «картинок» – вы когда-нибудь об этом задумывались? А знаете ли вы, сколько «картинок» из этих трехсот с лишним тысяч показывают войну, насилие, смерть?

Обращенные в небо глаза той, кого Люси про себя называла жертвой, были пустыми, просто ни малейшей формы жизни... Чувствуя, что крыша у нее все-таки немножко поехала, Люси повернулась к Клоду:

– Как вы думаете, фильм показывали в кинотеатре?

– Думаю, нет. Показывали ленту или нет – всегда можно определить по виду перфораций, особенно тех, что в самом начале бобины, и в данном случае они явно не соприкасались с зубчиками барабана. Так что эта копия, во всяком случае, никогда не использовалась в сколько-нибудь широком масштабе.

– Зачем же тогда скрытые кадры, воздействующие на подсознание? Зачем все эти постановочные сцены?

– Для частных просмотров? Фильм, который постановщик еще кому-то показывал, как знать? Или созданный ради удовлетворения с помощью фантазма собственных садистских потребностей? Знаете, ведь подпороговое, или сублиминальное, воздействие обладает чрезвычайной силой. Поток изображений, который течет прямо в подсознание, минует какую бы то ни было цензуру, его ничем не остановишь. Как будто берут картинку и вклеивают ее прямо в мозг, опля – и она там! Идеальная возможность для пропаганды окольными путями насилия, секса, извращений... Сейчас этим занимается Интернет, распространяя картинки и звуки, ну, например, на сайтах музыкальных групп, которые, используя определенные слова своих песен, отправляют тебе в подсознание меседж, как это теперь называется. Может быть, наш приятель тоже развлекался подобным образом? Хотя когда я думаю, что дело было в пятьдесят пятом... Фантастический он, этот тип, совершенно фантастический! Опять же как сейчас говорят: респект ему.

Клод выключил экран. Люси глаз не сводила с бобины, содержащей тысячи последовательных кадров, где запечатлелись жизнь или смерть. Так, подумала она, в глубинах чудесной сверкающей реки могут таиться

мириады невидимых, но опасных паразитов...

– Это все, что можно вытащить из фильма?

– Нет. Думаю, там есть и какие-то иные сообщения. Ну, например, зачем понадобилось пятьдесят кадров в секунду? Или – зачем этот белый кружок справа вверху, который присутствует в каждом кадре? И потом... – Реставратор поджал губы, покачал головой. – И потом, этот «туман», и эти очень темные зоны кадра, и эти неизменные серые тона, и каше перед объективом... Режиссер, похоже, не забавы ради играет контрастами, светом, недомолвками, а ими тоже что-то нам говорит... Когда я смотрел короткометражку, меня, как и вас, охватила тревога, мне стало страшно. Кадров с порнографией или даже с истязанием этой женщины недостаточно, чтобы создать такое болезненно-сильное ощущение. Ну и как забыть о том, что Людовик из-за этой пленки оказался в психушке! Должно быть, я что-то там пропустил, и надо теперь более вдумчиво исследовать фильм. Всмотреться в каждый кадр, в каждую часть кадра. Но на это нужно время...

Люси никак не удавалось избавиться от преследовавшего ее видения изувеченной женщины. Огромный черный глаз – как рана на животе несчастной. А может быть, это доказательство убийства. И даже если прошло больше полувека, ей надо разобраться, чтобы совесть была чиста. Или хотя бы понять.

– Как можно найти эту женщину?

Клода, кажется, не удивил вопрос. Он постоянно имел дело с фильмами, большей частью утерянными или анонимными, и должен был привыкнуть к вопросам подобного рода.

– Думаю, ее надо искать во Франции. На ней костюм в стиле Шанель образца пятьдесят четвертого года, стало быть, куплен он был за год до съемок. Моя мать носила точно такой же...

Снимали во Франции, проявляли и печатали копию в Канаде? Или, может быть, актриса (если это действительно актриса) приезжала туда на съемки? Зачем ей это понадобилось? Как ее уговорили сниматься в короткометражке, режиссер которой точно был ненормальным? В любом случае – вот и еще одна странность.

– ...великолепная грудь, грушевидные бедра, период Брижит Бардо, когда кинематографисты решились наконец показать женщину, был в самом разгаре. Лицо актрисы мне совершенно неизвестно, но я могу позвонить знакомому историку кино пятидесятых годов, а он, в свою очередь, связан со всеми архивами и синематеками страны. Среда, где делали порнографические и эротические фильмы, оставалась очень

закрытой, цензура в те времена была строгой, тем не менее фильмы как-то ведь распространялись. Если эта женщина была профессиональной актрисой и снималась в других картинах тоже, мой приятель ее отыщет.

– Вы можете сделать для меня фотокопии скрытых кадров?

– Есть предложение лучше! Давайте я оцифрую этот фильм целиком? Мой рассчитанный на шестнадцатимиллиметровую пленку сканер способен обработать две тысячи кадров в час. Разрешение мы получим, конечно, плохонькое, но это не страшно: качество изображения останется высоким – вы же не на киноэкране станете его смотреть, правда? Когда я закончу работу – положу копию на сервер, дам вам ссылку, и вы заберете фильм себе.

Люси горячо поблагодарила старика и сунула в корзинку с визитками свою служебную.

– Позвоните мне, когда будут новости.

Клод кивнул и сжал ее ладонь обеими руками.

– Я делаю это для Людовика. Благодаря его родителям я познакомился со своей женой, ее звали Мэрилин, как ту, другую... – Он вздохнул, во вздохе чувствовалась ностальгия. – И мне действительно хочется понять, почему из-за этого чертова фильма мальчик ослеп.

Выйдя на улицу, Люси взглянула на часы. Почти полдень. После сеанса в лаборатории реставратора к ней будто приклеилось ощущение тошноты. Невозможно было отделаться от мысли, что все эти скрытые кадры живут теперь в ней помимо ее воли. Она ощущала их в себе, ощущала, как они вибрируют где-то в организме, вот только не понять, где именно. Эпизод с разрезанным глазом очень сильно ее задел, но это она хотя бы осознавала, тогда как остальные... одна только извращенная мерзость, которую всадили ей в башку, и попробуй теперь бороться.

Кто, какие психи смотрели это бредовое творение? Зачем было вообще снимать эту короткометражку? Как и Клод Пуанье, Люси чувствовала: проклятая пленка хранит еще немало зловещих секретов.

Даже не пытаясь разогнать роящиеся в голове вопросы, Люси отправилась на площадь Республики, где ее ждала оставленная на стоянке машина. Прежде чем включить зажигание, она перечитала объявление Шпильмана-младшего на вырезке, которую дал ей Людовик: «Продается коллекция старых (30-е годы и позже), немых и звуковых, фильмов на шестнадцати- и тридцатипятимиллиметровой пленке. Представлены все жанры, есть короткометражные и полнометражные ленты. Свыше 800 бобин, из которых 500 – шпионские фильмы. Цена по договоренности...» Может быть, сын человека, собравшего эту коллекцию, что-нибудь знает?

Надо бы проехаться до Льежа... Но сначала она пойдет в больницу, чтобы пообедать вместе с матерью и Жюльеттой. Хм, если это называется «пообедать»... Ладно, не стоит привередничать.

И как же она соскучилась по доченьке, как ей не хватает ее детки, ужасно не хватает.

Шарко был вне себя. Он поочередно открывал двери всех туалетов в здании Руанской территориальной службы судебной полиции, чтобы убедиться: там никого нет. Капли пота стекали по вискам, проклятое солнце жарило и сквозь стекла. Черт знает что, гнусь какая-то! Соленый пот разъедал пылавшие яростью глаза, он резко повернулся:

– Ты оставишь меня в покое, Эжени, а? Принесу я тебе, принесу твой соус-коктейль, только не сейчас! Может быть, ты и не заметила, но сейчас я работаю!

Эжени сидела на краю умывальника. На ней было голубое платице, красные туфельки на застёжке, длинные светлые волосы стягивала резинка. Она сидела – такая свеженькая, ни капли пота! – и с лукавым видом наворачивала на палец белокурую прядку.

– Ты же знаешь, Франк, мне не нравится, когда ты этим занимаешься. Я боюсь скелетов и мертвецов. Элоиза тоже боялась, ну и зачем тогда ты снова начинаешь, зачем заставляешь меня бояться? Тебе что – плохо было в кабинете? Хорошо же? А теперь я больше никуда одна не уйду, я хочу быть с тобой.

Шарко метался, кипел как чайник на огне. Он кинулся к умывальнику, сунул голову под ледяную воду. Когда он выпрямился, Эжени по-прежнему сидела на краю, толкнул ее – девчонка не пошевелилась.

– Кончай говорить об Элоизе. Отстань! Ты должна была уйти после лечения, ты должна была исчез...

– Тогда мы немедленно возвращаемся в Париж, прямо сейчас. Я хочу играть с поездами. А если ты так плохо ко мне относишься, если ты опять отправишься смотреть на скелеты, это тебе даром не пройдет. Болван Вилли больше не может являться, чтобы тебе досаждать, но я-то могу. И когда хочу.

Господи, пристала куда хуже, чем банный лист. Комиссар обхватил голову руками. Потом вышел из туалета, захлопнул за собой дверь, свернул в другой коридор и... и увидел сидящую по-турецки на линолеуме лицом к нему Эжени. Обогнул ее, сделав вид, что не заметил, скрылся в кабинете Жоржа Переса. Руанский следователь пытался управиться одновременно с двумя трубками: стационарного телефона и мобильного, перед ним на столе высилась груда бумаг. Он прикрыл трубку ладонью и спросил Шарко:

– В чем дело?

– Получили новости от Интерпола?

– Да-да, мы же еще вчера отправили список в центральный офис.

Перес вернулся к прерванному разговору, Шарко так и торчал в дверном проеме.

– Можно мне увидеть этот список? – спросил он чуть погодя.

– Комиссар, ради бога, я же занят...

Парижанин кивнул и отправился в свой «кабинет» – выделенный ему уголок большой общей комнаты, где сидели пять или шесть руанских коллег. Июль, синее небо, отпуска... Несмотря на важность текущих исследований, шестеренки крутились тут замедленно.

Франк сел на стул у своего стола. Эжени его допекла, и если из парижского кабинета ее удавалось выпроводить, то отсюда – никак. Чертова девчонка опять грузит его давними воспоминаниями, навязчивыми мыслями, голова просто пухнет – отлично ведь знает, наглое существо, где надавить, чтобы сделать побольнее. А в конечном счете выходит, что Эжени его наказывает, как только, на ее взгляд, он становится слишком полицейским.

Вооружившись ручкой, Шарко принялся читать документы. Девочка тем временем играла с ножом для разрезания бумаги, от нее постоянно исходили какие-нибудь звуки, звуки эти раздражали, но Шарко знал, что затыкать уши бессмысленно: Эжени шумит не снаружи, она внутри головы, так сказать, в черепушке, и не уберется оттуда, пока не захочет сама. Конечно же, полицейский делал все, чтобы никто ничего не заметил. Ему необходимо выглядеть со стороны нормальным, здравомыслящим – только благодаря этому и удавалось сохранить за собой теплое местечко в нантеррском офисе...

Когда Эжени оставила его в покое, он смог наконец разобраться в своих записях. Судмедэксперты и токсикологи продвинулись довольно далеко: более подробный анализ костей, а главное – сканирование показали, что у четырех скелетов из пяти есть старые переломы (запястий, ребер, костей) с костной мозолью, которая свидетельствует о том, что все эти переломы случились менее двух лет назад, но до убийства. Значит, жертвы не просиживали штанов в кабинетах: кости они могли сломать, упав при выполнении какой-то работы, или занимаясь каким-то видом спорта типа регби, или в драке. Шарко раньше уже успел попросить, чтобы проверили по местным спортклубам, не ломал ли кто чего в то время, и по местным больницам – не лечил ли кто переломы. Сейчас собирают данные.

Волос на голове ни у одной из жертв не было, но лобковые при анализе рассказали довольно много. Трое из пяти, в том числе и азиат,



употребляли кокаин и синтетический опиоид субутекс, заменитель героина. Исследование сегментов каждого из волосков показало, что эти трое сначала резко снизили употребление наркотиков, а потом – в последние недели перед смертью – и вовсе отказались от них. О том же говорили результаты анализа измельченных куколок насекомых, найденных на скелетах: там ничего не обнаружилось, а если бы эти парни и в последние часы своей жизни имели дело с дурью, следы ее можно было бы увидеть в кератине, сохранившемся в хитиновом покрове. Добравшись до этого места, Шарко записал в блокноте: проверить, кто в интересующее нас время выходил из наркологических центров и из тюрем (последнее – потому, что заключенные довольно часто употребляют именно субутекс). Возможно, эти убитые побывали за решеткой, возможно, они были наркодилерами или занимались перевозкой наркотиков. Принимать во внимание надо все, не упуская ни единой мелочи.

Последний пункт: кусочек зеленого пластика, найденный в районе ключицы того трупа, который сохранился лучше других. Тщательное исследование не показало наличия веществ, имеющих отношение к химиотерапии. Гипотеза патологоанатома не подтвердилась: в заключении было написано, что этот чехол мог с такой же вероятностью защищать переплетение тонких электродов, вживленных в мозг и идущих от мозга к нейростимулятору, который имплантируется подкожно именно в области ключицы. Такой метод лечения называется хронической стимуляцией глубоких структур головного мозга и используется для лечения тяжелых депрессий, паркинсонизма: руки и голова пациента при такой терапии дрожат куда меньше – и, наконец, невроз навязчивых состояний. Вот это надо отметить особо, потому что убийца вроде бы сильно интересовался содержимым черепов своих жертв.

– Ну и что ты там пишешь?

Эжени вернулась. Шарко, гордо проигнорировав ее появление, попытался сосредоточиться и продолжать, но не тут-то было: девочка принялась лупить канцелярским ножом по столу. Удары становились все сильнее, сильнее, сильнее, и девчонка при этом приговаривала:

– Элоиза мертва, да, твоя жена мертва, да, Элоиза и твоя жена – они обе мертвы, да, и во всем виноват ты один, да...

Ну и гадючка!.. Это ее любимая фраза, та, что ранит его в самое сердце. Шарко скрипнул зубами:

– Заткнись, черт побери!

Головы коллег повернулись к нему. Он вскочил, подбежал к что-то ксерившему бригадиру и сунул ему под нос свое служебное удостоверение:

– Шарко из Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности.

– Я знаю, комиссар. Вам что-то нужно?

– Мне нужно, чтобы вы купили для меня засахаренных каштанов и соус-коктейль. Только такой, который для салата с креветками, килограммовую банку. Можете это сделать прямо сейчас? Учтите, каштаны могут быть какие угодно, любой фирмы, но соус не к семге или к чему еще, а именно к креветкам, не забудьте: со-ус к кре-вет-кам!

У бригадира глаза полезли на лоб.

– То есть...

Парижский полицейский упер кулаки в бедра, расправил плечи... Прибавив несколько килограммов, он – и так крепкий от природы – стал выглядеть совсем уж внушительно.

– Вы что-то хотели спросить, бригадир?

Молодой бригадир не захотел больше ничего спрашивать, он просто исчез как не бывало. Шарко вернулся на место, Эжени ему улыбнулась:

– До скорого, Франк, дорогой!

– Ага, проваливай куда подальше! Сиди там тихо и не высовывайся.

Девочка побежала вприпрыжку и скрылась за пробковой доской с приклеенными бумажками. Шарко вдохнул, выдохнул, закрыл глаза. Наконец-то донимавшие его звуки исчезли, стало тихо: еле слышное гудение компьютеров и поскрипывание подметок коллег не в счет... Он вернулся к своим раздумьям, вернулся к папкам с бумагами, снова пролистал заключения и протоколы. Нет, больше отсюда ничего особенно интересного не выудишь. Анализы ДНК еще в работе, не закончена и реконструкция лиц, которая, скорее всего, ничего не даст... Словом, если подвести итоги, то на сегодняшний день известно только следующее: пятеро мужчин от двадцати двух до двадцати шести лет, один из которых – азиат, большей частью употреблявшие раньше наркотики, были ранены или убиты из огнестрельного оружия. Верхушки черепов спилены, глаза изъятые, руки отрублены, тела захоронены. Супер!..

М-да, само по себе расследование тоже не сказать чтобы сильно продвинулось. Особенно неприятно, что ничего не обнаружилось в списках пропавших без вести. Спрашивали, допустим, не числился ли в розыске за последние пятнадцать месяцев азиат такого-то роста, такого-то веса, такого-то возраста – впустую, нигде такой не числился. Хотя, в конце концов, это только наполовину провал: отсутствие сведений означает всего лишь, что эти люди могли быть маргиналами, нелегальными мигрантами, да просто иностранцами.

Попозже, чувствуя, что мозг совершенно расплавился и превратился в кашу, Шарко сходил освежиться к фонтану. Вот если бы посидеть на воздухе, на террасе какого-нибудь кафе... Бригадир принес из супермаркета ведерко розового соуса, засахаренные каштаны, и Эжени сразу оставила его в покое. Скоро он вернется в гостиницу, позвонит в Париж Леклерку, а через день-два, возможно, вообще наострит отсюда лыжи. Потому что чем больше проходит времени, тем меньше вероятность что-нибудь здесь обнаружить. Опрос в больницах не дал абсолютно ничего. Лейтенанты-оперативники, которые опрашивали окрестное население, вернулись с пустыми руками: из нескольких сот людей, работающих – и не так давно работавших – на предприятиях промышленной зоны, ни один ничего не видел и не слышал. Но с другой стороны, преступление такое давнее, что память этих людей вполне могла притупиться.

Как бы то ни было, все трупы пока еще анонимны.

Он последний раз полез в папки с документами, углубился в них и вдруг почувствовал, что кто-то опустил руку ему на плечо. Оглянулся. Это оказался Перес, разглядывавший ведро с соусом и пакет с засахаренными каштанами. Не отрывая взгляда от продуктов, Перес бросил:

– Получили информацию – есть хороший след. Пойдемте посмотрите.

Шарко поплелся за дивизионным комиссаром, вошел вслед за ним в кабинет, тот закрыл за парижанином дверь и указал пальцем на монитор компьютера, где можно было увидеть скан рукописного документа на английском.

Ага, это телеграмма.

– Ребята из Интерпола только что прислали, и не поверите, каким кружным путем эта телеграмма до нас добралась! Один их парень, его зовут Санчес, позвонил из какого-то кемпинга под Бордо, где проводит очередной отпуск. Представляете, отдыхает он себе, попивая спокойно аперитив у телевизора, и вдруг видит на экране вас – на том месте, где были обнаружены тела, у трубопровода...

– Меня? Меня показывали по телевизору? Черт возьми, просто на ходу подметки режут, ну и ребята!

– Так вот, значит, этот самый Санчес моментально позвонил на работу и спросил, какое дело вы сейчас расследуете.

– Я хорошо знаю Санчеса. У нас было несколько общих дел в конце девяностых, до того как он перебрался в Лион.

– Он в последнее время не особенно смотрел ящик, ничего не знал о шумихе, которую телевизионщики устроили вокруг этой истории, и вот – увидел вас! Ну а когда позвонил после этого, коллеги ему рассказали... о

спиленных макушках черепов и так далее. У него в башке сразу вроде как звоночек прозвенел: было уже когда-то что-то такое, – и он попросил, чтобы ребята порылись в архивах... А теперь – догадайтесь, что они там нашли?

– Эту старую телеграмму...

– Вот-вот. Телеграмму, отправленную из Египта. Точнее, из Каира.

Шарко ткнул пальцем в монитор:

– Подтвердите, что мои глаза все еще видят ясно!

– Подтверждаю. Телеграмма датирована тысяча девятьсот девяносто четвертым годом. Три девушки, жительницы Каира, были тогда жесточайшим образом убиты. Верхушки их черепов убийца «спилил посредством медицинской пилы» (именно так там написано), мозг и глаза изъял. Тела были изуродованы, порезаны ножом с головы до ног, половые органы в том числе...

Шарко чувствовал, что им овладевает какой-то отвратительный хмель. Грудная клетка напряглась, стало трудно дышать. В нем снова проснулась ненасытная жажда погони за чудовищем. Перес между тем продолжал читать вслух телеграмму:

– «...все три преступления были совершены меньше чем за два дня». Причем трупы на этот раз не захоронили, тела были брошены на месте убийства. Крутой у нас преступник!

Парижский сыщик выпрямился, прикрыл глаза. Он представил себе лежащих на песке девушек с изрезанными телами. Внутренности – наружу, на съедение стервятникам. Все эти образы просто-таки распирали его голову. Он смотрел на монитор и ощущал, как прибывает адреналин.

– Когда действует серийный убийца, преступления обычно сближены во времени. Да и географически тоже. Между тем это было так давно, и Нормандия очень далека от Египта. Странствующий убийца? А что, Интерполу удалось обнаружить еще какие-то сходные случаи?

– Ни единого.

– Хотя, вообще-то, это ничего особенного не значит... Даже лет десять назад такая телеграмма была скорее редкостью: последнее, чем полицейские хотели бы заниматься, – это тратить время на возню с бумажками, да и то лишь тогда, когда им вообще была охота заморачиваться. Наш египетский коллега – полицейский-педант, почти парадоксальное сочетание.

Шарко помолчал. Глаза его все еще бегали по строчкам телеграммы, а мозг уже работал на всю катушку. Три девушки в Африке, пятеро мужчин во Франции. Порезы на теле, вскрытые черепа, изъятые глаза. С разницей в

шестнадцать лет. Почему так отдалены друг от друга две серии убийств? А главное – есть ли между ними связь, и если есть, то какая? Аналитик вернулся к тексту пересланного Интерполом документа:

– Донесение в Интерпол направил некий Махмуд Абд эль-Ааль... Так зовут египетского полицейского, который замутил дело?

– Наверное, да.

– Этот документ – все, чем мы располагаем?

– Пока все. Сначала мы связались с египетским Интерполом, потом с каирской Службой международного технического сотрудничества полиции, откуда нас направили к комиссару при французском посольстве, Микаэлю Лебрёну, который, как нам сказали, напрямую связан с тамошними властями. Мы уже получили из Каира первую информацию, и она особенно не радует.

– Почему?

– Потому что этот самый Абд эль-Ааль, похоже, там больше не работает.

Шарко опять помолчал.

– Но кто-то ведь может обеспечить нам доступ к делу?

– Да. Главный инспектор по имени Хасан Нуреддин. Бригада – в его подчинении, и, по словам Лебрёна, он настоящий диктатор. Местные помалкивают – не любят, чтобы европейцы совали нос в их дела. Странно было бы, если б любили! В Египте ведь в средствах не стесняются: там не редкость пытки находящихся под следствием, аресты инакомыслящих... Ясно, что телефонные переговоры с ними ничего не дадут, но и прислать нам следственные материалы электронной или обычной почтой они тоже ни в какую не хотят.

Шарко вздохнул: Перес был прав. Полиция арабских стран, и особенно египетская, на миллион лет отстала от европейской. Там царит коррупция, там все до предела развращены деньгами и властью, и если уж кого ловят тамошние коллеги, то лишь тех, кто, по их мнению, может угрожать строю.

Перес щелкнул мышкой, отправил телеграмму на принтер.

– Я переговорил с вашим начальником, он не против того, чтобы вы смотались туда. До Каира лететь всего четыре часа. Если вы согласитесь, действовать будете через посольство: Микаэль Лебрён свяжет вас с каирской полицией, познакомит с Хасаном Нуреддином.

Откуда ни возьмись в кабинете появилась разгневанная Эжени и принялась дергать Шарко за рубашку. Он посмотрел на девочку.

– Пошли отсюда, давай, давай! – бормотала она. – Даже речи быть не может о том, чтобы мы отправились в эту ужасную страну! Я боюсь жары и

песка. И я боюсь самолетов. Не хочу!

– ...миссар! Комиссар, вы меня слышите?

Шарко повернулся к Пересу. Потер подбородок. Египет... К такому он не был готов – никак не ожидал.

– А вам не кажется, что все это пахнет дурным Джеймсом Бондом?

– У нас нет выбора, комиссар. Мы работаем с вещдоками, наше дело – рыться в земле, а ваше...

– ...в бумажках, да, понимаю.

Парижанин со вздохом взял из лотка принтера распечатку телеграммы. Несколько строчек, посланных на авось, вдруг повезет, несколько строчек, на долгие годы затерявшихся между двумя континентами, несколько строчек – вот и все дело, как хочешь, так и распутывай. Он подумал о стране, которую знал лишь по картинкам тех времен, когда он еще листал каталоги в турагентствах. Нил, великие пирамиды, нестерпимый зной, пальмовые рощи... Туристический конвейер. Сюзанне всегда хотелось в Египет, но он отказывался ехать, ссылаясь на то, что много работы. А сегодня эта самая работа, будь она трижды неладна, гонит его именно туда, в проклятые пески Африки.

Он задумчиво рассматривал Эжени, которая уселась в кресло начальника территориального управления и играла с резинками, стараясь хлопнуть ими Переса по заднице.

– Не пойму, что вас вдруг так развеселило, – удивился дивизионный комиссар.

Шарко поднял голову:

– Думаю, вылетать в Каир надо как можно скорее?

– Самое позднее – завтра. Служебный паспорт у вас с собой?

– Конечно. И мне положено по должности способствовать ускорению международных расследований. Даже если этого никогда не случается.

– Вот вам и доказательство, что случается. Только помните: в Египте вы будете связаны по рукам и ногам. Посольство приставит к вам переводчика, который ни на минуту вас не оставит, и вам не удастся сделать ничего, что может оказаться негодно местным властям. Вы будете вынуждены передвигаться как по минному полю – с тысячей предосторожностей. Ладно, будем держать друг друга в курсе.

– Я имею право на ношение оружия?

– В Египте? Смеетесь, что ли?

Они обменялись рукопожатиями, и Шарко хотел было выйти, так и оставив девочку в кресле Переса, но тот снова его окликнул:

– Комиссар Шарко!

– Да?

– В следующий раз хорошенько подумайте, прежде чем посылать моих бригадиров за покупками!

Выйдя из здания региональной полиции, Франк направился к гостинице. Под мышкой – бумаги, в одном пакете – ведерко с розовым соусом, в другом – коробка с засахаренными каштанами. Вперед, в дорогу, к делу, со всей очевидностью в высшей степени опасному.

И будь готов, дорогой, погрузиться в дебри жаркого, пропахшего специями города.

Мифического города Аль-Кахиры.

Просто – Каира.

Проглотив у постели Жюльетты дрянной обед – кусок мяса без всякого соуса и отварную картошку, Люси пошла домой. Она снимала небольшую квартиру в студенческом квартале. По обеим сторонам зеленого бульвара – дома в неоготическом стиле, в том числе и сам католический университет, извергавший из себя после окончания занятий на улицы города несколько тысяч человек. И Люси, рядом с этой молодежью, рядом с дочками, которые так быстро росли, ощущала себя с каждым днем старше.

Она отперла входную дверь, вошла и сразу же отправилась в ванную: скорее, скорее затолкать все грязное – целый мешок! – в машину, скорее, скорее включить ее, это же единственный способ избавиться от жутких больничных запахов! Потом, стоя под теплым душем, она подставила под сильную струю сначала затылок – пусть хлещет, потом грудь – пусть поклевывает... Эти два дня вне дома, два дня, когда нормальную еду заменяли в основном жидкие каши, когда умыться можно было только кое-как и наспех, а спать приходилось сложившись вдвое, лишний раз доказали, как она любит обычную свою жизнь. Как она любит жизнь со своими девочками, со своими привычками, с фильмами, которые можно смотреть по вечерам, сунув ноги в мягкие тапочки-зайчики, подаренные ей близняшками – и мамой – ко дню рождения. Стоит отнять у тебя самые простые вещи, сразу отдаешь себе отчет в том, что, в конце концов, не такая уж все это ерунда.

Обсохнув, она надела синюю шелковую тунику, легкую и свободную, не стеснявшую движений, натянула узкие брючки длиной до середины икры. Ей нравились контуры собственных икр, крепких и загорелых – загар она нагуляла, бегая два раза в неделю вокруг крепости. Когда близняшки пошли в школу, где можно поесть в столовой, ей удалось восстановить нужную пропорцию между работой, отдыхом и семьей. Люси снова стала женщиной – так мать говорит...

Она включила компьютер, зашла на сайт знакомств. Неудача с Людовиком не сказалась на ее привычке бывать здесь, немисливо же отказаться от этой формы отношений: виртуальных, ни к чему не обязывающих, а главное – единственных, какие тебе преподносят готовыми, на блюдечке с голубой каемочкой. Это хуже наркотика, но в первую очередь это позволяет экономить время: она, как, впрочем, и любой, всегда старалась выиграть хотя бы минутку.



На аккаунте скопилось семь новых предложений. Изучив их, она сразу же выкинула пятерых, а двоих: брюнетов сорока трех и сорока четырех лет – оставила для дальнейшего рассмотрения. Уверенность в себе, которую излучали сорокалетние самцы, была для нее одной из основных приманок – как свидетельство внутренней силы и надежности, как гарантия того, что этот мужчина не бросит тебя ради первой попавшейся свистушки.

Люси вышла на площадку, ощущая затылком легкий холодок, сунула в замочную скважину ключ, попыталась запереть квартиру. И почувствовала, что, когда она пробует закрыть дверь на двойной оборот, ключ в замке будто обо что-то трется, будто за что-то цепляется. Она наклонилась, внимательно изучила и ключ, и замочную скважину, снова вставила ключ и снова попыталась запереть дверь. Ага... Запереть-то на этот раз удалось, но – преодолевая сопротивление, что странно. Раздосадованная, она отперла дверь и вернулась в квартиру. Осмотрела гостиную, прошлась по другим комнатам. Проверила шкафы, где хранились диски с фильмами и книжки. На первый взгляд все в порядке, все как было, так и есть... Разумеется, ей сразу вспомнился призрак из дома Людовика. Почему бы этому призраку, сделав обыск там и запомнив номер ее машины, не приехать потом к ней? Впрочем, любой другой на ее месте решил бы, что замок уже старый и пора его смазать... Люси улыбнулась, пожалала плечами и вышла наконец на улицу. Хватит уже психовать из-за ерунды! И все-таки, отчавив, она еще долго смотрела в зеркало заднего вида и радовалась тому, что этот странный фильм у Клода Пуанье, стало быть в безопасности.

Поездку по тряским бельгийским дорогам до Льежа в стареньком автомобиле без кондиционера вполне можно было назвать подвигом, тем не менее она добралась без остановок и сразу нашла нужный дом. Дверь ей открыл Люк Шпильман, нижняя губа которого оказалась украшена совершенно омерзительным пирсингом...

– Это вы мне звонили?

Люси кивнула и показала служебную карточку со своей фотографией и полоской цветов французского флага наискось. Цель визита она объяснила еще по телефону, сославшись на часть правды: один из фильмов, купленных у Шпильмана Людовиком Сенешалем, заинтересовал полицию, поскольку содержит сцены насилия.

– Да, это я звонила. Можно войти?

Люк торчал в дверях и пялился на нее свинячьими глазками. Волосы у него на голове стояли дыбом, можно было подумать, перед ней Билл Каулиц из группы «Токийский отель».

– Ладно, пойдёте, только не говорите, что мой отец имел отношение к каким-то темным делишкам.

– Нет-нет, не беспокойтесь.

Они спустились по ступенькам в просторную комнату с верхним светом. Сквозь стекло в крыше было видно ясное синее небо, и Люси почудилось, что она попала в гигантский виварий. Люк Шпильман откупорил для себя бутылку пива, гостя попросила стакан воды. Кто-то в доме играл на каком-то музыкальном инструменте, нотки – легкие, чарующие – словно бы танцевали в воздухе.

– Это кларнет. Моя подружка играет.

Удивительно! Люси скорее представила бы себе его с девушкой, осваивающей электрогитару или даже ударные. Она решила не тянуть резину и перешла прямо к делу:

– Вы жили с отцом?

– Временами – да. Мы почти не разговаривали друг с другом, но у него никогда не хватало духу выставить меня за дверь. Вот я и мотался между этим домом и квартирой подружки. А теперь, когда его уже нет, думаю, сделал окончательный выбор.

Люк оторвался от своего семиградусного «Шиме Руж» и поставил наполовину опустошенную бутылку на стеклянный столик рядом с пепельницей, где лежали окурки косячков. Люси пыталась разобраться, что он за человек, этот дурачок: мальчишка явно строптив, упрям, скорее всего, избалован с детства. Похоже, недавняя кончина отца не слишком его опечалила.

– Расскажите мне об обстоятельствах смерти вашего отца.

– Так я ведь уже все рассказал полиции, и что тогда...

– Пожалуйста!

Он вздохнул:

– Я в это время был в гараже: когда старик продал машину, туда отправили все музыкальные инструменты. Ну и сочиняли мы тогда с подружкой и приятелем втроем одну композицию... А примерно в полдевятого вечера... может быть, в двадцать пять минут девятого... я услышал в доме какой-то грохот. Сперва побежал сюда, потому что в это время показывают новости, а мой отец во время новостей никогда бы на шаг не сдвинулся от телевизора. Да, точно, сначала я, значит, прибежал сюда, а когда в кресле его не оказалось, поднялся на второй этаж и увидел, что открыта дверь на третий, то есть на чердак. Мне это показалось очень странным.

– Почему?

– Потому что моему отцу было уже за восемьдесят. Двигался-то он еще неплохо, даже выбирался иногда побродить по городу или ходил в библиотеку, но наверх никогда не поднимался – слишком крутая у нас тут лестница. Если ему надо было принести с чердака какой-нибудь фильм, он всегда просил об этом меня.

Люси поняла, что напала на след. Что-то случившееся внезапно и совершенно непредвиденное заставило старика Шпильмана изменить обыкновению и подняться на чердак самому, не прибегая к помощи сына.

– А дальше, уже на чердаке, что было?

– Там я и обнаружил его тело – у подножия стремянки.

Люк уставился в пол, зрачки его были расширены. Но доля секунды – и он взял себя в руки.

– Из головы у него текла кровь, он был мертв. Мне было так странно видеть его неподвижным, застывшим с открытыми глазами. И я сразу же вызвал «скорую помощь».

Парень твердой рукой, не давая чувствам вырваться наружу, взял со столика бутылку с остатками пива. Вполне может быть, что Люк, поздний ребенок, видел в своем родителе всего лишь неуклюжего старца, неспособного поиграть с ним в футбол... Люси показала на портрет пожилого мужчины с суровым взглядом черных глаз. Да и сам он был, казалось, весь такой суровый, такой прочный – прямо как Великая Китайская стена.

– Это он?

Шпильман-младший кивнул, сжимая двумя руками бутылку:

– Ну да, папаша в полном расцвете сил. Когда был написан этот портрет, я еще и на свет не родился. А представляете, ему тогда уже пятьдесят стукнуло!

– Чем он занимался?

– Работал хранителем в ФИАФ, Международной федерации киноархивов, и постоянно рылся там в архивных материалах. Видите ли, цель ФИАФ – сохранить кино разных стран, а мой отец увлекался кино всю свою жизнь. Кино – вместе с историей и геополитикой ста последних лет – было главной его страстью. Любые войны, включая холодную, любые конфликты, шпионаж, разведка и контрразведка... Он на всем этом не одну собаку съел... – Люк поднял глаза. – Вы сказали по телефону, что есть какие-то проблемы с одним из фильмов с чердака?

– Есть. Думаю, именно за ним ваш отец в тот вечер и поднимался туда. За короткометражкой пятьдесят пятого года, которая начинается с того, что женщине разрезают глаз. Вам это о чем-нибудь говорит?

Шпильман-младший помолчал, подумал.

– Нет. Ровно ни о чем. Я же никогда не смотрел картин из отцовской коллекции, на фиг мне это старье, тем более про шпионов. Зато сам отец смотрел их постоянно, даже специальный зал для этого оборудовал. Он был просто помешан на кино, настоящий фанат, мог посмотреть один и тот же фильм двадцать-тридцать раз! – Люк нервно хихикнул. – Мой папаша... знаете, мне кажется, он немало бобин утащил из этой своей ФИАФ...

– Утащил?

– Ну да, спер, попросту говоря. Что тут поделаешь, обратная сторона страсти к коллекционированию, он никогда не мог удержаться. Коллекционер же, если хотите, сродни kleptomану: будто какой бес в нем сидит и заставляет воровать. Мне известно, что он был в контакте с коллегами, которые тоже таскали бобины, если могли, и их было не так уж мало. Вообще-то, фильмы из хранилища выносить не полагается, но папаша не хотел, чтобы они лежали мертвым грузом в огромных бездушных залах, он... он, понимаете, любил свои бобины, он даже гладил их, как другие гладят кошку... бывают такие люди.

Люси выслушала монолог, потом рассказала Люку о девочке на качелях, об эпизоде с быком... Нет, отвечал Люк, ничего подобного он никогда не видел, и похоже, отвечал он честно, искренне. Вопросы-ответы были исчерпаны, и Люси попросила хозяина дома проводить ее на чердак.

Ступив на первую же ступеньку уходившей почти вертикально вверх лестницы, Люси поняла, почему старик никогда не поднимался сюда. На чердаке Люк первым делом подошел к стремянке на роликах и откатил ее в противоположный угол:

– Вот здесь – да, точно здесь – она стояла, когда я обнаружил тело.

Люси внимательно осматривала чердак – тайное убежище увлеченного человека.

– А почему ее передвинули?

– Да сюда же столько народу уже приходило и еще придет! Со вчерашнего утра отцовские фильмы прямо-таки нарасхват.

Люси вдруг почувствовала, просто физически почувствовала, как в мозгу щелкнуло: вот первый раз и сходится что-то с чем-то, отлично.

– То есть все, кто приходит, уносят с собой фильмы?

– Ну-у... нет, не все.

– А конкретнее?

– Сразу после вашего приятеля приходил один мужик, такой... странный...

Он говорил теперь, делая паузы между словами, вяло, – похоже, пиво

подействовало.

– С этого места подробнее.

– У него очень короткая стрижка – светлый такой ежик. Он молодой, точно меньше тридцати. Здоровенный качок в рейнджерах или башмаках такого же типа. Обшарил весь чердак, можно было подумать, ищет какую-то определенную бобину. И в конце концов ничего не взял, только спросил, приходил ли кто до него, и если приходил, то купил ли что-нибудь. Ну я ему и выложил все про вашего Людовика Сенешаля, а когда сказал, что тот выбрал короткометражку без этикетки, качок ответил, что хотел бы переговорить с этим Сенешалем. Тогда я дал ему адрес.

– Откуда у вас адрес Людовика?

– Откуда! Был же адрес на чеке в четыре сотни евро, который он мне оставил!

Ага, значит, нюх ее не подвел: здесь все и началось. Таинственный качок, как и ее бывший, прочел в газете объявление и рванул сюда, но не успел, потому что Людовик, который живет ближе к границе, его обогнал. Но означает ли это, что незнакомец давным-давно обходил барахолки и следил за объявлениями в тайной надежде завладеть этим пропавшим фильмом?

Люси продолжала расспрашивать Шпильмана. Выяснилось, что белобрысый качок приезжал на обычной машине, вроде бы черном «фиате», и что номерной знак у него вроде бы французский, только бельгиец ни циферки не запомнил.

Они вернулись в гостиную. Люси обратила внимание на вделанный в стену огромный плоский экран. Люк раньше упоминал о том, что отец незадолго до смерти смотрел новости.

– Что же могло заставить вашего отца вскочить и поспешить на чердак? Вот так, внезапно. Есть какие-то соображения?

– Нет.

– А какой он обычно смотрел канал?

– Ваш, главный французский, «ТФ-1». Это у него был любимый.

Люси пометила: посмотреть на всякий случай, что было в новостях в день смерти старика-коллекционера.

– Кто-то приходил в дом перед тем, как ваш отец поднялся на чердак? Утром или днем?

– Насколько я знаю, нет.

Она быстро огляделась: непохоже, чтобы сюда был проведен телефон.

– У вашего отца был мобильный?

Люк Шпильман кивнул. Люси, стараясь казаться беззаботной и

непринужденной, налила себе стакан воды из графина, но внутри у нее все кипело.

– А когда месье Шпильман умер, телефон был при нем?

Парень, кажется, начал что-то соображать.

– Нет, мобильник лежал тут. – Он показал пальцем на низкий столик. – Я только сегодня утром взял его отсюда и переложил на полку. Полицейские им даже и не поинтересовались, а вы думаете, что...

– Покажете мне телефон?

Люк сходил за мобильником. Тот, естественно, оказался полностью разряженным. Шпильман-младший подсоединил зарядник, воткнул вилку в розетку, протянул телефон гостю. Так, аппарат в хреновом состоянии, но посмотреть входящие-исходящие с числом и временем можно. Сначала она поглядела, кто звонил Шпильману. Последний звонок был датирован пятницей, то есть ему звонили за день до смерти. Да, в пятницу после обеда. И звонила некая Дельфина де Оос. Люк объяснил, что это медсестра, которая время от времени приходила взять у отца кровь на анализ. Другие звонили достаточно давно, и парень сказал, что ничего в этих абонентах нет особенного: несколько старых друзей, коллеги по ФИАФ, с которыми отец иногда пропускал по стаканчику...

Люси перешла к исходящим. Сердце у нее екнуло.

– Стоп-стоп...

Последний раз старик Шпильман звонил кому-то в тот самый понедельник в 20 часов 08 минут. То есть минут за пятнадцать-двадцать до того, как свалился со стремянки. И тут есть кое-что куда более интересное, чем дата: номер телефона того, кому он звонил. По меньшей мере странный номер: +1 514 689 87 24.

Люси показала дисплей Люку:

– Ваш отец за несколько минут до смерти звонил за границу. Вам знаком этот номер? Или хотя бы код города?

– Может, это Соединенные Штаты? Ему иногда приходилось туда звонить, когда он занимался историческими исследованиями.

– Нет, не думаю, что это Штаты.

Люси достала из сумки собственный мобильник и, повинаясь интуиции, набрала номер. Конечно, голову на отсечение она не даст, но...

Голос в трубке оборвал ее размышления. Справочная.

– Будьте любезны, скажите, в какой стране может быть такой номер телефона: +1 514 689 87 24? – сказала Люси.

– Подождите минутку, пожалуйста.

Тишина. Зажав мобильник между плечом и ухом, Люси попросила

Шпильмана-младшего дать ей листок бумаги и ручку. Быстро записала номер. И сразу же услышала:

– Мадам, вы слушаете? Телефонный код 514 принадлежит провинции Квебек. Точнее – это город Монреаль.

Люси нажала на красную кнопку. Она внимательно смотрела на Люка, а на языке у нее уже вертелось слово:

– Канада...

– Канада? Но зачем ему было звонить в Канаду? Мы же ни с кем там не знакомы!

Люси нужно было время, чтобы освоиться с информацией. По какой-то неизвестной пока причине Влад Шпильман вдруг позвонил человеку, который живет в стране, где сделан фильм. Она просмотрела все исходящие за неделю до звонка. Этот номер больше в списке ни разу не фигурировал.

– Скажите, а ваш отец делал какие-то записи, связанные со своими фильмами? Со своими контактами? Может быть, остались блокноты, карточки?

– Нет-нет, ничего такого я не замечал. В последние годы отцу хватало нескольких квадратных метров. Вся его жизнь проходила между этой гостиной, кинозалом и кабинетом.

– Могу я глянуть на его кабинет?

Люк колебался. Потом прикончил пиво и сказал:

– Ладно, покажу. Только уж тогда объясните, в чем дело. Это мой отец, и я имею право знать.

Люси согласилась. Люк провел ее в чисто убранную комнату с компьютером, книжными шкафами, журналами, газетами... Она бегло просмотрела бумаги на письменном столе, выдвинула ящики. Ничего интересного, просто не за что зацепиться – оргтехника как оргтехника, обычный компьютер... А библиотека? Много исторических книг, книг о войне, о массовых убийствах, о геноциде – армянском, еврейском, руандийском. Целый раздел отдан истории шпионажа: ЦРУ, МИ-5, теория заговора... Названия книг на английском ни о чем, в общем-то, Люси не говорили – «Bluebird», «MK-ULTRA», «Artichoke»...<sup>[6]</sup> Кажется, Влада Шпильмана больше всего на свете интересовала темная сторона жизни мира за последнее столетие. Люси повернулась к Люку, показала ему на книги:

– Как вы думаете, отец мог скрывать от вас что-то серьезное, была у него какая-то тайна?

Молодой человек пожал плечами:

– По моему разумению, папаша был параноиком, ну и не в его стиле было обсуждать со мной такие дела. Это был его личный «тайный сад».

Люси еще немножко побродила по комнате, потом, когда Люк проводил ее к выходу, поблагодарила его у дверей и дала на прощание служебную визитку, на обратной стороне которой нацарапала свой мобильный – мало ли что... Уже в машине, где никто не мог помешать, она достала телефон и набрала тот самый канадский номер. Четыре выматывающих нервы гудка, потом трубку наконец-то взяли. Но дальше – ни «Алло!», ни хоть какого-нибудь звука. Люси решила сделать первый шаг сама:

– Алло!

Ответом стало долгое молчание. Люси повторила:

– Алло! Кто у телефона?

– А вы кто?

Мужской голос, заметный квебекский акцент.

– Люси Энебель. Я звоню из...

Щелчок. Монреаль отсоединился. Люси подумала, что ее собеседник – человек нервный, подозрительный, всегда настороже. Обдумывая, по какой причине диалог получился столь кратким, она выскочила из машины, вернулась к дому Шпильмана и принялась стучать в дверь.

– Опять вы? – удивился молодой хозяин.

– Мне нужен мобильник вашего отца.



Надо усовершенствовать стратегию, надо заставить его врасплох, удивить, не дать отсоединиться.

Люси терпела добрых четверть часа, потом стала нажимать на кнопки успевшего чуть-чуть зарядиться мобильного Влада Шпильмана. Если ей повезет, канадец узнает номер и не швырнет трубку. Во всяком случае – сразу не швырнет.

Нервничая, она ходила туда-сюда перед домом коллекционера. Пусть даже Шпильман-младший понял ее и оказался сговорчивым, все равно не хочется, чтобы он услышал этот разговор. Если, конечно, разговор состоится...

Трубку взяли, не дослушав третьего звонка.

– Влад? – спросил тот самый голос с квебекским акцентом.

– Влад нет в живых. Это Люси Энебель, лейтенант судебной полиции. Французской судебной полиции.

Момент был решающий, и она выпалила все на одном дыхании. Ответа не последовало, последовало долгое молчание с той стороны, но трубку не повесили!

– Как он умер?

Люси сжала свободную руку в кулак: рыбка на крючке! Теперь надо тихонечко вытягивать леску, главное – никаких резких движений, никакой внезапности.

– Сейчас скажу. Только сначала представьтесь, пожалуйста.

– Как он умер?

– Дурацкий несчастный случай: свалился со стремянки и ударился головой.

Снова долгое молчание. У Люси на языке вертелась тысяча вопросов, но она боялась неосторожным словом оборвать едва завязавшийся разговор. И собеседник нарушил тишину первым:

– Зачем вы мне звоните?

Люси решила играть в открытую: она чувствовала, что канадец сильно встревожен и тут же просечет любое вранье.

– Поговорив с вами в понедельник вечером, Влад Шпильман тут же поднялся на чердак, чтобы взять там со стеллажа бобину с пленкой. На пленке был анонимный фильм пятьдесят пятого года, снятый в Канаде, теперь бобина с этой короткометражкой у меня. Вот я и хочу выяснить,

почему он полез на чердак сразу после вашего разговора.

Совершенно очевидно, Люси его зацепила. Она слышала, что с каждой секундой собеседнику становится труднее дышать.

– Вы лжете, вы не из полиции.

– Позвоните моему начальству в судебную полицию Лилля и скажите, что вы...

– Нет, давайте-ка вы расскажите мне об этом деле.

Шестеренки в голове Люси закрутились с бешеной скоростью: о каком еще «этом» деле?

– Простите, я...

– Вы не из полиции.

– Говорю же вам – из полиции! Черт побери, я лейтенант Лилльской судебной полиции, можете проверить!

– В таком случае расскажите о пяти трупах, найденных вблизи промышленной зоны. На какой стадии расследование? Как оно осуществляется? Мне нужны все подробности.

Люси сообразила, что речь идет о пяти мертвых телах из трубопровода. Ага, вот, значит, из-за чего Влад Шпильман бросился звонить в Канаду! Они говорили тогда о сюжете из теленовостей.

– Сожалею, но мне подробности неизвестны. Мы распределены по регионам, и мой регион – северный, поэтому делом занимаемся не мы, а руанские коллеги. Вам надо связаться с...

– К чертям советы. Сами свяжитесь с людьми, которые ведут это дело, и, если вы действительно работаете в полиции, они снабдят вас информацией. А на случай, если вы захотите узнать, кто я, сообщаю: номер моего мобильного зарегистрирован на чужое имя и чужой адрес. И единственное, к чему вы меня вынудите таким образом, – поменять его.

Чувствовалось, что канадец собирается повесить трубку. Люси, пытаясь удержать его, пошла ва-банк:

– Какое отношение фильм имеет к этому делу?

– Вам самой это известно. До сви...

– Погодите! Как мне связаться с вами?

– Номер, с которого вы звонили в прошлый раз, остался в памяти моего телефона, я сам с вами свяжусь... – он помолчал, – в восемь вечера по вашему времени. Добудьте к этому часу информацию, иначе вам больше никогда ни меня, ни обо мне не услышать.

Отбой. Короткие гудки. Люси застыла перед домом Шпильманов с разинутым ртом, не понимая, что делать дальше. Что уж говорить, это был самый насыщенный и самый загадочный телефонный разговор за всю ее

жизнь.

Поблагодарив Люка, она вернула ему телефон отца, забралась в свою машину и глубоко задумалась. Она думала о голосе, отделенном от нее шестью тысячами километров или даже больше. Ясно, что обладатель этого голоса дико боится, что его опознают, раз, покупая симку, прячется за чужим именем и остерегается любой формы контакта. Почему он скрывается? От кого? Как он познакомился с Владом Шпильманом? А самое главное, надо выяснить, что за невидимая связь существует между анонимной короткометражкой и пятью трупами, обнаруженными в Верхней Нормандии.

Эта злосчастная бобина может оказаться тем самым деревом, за которым не видно леса.

Однако задело же ее за живое!.. Люси понимала, что отныне выбора нет, совесть не даст покоя, не позволит выпустить наживку, бросить все это, даже не начав. Вот всегда так, в любом деле: резкий старт – и уже не отступишь. Именно это упорство, точно та же страсть сделали ее лейтенантом полиции. А иногда из-за них переступаешь границы.

Счет пошел на минуты. До восьми часов вечера ей необходимо найти в Париже того, кто даст ей требуемую информацию.

В квартире шизофреника обычно царит беспорядок, отражающий беспорядок внутри владельца квартиры. Надлом в сознании шизофреников зачастую настолько явно проявляется в окружающем их хаосе, что многие из них приходят в конце концов к решению нанять домработницу. И наоборот: жилище человека, который анализирует поведение других людей, должно отличаться известной строгостью, оно – как зеркало прямолинейности ума, привыкшего раскладывать информацию по полочкам, будто это обувь в отведенном ей шкафу. Ну а квартира Шарко была образцом смешения двух этих «стилей». Грязные кофейные чашки переполняли кухонную мойку, неглаженные костюмы и галстуки лежали горой в углу ванной, зато при виде чистеньких комнат можно было подумать, что здесь проживает мирное патриархальное семейство. Много фотографий в рамках, горшки с цветами, в детской – мягкие игрушки, желтые обои, поверху – фриз с резвящимися дельфинами...

На полу детской – рельсы великолепной модели железной дороги. По рельсам идут старинные поезда с паровозами, а по обочинам – чего только нет: и домики, и деревья, и фабричные здания, и виноградники, и реки, и горы... Первое, что сделал Шарко, вернувшись два часа назад из Руана, – снова вдохнул жизнь в миниатюрный мир, потребовавший от него когда-то сотен... нет, тысяч часов на раскрашивание, склеивание, монтаж. Паровозики, весело посвистывая и время от времени выпуская из труб струйки ароматного дыма (с добавкой когда-то накопанных им в резервуары духов жены, его Сюзанны), побежали по рельсам. Эжени – не роняя своего достоинства – сидела посреди всего этого великолепия, вот она улыбнулась – и полицейский обрадовался тому, что она рядом.

Когда девочка решила уйти, Шарко поднялся и снял со шкафа пыльный чемодан. Стоило откинуть крышку – по комнате разлились запахи прошлого, такие печально-ностальгические, что сердце Франка болезненно сжалось.

Лететь в Каир надо завтра утром из Орли «Египетскими авиалиниями». И – черт бы их побрал! – экономклассом. Было договорено, что прикрепленный к французскому посольству полицейский комиссар встретит его в аэропорту. Шарко зашел в Сеть, посмотрел, какая погода в Каире: небесный жар сжигает страну, настоящая баня, нет, такое делам не поспособствует... Он положил в чемодан легкие однотонные тенниски,

одни плавки, другие – вдруг понадобятся, две пары фланелевых брюк и бермуды. Не были забыты ни магнитофон, ни соус-коктейль и засахаренные каштаны, ни игрушечный паровозик с прицепленной к нему черной вагонеткой для дров и угля.

Телефон зазвонил в ту минуту, когда он захлопнул чемодан, заполненный только наполовину (надо же было оставить место для подарков). Это Леклерк. Шарко, улыбнувшись, нажал на кнопку «ответить».

– Пару блоков египетских сигарет, бутылку египетского виски, названия которого даже и не припомню, аромакурильницу для Кати... ну и что еще ты попросишь привезти? Картонную пирамиду?

– У тебя есть еще время подъехать на Северный вокзал?

Комиссар посмотрел на часы. Половина седьмого. Обычно в семь он ужинает, почитывая газетку или разгадывая кроссворд, и не в его правилах отказываться от своих привычек. Нет, не так – терпеть он этого не может!

– Смотря зачем.

– Одна коллега из Лилльской судебной полиции хотела бы с тобой встретиться. Она уже едет сюда на скоростном поезде.

– Шутишь, что ли?

– По первому впечатлению это связано с нашим делом.

Пауза.

– И какого же рода эта связь?

– Странная и неожиданная. Девушка позвонила мне по прямой линии и попросила о встрече с тобой. Так что съезди-ка все-таки и глянь, шутка это или всерьез. Одно вас с этой девицей точно роднит: вы оба в отпуске.

– Нашел о чем говорить, ничего себе отпуск!

– Ее поезд приходит в девятнадцать тридцать одну. Она блондинка, ей тридцать семь лет, на ней синяя туника и короткие узкие бежевые брючки. Впрочем, она сама тебя узнает – видела по ящику, ты ж у нас теперь почти кинозвезда!

Шарко потер пальцами виски:

– Прекрасно бы без этого обошелся. Что еще о ней расскажешь?

– Остальное я тебе переслал мейлом, получи, распечатай и собирайся в путь.

Пока перед ним на мониторе были только электронные авиабилеты.

– Есть, начальник, слушаюсь, начальник! Скажи, а сам-то ты тоже считаешь, что мне в Каире хватит двух неполных дней? Не маловато, а?

– Местные власти не хотят, чтобы ты оставался там на более долгий срок, а мы обязаны играть по правилам.

– Но какого черта ты посылаешь в Египет именно меня! Знаешь же, что в играх по правилам я не силен. И потом, вдруг... вдруг я сорвусь? Ты же помнишь... ну... зеленое пятно в моем мозгу?

– Именно тогда, когда в твоём мозгу появляется это зеленое пятно, ты лучше всего соображаешь. Точно. Болезнь делает с твоей башкой нечто такое... я бы сказал, она начинает варить с удвоенной силой, и ты ловишь на лету вещи, которых никто другой даже и не заметил бы.

– Сказал бы ты лучше вот это все нашему с тобой общему шефу! Может, он проникся бы ко мне бóльшим уважением.

– Чем меньше мы ему скажем, тем лучше для нас. Да! На самом деле это называется «AuldStag»...

– Что «это»?

– Что-что! Египетский виски. Запиши, черт возьми, если не способен запомнить. А Кате купишь самую дорогую курильницу для благовоний, какую только найдешь: хочу сделать ей подарок получше.

– Как она, кстати? Давненько не виделись... Надеюсь, она не очень на меня сердится и...

– И не забудь крем от mosкитов, иначе загрызут.

Леклерк повесил трубку так, будто хотел прервать ставший ему неинтересным разговор.

Четверть часа спустя Шарко был уже в скоростном метро на станции «Бур-ла-Рен», где, устроившись на ближайшем свободном сиденье, погрузился в чтение распечатанных на принтере листков: короткой справки, присланной ему начальником. Люси Энебель, не замужем, две дочери, отец умер от рака легких, когда ей было десять лет, мать – домохозяйка. В начале двухтысячных – бригадир в Дюнкерке. Отвечала там за всякую писанину, тем не менее была подключена к зловещему делу под названием «Комната мертвых»<sup>[7]</sup>, которое поставило тогда на уши весь северный регион. Шарко прекрасно знал, какой долгий путь надо было в те годы проделать бригадиру, чтобы стать офицером судебной полиции, и не очень понимал, как обычная конторская служащая ухитрилась вырасти в руководителя подобной облавы на шайку, как тогда говорили, психопатов и ритуальных убийц. Какие внутренние силы тянули эту мать семейства *на другую сторону*?

Так... Потом ее перевели в Лилль, где она стала лейтенантом судебной полиции в местном управлении. Отличная карьера! Можно подумать, девушка просто-таки рвалась в большой город, где, соответственно, больше шансов натолкнуться на худшее. Что ж, пока безупречный послужной список... По словам непосредственного руководства, Энебель настойчива и

педантична, но при этом «чем дальше, тем сильнее» проявляет склонность съезжать куда-то не туда. Лезет в любое пекло, не дождавшись подкрепления, постоянно ругается с начальством и имеет досадную привычку браться только за дела о жестоких преступлениях, предпочтительно – убийствах. Еще Кашмарек, начальник управления полиции, где она служит, пишет об этой Энебель, что она «энциклопедически образованна, быстро входит в суть дела, проявляет себя в нем тонким психологом, но не всегда способна себя контролировать». Интересное досье! Шарко пошел дальше. Ему казалось, что он читает собственную историю. В 2006-м, пишут, она вроде бы пострадала. Долгая и ожесточенная охота за преступниками в бретонской глуши закончилась для нее тремя неделями отпуска по болезни. Официальный диагноз – «переутомление», но полицейские в своей среде называют это состояние «депрессухой».

Депрессия... Молодая женщина – во всяком случае, на бумаге – выглядела скорее крепкой и надежной, откуда же тогда это внезапное сошествие в ад? Депрессия на тебя наваливается, когда ты расследуешь дело, задевающее тебя за живое, когда беда другого человека становится вдруг твоей собственной. Но что же в том деле могло оказаться для нее таким личным?

Шарко оторвал глаза от странички, привычно потер подбородок. Этой Энебель было тогда чуть за тридцать, но тьма уже влекла девушку до такой степени, что стала управлять ее жизнью. А сколько было ему самому, когда он начал съезжать с катушек? Может, и гораздо раньше, чем она. И вот к чему это привело. Кто угодно, любой наблюдательный человек, мигом поняв его положение, оценил бы ситуацию так: этот тип накачан лекарствами, он стареет в одиночестве, стареет с печатью разбитой вдребезги жизни на лбу и болью, пропитавшей каждую морщинку.

В 19:20 он вышел к Северному вокзалу не такой взмокший, как обычно. Июльские пассажиры – это не работяги, а туристы, более дисциплинированные и не так к тебе липнущие в транспорте. Пульс Парижа в это время замедлен.

Девятая платформа. Вокруг стоявшего неподвижно со скрещенными на груди руками Шарко бродили голуби, воздух был убийственно тяжелым, парило нестерпимо, хотя одежду он выбрал самую что ни на есть легкую: желтая тенниска, бежевые бермуды, мягкие туфли на каучуке. Он ненавидел вокзальные перроны, аэропорты, все места, способные напомнить о том, что люди каждый день расстаются. Позади него родители вели детишек к битком набитым поездам – отправляли на каникулы. Такая

разлука не страшна, она всегда хорошо кончается, после такой разлуки встреча еще радостнее, вот только для Шарко день встречи не наступит никогда.

Сюзанна... Элоиза...

Прибывший из Лилля экспресс выбросил из себя плотную толпу пассажиров. Пестрота, разноголосье, грохот чемоданов на колесиках. Рядом с Шарко, поднимая вверх таблички с именами, переминались с ноги на ногу таксисты. Он вытянул шею и сразу же увидел ту, кого встречал, – будто выключатель щелкнул. Люси шла к нему, улыбаясь. Маленькая, тоненькая, волосы до плеч, на вид – хрупкая, и, если бы не эта почти виноватая улыбка, если бы не эта специфическая усталость, которая отличает полицейских от обычных людей, он, возможно, принял бы ее за провинциалку, явившуюся в Париж искать сезонную работу.

– Комиссар Шарко? Люси Энебель из Лилльского территориального управления судебной полиции.

Рукопожатие. Шарко заметил, что большой палец ее руки оказался сверху, – так-так, значит, либо она хочет держать все под контролем, либо таким образом выражается безотчетное желание властвовать. Комиссар улыбнулся в ответ приезжей коллеге.

– Скажите, а «Немо» на улице Солитер в Старом городе еще существует?

– По-моему, продается. А вы уроженец севера?

– Продается? Жалко... В конце концов все лучшее исчезает. Да, корни у меня там, но это было так давно... Пойдемте в «Северный терминал»? Не сказать чтобы это кафе было привлекательнее других, зато оно прямо напротив.

Покинув вокзал, они нашли себе местечко в тени на террасе кафе. Перед ними выстроились длинной разноцветной очередью такси, ожидающие пассажиров. Вокзал казался центром перемещения народов: здесь роились и отсюда извергались белые и черные, арабы и азиаты. Шарко заказал себе белое пиво с ломтиком лимона, Люси, скинув наконец рюкзак, попросила принести «перье». Новый знакомый произвел на нее впечатление, особенно внешне: и стрижка ежиком, и взгляд стреляного воробья, и стать. А еще чувствовалось в нем что-то сложное, неоднозначное, что-то неуловимое, чего не обозначишь словами... В общем, Шарко ей скорее понравился, но Люси попыталась этого не показывать.

– Мне говорили, вы специалист по анализу поведения преступников? Интересно, должно быть, заниматься анализом поведения?



– Давайте-ка прямо к делу, лейтенант, сейчас уже довольно поздно. Что вы хотите мне сообщить?

Ну и тип! Прямолинейен, как удар в боксе! Люси совсем еще не знала этого человека, но понимала: Шарко никогда ничего не даст, если ему это не возместится. Впрочем, так ведь в их профессии всегда: ты мне – я тебе. И она рассказала комиссару все с самого начала: о смерти бельгийского коллекционера, о том, как был обнаружен анонимный короткометражный фильм, о содержащихся в нем порнографических кадрах и сценах насилия, о человеке с «фиатом», который вроде бы ищет именно эту бобину. Шарко слушал совершенно бесстрастно. Ну да, этот аналитик, который всякого небось навидался в жизни, из таких, кто всегда будто в панцире. Люси начала было говорить о сегодняшнем загадочном разговоре с канадцем, но в это время официант принес напитки, и она замолчала.

Официант ушел.

– Я просмотрела в Интернете все новостные выпуски за неделю. В понедельник утром на строительстве трубопровода были обнаружены тела, а вечером новость уже шла в эфир первым номером. Говорили о том, что поблизости от Граваншона под землей найдено несколько трупов с отпиленными верхушками черепов.

Она достала из рюкзака блокнот. Шарко заметил и то, что работает лейтенант Энебель тщательно и аккуратно, и то, что она излишне азартна: глаза полицейского никогда не должны сверкать, а ее взгляд, стоило заговорить о деле, выдавал излишнюю увлеченность.

– Вот, я записала: в тот самый вечер, о котором мы говорим, репортаж о трупах со вскрытыми черепами начался в двадцать ноль три и закончился в двадцать ноль пять. А в двадцать ноль восемь старик Шпильман уже звонил в Канаду. Мне удалось извлечь из телефона данные о продолжительности разговора: одиннадцать минут. То есть закончился он в двадцать девятнадцать. Примерно в двадцать двадцать пять Шпильман погиб, стараясь достать с полки стеллажа пресловутый фильм.

– А проверить остальные звонки Шпильмана вам удалось?

– Я еще не подключила к делу свою бригаду. Пришлось бы слишком долго им все объяснять, а мне было важно прежде встретиться с вами.

– Почему?

Люси положила перед собой мобильник.

– Потому что мой таинственный канадский собеседник перезвонит через четверть часа – и, если я не смогу сообщить ему ничего «вкусненького», на этом все будет кончено.

– Вы могли бы связаться с бригадой по телефону, просто вам

приспичило увидеть настоящего...

– Кого – настоящего?

– Настоящего аналитика, профайлера. Человека, который на этом собаку съел.

Люси пожала плечами:

– С радостью польстила бы вашему эго, комиссар, но ничего похожего. В общем, я все вам рассказала, теперь – ваша очередь.

Она действует прямо, открыто, не лукавит. Шарко нравилась тайная война, которую эта девица ему предложила. Тем не менее Франку хотелось ее еще немножко подразнить.

– Нет, без шуток, неужели вы действительно думаете, что я готов поделиться конфиденциальной информацией с каким-то незнакомцем из оленьей страны? Может, предложите еще и развесить секретные данные в виде плакатов на автобусных остановках? Как насчет формата А-три?

Люси наливала в стакан воду из зеленой бутылочки, и было видно, что она сильно нервничает. «Живет так, будто кожа у нее содрана», – подумал Шарко.

– Послушайте, комиссар, я полдня добиралась сюда, я выкинула почти сотню евро на билеты, и все это – ради того, чтобы выпить в Париже «перье»? Один из моих друзей сидит сейчас в психушке из-за всей этой истории, мне жарко, я смертельно устала, я в отпуске, а помимо всего этого – моя дочка в больнице. Так что, как бы я вас ни уважала, попрошу избавить меня от сомнительных шуточек.

Шарко высосал сок из кружка лимона, облизал пальцы.

– У каждого из нас свой геморрой, персональный... Некоторое время назад я оказался в отеле, где не было ванны. Думаю, это случилось в прошлом году... Да, точно, в прошлом году! И вот это была настоящая проблема.

Люси казалось, что она спит и видит сон. Смотраться из Лилля в Париж и обратно только затем, чтобы выслушивать эту ерунду!

– Не пойму, какого черта я здесь. Может, мне встать и уйти?

– По крайней мере, ваше начальство в курсе этой истории?

– Только что сказала вам: нет.

Господи, да эта Люси Энебель точно такая, как он сам! Шарко попытался успокоить собеседницу:

– Вы здесь потому, что пытаетесь сейчас оставить свою жизнь за бортом. Фотографии трупов заняли в вашей голове место фотографий ваших детей, так? Бросьте все это, повернитесь на сто восемьдесят градусов, иначе с вами будет то же, что со мной: вы останетесь одна среди

толпы, сгорающей на медленном огне.

Что за трагедии повергли этого полицейского в такой мрак? Люси вспомнила кадры из новостей, где видела его рядом с траншеей, из которой достали трупы. И жуткое впечатление, которое он произвел на нее тогда: человека на краю пропасти.

– Мне хотелось бы вас пожалеть, но не стану этого делать. Не в моих правилах распускать нюни.

– Мм... мне кажется, ваш тон несколько выходит за рамки... Вам известно, лейтенант, что вы обращаетесь к комиссару?

– Простите, если я вас...

Ей не хватило времени закончить фразу: зазвонил телефон. Люси посмотрела на часы – для канадца вроде бы рановато, глянула на экранчик мобильного – и все-таки это он: номер звонящего начинается на +1 514, остановила мрачный взгляд на Шарко:

– Это он. Ну и что мне теперь делать?

Шарко протянул руку. Она, стиснув зубы, вложила ему в ладонь свой мобильник и придвинулась поближе к комиссару, чтобы ничего не упустить из разговора. Комиссар нажал на кнопку «ответить», но не сказал ни «Алло!», ни «Да!» – и она услышала голос из Монреаля.

Канадец начал почти грубо:

– Ну, есть у вас информация?

– Я эксперт, которого вы, может быть, видели по телевизору. Тот, что был в зеленой рубашке, тот, которого достали зной и журналюги. Что до информации – то да, информация у меня есть.

Люси и Шарко обменялись взглядами.

– Докажите!

– Каким, интересно, образом? Сфотографироваться и отправить вам свой портрет почтой? Может, прекратим уже играть в прятки? Женщина из полиции, которая вам звонила, сейчас рядом со мной. Эта несчастная из-за вас просадила сотню евро на дорогу сюда, в Париж. Так что кончайте темнить и говорите, что вам известно.

– Нет, сначала вы. И это ваш последний шанс: не скажете – можете быть уверены, я брошу трубку.

Люси дотронулась до плеча Шарко, призывая его согласиться и вообще держаться поскромнее. Комиссар повиновался, но при этом бдительно следил за тем, чтобы не зайти в откровенности чересчур далеко.

– Мы обнаружили пять трупов. Жертвы массового убийства – лица мужского пола и совсем молодые.

– Ничего нового вы мне не сказали. Я читал об этом в Инете.

– Среди них один азиат.  
– Когда произошло убийство?  
– От шести месяцев до года назад. Теперь ваша очередь. Почему вы интересуетесь этим делом?

Напряжение между точками, в которых находились собеседники, было таким, что казалось, даже тишина потрескивает.

– Потому что я сам веду по нему расследование уже два года.  
Два года... Кто он, этот канадец? Полицейский? Частный детектив? И что, собственно, он расследует?

– Два года? Трупы были найдены три дня назад, а зарыты самое большее за год до этого. Ну и что же тогда можно расследовать в течение двух лет?

– Расскажите мне о телах. Например, что с черепами?

Люси не упускала ни словечка. Шарко решил чуть отпустить леску: если хочешь, чтобы сделка состоялась, требуется порой идти на компромисс.

– Верхушки черепов аккуратно, очень аккуратно, спилены – по всей видимости, медицинским инструментом. Глазные яблоки удалены из орбит, равно как и...

– Мозг...

Он знал. Этот тип, находящийся на расстоянии шести тысяч километров отсюда, в курсе того, что тут делается. Люси, со своей стороны, сопоставила данные следствия с происходящим в фильме: в одном случае – изъятые глазные яблоки, в другом – ритуальные, похоже, надрезы на коже в виде глаза. Она прошептала несколько слов на ухо аналитику. Тот кивнул и спросил в микрофон:

– Как связаны между собой обнаруженные в Нормандии трупы и фильм из коллекции Шпильмана?

– Дети и кролики.

Люси попыталась вспомнить, ничего не вспомнила и отрицательно покачала головой.

– Какие дети и что за кролики? – спросил в трубку Шарко. – Что это значит?

– Дети и кролики – ключ ко всему, с них все началось, и это вам известно.

– Ничего мне не известно! Что с них началось, черт побери?

– Что еще вы можете сказать о телах? Есть ли надежда опознать убитых?

– Нет. Убийца исключил всякую возможность это сделать. Кисти рук

отрублены, зубы вырваны. Одно из тел сохранилось лучше, там – на руках и на бедрах – есть места, где кожа частично содрана, причем самой жертвой.

– Понятно уже, по какому пути пойдет следствие?

Шарко попробовал слукавить:

– Об этом лучше спросить у моих коллег. Сам я официально в отпуске и вот-вот отбуду дней на десять в Египет: лечу в Каир.

Люси в бешенстве замахала руками. Шарко подмигнул ей.

– Каир... Значит, вы... Нет, до этого не могло дойти так быстро... Вы... вы – это они...

Разговор оборвался. Шарко кричал в трубку: «Алло! Алло!», но тщетно, ответом была жутковатая тишина. Люси только что не прилипла к плечу комиссара. Шарко ощущал запах ее духов, влажность кожи, но мужества оттолкнуть женщину у него не хватало.

Все. Он положил мобильник на стол. Люси, вне себя от ярости, выпрямилась:

– Нет, такого просто не может быть! Это неправда! Ничего себе комиссар – отпуск в Каире! И что же мы теперь будем делать?

Комиссар, заглянув в список принятых звонков, записал в уголке салфетки последний номер, сунул салфетку в карман.

– Мы?

– Да! Вы, я. Каждый исполнит сольную партию или все-таки станем есть из одной кормушки?

– Комиссар не ест из кормушки лейтенанта.

– Прошу вас, комиссар, пожалуйста...

Шарко пригубил пиво: оно прохладное, – может, в мозгах прояснится... Положительно, день выдался какой-то особенно насыщенный эмоциями.

– Ладно. Сделаем так. Вы каким-нибудь образом отделаетесь от этого реставратора фильмов и передадите бобину в научную лабораторию, экспертам. Вы подключите к этому делу свою бригаду: пусть ваши ребята, со своей стороны, разберут кино по косточкам. Попросите их и мне прислать копию. Кроме того, пусть они свяжутся с бельгийцами и те проведут обыск в доме Шпильмана. Нам абсолютно необходимо узнать, кто такой этот канадец, который только что не захотел со мной говорить.

Люси кивнула, думая, как бы не рухнуть под свалившейся на нее кучей дел.

– А вы? Вы-то сами что собираетесь делать?

Шарко минутку поколебался, потом стал рассказывать о полученной от

полицейского по имени Махмуд Абд эль-Ааль телеграмме, о трех изувеченных каирских девушках со спиленными, как у этих, во Франции, черепами. Люси глаз с него не сводила, ловила каждое слово, дело все больше и больше ее захватывало.

– Он сказал: «Вы – это они», – добавил Шарко. – И слово «они» подтверждает мою догадку: убийца, которого я ищу, действовал не в одиночку. Был «хирург» – это он так чистенько отпиливал верхушки черепов, и был «палач» – тот орудовал топором.

Комиссар подумал еще немножко, потом протянул Люси свою визитку. Люси ему – свою. Шарко сунул ее карточку в карман, допил пиво и встал:

– До того как наконец лягу, надо еще раздобыть какие-нибудь противомоскитные средства: для меня сказать «я не выношу москитов» – значит ничего не сказать, я их ненавижу больше всего, что ненавижу на этом свете.

Люси изучила визитную карточку Шарко, перевернула ее – с обеих сторон было совершенно пусто.

– Но...

– Найдя кого-то однажды, найдешь его всегда. Держите меня в курсе.

Шарко положил на столик числящуюся в счете сумму – ни сантимом больше, протянул Люси руку, но не дал ей в момент рукопожатия занять привычную позицию, а переместил свой большой палец так, чтобы тот оказался на ее пальце. Люси скрипнула зубами:

– Отличная игра, комиссар! Один – ноль.

– Все называют меня «Шарк», а не «комиссар».

– Простите, но...

– Понимаю, у вас не получится. В таком случае... хорошо, пусть будет «комиссар». Пока.

Он улыбался, но Люси уловила во взгляде темных глаз нового знакомого что-то бесконечно грустное. А тот развернулся и двинулся в сторону бульвара Мажента.

– Комиссар Шарк! – крикнула ему вслед молодая женщина.

Шарко остановился:

– Что?

– Там, в Египте... Берегите себя!

Он кивнул, перешел на другую сторону, исчез за дверью Северного вокзала, а у Люси крутилось в голове одно-единственное слово – «одинокий». Все, что осталось от этой встречи.

Одинокий, чудовищно одинокий человек. И раненый. Как она сама.

Люси снова взглянула на белый прямоугольник, который так и

держала в руке, улыбнулась, положила его на стол и написала по диагонали на одной из девственно-чистых сторон: «Франк Шарко, он же Шарк». Легонько погладила пальцами буквы этого имени – звучит твердо, резко, франки были германским племенем... Станный человек... Медленно, по слогам проговорила: «Франк Шар-ко...» «Шарк» по-английски «акула»...

Она положила карточку в бумажник и встала. Горячее красное солнце опускалось на столицу Франции и готово было вот-вот поджечь город.

До Лилля ехать и ехать: двести пятьдесят километров. Который уже раз работа в полиции загоняет ее так далеко от семьи, от дома...

Добраться до больницы удалось только к десяти вечера, и, когда Люси вошла в палату, девочка уже спала. Какими стали привычными вся эта стерильная обстановка, медсестры, бесшумно скользящие по коридору, каталки, нагруженные памперсами и бутылочками, потрескивание ламп дневного света... Да и вид матери, которая, устроившись в большом коричневом кресле с подголовником, орудует джойстиком...

Мари Энебель ничуть не походила не только на чью-то бабушку, но даже и на чью-то маму: обесцвеченные прядки коротко острижены и умело взъерошены, одежда – супермодная. Она была в курсе выпускавшихся для детей игровых приставок – всех этих Wii, PlayStation, Nintendo DS, она лихо оперировала словом «гаджет» и могла часами сидеть за какой-нибудь «Большой академией мозга» или каким-нибудь «Зовом долга», либо развивая свои мыслительные способности с помощью хитрых головоломок, либо стараясь прикончить как можно больше врагов. Опасность заразиться интернет-зависимостью в наши дни не имеет возрастных ограничений.

Дочь не была удостоена даже улыбки, Мари просто встала и взяла в руки свою ярко-красную кожаную сумку.

– Между обедом и ужином Жюльетту опять два раза вырвало. Врач наверняка отругает тебя как следует.

Люси поцеловала спящую дочурку – хрупкую, как иголочка из слоновой кости, – и обернулась к матери. На экране телевизора действие «Зова долга» замерло на паузе: Мари только что укокошила из пневматического ружья трех солдат и явно нервничала.

– Выругает? За что?

– За то, что тайком подкармливаешь ребенка шоколадом и печеньем! Ты считаешь их дураками? Им каждый день попадают такие родители, как ты, – не желающие их слушать.

– Но малышка же не ест ничего другого! А у меня сердце разрывается, когда вижу, как меняется ее лицо, стоит внести в палату это омерзительное пюре!

– Скажи, ты способна понять, что желудок ребенка не принимает сейчас ни капельки жира? Способна? И вообще – почему тебе всегда только и надо, что нарушать правила?

Мари Энебель завелась. Просидеть целый день взаперти с этим телевизором, с этим ревом вокруг, с этими играми, от которых никакой



радости – только раздражают. Нетушки, тут не отдохнешь, в этой больнице, тут тебе не трехзвездочный пансион в Сен-Мало!

– У тебя отпуск, ты вроде могла бы наконец провести хоть немного времени с девочками. Так нет – одну ты отправляешь в лагерь, а в то время, когда другую выворачивает наизнанку, прогуливаешься... То в Бельгию покатишь, то в Париж!

У Люси уже не хватало сил терпеть, слишком ее измотали последние часы и эта самая «прогулка».

– Мама, ты прекрасно знаешь, что в августе у меня будет еще один отпуск и мы с девочками поедem отдохнуть втроем. Это давно задумано, это случится обязательно, и мы в это время будем принадлежать друг другу, больше никому.

Мари двинулась к двери, но на пороге остановилась:

– Мне казалось, у тебя есть жизненные приоритеты, – к сожалению, я ошиблась. А теперь мне нужно поспать. Потому что, если я правильно поняла, несколько часов спустя мне предстоит сюда вернуться, да? К счастью, бабуля Мари всегда на подхвате, верно?

Она вышла в коридор. Люси провела рукой по усталому лицу, выключила телевизор. Злобный пиксельный солдат пропал мигom – как не бывало. Люси вспомнились слова реставратора Клода Пуанье: изображение насилия настигает нас где угодно – и вот оно, даже в палате детской больницы. Разве мало ужасного происходит на улицах, зачем этому ужасу проникать еще и в святая святых – в семью?

Сгущались тени, но на этот раз они успокаивали.

Люси надела пижаму, придвинула кресло к кровати и тихонько устроилась рядом с Жюльеттой. Завтра утром она пойдет на работу и расскажет руководству об этой истории с бобиной, и даже если ни один прокурор не согласится возбудить уголовное дело в связи с фильмом более чем пятидесятилетней давности... Хорошо ему говорить, комиссару Шарко: передайте пленку в лабораторию, проведите обыск у Шпильмана! Как будто это так просто. Откуда он взялся, этот чудной комиссар в бермудах и туфлях на каучуке? Люси никак не могла освободиться от странного впечатления, которое произвел на нее Шарко: наверное, на счету аналитика разгадка большего количества преступлений, чем ей самой довелось увидеть за всю свою жизнь, но почему-то он не хочет этого показать. Ни в какую. Что за кошмары роятся у него в голове? Каким было самое страшное дело, какое ему пришлось расследовать? Имел ли он дело с серийными убийцами? Со сколькими?

Ее собственная голова была переполнена жуткими кадрами, но в конце

концов она уснула, держа за руку своего ребенка.

Внезапно и резко зажглись лампы под потолком. Люси не совсем проснулась и решила не открывать глаза: может быть, в энный раз зашла медсестра – убедиться, что все в порядке, нормальное дело. Она свернулась клубочком, но из намерения еще поспать ничего не вышло – от прозвучавшего в палате громового голоса остатки сна окончательно испарились.

– Энебель, подъем!

Люси тихонько проворчала: нет, не может быть, чтобы это был...

– Майор, вы?

Перед ней и впрямь стоял Кашмарек, начальник управления полиции, где она служит. Сорок шесть лет, характер железный, главное, чем отличается от остальных, – прямота и суровость. Мертвенный свет неона смазывал черты его квадратного лица, углублял затененные области. Кашмарек посмотрел в сторону кровати, где, почти невидная под простыней, спала девочка:

– Ну и как она?

Люси попыталась завернуться в покрывало поплотнее, неудобно же, если шеф увидит ее почти без одежды. Они не настолько близки.

– Только не говорите, шеф, что вы пришли сюда осведомиться о самочувствии моей дочки! Что случилось?

– А ты как думаешь? Поехали, у нас убийство. Мм... не совсем обычное...

Люси никак не могла взять в толк, зачем шеф сюда-то пришел. Она слегка выпрямилась и сунула ноги в тапочки-зайки.

– Необычное, но какого рода?

– Говорю же, сразу не определишь. Сегодня нам позвонил разносчик газет, который каждое утро, ровно в шесть, заходил к одному из своих клиентов выпить чашечку кофе. Так вот, нынче утром он обнаружил этого своего клиента повешенным на кухонной люстре. Со связанными за спиной руками. И между прочим, выпотрошенным...

– Простите, майор, – прошептала все еще ничего не понимающая Люси, – только я-то тут при чем? Я же в отпуске и...

– Во рту у повешенного была твоя визитная карточка.

Когда Люси припарковалась и вышла из машины, полицейские автомобили и фургончик лаборатории криминалистики еще стояли вдоль тротуара на улице Гамбетта. Она не могла оставить Жюльетту до возвращения матери, а та появилась только в девять, ну и надо было хоть немножко поговорить с малышкой, объяснить, что очень скоро они поедут в Вандею, где построят на берегу океана сотни замков из песка и вдоволь наедятся мороженого.

Но сейчас – стоп! Никаких замков из песка, никакого мороженого – всему такому вход в ее голову запрещен! Замкам из песка и мороженому придется уступить место куда как менее приятному: смраду и грязи места преступления.

Кашмарек был уже тут. Еще в больнице Люси успела рассказать ему о фильме – так же, как раньше комиссару Шарко. Узнав, что его подчиненная встречалась с парижанином, узнав, что она за спиной у начальства звонила в Центральное управление, начальник управления регионального дико разозлился, просто взбесился. Ладно, они сведут счеты потом.

Люси вошла в гостиную реставратора киноплёнки Клода Пуанье, и в горле у нее встал комок. Комната в свете мощных галогеновых ламп – они были необходимы, чтобы не пропустить ни единой улики, – выглядела безжизненной. Тот или те, кто зря потратил время у Люка Сенешаля и у Шпильмана, здесь преуспел: коллеги, производившие обыск в доме реставратора, не обнаружили никаких следов таинственной бобины. Люси, прикусив губу, покачала головой:

– Клод погиб из-за меня. Это я привела сюда убийц. Если бы не я, он жил бы себе и жил, а теперь...

Люси присела на корточки, погладила кошку, которая терлась о ее ноги, вздохнула:

– Что с тобой теперь будет?

Кашмарек сунул под нос подчиненной фотографии:

– Теперь уже ничего не исправишь: что сделано – то сделано. И мы здесь не для того, чтобы плакать.

Люси снова печально вздохнула, но спорить не стала, взяла из рук шефа снимки с места преступления и принялась их рассматривать. Десятки прямоугольничков, запечатлевших смерть, жуткое зрелище, до рвоты жуткое. А Кашмарек комментировал, тыча пальцем в отпечатки:

– Его связали, заткнули ему рот и повесили. Вон там, на крюке от люстры. Шею обмотали пленкой. С трудом могу себе представить, чтобы это мог сделать один человек. Тут такие высокие потолки, что должны были, думаю, действовать как минимум двое: один поднимает жертву, другой вешает.

– Комиссар Шарко, занимающийся граваншонским делом, тоже выдвинул гипотезу о двух убийцах... Похоже, мы здесь имеем дело с теми же субъектами.

Майор указал на кресло:

– На сиденье нашли пустую коробку от пленки. Фильм, с помощью которого повесили жертву, называется «Сокровище повешенного»<sup>[8]</sup> – старый вестерн. У жертвы на втором этаже целая коллекция вестернов: там их около сотни. Нет, ты представляешь: «Сокровище повешенного»! Надо признать, убийцы не лишены чувства юмора.

Люси мутило, с утра, кроме чашечки кофе, у нее маковой росинки во рту не было. Она вспомнила, что сказал тогда Клод: «Можете не сомневаться, что уйду я из этого мира, зажав в пальцах кусочек кинопленки»... И ведь даже не думал, что предсказание сбудется почти дословно... Ох, до чего же ей нехорошо, и собственные проблемы с мамой и дочкой только все усложняют. Счастье еще, что тело увезли, – таким, обезличенным, зрелище все-таки легче вынести.

Криминалисты обвели на полу мелом все подозрительные места, и передвигаться по дому стало можно только по намеченным ими дорожкам. Под кухонной люстрой Люси увидела лужу крови. Капли крови – словно тут прошел кровавый дождь – остались везде: на стенах, на плитке, на ножках стола.

– Повесив, они выпотрошили его, как потрошат рыбу, потом набили живот вместо кишок пленкой. Судмедэксперт категорически утверждает, что к тому времени Пуанье уже был мертв: об этом свидетельствуют петехии – точечные кровоизлияния в глазах. Причина смерти жертвы – асфиксия, но пока непонятно, при повешении или раньше.

Кошка проскользнула к входной двери и замяукала. Люси выпустила животное погулять и вернулась к фотографиям. На одной из них – старик с разрезанным от шеи до лобка телом. Кишки, упавшие с более чем метровой высоты, разбросаны по полу. Глаз нет (и тут, стало быть, вылутили), вместо них – два кусочка кинопленки, втиснутые в пустые орбиты. Можно подумать, на жертве очки с дымчатыми стеклами.

– Глаза...

– Изъяты.

Люси отметила про себя еще одно сходство с делом о трупах в Граваншоне, которое ведет Шарко. В обоих преступлениях, как и в фильме, особое значение придается глазам... Все больше и больше оснований думать, что убийцами Пуанье были те же люди, что зарыли пять трупов в Верхней Нормандии.

Кашмарек со вздохом провел ладонью по коротко остриженным волосам, взял пакетик с вещдоками и протянул его Люси, уже натянувшей резиновые перчатки.

В прозрачном мешочке лежали два почти одинаковых на вид кадрика, вырезанные из киноплёнки. Люси нахмурилась, поднесла срезки к лампе:

– Тут ничего не рассмотришь как следует. Похоже, крупный план... Удалось определить, из какого фильма были вырезаны эти кадры?

– Пока нет. Их передадут нашим компьютерщикам, чтобы увеличить, а потом, если понадобится, покажут специалистам-киноведам. Это наверняка имеет значение.

Люси продолжала вглядываться в прямоугольнички с перфорацией.

– Шестнадцатимиллиметровая плёнка. На такой же был снят украденный фильм.

Майор указал пальцем на фотографию лица жертвы:

– Твоя визитка была у него во рту, и добром это не кончится. Надо, чтобы в твоём доме несколько дней подежурили наши ребята.

Люси покачала головой:

– Ни к чему. Эти преступники, они – как волчья стая. Они выследили нас – Людовика и меня, они все время шли за нами по пятам... Вчера я с трудом заперла свою дверь: кто-то основательно повозился в замочной скважине. Скорее всего, они навестили и меня, не только Людовика и... и реставратора. – Люси вздрогнула, подумав, что случилось бы, если бы они пришли, когда она была дома. – Ну и они же в конце концов победили, добились, чего хотели: заполучили бобину, дали нам об этом знать, пометили, так сказать, территорию. А теперь, когда они завладели тем, что искали, они, вполне возможно, исчезнут, и – ищи ветра в поле.

Она посмотрела на бригаду криминалистов с их порошками и пинцетами:

– Что-нибудь нашли: следы, отпечатки?

– Вероятнее всего – только жертвы. На данный момент – ничего явного, очевидного. И мало надежды на соседей: улица сплошь торговая, народу на ней живет всего ничего и по ночам сюда никто не ходит.

– Время смерти установлено?

– По первому впечатлению – между полуночью и тремя часами.

Замочная скважина почти не повреждена. Пуанье, похоже, еще не ложился спать, постель не смята.

В гостиной не осталось никаких следов борьбы, все вещи стояли на местах. Люси отлично представляла себе двух крепких ребят, сорвавших зло на беззащитном старике. Могли ведь взять фильм и уйти, но нет, они не сделали этого, они решили все «подчистить», не оставить ни единого следа, ни единого свидетеля или свидетельства. И вдобавок позволили себе поразвлечься – выстроить вот эту мизансцену, достойную фильма Дэвида Финчера. Совершить хладнокровное убийство не так-то просто: надо уметь контролировать свои порывы, надо, чтобы тебе было плевать на запреты, которые диктуют нам общество, религия, совесть... надо, в конце концов, игнорировать сами основы, на которых держится человеческий дух. И они все это смогли. Они убили, выпотрошили старика, вытащили у него глаза из орбит, а после этого еще и порылись в его коллекции вестернов, чтобы раздобыть там реквизит для своей эффектной мизансцены. Что за безумие скрывается за этим преступлением? Что за мотив заставляет убийц пренебрегать любыми границами?

Люси поднялась на второй этаж. Портреты вдоль лестницы остались нетронутыми, и она старалась не встретиться взглядом с женщиной на фотографиях. Мэрилин...

Коллеги осматривали каждый сантиметр каждого помещения. Люси заглянула в проявочную: допотопные кинокамеры, бобины с пленкой, емкости с проявителем и фиксажем. Потом она вместе с майором вошла в мастерскую реставратора и увидела рядом с просмотровым столом перевернутый стул.

– Вы сказали, от полуночи до трех часов ночи... Что же он такое открыл, Клод Пуанье, из-за чего засиделся так поздно?

Люси приблизилась к столу, стараясь не ступить на площадку, огороженную желто-черными лентами. Один из криминалистов продолжал выкладывать перед объектами бумажки с номерами и фотографировать каждый.

– Индикатор времени просмотрового устройства на нуле. Должно быть, перед тем как унести пленку, с которой работал, пристально вглядываясь в кадрики, Пуанье, убийцы ее перемотали.

Люси обернулась. Увидела в глубине комнаты вырванные провода, раздавленный сканер.

– О черт!

– Что такое?

– Клод обещал мне оцифровать фильм, и я очень на это надеялась. А

ноутбук исчез. – Она щелкнула пальцами. – Но может быть, он все-таки успел отправить мне видеофайл или сетевой адрес – куда он загрузил фильм? Мне надо проверить свой почтовый ящик. С вашего мобильного можно выйти в Интернет?

– У меня новейшая модель айфона.

Кашмарек протянул аппарат. Люси молилась о том, чтобы увидеть послание от Пуанье, ей хотелось продолжить путешествие с изувеченной женщиной, девочкой на качелях, ей хотелось выбраться за рамки изображения, проникнуть в сознание кинематографиста, понять, в чем заключалось и чем было вызвано его художественное, а может, и вполне реальное безумие, но когда она зашла в свой почтовый ящик, там оказалось лишь несколько сообщений с сайта знакомств, больше ничего. Ее затопило отчаяние от собственной беспомощности.

– Здесь ничего нет. – Она вздохнула и тусклым голосом произнесла: – Надо связаться с бельгийцами. Пусть допросят сына жертвы, пусть составят фоторобот, пусть обещут снизу доверху дом Шпильманов, пусть узнают, откуда у старого коллекционера взялся этот фильм. Надо добраться до истоков. На сегодняшний день это один из немногих возможных способов добраться до проклятой бобины.

– Сейчас всем этим займемся.

Взгляд Люси переходил с просмотрового стола с опустевшими моталками на корзинку с визитными карточками, которую еще не успели забрать, но вот-вот заберут криминалисты, и обратно.

– Если только...

Она посмотрела на телефон в глубине комнаты.

– Понимаю, о чем ты думаешь, – отозвался Кашмарек, – но мы точно следуем заведенному порядку. Список входящих и исходящих звонков жертвы уже составлен, все телефоны будут пробиты, со всеми, кто звонил Пуанье или кому он звонил сам, мы поговорим, только ведь всякому овощу – свое время.

– Отлично. Среди друзей Клода есть один историк кино, и, может быть, он сумел узнать актрису, которой в фильме разрезали глаз. Да, вот еще... – Люси вынула из кармана и протянула шефу визитку. – Пуанье должен был связаться еще и с этим человеком, специалистом по воздействию образов на мозг, его фамилия Беккер.

Кашмарек положил карточку в карман:

– И Беккером займемся.

– Чертова короткометражка выбивает из седла, так сказать, обезвреживает одного за другим всех, кто с ней соприкасается: Влада

Шпильмана, Сенешаля, теперь вот и Клода Пуанье. Надо брать это дело в свои руки.

– А твой отпуск?

– Какой теперь отпуск! Конец отпуску. Переодеюсь, сбегаю к Людовику Сенешалю, скажу, что его друга убили, и будем работать вместе. Я хочу найти сволочей, которые это сделали!



Когда пассажирский лайнер А-320 приземлился в международном аэропорту Каира и открылась передняя дверь, Шарко показалось, что лицо его обдало жаром из пылающей печи. Духота, запахи дыма и керосина, просто перехватывает горло. Стюард объявил: температура за бортом плюс 36 градусов по Цельсию; пассажиры – в основном туристы – заохали. Едва ступив на египетскую землю, полицейский уже знал, что возненавидит эту страну.

Как и было условлено, комиссар при французском посольстве встречал парижского комиссара у подножия трапа. Эффектный мужик! Светло-бежевые брюки, рубашка в колониальном стиле, квадратное, как основание пирамиды, лицо, темные волосы, загорелый, коротко постриженный...

Микаэль Лебрэн внимательно вглядывался в пестрый поток прилетевших пассажиров и легко мог бы сойти за грозного таможенника. Они пожали друг другу руки – Шарко при этом позаботился о правильном месте для своего большого пальца, – после чего Лебрэн чуть отодвинулся.

– Надеюсь, полет был приятным. Разрешите представить вам Нахед Сайед – одну из работающих в посольстве переводчиц. Нахед будет сопровождать вас, когда вам понадобится выйти в город, и облегчит ваши переговоры с местной полицией.

Шарко слегка поклонился. Руки у Нахед оказались нежные, тонкие, ногти – коротко остриженные. Длинные черные, свободно падающие волосы подчеркивали колдовское очарование глаз, и ничто в этой тридцатилетней на вид женщине не соответствовало представлениям Шарко о египтянках: занавешенных никабом<sup>[9]</sup>, покорных, живущих в тени мужа.

Едва оказавшись в бесконечных коридорах зоны прилета (слава богу, там-то были кондиционеры!), они приступили к обсуждению бумажных дел. Лебрэн посоветовал новоприбывшему застаться египетскими фунтами прямо в аэропорту, потому что в городе мелкие купюры раздобыть будет трудно – понятно же, город живет туризмом, потом, после обмена любезностями с таможенником, который придрался к маленькому паровозу и банке соуса-коктейля в багаже француза, комиссар смог наконец забрать свои вещи, и они вышли наружу, где удалось продолжить разговор относительно спокойно. К концу беседы Шарко понял, какую роль Микаэль Лебрэн играет в этой стране. Этот тип был не только правой рукой

посла Франции во всех вопросах, связанных с безопасностью в Египте, но еще и главным советником по техническим вопросам начальника каирской полиции, генерала, украшенного многими звездами, причем узкой его специализацией были дела о международном терроризме. Пока длилась беседа, Нахед, отойдя в сторонку, слушала с почти отсутствующим видом.

Продвижение среди гула толпы, в дикой жаре и духоте – уже этого одного французскому комиссару хватало, чтобы чуть ли не шататься, и он молился хотя бы об одном: пусть Эжени так и останется в дальнем углу его сознания, пусть она останется там. Вот только надежда была слабой: с учетом всех обстоятельств и полного отсутствия у него интереса к египетской архитектуре девчонка, конечно, не преминет явиться и станет досаждать ему.

Их ожидал «мерседес-фантом» – самая большая машина из всех, какие есть в этой стране. Шарко попробовал настоять на том, чтобы Нахед села впереди, но она отказалась. Мощный автомобиль выехал из Гелиополя и рванул по шоссе Салах-Салем, по которому должен был доставить пассажиров в центр Каира. Прямо перед ними под небом цвета меди дрожала в воздухе черная масса города.

В дороге Лебрен предложил парижанину воды. Шарко потихоньку восстанавливался, пользуясь тем, что в машине с кондиционером можно дышать полной грудью.

– Ваш начальник Мартен Леклерк не хочет, чтобы вы теряли время попусту, поскольку завтра вечером должны лететь обратно, и он предложил, чтобы вы отправились в комиссариат прямо сегодня. Лично я предпочел бы немного отложить визит, вы могли бы тогда отдохнуть и посмотреть город, но...

– Мартену Леклерку неизвестно значение слова «отдых». Так как же мы поступим?

– Я отвезу вас в отель на улице Мухаммед-Фарид, это недалеко от центрального комиссариата. Вы сможете освежиться, а Нахед подождет в вестибюле. В любом случае она будет сопровождать вас, куда бы вы ни пожелали пойти. Думаю, для вас реально оказаться в комиссариате часам к четырем пополудни, и главный инспектор каирской полиции Хасан Нуреддин вас примет.

– Получу ли я там доступ ко всей информации?

Микаэль Лебрен смотрел на него свысока, разговаривал через губу. Движение на шоссе становилось все интенсивнее, вокруг лимузина неслись, обгоняя друг друга, автобусы и битком набитые такси, шум стоял оглушительный.

– Сейчас, в связи с забоем свиней, мы оказались в несколько затруднительном положении. Когда стал распространяться вирус свиного гриппа, в Народной ассамблее одержала верх большая группа депутатов, добивавшихся полного истребления животных, и с конца апреля не счесть, сколько было стычек между животноводами и силами правопорядка. Так что вы прибыли не в самый удачный момент. К тому же мои отношения с главным инспектором тоже не назовешь очень уж дружескими. Ему принадлежит верховная власть в гувернорате<sup>[10]</sup>, и правит он железной рукой. Но можете быть уверены: Нахед, как никто, вам во всем поможет, потому что они с Нуреддином достаточно близко знакомы.

Шарко взглянул в зеркало заднего вида: Нахед сидела прямо, как сфинкс, не опираясь на кожаный подголовник. Когда их взгляды встретились, женщина отвернулась, стала смотреть в окно, и Шарко сразу понял, что хотел сказать Лебрен этим своим «достаточно близко знакомы».

Им наконец открылся Каир – с жарким своим сердцем, с пульсирующей мышцей, которую Сюзанне так хотелось потрогать собственными руками. Шарко печально смотрел на отведенные футбольным клубам земли за бесконечными прилавками с фруктами, на окружавшие университетские здания минареты совершенной архитектуры, на крытые позолоченной медью мечети – от кровельного золота расходились в воздухе лучи, и в них плясали пылинки...

Здесь, в этом городе, царит просто какой-то бешеный хаос, Париж по сравнению с Каиром кажется чуть ли не деревней. Двадцать миллионов жителей копошатся, как бактерии в носовом платке. Продавцы автомобильных запчастей кидаются прямо на середину забитой машинами дороги, люди снуют повсюду, и иногда им помогают перейти на другую сторону местные «хароны», выбравшие эту услугу для себя профессией. М-да, неглупые тут ребята, подумал Шарко, находят себе способы заработать...

По обочинам усталые ослы тащили повозки, нагруженные горами тканей, усталые люди толкали тачки с кирпичами, а бок о бок с ними двигались старые черные такси – местный вариант «фиата»... По тротуарам, не менее опасным, чем мостовые, бежали существа с занавешенными лицами, зажав мобильные телефоны между щекой и уже пропыленным, прежде белоснежным хиджабом.

– Вы, наверное, заметили, что король здесь – пешеход, – с улыбкой сказала Нахед. – Но конечно, тот пешеход, который сел за руль машины. По Каиру невозможно ездить, не гудя каждую минуту, и тут надо иметь здоровые уши, иначе дорогу не перейдешь.

Шарко впервые услышал ее голос: приятное сочетание французской изысканности и арабской неги.

– Но как можно жить изо дня в день в таких условиях?

– О, у Каира великое множество лиц, не только это! И лишь в самых глубинных артериях нашего города можно расслышать, как бьется его сердце.

– Именно там, в глубинных, как вы сказали, артериях, и нашли шестнадцать лет назад тела трех убитых девушек?

Шарко всегда отличался умением остудить пыл в разговоре – дипломатичность не была сильной его стороной. Он повернулся к Леброну:

– Можете рассказать мне об этой истории, – в конце концов, я ведь ради нее и прилетел сюда?

– Я начал работать в Египте всего четыре года назад – в нашем деле приняты частые переезды с места на место – и, правду сказать, еще не познакомился с этим делом.

Шарко сразу понял, что собеседник не желает мараться, он-то дипломат...

– А этот ваш Нуреддин, он отвезет меня при необходимости на места преступлений? – гнул свое французский полицейский.

– Вам, комиссар, надо знать вот что: страна движается вперед и египетское правительство терпеть не может оглядываться на прошлое. Да и на что вы надеетесь – через столько лет?

– Понятно, но вы – вы сделаете это, если будет нужно?

Комиссар Лебрен посигналил, хотя в этом не было необходимости. Ага, парень нервничает, хотя... хотя кто бы не нервничал в этом аду из грохота и стали...

– Не может быть даже речи о том, чтобы мы куда бы то ни было отправились без согласия Нуреддина. С одной стороны, у нас в посольстве не любят подобных выходов, организация египетской полиции и дела, которые она ведет, – все это содержится под грифом «строго секретно», это сведения, не подлежащие огласке, государственная тайна. А с другой стороны, у вас все равно не хватит времени.

Шарко принужденно улыбнулся:

– Вероятно, краткость моей поездки сюда – всего два дня – объясняется именно строгой секретностью. И предполагаю, что Нахед прикомандирована ко мне не только для перевода. – Он обернулся. – Правда, Нахед?

– У вас богатое воображение, комиссар! – сухо ответил Лебрен.

– Ой, вы даже не представляете, какое богатое!

Улица Мухаммед-Фарид. «Мерседес» остановился у гостиницы «Нарру Сити»<sup>[11]</sup>: три звезды, розово-черный фасад.

– Здесь все стандартно и чистенько, – заметил Лебрен. – Большинство отелей Каира сейчас набиты битком: в июле всегда особенный наплыв туристов.

– Мне лишь бы ванна была...

Комиссар при посольстве протянул свою визитную карточку:

– Буду ждать вас вечером, в половине восьмого, в ресторане «Максим», это на другой стороне площади Талаат-Харб, недалеко отсюда. Там поют песни Пиаф и можно угоститься французскими винами. Если захотите, расскажете мне о встрече с Нуреддином.

Конечно! Они решили ничего не пускать на самотек.

Оказавшись на улице, Шарко тут же весь взмок – жара стояла страшная. Гул моторов, взвизги клаксонов, запах выхлопных газов были невыносимы. Он вздохнул, достал из багажника свой чемодан, обернулся – Эжени, в том же платье, в каком была в прошлый раз, стояла у дверей гостиницы, скрестив на груди руки, и с недовольным видом глядела, что выделывают машины на магистрали, достойной сравнения с Елисейскими Полями.

– ...миссар?

Лебрен ждал, протянув ему руку. Шарко очнулся и нервно пожал ее. Комиссар при посольстве бросил взгляд на то место, которое так пристально рассматривал только что французский полицейский. Там никого не было.

– Последний совет. Нуреддин – отнюдь не слабак и не мямля. Он из тех людей, которые считают, что противостояние ему лично – предательство по отношению к Египту, надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. Ну и не грубите, держитесь поскромнее.

– Думаю, в стране великих пирамид должно быть не так уж трудно держаться поскромнее...

Центральный комиссариат Каирского гувернората был похож на заброшенный дворец покойного шейха. За высокими черными решетками – темный фасад, отделенный от улицы еще и садиком, где пальмы стоят вперемешку то ли с фургонами торговцев овощами, то ли с полицейскими автомобилями – разницы между ними никакой. Хотя... хотя есть разница: у последних на крыше – синие проблесковые маячки и, соответственно, крякалки, спецсигналы на два тона. У подножия лестницы в один марш – шестеро часовых: белые сорочки, на форменных фуражках – золотой орел Саладина, такой же, как на государственном флаге, на ремне за спиной – египетские винтовки с металлическим, напоминающим костыль прикладом. Мгновение – и вся шестерка как один человек ударяет ребром ладони о грудь: из дверей вышел плотный мужчина с тремя звездочками на погонах.

Хасан Нуреддин положил пухлые руки на бедра и шумно втянул носом загазованный пыльный воздух. Маленькие черные усики, темные, как перезрелые финики, глаза под густыми бровями, изрытые оспой щеки, держится очень прямо. Комиссар подождал, пока Шарко и Нахед Сайед поднимутся к нему, вежливо пожал руку своему французскому коллеге и даже удостоил его вялого «добро пожаловать». По всей видимости, молодая женщина интересовала его куда больше парижанина: ей он что-то сказал по-арабски, что та выслушала, наклонившись вперед, причем улыбку ее во время беседы с Нуреддином Шарко назвал бы скорее натянутой или вымученной. После «беседы» с переводчицей толстый важный, будто палку проглотивший египтянин развернулся на сто восемьдесят градусов и скрылся за дверью. Шарко обменялся с Нахед взглядом, не требовавшим расшифровки, и они двинулись вперед – за хозяином здешних мест.

Из гигантского вестибюля с многочисленными дверьми и столами, у каждого из которых, видимо, имелось какое-то свое назначение, охраняемые полицейскими лестницы вели в подвал. Оттуда, снизу, доносились женские голоса: отдельные возгласы и хоровое пение – все разом. Шарко раздавил на предплечье москита – уже пятого, хотя он намазал на себя, кажется, не меньше тонны крема. Эти зверюги проникают повсюду и, похоже, обладают иммунитетом к любому способу защиты от них.

– О чем поют эти женщины?

– «Тюрьмой идею не победить!» – прошептала Нахед. – Это студентки, они протестуют против запрета «Братьям-мусульманам» баллотироваться на выборах.

Оглядев столы, Шарко нашел, что каирская полиция оснащена вполне современными средствами: компьютерами, Интернетом, всем необходимым, чтобы делать фотороботы, – но работают здесь, как ему показалось, еще по старинке. Мужчины и женщины (большая часть женщин – с закрытым лицом) стояли группками у дверей кабинетов, время от времени одна из этих дверей открывалась – и самые шустрые проникали туда первыми. Все тут напоминало приемную врача, вот только понятия «очередь» посетители, похоже, не знали.

Шарко и его спутнице пришлось отдать охраннику свои мобильные (а вдруг бы им захотелось что-нибудь сфотографировать или записать на диктофон?), и их пропустили в кабинет, напомнивший парижанину залы Версаля: огромный, поражающий масштабностью и роскошью. Пол тут был мраморный, везде стояли вазы – в форме канделябров или сосудов минойской эпохи, позолоченная бронза, стены украшали гобелены с фигурами... Под потолком крутился, гоняя пропыленный насквозь воздух, громадный вентилятор. Шарко про себя улыбнулся: все вокруг – национальное достояние и принадлежит государству, а вовсе не толстяку-честолюбцу, который сейчас тяжело плюхнулся на стул и закурил сигару местного производства. Большинство каирцев носят свои жиры с достоинством, но только не этот тип!

Египтянин протянул обе руки с открытыми ладонями к двум стульям, Шарко и Нахед сели, и переводчица сразу же достала из сумки блокнот с авторучкой. На молодой женщине было длинное платье цвета хаки и туника в тон, слегка приоткрывавшая загорелую шею. Главный инспектор полиции Каира уставился на Нахед своими свинячьими глазками и принялся откровенно ее рассматривать. Здесь, кажется, любят показать, что ценят женскую красоту, не то что на улице, где стоит какому-нибудь существу женского пола, не занавесившему физиономию, попасться на глаза мусульманину, как раздается осуждающее шиканье.

Инспектор пригладил свои усики, взял в руки лежавший перед ним на столе лист бумаги и стал зачитывать вслух имевшийся там текст. Он читал, а Нахед заполняла блокнот стенографическими значками. Наконец Нуреддин сделал паузу, и молодая женщина перевела записанное:

– Он сказал, что вы – специалист по серийным убийствам и особо сложным преступлениям. Сказал, что вы больше двух десятков лет служите

в уголовном отделе французской полиции. Сказал, что это впечатляет. И спросил, как там Париж.

– Париж еле дышит. А как тут Каир?

Главный инспектор улыбнулся, не выпуская из зубов сигары, и продолжил. Нахед умолкла, но, дописав очередной фрагмент речи, заговорила снова:

– Паша Нуреддин сказал, что Каир содрогается в ритме покушений, из-за которых трясет весь Ближний и Средний Восток. Он сказал, что Каир задыхается в исламистских сетях, куда более опасных, чем свиной грипп. Он сказал, что здесь выбрали не ту мишень, когда решили массово забивать и сжигать свиней на территории города.

Шарко вспомнил отдаленные черные дымы по периметру города: стало быть, это жгли забитых свиней. Ответил он на автомате – и чуть не блевнул от собственного ответа:

– Согласен с вами.

Нуреддин покачал головой, изрыгнул еще пару проклятий и наконец подвинул к парижанину старенькую папку:

– Он говорит, здесь, в этой папке, все, что есть по вашему делу. Это досье тысяча девятьсот девяносто четвертого года. В компьютерах искать бессмысленно – дело слишком давнее. Он говорит, вам еще повезло, что эту папку удалось найти.

– Наверное, мне следует поблагодарить?

Нахед перевела, что комиссар Шарко бесконечно благодарен главному инспектору.

– Он говорит, вы можете изучить материалы здесь, на месте, прямо сейчас, а если захотите – можете вернуться завтра. Двери для вас всегда открыты.

Ну да, конечно, двери-то открыты, но они бронированные, и перед ними – церберы, которые ни малейшего жеста твоего не упустят. Шарко кивком поблагодарил, снял с папки резинки и открыл ее. Внутри оказался прозрачный файл, где, по всей видимости, хранились сделанные на месте преступления фотографии. Кроме них, в папку были сложены всякие бумажки: акты, протоколы, карточки со сведениями о девушках – судя по всему, жертвах... Десятки и десятки страниц, заполненных арабской вязью.

– Попросите, пожалуйста, комиссара рассказать мне об этом деле... От одной только мысли о том, что вам придется все это переводить, меня начинает подташнивать.

Нахед повиновалась. Нуреддин с томным видом затянулся сигарой и выпустил облако дыма.



– Инспектор сказал, что все это было слишком давно и он толком ничего не помнит. Он подумает.

Шарко почудилось, что его поместили куда-то в середину одного из комиксов о Тинтине под названием «Сигары фараона» и он оказался лицом к лицу с толстяком Растапопулосом. Все это было бы смешно...

– Думаю, вид девушек, тела которых так изувечены, а черепа вскрыты, должен был запечатлеться в памяти!

Нахед бросила на комиссара недовольный взгляд, но тем не менее передала его реплику египетскому полицейскому, и тот начал говорить. Говорил Нуреддин медленно, с паузами, оставляя время для перевода.

– Он сказал: теперь я что-то припоминаю... Он тогда уже руководил бригадой... Он сказал, что эти девушки погибли с интервалом в один или два дня. Первая жила в квартале Шубра – на севере города, вторая – в нелегальном квартале близ цементных заводов Тора, на краю пустыни, третья – неподалеку от трущоб Эзбет-эль-Нахль, в квартале тряпичников. Он сказал, что полиции не удалось установить никаких связей между жертвами. Девушки не были знакомы друг с другом и учились в разных школах.

Названия кварталов Шарко ровно ничего не говорили. По спине у него стекал пот, и комиссар подергал рубашку, чтобы просохла. Ветерок от вентилятора был приятен, но пить хотелось до смерти. Похоже, гостеприимство – не самая характерная черта местных полицейских.

– Подозреваемые, свидетели?

Толстяк покачал головой и снова заговорил. Нахед, поколебавшись, принялась переводить.

– Ничего определенного. Он помнит только, что всех девушек убили вечером, когда они возвращались домой, и что тела были найдены поблизости от мест, из которых они были похищены. То есть всякий раз – в нескольких километрах от квартала, где девушка жила. На берегу Нила, на краю пустыни, в зарослях сахарного тростника. Все детали – в актах и протоколах.

Неплохо для человека с такой ослабленной памятью. Шарко немножко подумал. Все три места – уединенные, убийца мог спокойно делать там, что ему угодно. Что же касается способа убийства и измывательств над трупами – то тут столько же сходства с бойней в Нотр-Дам-де-Граваншон, сколько и различий.

– Вы можете дать мне карту города?

– Он говорит, что сейчас даст.

– Спасибо. Мне хотелось бы изучить эту папку у себя в гостинице,

такое возможно?

– Нет, он говорит, нельзя. Документы нельзя выносить отсюда. Таков порядок. Зато вы можете сделать сколько угодно выписок, и – естественно, после проверки – вам могут прислать факсом те листы дела, которые вас заинтересуют.

Шарко попытался двинуться дальше, чтобы определить таким образом границы территории, допуск на которую ему дозволен.

– Мне хотелось бы завтра поехать туда, где были совершены похищения и убийства. Дадите сопровождающего?

Толстяк пожал жирными плечами в звездах.

– Он сказал, что все его люди очень заняты. И он никак не может понять, зачем вам ехать на места, которых давно не существует: Каир сильно разросся. Каир разрастается, как плесень.

– Плесень?

– Он так выразился... Он спрашивает, почему вы, европейцы, настолько им не верите, что хотите переделывать по-своему то, что ими уже сделано.

Тон египтянина оставался вроде как беззаботным, но в голосе его прозвучали новые нотки: властные. Здесь он у себя, на своей земле, на своей территории.

– Просто мне хочется понять, каким образом бедные девушки попали в лапы гнусного убийцы. Представить себе, как этот хищник перемещался по городу. Любой убийца оставляет после себя запах, который не рассеивается и спустя много лет. Запах порока и извращения. Я хочу попытаться учуять этот запах. Я хочу побывать там, где произошли убийства.

Шарко не сводил черных глаз с молодой женщины и говорил так, будто слова его предназначены только Нахед. Она перевела сказанное французом-аналитиком на арабский. Нуреддин резким жестом раздавил в пепельнице едва прикуренную сигару и встал.

– Он говорит, что не понимает ни вашего ремесла, ни ваших методов работы. Здешние полицейские ничего не вынюхивают, для этого есть собаки, а люди – действуют, люди искореняют паразитов. Он не хочет ни возвращаться к ушедшим в прошлое делам, ни раздирать зарубцевавшиеся раны, которые Египет намерен забыть. У нашей страны хватает забот с терроризмом, экстремизмом и наркотиками. – Нахед глянула на хилое досье. – Все – в этой папке, ничего, кроме этого, он сказать вам не может. И сделать для вас он тоже ничего больше не сумеет – дело слишком старое. Рядом есть свободный кабинет, он предлагает вам встать и пойти туда...

Шарко ничего не оставалось, кроме как послушаться, но, прежде чем

уйти, он достал распечатку телеграммы, полученной из Интерпола, сунул ее под нос главному инспектору центрального комиссариата и попросил Нахед, чтобы та перевела слово в слово следующее:

– Вот телеграмма, которую прислал в Интерпол инспектор по имени Махмуд Абд эль-Ааль. Именно он руководил когда-то следствием по делу о трех убийствах. Комиссар Шарко хотел бы поговорить с ним.

Египтянка перевела сказанное парижанином на арабский.

Нуреддин насупился, оттолкнул листок, чтобы не видеть его, и только что не выплюнул с возмущением какую-то фразу.

– И тут перевожу слово в слово, – уточнила Нахед. – «Этот сукин сын Абд эль-Ааль мертв».

Шарко показалось, что он получил прямой удар в солнечное сплетение.

– Каким же образом он умер?

Высокопоставленный египтянин оскалил зубы и зарычал. Над тесным воротничком его форменной рубашки вздулись синие вены.

– Он говорит, что обгоревший труп этого человека нашли в самой глубине грязной улочки в Сайеда-Зейнаб несколько месяцев спустя после интересующего вас убийства. Исламские экстремисты сводили счеты, полагает паша Нуреддин, потому что, когда полицейские производили обыск в квартире Абд эль-Ааля, они нашли среди его бумаг хартию исламистского движения, некоторые абзацы которой были обведены его рукой. Абд эль-Ааль был предателем, а в нашей стране все предатели в конце концов подымают как собаки.

В вестибюле Нуреддин поправил решительным жестом форменный берет с кокардой, положил руку на плечо Нахед, склонился к ней и стал что-то шептать молодой женщине прямо в ухо. Она уронила блокнот. Нашептавшись – а случилось это не так уж скоро, – толстяк развернулся и пошел к лестнице, ведущей в подвал, где все еще пели.

– Что он сказал? – спросил Шарко.

– Что карта местности ждет вас в том кабинете, куда мы сейчас пойдем.

– Это не могла быть только одна фраза – он говорил слишком долго!

Нахед нервным жестом откинула волосы за спину:

– Просто так кажется...

Она провела парижанина в комнату с минимальными удобствами: письменный стол, стулья, доска на стене, немного канцелярских принадлежностей и оргтехники. Компьютера нет. Закрытое наглухо окно выходит на улицу Каср-эль-Нил. Шарко нажал на выключатель

подвешенного под потолком вентилятора.

– Еще и вентилятор не работает! Он нарочно сплавил нас именно в этот кабинет!

– Нет-нет, как вы можете так думать! Чистая случайность.

– Конечно-конечно, случайность! У подобных людей не бывает никаких случайностей.

– Я чувствую, что с первой минуты, как приехали, вы все время... все время в чем-то нас подозреваете, комиссар.

– Просто так кажется...

Француз заметил неподалеку от двери охранника. Понятно: за ними установлена слежка. Очевидно, такова инструкция.

– Можно сделать ксерокопии?

– Нет. Здесь все защищено кодами. И пароль для работы с USB-портами и дисководами выдается только офицерам. Отсюда никогда ничего не выходит.

– Еще бы! Разумеется: государственная тайна! Ладно, обойдемся как-нибудь.

Шарко открыл папку, взял файл со снимками, но не сразу решился их вынуть. Он сам был не в лучшей форме, да и Нахед казалась взволнованной.

– Выдержите? – спросил он.

Она молча кивнула. Комиссар разложил на столе фотографии. Молодая женщина сделала над собой усилие, посмотрела и прикрыла рот ладонью:

– Это чудовищно!

– В противном случае меня бы здесь не было.

Десятки снимков показывали смерть во всем ее безобразии. Фотографии наверняка были сделаны всего через несколько часов после убийства, но жара ускорила разложение тел. Шарко внимательно всматривался в этот ужас. Останки были брошены как попало, разодранные, изрезанные ножом, никакого особенного желания выстроить мизансцену за этим не читалось. Полицейский изучил карточки со сведениями о девушках, фотографии жертв, предоставленные их семьями. Снимки плохого качества, сделанные дома, на улице, в школе. Совсем юные девочки – живые, улыбчивые. Можно найти общее: все они одного возраста – пятнадцати-шестнадцати лет, у всех черные волосы и темные глаза. Глядя на висящую на стене карту Каира с названиями улиц, написанными по-арабски, аналитик протянул карточки с информацией о девушках Нахед и попросил ее перевести, что там написано. Каир... монстр цивилизации... Каир, пропоротый с севера на юг Нилом,

окруженный с востока и юго-востока холмами Макааттам, а с юга – песками, песками и песками, однообразие которых нарушают лишь руины древнего города...

По мере того как Нахед называла ключевые места действия, комиссар находил их на карте и помечал цветными кнопками. Тела жертв были обнаружены на расстоянии примерно пятнадцати километров одно от другого, и располагались они по дуге окружности, замыкающей в себе город с пригородами. Квартал тряпичников на северо-востоке, берег Нила в том месте, где река на северо-западе раздваивается, – в пяти километрах от полицейского участка, – белая пустыня на юге. Все девочки из бедного или беднейшего класса населения, все учились в школе. Нахед знала Каир как свои пять пальцев. По одному только номеру школы она точно определяла, где, в каком квартале, эта школа расположена. Шарко заинтересовался огромным пространством, которое занимали самые большие в мире цементные заводы, поблизости от которых обитала при жизни одна из жертв.

– Вы упомянули, со слов Нуреддина, нелегальный квартал рядом с цементным заводом. Поясните, что это за квартал.

– Это даже не квартал, а несколько кварталов времянок, построенных для себя бедняками, не учитывавшими, естественно, ни принципов современной городской архитектуры, ни возможностей современного коммунального хозяйства. Там нет никаких удобств: нет питьевой, да и просто сколько-нибудь очищенной, воды, нет канализации, никто не убирает мусор. В Египте много таких кварталов, и города сильно разрастаются за их счет. Государство строит ежегодно около ста тысяч домов – главным образом для людей с низким и средним уровнем дохода, тогда как с учетом демографического роста требуется семьсот тысяч.

Она говорила, он записывал. Записывал все подряд: имена и фамилии девушек, названия мест, где были обнаружены трупы, географическое положение...

– А скажите, такие кварталы можно назвать трущобами?

– Хуже трущоб Каира не придумаешь; для того чтобы поверить в существование подобного, надо их увидеть. Вторая жертва, та, которую звали Бусайна, жила неподалеку от одного из трущобных районов.

Комиссар снова взгляделся в снимки, он рассматривал лица, отыскивая физические особенности. Он отказывался верить, что три смерти подряд – простое совпадение, дело случая. Убийца перемещался по городу, чтобы попасть из одного квартала в другой. Три девушки из бедных семей, не сказать чтобы хорошенькие, скорее такие, что не привлекают внимания...

Почему именно эти три? Может быть, убийца по роду деятельности привык находиться рядом с бедняками? Может быть, он раньше встречал этих девушек? Что-то общее... у всех трех обязательно должно найтись что-то общее, что-то, что их связывало.

Часом позже Нахед взялась за протоколы аутопсии – тексты узкоспециальные и потому особенно трудные для перевода. Она зачитывала только основное, в том числе сведения о том, что во всех трех случаях в телах жертв были обнаружены следы мощного обезболивающего: кетамина. Что касается времени смерти, опять-таки во всех трех случаях это была глубокая ночь. А самым, пожалуй, интересным из всего услышанного стали для Шарко заключения о причинах смерти. По мнению египетских судмедэкспертов, многочисленные ножевые ранения были посмертными, а погибли девушки из-за того, что им вскрыли черепа и, конечно же, изъяли мозг и глазные яблоки.

То есть получалось, что верхушки черепов отпиливали у еще живых девушек, а ножом их кромсали только потом...

Нахед замолчала, глядя пустыми глазами, вид у нее был мрачный. Шарко вытер лоб платком, теперь он хорошо представлял себе сценарий убийства. Сначала, вечером, преступник должен был похитить девушку, ввести ей каким-то образом обезболивающее, увезти с места похищения и только затем, взяв в руки свое смертоносное орудие, приступить к самому ужасному. Чем он был вооружен? Совершенно точно: медицинской пилой, скальпелем для вылушивания глазных яблок и ножом с широким лезвием, чтобы наносить раны. У него наверняка была машина, он прекрасно ориентировался в городе и, скорее всего, заранее намечал маршруты. Почему... или зачем он уродовал тела *post mortem*?<sup>[12]</sup> Непреодолимое стремление лишить свою жертву признаков принадлежности к человеческому роду? Жажда обладания? Или он чувствовал такую страшную ненависть, что выплеснуть ее мог только в акте окончательного разрушения?

Как ни тяжело было работать в этой душегубке, комиссар выкладывался полностью, сопоставляя полученные здесь и во Франции данные. Из сравнения выходило вот что: здесь, в отличие от Граваншона, речь шла все-таки о ритуале, здесь имело место организованное преступление и здесь преступник не старался спрятать тела. К тому же убийца вскрывал черепа еще живых жертв, что и стало причиной смерти. Во Франции причиной смерти почти у всех стали пулевые выстрелы – хаотичные, если опираться на выводы трассологов о местах проникновения пуль в тело. Да, и не забыть о тщательности, с какой были обработаны

граваншонские останки: об отрубленных руках, вырванных зубах.

Две серии убийств – по ряду признаков близких, но далеко отнесенных одна от другой в пространстве и во времени. Существует ли реальная связь между ними? А если он с самого начала идет по ложному пути? А если – может ведь такое быть, в конце-то концов! – свою роль в этой истории сыграл случай? Шестнадцать лет... шестнадцать долгих лет...

Нет, не может все это быть делом случая! Шарко нутром чуял неуловимую связь между сериями: и тут и там в наличии одно и то же дьявольское стремление добраться до двух самых важных органов человеческого тела и изъять их – изъять мозг и глаза.

Почему три девушки – в Египте?

Почему пятеро мужчин, среди которых один азиат, – во Франции?

Шарко проглатывал одним духом воду, которую ему регулярно подавала переводчица, и все глубже погружался в преисподнюю. Египетский бог солнца Ра при этом методично поджаривал ему спину, он истекал потом. Снаружи бушевал песчаный ад, снаружи были пыль, москиты, и он томился, он тосковал о своем номере с кондиционером и противомоскитной сеткой.

К несчастью, остальные документы оказались чистейшим вздором, пустой болтовней. Расследование вели спустя рукава. Показания свидетелей – родителей, родственников, соседей, – хотя на них и стояла печать прокурора, представляли собой всего лишь несколько разрозненных листочков бумаги, заполненных от руки. Две девушки возвращались с работы, третья шла домой из квартала, где обычно выменивала козье молоко на ткань. Был еще список опечатанного имущества – совершенно бесполезный. Похоже, в этой стране дела об убийстве ведутся примерно так, как во Франции – дела о хищении радиоприемника из машины.

И именно здесь, он чувствовал, что-то не срасталось, что-то было не так...

– Скажите, а хотя бы в каких-нибудь документах вам встречалось имя Махмуда Абд эль-Ааля? Стоит ли где-то, кроме этих нескольких страничек, его подпись? – спросил комиссар у Нахед.

Та быстренько просмотрела исписанные листки и покачала головой:

– Нет. Но вы не удивляйтесь тому, что дело выглядит легковесным. Здесь досье всегда такие, потому что бумагам предпочитают действия. Размышлениям – репрессии. Тут все делается вкривь и вкось, все разъедено коррупцией. Вы даже представить себе не можете, до какой степени.

Шарко достал распечатку телеграммы, полученной из Интерпола:

– Вот видите, до Интерпола эта телеграмма дошла больше чем три

месяца спустя после того, как в Каире обнаружили тела девушек. И послать ее мог только инспектор, причастный к делу, заинтересованный в нем и очень настойчивый. Порядочный, неподкупный, верный своим ценностям и, возможно, желавший идти до конца. – Он взял со стола пожелтевшие листочки бумаги, бросил их обратно. – ...И при этом меня пытаются убедить, что, кроме такой вот ерунды, ничего нет, да и не было? Так-таки и ничего? Никаких записей этого инспектора? Даже копии телеграммы? Куда девалось все остальное, что должно было быть в этой папке? Вот хотя бы для примера: где материалы расследования по поводу кетамина, которое наверняка велось, где результаты допросов в аптеках, в больницах?

Нахед пожала плечами, на большее ее не хватило. Лицо молодой женщины было серьезным. Шарко покачал головой, приложил руку ко лбу:

– А знаете, что самое странное? То, что Махмуд Абд эль-Ааль оказался покойником. Удивительно, да?

Переводчица встала, подошла к застекленной двери, выглянула в холл. Охранник стоял не шевелясь.

– Не знаю, что вам ответить, комиссар. Мое дело – переводить, не более того, и...

– Я заметил, как достает вас Нуреддин, как вы всеми способами стараетесь от него увильнуть... и насколько безуспешно стараетесь, тоже заметил. Это что такое? Обмен любезностями? Услуга за услугу? Или обычай вашей страны, который вынуждает вас уступать требованиям этого жирного студня?

– Ничего подобного.

– Я несколько раз видел, как вас пробирает дрожь, пока вы смотрели на эти снимки, когда переводили описание подробностей дела. Вы ровесница погибших девочек. Вы тогда ходили в школу, как и они.

Нахед закусила губу, сжала руки так, что костяшки пальцев побелели. Пряча глаза от парижанина, она взглянула на часы:

– У нас уже скоро встреча с Микаэлем Лебреном и...

– ...и я не собираюсь идти на эту встречу. На то, чтобы выпить французского вина, у меня будет достаточно времени во Франции.

– Он может обидеться.

Шарко взял со стола фотографию улыбающейся девочки и положил ее перед Нахед.

– Мне плевать на дипломатию и птифуры. Вам не кажется, что погибшие девочки заслуживают того, чтобы мы ими заинтересовались, имеют на это право?

Повисла тягостная пауза. Нахед была настоящей красавицей, а Шарко



знал, что у таких красивых женщин сердце обычно холодное. Но в сердце этой египтянки он чувствовал незаживающую рану, открытую рану, и из-за этого взгляд ее агатовых глаз порой затуманивался.

– Ладно. Чем я могу быть вам полезна, комиссар?

Комиссар, в свою очередь, подошел к двери, выглянул и понизил голос:

– Ни один из работающих в этом комиссариате полицейских не станет со мной разговаривать. Лебрен – сотрудник посольства, стало быть, руки у него связаны. Найдите мне адрес Абд эль-Ааля. Скорее всего, у него были жена, дети... братья... Мне хотелось бы с ними поговорить.

Помолчав, Нахед кивнула:

– Попытаюсь, но вы...

– Можете быть уверены, я умею держать язык за зубами и вас не подведу. Когда мне вернут мобильник, позвоню Лебрену, скажу ему, что неважно себя чувствую – жара, усталость, – и извинюсь за то, что не смогу прийти. Скажу, что завтрашний день намерен снова провести в комиссариате, чтобы доделать все, чего требует моя командировка. А вам предлагаю встретиться со мной в отеле в двадцать часов. Надеюсь, у вас уже будет адрес.

Она поколебалась.

– Нет... не в отеле... Вы возьмете такси и... – она нацарапала несколько слов на клочке бумаги, протянула ему, – и дадите водителю эту бумажку. Он поймет, куда вас отвезти.

– Куда же?

– К церкви Святой Варвары.

– Святой Варвары? Как-то не очень по-мусульмански звучит!

– Церковь находится в коптском квартале старого Каира, на юге города. Варварой звали юную девушку, которую мучили и казнили за то, что она попыталась обратить своего отца в христианство.

Больница Фрейра, иными словами, одна из клиник Лилльского университетского медицинского центра, – двухэтажный бетонный монстр, где нашли себе приют все отклонения в человеческой психике. Здесь содержатся шизофреники, параноики, психопаты, те, причиной душевной болезни которых стала травма. В конце дня Люси вошла в суровое здание, спросила у девушки в окошке, как пройти к месье Сенешалю. Лучше уж она сама расскажет Людовику о гибели его старого друга Клода Пуанье. Девушка направила ее на второй этаж, в отделение доктора Денкера.

Маленькая палата, которая и клоуна вогнала бы в депрессию. От кровати до включенного телевизора не дотянуться. Людовик лежит на спине, руки под головой...

Стоило Люси ступить за порог, он повернулся к ней и разулыбался:

– Люси...

Она подошла, донельзя удивленная:

– Ты меня видишь?

– Я различаю очертания, цвета. Люди без халатов явно должны быть посетителями. А какая женщина, если не ты, ко мне придет?

– Как хорошо, что есть улучшение!

– Доктор Мартен говорит, что зрение постепенно ко мне вернется. До полного возвращения теперь уже осталось дня два или три.

– А как они тебя лечат?

– Гипнозом... Они поняли, в чем тут дело... ну то есть поняли, не понимая сути.

Люси было очень не по себе: стать вестником смерти – хуже ничего не придумаешь! Наверное, труднее всего в деле, которым она занимается, – встречаться с близкими жертвы. Смотреть им в глаза... Она как могла оттягивала момент, когда придется сказать, что Клода убили: Людовик и вообще-то сильно уязвим, а уж сейчас настолько не в лучшей форме...

– Как это?

Сенешаль поднялся. Теперь зрачки его вновь обрели подвижность, и это успокаивало.

– Психиатр все объяснил. Он погрузил меня в состояние гипнотического сна и попросил рассказать, что происходило перед тем, как я ослеп. По часам, по минутам. Ну я и рассказал ему все подряд. Как покупал фильмы у сына старого коллекционера в Льеже, как там, на

чердаке, нашлась бобина с анонимным фильмом, как я целыми ночами в одиночестве смотрю фильмы в своем «карманном кинотеатре» и как смотрел этот... Рассказал о том, что успел увидеть в анонимной короткометражке: разрезанный глаз, девочку на качелях... И вот на этом месте, сказал потом психиатр, я внезапно сменил тему и стал говорить о своем детстве, об отце, о женщинах, которых он приводил к нам домой через несколько лет после того, как умерла мама.

– А мне ты никогда ни слова об этом не говорил...

В унылой комнате прозвучал отрывистый смешок.

– Ага, конечно, тебе ли меня упрекать! Мы неделями болтали о том о сем, мы семь месяцев встречались, а я так практически ничего и не знаю о твоей личной жизни! Нет, знаю, конечно, что ты работаешь в полиции и у тебя две дочки, которые ко мне хорошо относятся, но, кроме этого, что? Ничего!

– Мы сейчас не о том.

Он печально вздохнул:

– С тобой всегда получается не о том... Ладно, короче... Так вот, это случилось внезапно, когда я был под гипнозом. Голые женщины – иногда я видел, как они выходят из отцовской спальни, это... это тяжелое дыхание, которое я слышал сквозь стенку. Мне не было еще и десяти лет. Психиатр понял, что здесь как раз и могла произойти блокировка памяти: именно этот период оказался для сознания закрыт. А что-то, может быть какой-то кадр фильма, вернуло мне воспоминания детства и спровоцировало истерическую слепоту.

Люси заподозрила, что дело тут не просто в кадрах, а в тех самых – двадцать пятых, в сублиминальных изображениях. Поскольку контроль сознания для них исключался, они подействовали на самые глубинные зоны психики Людовика и посеяли там смуту.

– Но причина моей слепоты не в тех планах, которые я тебе перечислил. Это стало ясно потому, что я сумел рассказать гипнотизеру продолжение фильма, рассказать о девочке. Как она ела, как спала. Как, словно рассердившись, стала отмахиваться рукой от камеры. А потом, как опять же рассказал мне психиатр, я вдруг разорался – прямо в гипнотическом сне. Он чуть было не стал меня будить, но ему все же удалось меня успокоить. И тогда он спросил, что произошло, – и я стал рассказывать ему про кролика.

Люси вздрогнула: странный канадец, ее телефонный собеседник, тоже упоминал о кроликах. Он сказал даже, что все началось с детей и кроликов.

– Какого кролика?

Людовик изменил позу, подтянул колени к груди.

– Мне в то время было лет восемь или девять. Отец однажды взял меня с собой в мастерскую – туда, где держал всю хозяйственную утварь. И там был кролик, который забился куда-то вглубь старой изогнутой трубы. Здоровенный такой, выращенный в садке кролик. Отец не мог залезть в эту трубу и вытащить его оттуда, а я мог. И отец велел мне это сделать. И я сделал. Я встал на четвереньки, прополз почти до конца трубы и выгнал кролика из его убежища. Когда он вылез, отец схватил его за уши. У кролика из задних лап текла кровь, и он бился изо всех сил, стараясь вырваться. Я стал плакать, просить, чтобы отец отпустил кролика, но... но отец вышел из себя. Он взял топор и...

Сенешаль закрыл руками лицо – так, будто туда брызнула струя крови.

– Эта сцена... До сеанса гипноза я ни разу в жизни не вспоминал ее, Люси. Она совершенно выпала из памяти.

– Скорее, была вытеснена. Так глубоко, что никогда раньше ей не удавалось всплыть на поверхность. А что, ты в этой анонимной короткометражке видел кроликов?

– Нет-нет...

Люси по-прежнему ничего не понимала: Пуанье так подробно, буквально по кадру, разобрал пленку и ничего не заметил? Что ж это такое?

Людовик нашарил на тумбочке бутылку с водой и сделал несколько глотков.

– Ты же сама смотрела фильм. Расскажи, ты-то что в нем увидела? Да! Тебе удалось передать бобину моему другу-реставратору?

Люси посмотрела ему в глаза и выпалила шепотом:

– Клод Пуанье мертв.

Людовик долго молчал, вцепившись в простыню. Потом спросил:

– Как он умер?

– Его убили. Те, кто приходил за твоей бобиной.

Людовик встал, отяжелевшей рукой пригладил назад волосы; было видно, что он с трудом сдерживает слезы.

– Только не он... не Клод... такой тихий, такой мирный старик...

Взгляд у Людовика был пустой. Он ощупью добрался до окна с небьющимися стеклами, повернулся спиной к Люси, но ей было видно отражение. Людовик плакал.

– Даю тебе слово, что мы найдем преступников. И разберемся в том, что случилось.

Она еще некоторое время просидела в палате психиатрического отделения, рассказывая о начале следствия. Рассказала даже о том, что кто-

то обыскивал дом Сенешаля, перерыл его коллекцию фильмов: Людовику надо было знать всю правду.

– Я чувствую себя таким одиноким, Люси...

– Доктора тебе помогут.

– Да плевать мне на докторов, я не о них! – Он вздохнул. – Почему у нас не сладилось, как ты думаешь?

– Ты не виноват! Это из-за меня: со мной никогда ни у кого не ладится.

– Почему?

– Потому что меня всегда, рано или поздно, приходится спрашивать «почему?».

Ей было не по себе, жара действовала на нервы... и еще эти химические запахи...

– Человек, с которым я смогу жить, должен будет принимать меня такой, какая я есть здесь и сейчас, а не начинать то и дело копать в моем прошлом, будто оно – самое важное, или допытываться то об одном, то о другом... Я работаю в полиции, потому что я работаю в полиции, вот и все, с этим и надо считаться. А прошлого уже нет, оно похоронено, ясно?

Людовик пожал плечами:

– Ладно, иди... У тебя, наверное, куча дел.

– Я еще приду.

– Придешь, конечно.

Он так и стоял, прижавшись лбом к стеклу. Люси печально вышла.

На улице она с удовольствием вдохнула полной грудью. Она злилась на себя за то, что была с Людовиком такой жесткой, но тут все дело в пережитых раньше, до него, страданиях. Уж слишком грубо бросил ее и девочек человек, которого она впервые в жизни полюбила по-настоящему.

К концу дня она добралась наконец до территориального управления судебной полиции, которое находилось в сотне метров от центра города на бульваре Свободы. Здесь шел быстрый обмен информацией с центральной, парижской службой, с руанскими коллегами, с оперативниками Лилля. Сейчас, когда повсюду используют мобильные телефоны и электронную почту, все это стало куда проще. Пройдет совсем немного времени – и данные занесут в компьютерные файлы, доступные каждому офицеру, после чего все их можно будет сопоставить, появится некоторая определенность, а может быть, и вполне достоверная информация. Удача просто должна быть на стороне сил правопорядка.

Люси вошла в кабинет начальника. У Кашмарека сидел лейтенант Маделен. Честолюбивый юнец лет самое большее двадцати пяти, тоном отличника докладывал шефу о результатах вскрытия Клода Пуанье.

Тройной перелом подъязычной кости свидетельствовал об удушении, а локализация обозначавших скопление крови там, где тело давило на землю, синюшных пятен в районе дельтовидной мышцы и левого бедра доказывала, что Пуанье умер, лежа на боку. Прежде чем убийцы его повесили, труп валялся на полу добрых полчаса.

Кашмарек допил кофе; в эту жарницу он заправлялся кофеином, как другие – чистой водой.

– Полчаса... За это время они перемотали на начало бобину с фильмом и обшарили дом жертвы в поисках реквизита для своей постановки. Завидное хладнокровие у этих убийц.

Люси позволила себе вмешаться:

– Стало быть, Пуанье был не повешен, а задушен.

Майор взял со стола фотографию комнаты в доме Пуанье и указал на участок пола в углу:

– Да, и произошло это вот здесь. На полу были обнаружены капли крови, – возможно, при удушении у жертвы пошла кровь из носа. Что еще показало вскрытие?

Маделен сверился со своими записями:

– Грудь резали ножом, какое было лезвие – значения не имеет, важно, что оружие – режущее, вот это точно. Вылушивание глазных яблок, по мнению судмедэксперта, было произведено... в высшей степени профессионально. Читаю: в роговице, прозрачной части наружной оболочки глаза, проделали круглое отверстие, сквозь которое были отсечены и удалены глазные мышцы, затем зрительный нерв и после этого изъято глазное яблоко целиком. В общем, почти точь-в-точь хирургическая операция.

Майор согласился, что в общем – да, похоже.

– И это хорошо согласуется с данными, которые уже начинают приходить из Руана. Верхушки черепов у пяти граваншонских трупов были отпилены медицинской пилой – и тоже вполне профессионально... То есть подтверждается гипотеза о том, что убийцами были одни и те же люди. Продолжайте, Маделен.

– Что касается остального... Много специальных терминов, но ничего вполне определенного. Образцы тканей отправлены токсикологам – на всякий случай. Лично я сомневаюсь, что Пуанье еще и накачали наркотиками.

– Так... Ладно, почитаем акты экспертизы. Я жду международного, сводного отчета, бельгийским властям послан документ о необходимости провести обыск у Шпильмана. Конечно, там у нас нет никакой

возможности действовать, мы можем только наблюдать, но это лучше, чем ничего. Что еще... Хм... Сейчас пробивают все номера, имеющие отношение к канадскому телефону, который получили от тебя, Энебель: надо убедиться, что твой монреальский аноним действительно недосягаем.

Кашмарек обхватил голову руками и, уставившись в свои сделанные маркером на теперь уже отнюдь не белоснежной доске записи, тяжело вздохнул. Какой-то лабиринт из стрелок, поди в них разберись.

– Маделен, составь-ка мне список номеров, которые Пуанье набирал сам или с которых ему звонили за последние сутки его жизни. А ты, Энебель, посмотришь, что еще можно вытащить из имеющихся вещдоков. Криминалисты сделали увеличение кадров с кусочков пленки, которые убийца вставил жертве в пустые орбиты глаз. Поинтересуйся, что они там еще нарыли: может быть, отпечатки пальцев, какие-то косвенные улики... Потом расскажешь. Я пойду пообщаюсь с парнями, которые опрашивали соседей: вдруг у них есть какие-то новые сведения. А вечером мы соберем все, что нароем, ну и... там будет видно. Сейчас мне нужны конкретные факты, нужно то, что можно пощупать, без этого не начнешь думать, а пока строить гипотезы попросту не на чем.

Образы Каира у Шарко множились и менялись, как отблески света на поверхности нильской воды. Водитель, прирожденный таксист – такие называют себя *osta bil-fitra*, – немного говорил по-французски. Они проехали по тесным улочкам, и парижанину открылся мир простых египтян, так на улице и живущих – шумно и беззаботно. Поводом к общению здесь могло стать все что угодно. Мясники резали на тротуаре мясо, хозяйки тут же чистили овощи, даже хлебом торговали, раскладывая его прямо на земле. А когда посреди беспорядочного уличного движения комиссар вдруг увидел мерное, в ритме исполненной достоинства и благородства походки ее обладателя, колыхание хлопчатобумажной галабеи<sup>[13]</sup>, ему показалось, что он передвигается по живой картине и что его эта живая картина затягивает. И ощутил в раскаленных улицах, в блещущих красотой мечетях дыхание ислама. И понял, что отсутствие центральной крыши у средневековой каирской мечети, кажущейся небольшой, но вмещающей несколько тысяч молящихся, – это глаз, открытый в небо, к единственному Богу. «Нет Бога, кроме Аллаха...»

Потом стал вырисовываться Каир коптский. Тот, где молодые люди, обутые в простые кожаные сандалии, не выпрашивают у туриста монетку или авторучку, но предлагают образки Девы Марии. Тот, стены которого заставляют вспомнить античный Рим, тот, где все кажется сошедшим с пергаментных страниц старинной Библии... Тихие, мирные улочки цвета охры – улочки, покой которых нарушает лишь шорох песчинок, принесенных жарким дыханием хамсина. В самом центре, в самом сердце самого перенаселенного города Африки, Шарко обрел наконец душевный покой. Почувствовал, что в целом мире нет, кроме него, никого. Здесь ему открылась вся двойственность египетской столицы.

Он рассчитался с водителем – совершенно невероятным типом, битком набитым анекдотами, – и позвонил Леклерку, чтобы рассказать о том, что удалось узнать к этому часу. А в ответ услышал о смерти старика-реставратора и о краже бобины. Во Франции дело двигалось явно быстрее, чем тут, правда совсем не в том направлении, в каком ему хотелось бы. Следствие принимало апокалиптический масштаб, трупы множились, а тайна становилась только глубже.

У церкви Святой Варвары его ждала Нахед, весьма элегантная в тонком плиссированном платье пастельных оттенков. Наверное, из льна.



Молодая женщина вроде бы сильно накрасила глаза, на плечи ее, словно накидка, спускался платок из легкой ткани. Шарко подошел и спросил, указывая на церковь:

– Именно об этом «сердце города» вы говорили тогда в машине?

– А такое сердце вам нравится?

– Оно меня удивляет...

Нахед улыбнулась, открыв великолепные зубы. Шарко должен был признать, что любой мужчина жаждал бы заблудиться с нею в лабиринтах Каира и сам он в этот вечер не составляет исключения.

– Каждый квартал Каира – это спокойный городок со своими традициями, со своими законами. Мне бы хотелось, чтобы вы это понимали. – Она застенчиво, будто собиралась молиться, сложила руки. – Моя машина стоит чуть подальше. И у меня уже есть то, что вам нужно.

– Адрес Абд эль-Ааля?

– Махмуд жил один, но почти рядом с братом – на другом конце улицы Талаат-Харб. Брата зовут Атеф Абд эль-Ааль, и у него прежний адрес.

– Талаат-Харб... Мы вроде бы именно там должны были встретиться с Лебреном?

– Точно. Талаат-Харб – улица, сохранившая атмосферу Прекрасной эпохи, она вся пропитана историей и ностальгией. Ваш каирский коллега наверняка хотел, чтобы вы запомнили это место. Я еще раз виделась с месье Лебреном после работы в комиссариате – так получилось, – и мне показалось, что ваш отказ с ним встретиться его не обидел.

– Тем лучше. Еще раз спасибо.

Они разговаривали, идя вдоль коптского кладбища. Нахед рассказала об отце – журналисте из газетенки «Каир», который лишился ноги и стал инвалидом в результате столкновения коптов с мусульманами в 1981 году. Мать переводчицы, француженка, родилась во Франции и жила в Париже, пока не решила отправиться с миссией в доминиканскую общину Каира. Тогда-то родители Нахед и познакомились. Она появилась на свет в довольно скромном районе города и никогда в жизни не выезжала из Египта. Ходила в школу с углубленным изучением французского. Когда поступила в университет – собственно, мечта о нем и привела ее в такую школу, – выяснилось, что тамошние профессора полуграмотны и говорят по-французски куда хуже ее самой. В конце концов благодаря поддержке хозяина отцовской газеты, влиятельного египтянина, она поступила на работу во французское посольство; зарплата там маленькая, но место хорошее, грех жаловаться. Там работа честная (слово «честная» Нахед сильно подчеркнула), и пусть даже не удастся совсем избежать бедности и

невзгод, из которых никак не может выкарабкаться Египет, но у нее всего такого намного меньше, и это дает, по крайней мере, иллюзию благополучия.

Подошли к машине, настоящему «Пежо-504», припаркованному на границе коптского Каира, рядом с мечетью Амра. Нахед предложила комиссару занять место рядом с водительским, и «пежо» двинулся вдоль правого берега Нила вверх по улице Курнееш. Вечерело. На минаретах отдаленных мечетей, на многопалубных лайнерах и скромных фелюгах зажигались огоньки. Люди прогуливались по набережной целыми семьями, покупали фуль медамес – желтые бобы, сбрызнутые лимоном. Шарко ощущал величие этой реки, потребность народа поклоняться ей.

Разговор продолжался, но, когда Нахед попросила комиссара рассказать о его семье, о жене, он прижался лбом к стеклу, уставившись на тихие волны Нила, ответил только, что он никогда больше не увидит ни жены, ни дочери, разве что во сне, и замолчал. Зачем говорить? О чем тут рассказывать? О том, что с тех пор не было ночи, когда тоска по Сюзанне и Элоизе не душила бы его, не давила бы на него так, что он вообще не мог глаз сомкнуть? О том, что причиной гибели семьи стала его работа, а теперь та же работа медленно, но верно ведет его в бездну старости, где не будет места ни единому солнечному лучу? Нет-нет, ему нечего рассказывать. Не здесь, не сейчас. И не ей.

Десять минут спустя они были на улице Талаат-Харб. Насколько хватало глаз – лавочки с одеждой, бары, кинотеатры с французскими названиями, старинные дома на манер тех, что строили в Париже при бароне Османе: с колоннами, с окнами, обрамленными статуями в греческом стиле. Все здесь напоминало о том, что в начале двадцатого века египтяне хотели сделать из центра Каира подобие европейского квартала и что это им почти удалось. Впечатление усиливали бредущие во всех направлениях толпы пешеходов: американцы, французы, итальянцы...

Нахед присмотрела местечко для парковки на улочке рядом, и буквально через минуту она уже передавала бакшиш консьержу дома – просто за то, что тот отворил дверь. Этому скорее сторожу, чем консьержу (Нахед назвала его «бауаб»), в дырявых эспадрильях и с рыжей от хны бородой, положено было не только открывать дверь, но еще и мыть машины, подносить покупки... Внешне он мало подходил к роскошному интерьеру здания – жилища для богатых, которое просто-таки излучало чувство собственного величия.

Оказавшись наедине с Шарко в лифте, молодая женщина прикрыла платком голову и занавесила лицо. Остались видны только ее сверкающие,

как драгоценные камни, глаза, отчего она сразу преобразилась в загадочную, полную тайн прелестницу. Когда она, занавесившись, чистым голоском произнесла: «Было бы жаль сразу настроить против себя Атефа Абд эль-Ааля из-за этих религиозных предубеждений», тонкая, почти прозрачная ткань платка, под которой едва обрисовывались губы, заколебалась, и Шарко был мгновенно покорен, если не околдован.

– Но откуда вам известно, что он мусульманин?

– Думаю, тут больше шансов за, чем против.

– А что вы вообще о нем знаете?

– Из посольских документов много не выудишь. Он был торговцем, а сейчас у него две пошивочные мастерские: шьет рубашки. Дело, которое он открыл спустя год после смерти брата, процветает. Готовые изделия Атеф продает оптом в модные лавочки Александрии. Он и его покойный брат родом из Верхнего Египта, выходцы из деревни, родители были бедняками. В Каир перебрались подростками, вместе с дядей.

Когда Нахед постучала, открылась дверь напротив и на площадку выглянула пожилая дама с морщинистым лицом. Нахед поговорила с ней и перевела комиссару:

– Соседка сказала, что Атеф сейчас пьет чай на террасе: он всегда в это время, перед вечерней молитвой, пьет чай там, наверху. Мы легко его узнаем, потому что за чаем он читает «Аль-Ахрам». Это такая независимая газета.

Увидев, что собой представляет пресловутая терраса, Шарко чуть в обморок не упал: по всей крыше расставлены железные кабинки, внутри и снаружи – люди: кто сидит в кресле, а кто и вытянулся на матрасе – прямо в облаках. Разноцветные лампочки на протянутых над террасой проводах приплясывали, как паруса фелюг. Пронизывая сумерки, мерцали экраны расставленных как попало по всему пространству телевизоров. Ни дать ни взять – шаткий, неустойчивый, но светящийся муравейник под открытым небом...

– Раньше в этих домах на улице Талаат жили сливки общества: крупные землевладельцы, высокопоставленные сановники, министры... – прошептала на ухо комиссару Нахед. – Эти кабинки служили им для хранения припасов, для стирки белья, а некоторые селили в них собак. После революции тысяча девятьсот пятьдесят второго года все переменилось. Теперь здесь обитают те, кто в прежние времена были слугами. Они и сдают эти кабинки беднякам.

Трудно поверить, что в самом центре столицы, на самой торговой ее улице люди живут в халупках меньше пяти квадратных метров! Нищета тут

царит не на земле, не под землей – в метро, как в Париже, тут она разместилась на крышах. Нахед показала пальцем на человека, расположившегося в самой глубине террасы:

– Во-о-он он.

И к новоприбывшим сразу же обратились подозрительные взгляды.

Нахед и комиссар прошли мимо растянувшихся на матрасах мужчин с налитыми кровью глазами: одни разогревали опиум, скатывали из него шарики и клали их под язык, другие курили с помощью стареньких кальянов табак маассель, смешанный с анашой, – мимо играющих в домино или зубрящих уроки детей, мимо стряпающих женщин... Наконец они добрались до Атефа Абд эль-Ааля, сидящего на плетеном стуле лицом к улице. Тот, кого они искали, оказался сорокапятилетним мужчиной с напыженными, зачесанными назад волосами, одетым в костюм хорошего покроя и обутым в начищенные до блеска ботинки. Чашка с дымящимся чаем стояла на белокаменных перилах. Увидев подошедших к нему людей, Атеф не привстал, даже головы не наклонил, только бросил пару слов, которых Шарко не понял. Переводчица, обрисовывая ситуацию, разразилась в ответ длинной тирадой по-арабски: сказала, что с ней пришел комиссар французской полиции и он хочет задать несколько вопросов о Махмуде и о деле, которое тот расследовал, потому что это старое дело имеет кое-что общее с тем, которым комиссар занимается сейчас.

Атеф аккуратно сложил газету, положил ее на колени, оглядел Нахед с головы до ног и принялся медленно перебирать пальцами янтарные четки. Переводчице снова пришлось взять на себя посреднические функции.

– Он больше не хочет разговоров о брате.

– Скажите ему, что вплоть до последнего дня Махмуд расследовал дело об убийстве, которое произошло за четыре месяца до его смерти. Тогда убили трех девушек. Спросите его, знает ли он об этом хоть что-нибудь.

Атеф помолчал, потом опять произнес несколько слов.

– Он хочет видеть ваше служебное удостоверение.

Шарко достал карточку, протянул Атефу, тот внимательно ее изучил, поводит пальцем по косой полоске цветов французского флага, вернул и только тогда заговорил снова.

– Он говорит, что его брат был очень скрытным и никогда не рассказывал о своих расследованиях. Именно поэтому он и не подозревал, что Махмуд был связан с экстремистскими кругами.

Шарко побродил взглядом по городским огням. Воздух наконец очистился, и египтяне вновь возвращались к своим улицам, к своим

корням, вновь обретали покой своих мечетей и церквей.

– Приносил ли домой Махмуд с работы какие-нибудь бумаги, связанные со следствием? Вы жили рядом, видели ли вы, чтобы он работал в своей квартире?

– Он говорит, что нет.

– Знаете ли вы Хасана Нуреддина? Он к вам уже приходил?

– Пока нет... То, как Атеф отвечает, свидетельствует, мне кажется, о полной его неосведомленности.

Полицейский аналитик вынул из кармана фотографию одной из жертв и показал ее египтянину. Нахед, поняв, что Шарко, пока она ходила за водой для него, стащил-таки снимок в комиссариате, бросила на парижанина гневный взгляд.

– А это? – буркнул француз. – Об этом вы тоже ничего не знаете? Только не говорите, что брат никогда не показывал вам лица этой девушки!

Атеф, поджав губы, отвел свои медовые глаза, встал и толкнул комиссара в грудь:

– *Izhab mine houna! Izhab mine houna! Sawf attacilou bil chourta!*

Он пристально посмотрел на переводчицу, потом выхватил мобильник и показал ей. Некоторые обитатели террасы стали поглядывать в их сторону.

– Атеф приказывает нам уйти, говорит, что в противном случае вызовет полицию. Может, правда уйдем? Из него же все равно ничего не вытянешь!

Комиссар колебался, ему не хотелось сдаваться. Бурная реакция араба доказывала: вполне возможно, ему есть что скрывать. Атеф подошел к Шарко и снова, так же сильно, толкнул его в грудь:

– *Izhab mine houna!*

Шарко очень захотелось заехать парню кулаком в морду, но окружавшие их мужчины поднялись и стали приближаться; запахло опасностью. Кабилы – тонкокостные, с тонкими нервными лицами... Толпа гудела все громче. Повернувшись к потенциальным агрессорам, Шарко вдруг почувствовал, как лезут в задний карман его брюк. На мгновение оглянулся, встретился глазами с Атефом – и понял: тот что-то положил ему в карман, но не хочет, чтобы другие об этом знали.

Француз взял Нахед за руку:

– Пойдемте отсюда.

Они с трудом протискивались сквозь толпу, их толкали локтями, плечами, их буравили взглядами – пустые стеклянные глаза без зрачков, глаза наркоманов... Отовсюду раздавалось: тссс, тссс...

Они побежали вниз по лестнице, и тут Нахед наконец взорвалась:

– Вам не следовало красть этот снимок! Сколько еще фотографий вы унесли?

– Несколько.

– Будьте уверены, что Нуреддин это заметит и сообщит в посольство. Чем вы только думали!

– Ладно, идите, идите.

Нахед спускалась впереди него. Шарко порылся в кармане, нашел бумажку, на ходу развернул – это оказался клочок газеты, на котором было написано по-французски:

Бар «Каир» в квартале Тьюфикьех, через час. Позаботьтесь о том, чтобы никто вас не видел, и имейте в виду: она вас пасет.

Шарко мгновенно спрятал записку и окинул переводчицу полным сожаления взглядом. Преодолевая ступеньки, Нахед чуть покачивалась и выглядела в своем тоненьком платье просто чудесно. Но при этом его предавала! Когда они вышли на улицу и двинулись вдоль домов, молодая женщина сбросила платок на плечи, снова открыв лицо. Шарко осмотрел ее с головы до ног.

– Любопытно, очень любопытно. Без платка у вас совершенно другой облик. Таинственное, туманное создание внезапно приобрело черты современной женщины. Сколько же у вас личин, а, Нахед?

– Одна-единственная, комиссар...

Ему показалось, что женщина слегка покраснела. Поискала слова, спросила:

– А дальше что будем делать?

Теперь Шарко лучше различал ее маневры. После записки Атефа все вроде бы прояснилось: и то, почему Нахед, несмотря на грозящие ей неприятности с непосредственным начальником, решила ему помочь, и то, каким образом так быстро раздобыла координаты Махмуда Абд эль-Ааля, информацию о нем... За Шарко следили, его обвели вокруг пальца! Ладно, пока он сделает вид, что все в порядке, а потом найдет время ее расспросить.

– Лично я, пожалуй, вернусь в гостиницу, приму душ и лягу спать. День у меня – с момента, как проснулся утром во Франции, – получился чересчур длинный.

– Но вы ведь даже не ужинали! Приглашаю вас в чудесный ресторанчик на берегу Нила. Там подадут великолепную рыбу и

швейцарские вина. Не французские.

Понятно: ей хочется удержать его при себе как можно дольше. Он вдруг подумал, что она врала ему, переводя там, на террасе, а может, даже и в комиссариате. Нахед, как и Хасан Нуреддин, контролирует территорию; что поделаешь – здесь он совершенно бессилен. Но кто за всем этим стоит? Полиция? Посольство? Какое осиное гнездо он разворошил?

– Я бы с наслаждением, спасибо, но совсем нет аппетита... Слишком жарко, слишком устал, да и москиты вконец загрызли...

Он вытащил из кармана карту Каира, позаимствованную в отеле:

– Я найду гостиницу сам, она ведь прямо здесь, позади. Давайте встретимся завтра в десять утра у комиссариата, как вам такое предложение? Теперь уже спешить некуда. Двери одна за другой закрываются, и я уже понял, что вернусь домой несолоно хлебавши. Не мое оказалось это дело.

Нахед – явно озадаченная – опустила глаза, Шарко еле справлялся с желанием вырвать ей язык: лицемерка чертова!

– Отлично, – уступила она в конце концов. – Тогда до завтра! – Но прежде чем уйти, добавила: – Эта жирная свинья Нуреддин никогда не дотрагивался до моего тела. И никогда не дотронется.

Им пора было расходиться в разные стороны. Глядя вслед молодой женщине, Шарко заметил, что она несколько раз обернулась, и это подтвердило его подозрения. Он медленно двинулся вдоль перпендикулярной к Мухаммед-Фарид улицы Тарват, а едва завернув за угол, припустил куда глаза глядят.

На поводке его не удержишь – сорвался-таки!

Теперь Каир со своей сверкающей огнями ночью принадлежит ему.

Ах, как он доволен, слов нет, как он доволен!

В расположенном по соседству отделе информатики научно-технического подразделения полиции Люси получила увеличенное изображение двух кусочков пленки, которые были найдены в пустых глазницах Клода Пуанье. Два черно-белых отпечатка на глянцевой бумаге, неприятно заметное зерно... Кадры оказались почти идентичными: из какого-то странного, неустойчивого положения, такого, будто камера перевернута, был снят низ чьих-то джинсов и кусочек обуви; ничего такого Люси при первом просмотре не заметила. Задний план терялся в темноте, но можно было угадать ножки стола, стену и пол.

– Скажите, мне не чудится, ботинки тут действительно армейские?

Люси обращалась к специалисту, сидевшему рядом с ней перед своим компьютером. Жюльен Маркан, за сорок, фотограф полиции. Один из тех, кто снимал на месте преступления, кто всегда снимает на месте преступления. Каждый раз, как происходило убийство, он предоставлял офицерам полиции ужасы на глянцевой бумаге: некоторые предпочитают фотографировать топ-моделей, а он – мертвецов. Головы самоубийц, взорванные пулей из пистолета 22-го калибра, раздутые утопленники, висельники... Жюльен – замечательный мастер, но все образцы его мастерства, все свидетельства его таланта остаются на полках стеллажей и в ящиках полицейских кабинетов. В такое позднее время суток никого более сведущего в интересовавшем Люси деле было не найти.

– Похоже.

Жюльен показал снимки, сделанные им в доме жертвы. Среди прочего – пятна крови на полу лаборатории и вообще на втором этаже. Люси сопоставила, и ей стало ясно.

– Эти два кадра сняты у него в квартире... у Клода Пуанье. У него же были и камеры свои, и пленка. Они снимали фильм в его собственном доме. Черт!

– Да. Кусочки пленки, найденные на месте глаз жертвы, – срезки негатива, то есть оригинала пленки, а не копии: копии обычно тиражируют в позитиве.

Люси пожалела, что раньше не обратила особого внимания на объяснения Клода, он ведь рассказывал о негативе и позитиве, об оригиналах и копиях. Жюльен ткнул пальцем в отпечатки:

– А знаете, что мне кажется? По мне, так камера была в руках у убийц.



Они, должно быть... ну, не знаю, они, должно быть, расположили камеру на уровне тела жертвы, будто хотели запечатлеть то, что Пуанье мог видеть в последние секунды своей жизни.

Люси смотрела на фотографии, и ее пробирала дрожь. Последние секунды жизни старого реставратора словно бы проявлялись перед ее глазами – все более и более отчетливо. Бедняга ушел с *этим*: он смотрел на армейские ботинки, в которые был обут незнакомец с камерой в руках, снимавший старика, пока другой душил его...

– Как будто... как будто Клод Пуанье сам стал камерой, эти сволочи словно хотели залезть к нему внутрь.

– Точно. Вы говорили, что у жертвы была старенькая шестнадцатимиллиметровая камера, была пленка и была проявочная лаборатория? Этим всем убийцы и воспользовались. Они отсняли то, что хотели, пошли в темную комнату, проявили пленку, просушили ее. Потом, уже на свету, вырезали кадры и пристроили их в глазные орбиты жертвы. Вся операция требовала хорошего знания технологии и, конечно, времени – не меньше часа.

Люси закусила губу. Эти два психа не удовольствовались тем, чтобы забрать бобину с фильмом, нет, они разработали сценарий, достойный фильма ужасов, они дошли даже до того, что подкинули полиции пищу для размышлений. Существа мыслящие, организованные и настолько самоуверенные, что могли позволить себе «порезвиться» на месте преступления.

Она попробовала подвести итог:

– Очень мило с их стороны предложить нам два необходимых для расследования элемента: точное положение тела, до того как его повесили, и марку обуви. Армейские ботинки... Таким образом, подтверждается, что человек, побывавший у Шпильмана, и человек, участвовавший в убийстве Клода Пуанье, – одно и то же лицо. Может быть, военный?

– Либо тот, кто хотел, чтобы его приняли за военного... Либо ни тот ни другой, а кто угодно, кто купил себе в магазине ботинки такого типа – рейнджеров везде навалом... Добавлю, что убийцы неплохо секут в кино, во всяком случае один из них. Он сумел заснять на пленку желаемое, вынуть в темноте пленку из камеры, проявить... Уверяю вас, не имея представления обо всем этом, вы не смогли бы даже просто включить эту древнюю аппаратуру.

– В темной комнате не было найдено ничьих пальчиков – только отпечатки самого хозяина дома. Надо снова послать туда наших ребят: пусть как следует посмотрят камеры и все остальное. Убийцы наверняка

оставили следы своей ДНК, особенно если глаз соприкасался с окуляром камеры. Они не могли не сделать ни единой ошибки, просто не могли. Со смертью так не играют...

Она положила фотографии в сумку, поблагодарила Жюльена, попрощалась с ним. По улице шла медленно, обдумывая все, что узнала. Место многочисленных «как?» теперь заняли еще более многочисленные «зачем?». Зачем убийцы оставили эти кусочки пленки в глазницах жертвы? Зачем им понадобилось демонстрировать садизм?

Погруженная в эти чисто психологические загадки, она вспомнила о Шарко, странном человеке, с которым тайком от своих встречалась в кафе у Северного вокзала. Интересно, а он, с его знаниями и многолетним опытом работы, был бы способен найти ответ? Проявил бы себя лучше, чем она сама, столкнувшись с таким дерзким и необычным преступлением? Люси просто сгорала от желания рассказать парижанину о новом убийстве и посмотреть, как бы он из всего этого стал выпутываться в свои пятьдесят.

По ассоциации Люси вспомнила и граваншонское дело. Там у жертв тоже были вылущены глазные яблоки. Шарко говорил, что сделал это врач или хотя бы медик. Сейчас оказывается, что этот медик был к тому же еще и кинематографистом. Профиль убийцы уточняется, пусть даже никакой ясности пока нет. Зачем было красть глаза? Какое они имеют значение для того, кто вынул их из орбит и унес с собой? Что он с этими глазами делал дальше? Сохранил их, как боевые трофеи? Люси вспомнила навязчивую демонстрацию в короткометражке частей глаза: зрачка, радужки... Вспомнила удар скальпеля по роговице, трепет ресниц... Вспомнила слова Пуанье: «Глаз – всего лишь губка, которая впитывает изображение».

Губка...

Взволнованная мелькнувшей мыслью, Люси схватила телефон, порылась в записной книжке и набрала номер судмедэксперта:

– Доктор? Это Люси Энебель. Я не очень вам помешала?

– Погодите, сейчас спрошу у протухшего негра, который разлегся у меня на столе... Нет, говорит, не очень. Так о чем вы хотите спросить, Люси?

Люси улыбнулась, доктор знал ее как свои пять пальцев. И надо сказать – с лучшей стороны.

– Вопрос, может быть, глупый, но... Я когда-то об этом слышала или что-то такое читала, но точного, профессионального ответа нигде не нашла. Может ли глаз умершего человека сохранить отпечаток того, что происходило перед ним непосредственно в момент смерти?

– Простите? Что вы имеете в виду?

– Ну, например, облик убийцы? Самое последнее, что жертва видела перед тем, как прекратились ее жизненные функции. Как бы это сказать... сочетание световых импульсов, которое можно было бы впоследствии реконструировать, исследуя зрительные рецепторы убитого или там участки его мозга, способные сохранить полученную от них информацию...

В ответ последовало молчание. Люси смутилась, – похоже, патологоанатом сейчас засмеется...

– Иллюзия оптограммы...

– Что?

– Вы говорите об иллюзии оптограммы. В конце девятнадцатого века существовало народное поверье: когда смерть внезапная и насильственная, глаза убитого фиксируют облик убийцы. Ну, запечатлевается он там – как на светочувствительной пленке...

Светочувствительная пленка, глаз, кинофильм – слова, которые постоянно возникают с самого начала следствия.

– ...Врачи того времени тоже склонны были поверить в это. Они полагали, будто можно извлечь из ретины трупа портрет преступника. Под «оптограммой» подразумевалась как бы непосредственная запись убийства телом того, кого убивают. В былые времена у медиков считалось нормальным изъять из глазных орбит трупа глазные яблоки, а из самих яблок – хрусталик и сфотографировать то, что запечатлелось на сетчатке, чтобы получить «вещественные доказательства» преступления. Врачи использовали тогда этот метод, считая, что способны помочь полиции, и действительно – иногда, опираясь на эти «улики», арестовывали того или иного человека. Вполне вероятно – ни в чем не повинного.

– А... а что, такая функция ретины в принципе возможна?

– Да нет, конечно! Не случайно же в названии феномена слово «иллюзия».

Люси задала последний вопрос:

– Скажите, доктор, а в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году кто-нибудь еще в это верил?

– Нет. Представьте, даже в пятидесятых годах прошлого века люди уже не были такими отсталыми!

– Спасибо, доктор.

Она попрощалась и повесила трубку.

Иллюзия оптограммы...

Иллюзия не иллюзия, но убийца совершенно явно хотел привлечь внимание к изображению, его власти, его связи с глазом. Убийца или

убийцы. Этот орган зрения – этот невероятный инструмент, этот колодец, через который свет достигает мозга, этот туннель, посредством которого мозгу доставляется знание о физическом мире, – имел для него или для них, должно быть, особое, символическое значение. И был еще с точки зрения художественной тем, с чего начинается кино. Нет глаза – нет изображения, нет кино как такового... Связь хрупкая, непрочная, но она же существует! Теперь Люси рассматривала убийцу как личность, одержимую двумя страстями: к медицине (глаз как орган, который препарируют) и к искусству (глаз как средство информации и проводник, передатчик образов). Если убийц было двое, у каждого, вероятно, была своя «специальность». Медик и кинематографист...

Все еще погруженная в раздумья, Люси остановилась перед кафе-бутербродной. Завибрировал мобильник. Это был Кашмарек, который сразу же перешел в наступление:

– Эй, где ты там?

– Только что от криминалистов, кое-что наскребла, скоро буду.

– Очень кстати. Энебель, я понимаю, что уже поздно, но все равно мы сейчас поедem в одну из клиник Университетской больницы Святого Луки. Это поблизости от Брюсселя.

Люси купила себе сэндвич и, на ходу его заглатывая, двинулась дальше.

– Опять в Бельгию?

– Ну да. Проверены все звонки, сделанные с телефона жертвы, и обнаружено, что среди прочих Пуанье говорил с человеком по имени Жорж Беккер, специалистом по изображениям и мозгу. Ты, кстати, сама же и дала мне его визитную карточку, помнишь? Так вот, он – нейромаркетолог... подумать только, а я и не подозревал, что такая профессия существует!.. Он нейромаркетолог, и, оцифровав пленку, Клод Пуанье отправил ему адрес сервера, на который загрузил копию короткометражки, чтобы тот ее исследовал. У нас есть оцифрованный фильм, Люси! Наши эксперты его уже скачивают. Я сейчас же подключу к бригаде специалиста по языку глухонемых и специалистов по киноизображению. Мы скоро разберемся с этим.

Люси молча выдохнула. Ничего себе! Технологям все же удалось обойти убийц! Они уничтожали людей, чтобы сохранить тайну, а эта их тайна вот-вот окажется доступной на любом компьютере лильской полиции.

– Ну а этот Беккер что-нибудь там нашел?

– По его словам, в их исследовательский центр с этой пленкой года два

назад уже обращался старик-коллекционер. Шпильман был хорошо знаком с тогдашним директором центра, ныне уже покойным: он умер от сердечного приступа несколько месяцев назад.

Пришлось подумать, прежде чем ответить.

– Наверняка Влад Шпильман почуял то же, что наш реставратор. Если верить его сыну, старик смотрел фильмы из своего собрания десятки раз, так что сам уже стал специалистом. Вероятно, он заподозрил, что за видимым на пленке кроется нечто странное, и хотел фильм проанализировать, разобраться, в чем там дело. Но два года назад... это ведь достаточно давно.

– Ладно, в дорогу! Беккер в курсе, он нас ждет. У тебя все в порядке?

Она посмотрела на часы. Начало девятого.

– Разрешите мне сначала заехать в больницу – хочу повидаться с дочкой и объяснить, почему сегодня не смогу остаться с ней на ночь.

Шарко раздумывал, стоит ли ему входить в бар «Каир» – жалкую развалюху на темной, без единого фонаря, улице квартала Тьюфикьех. Вдоль всей улицы дремали прикрытые какими-то тряпками повозки, черные кошки мау прыгали по гребням выбеленных известкой оград. В бар вело несколько ступенек, Шарко сбежал по ним, чувствуя, что позволить себе риск зайти внутрь могут, пожалуй, только любители острых ощущений... Блеклая вывеска гласила: «Торговля кофе», большие окна хозяева кое-как заклеили газетами – так, чтобы не было видно происходящего внутри. Впрочем, фасады жалких секс-шопов на некоторых улицах Парижа выглядят такими же мрачными и подозрительными.

Комиссар последний раз проверил, с ним ли служебное удостоверение – пусть даже он искренне сомневается в том, что корочки ему здесь пригодятся, лучше им быть на месте, – и бросился в пасть к зверю, где его сразу же обволокло смесью запахов гашиша, мяты и маасселя от кальянов.

Приглушенный свет, урчание мощного кондиционера, массивные деревянные столы, старинные лампы в венском стиле, прикрепленные к стенам бронзовые украшения и бра, тяжелые пивные кружки – все напоминало обстановку английского паба. Официантка – европейская девушка в мини – ходила между столами с подносом, нагруженным спиртным. Шарко ожидал увидеть гнусные рожи алкашей и наркоманов, и его удивило, что посетители – в основном молодые – вполне приятны на вид. И – одеты в полном соответствии с гей-модой.

Педрилы... Его угораздило попасть в гнездилище геев!

Только этого и не хватало!

Под прицелом медовых глаз комиссар твердым шагом подошел к стойке, глянул на часы: таксист доставил его на место за десять минут до срока – и указал бармену, белокожему, светловолосому и голубоглазому молодому человеку, на бутылку с янтарной жидкостью и диковинным названием «Old Brent»:

– Виски, пожалуйста.

Прежде чем налить, бармен, пожалуй, чересчур внимательно осмотрел его с головы до ног, а протягивая руку за стаканом, Шарко почувствовал, что справа начинается атака. Ага, прелюдия... Атакующему на вид лет двадцать, смуглый, волосы острижены, как у рекрута, желтая рубашка, на

шее – розовый платочек. Юноша прошептал ему прямо в ухо:

– Котик или козочка, пожалуйста?

– Ни то ни другое. Отвали, пожалуйста!

Полицейский взял стакан – ну и лошадиные же здесь порции! – отошел и сел в уголке. Отсюда было удобно разглядывать публику, он заметил среди посетителей как людей с повадками богатых, в костюмах известных брендов, в импортной обуви – они держались настороженно, так и бедняков, куда более женственных и поразительно красивых в своей скромной одежде. Должно быть, здесь, как везде, секс и проституция, позволявшие заработать за ночь несколько купюр, казались надежным средством вырваться из нищеты. Здоровались тут на египетский манер: обменивались четырьмя чмоками, похлопывая друг друга по спине, – взасос еще не целовались, но намерение было неприкрытым. Шарко вздохнул и поднес стакан к губам, но тут же услышал:

– На вашем месте я бы этого не пил. Говорят, один молодой художник ослеп, попробовав в этом баре виски. Хозяин заведения, англичанин, чтобы удвоить выручку, изготавливает напитки сам – обычное дело для старых каирских кафешек.

Атеф Абд эль-Ааль уселся рядом с комиссаром, хлопнул в ладоши и заказал официантке «пару». Шарко, поморщившись, поставил на стол непечатый стакан с виски.

– А вы прекрасно говорите по-французски...

– Я долго встречался с одним другом из вашей страны. И много работал в Александрии с вашими соотечественниками. Французы умеют делать дела.

Араб наклонился над столом. Его тонкие легкие волосы были зачесаны назад, покрасневшие от употребления гашиша глаза тонко подведены. Небось накумарился, прежде чем прийти сюда.

– Никто не следил за вами?

– Нет.

– Только тут и поговоришь спокойно. Полиция в бар «Каир» не заглядывает: некоторые из местных завсегдатаев – крупные бизнесмены, они держат в руках весь квартал. Теперь, когда полиция знает, что мы с вами виделись на террасе, она пустит за мной своих шпионов. Добираясь сюда из дому, я шел по крышам.

– Зачем за вами следить? И за мной – зачем?

– Чтобы вы не сунули нос куда не надо. Отдайте-ка бумажку, которую я положил вам в карман на террасе, – вдруг узнают о нашей с вами встрече здесь, не хочу оставить им ни малейшей зацепки.

Шарко повиновался и показал движением головы на теряющиеся в сумраке зала лица:

– А эти люди вокруг? Они же видят нас вместе.

– В этом кафе мы далеки от закона и от предписаний, диктуемых обществом. Мы знаем друг друга по кличкам, под женскими именами, у нас свой язык и свои правила. Единственная цель встреч в этом баре – секс с пассивным или активным партнером. Что бы ни случилось, мы всегда отрицаем, что видели здесь кого-то из наших, таково правило.

Шарко почудилось, что в том же ритме, в каком на город опускается ночь, он все глубже увязает в незнакомом, тайном чреве египетской столицы.

– Объясните мне подробнее, с какой целью вы приехали в нашу страну.

Комиссар в общих чертах обрисовал всю историю вопроса, но, конечно, не коснулся секретных сторон дела. Он не входил в детали, говоря об обнаруженных во Франции трупах, о сходстве в действиях убийц пятерых молодых людей в Граваншоне и трех египетских девушек, о телеграмме, полученной от Махмуда... Мрачный Атеф походил на джинна с затуманенным взглядом.

– Вы действительно думаете, что эти две столь отдаленные во времени и пространстве истории чем-то связаны между собой? Какие у вас доказательства?

– Я не могу сказать вам всего, но чувствую, что от меня здесь, в Каире, что-то скрывают, чувствую, что из дела изъяты страницы. И я связан по рукам и ногам.

– Когда вы уезжаете?

– Завтра вечером... Но я вам гарантирую, что, если будет нужно, вернусь – хотя бы и туристом. И все равно найду семьи этих несчастных девушек и опрошу родственников.

– Однако вы упорный. Но почему вас так волнует судьба каких-то несчастных египтянок, погибших сто лет назад?

– Потому что я служу в полиции. Потому что время, прошедшее после преступления, не уменьшает силы злодеяния.

– Красивые слова. Их мог бы произнести любой законник.

– Кроме того, я отец и муж. И я предпочитаю идти до конца.

Официантка принесла две кружки с импортным пивом и два набора горячих закусок. Атеф жестом предложил Шарко приступить к трапезе и тихо заговорил:

– Вы связаны по рукам и по ногам, потому что вся полицейская система страны прогнила. Они принимают в свои ряды бедняков, невежд,



приехавших в основном из деревень Верхнего Египта, для того чтобы те стали безропотными винтиками в их машине. И платят им столько, чтобы едва хватало на кормежку, вынуждая тем самым тоже продаваться, тоже брать взятки. Это стало системой; а чего ждать, если получаешь за все про все триста фунтов в месяц – это как ваши тридцать евро? Здесь можно купить фальшивые документы, здесь вымогают деньги у таксистов, рестораторов, владельцев магазинов под угрозой лишить их лицензии. О полицейском беспределе говорят везде – от Каира до Асуана. Несколько лет назад в Египте судили за гомосексуализм, и, уж поверьте, нам досталось в их застенках. Пятьдесят процентов полицейских этой страны вообще не понимают, что они делают и зачем. Им приказывают сажать – они сажают. Но мой брат был не из таких. Он усвоил ценности Саида Нурси. Гордость и уважение.

Атеф вынул из бумажника фотографию и протянул ее Шарко. На снимке был молодой человек с хорошей осанкой, выглядевший в полицейской форме сильным и крепким. Отличающийся той диковатой красотой, какая свойственна людям, выросшим посреди пустыни.

– Махмуд всегда мечтал стать полицейским. Прежде чем поступать в Школу полиции, он записался в спортивную секцию Дома молодежи – хотел нарастить мускулатуру, чтобы достойно пройти вступительные испытания по физкультуре. А когда сдавал экзамены на бакалавра, получил девяносто баллов из ста. Мой брат был блестящим учеником. Он добился всего сам: никому не платил, никому не давал взятки. И никогда не имел ничего общего с экстремистами, не хотел иметь ничего общего с этой заразой. Все это инсценировка – его смерть.

Шарко осторожно положил фотографию на столик.

– Вы хотите сказать, инсценировка, осуществленная полицией?

– Конечно. Если конкретно – этой собакой Нуреддином.

– Почему? Зачем Нуреддину это было нужно?

– Я сам никогда не понимал почему и зачем. До сегодняшнего дня не понимал. Пока – благодаря вам – не увидел связи с тем печально известным расследованием. Девушек убили с неимоверной жестокостью... совершенно диким способом...

Атеф смотрел в пустоту над кружкой пива, из-за макияжа казалось, что природа чувственности у него исключительно женская.

– Махмуд неистовствовал из-за всей этой истории, просто-таки зубами в нее вгрызался. Его квартира была завалена папками, фотографиями, он все записывал... Он говорил мне, что дело быстро закрыли и начальство перебрало его на другое. И правда – зачем расследовать убийство

бедняков, это ведь не принесет денег, понимаете?

– Да, начинаю понимать...

– Но Махмуд, несмотря ни на что, продолжал тайком вести расследование. Когда, после того как было найдено обугленное тело брата, полиция пришла в его квартиру с обыском, они все забрали. А теперь вы говорите, что этих записей, фотографий, папок больше не существует. Стало быть, кому-то было очень выгодно, чтобы они исчезли.

При малейшем шуме Атеф начинал озиаться вокруг. В дымках от кальянов искажались черты курильщиков, смягчалась рискованность жестов. Сюда приходили поодиночке, а уходили парами – в ожидании волнующей ночи.

Обстановка была под стать ситуации – несколько напряженная. Шарко хлебнул пива.

– А брат говорил вам о чем-то? О каких-то деталях расследования? Может быть, убитых девушек при жизни что-то связывало?

Араб покачал головой:

– Это было так давно, комиссар. И если вы будете постоянно недосказывать, вы мне по-настоящему не поможете: я не смогу ничего вспомнить.

– В таком случае попробую освежить вашу память.

Шарко разложил на столе фотографии жертв. На этот раз он рассказал с абсолютной точностью все, что перевела ему Нахед в душном кабинете комиссариата. О том, как были обнаружены тела, о том, что показало вскрытие. Атеф, не дотрагиваясь ни до пива, ни до закусок, внимательно слушал.

– Эзбет-эль-Нахль, – повторил он, – пригород, где живут тряпичники... Теперь, когда вы его назвали... Думаю, не ошибусь, сказав, что брат ходил туда в связи с расследованием. И Шубра... Шубра... и цементные заводы... что-то это мне говорит, но что, что...

Он ненадолго закрыл глаза, потом открыл, взял один из снимков и всмотрелся в фотографию.

– Мне кажется, брат был убежден в том, что девушек, как вы и сказали, что-то связывало. Преступления были слишком близкими по времени и слишком похожими – вплоть до деталей, чтобы можно было счесть это случайным совпадением. Нет, убийца наверняка действовал по плану, он выработал для себя маршрут и следовал этому маршруту.

Комок в горле у Шарко становился все больше. Махмуд чувствовал преступника, он действовал так, как надо, он понимал, что убийца редко полагается на случай. Настоящий европейский следователь – наверное,

единственный такой в этом гигантском муравейнике.

– По какому плану?

– Не знаю. Брат не так уж много мне рассказывал, потому что... потому что мне не очень нравилась его профессия... Но я знаю, с кем он мог поделиться подробностями.

– С кем же?

– С моим дядей. С нашим дядей – с тем, кто вытащил нас из нужды много лет назад. Они были очень близки и говорили друг другу много такого, чего не сказали бы никому другому.

За их спиной передавали бутылки со спиртным, атмосфера становилась все более теплой, руки сближались, пальцы принимались ласкать запястье соседа, подавать знак: я тебя хочу. Шарко наклонился над столиком:

– Тогда пойдемте к вашему дяде.

Атеф довольно долго размышлял, явно колеблясь.

– Нет, – произнес он наконец. – Я искренне хочу вам помочь – в память о своем брате, но к дяде пойду один. Предпочитаю действовать осторожно и не показываться с вами вместе то тут, то там... Встретимся завтра у Цитадели, крепости Саладина, рядом с Городом мертвых, полтора часа спустя после призыва на молитву. То есть в шесть утра. Приходите к подножию левого минарета. Я буду там с информацией для вас.

Атеф выпил полкружки пива.

– Теперь я еще побуду здесь, а вы уходите. Сразу. И главное...

Шарко все-таки решился и опустошил одним глотком свой стакан виски.

– Знаю. Ни слова никому. До завтра.

Выйдя на улицу, комиссар позволил людскому потоку нести себя по лабиринтам улиц, по лабиринтам красок и запахов.

Кажется, он взял след.

Температура воздуха понизилась на добрый десяток градусов. Возвращаться в мертвую комнатку отеля и оставаться наедине с теми, кто населял его голову, не хотелось. Город сам нес его, сам вовлекал в таинственные свои круговороты. Ему открывались невероятные кафе, спрятанные между двумя жилыми зданиями, освещенные фонариками курильни, куда проскальзывали подносчики угля, он наталкивался на бродячих торговцев бумажниками из искусственной кожи и бумажными носовыми платками, он погружался в атмосферу, о существовании которой никогда даже и не подозревал. Он курил и пил, не задумываясь о воде, на которой здесь заваривали чай, и не опасаясь «туристской болезни», поноса.

Когда, опьяненный всем этим, он забрел в исламский Каир, ему довелось присутствовать при том, как прямо посреди улицы забили трех молодых бычков, разрубили туши на кусочки и разложили эти кусочки по пакетам с напечатанной на них рекламой. На земле царила ночь, а тут бурлил людской прибой, и волны, состоявшие из бедняков, босоногих детишек, женщин с занавешенными черным лицами, обрушивались на богатея в хорошем костюме, который раздавал им листовки с политическими лозунгами. Прямо в этот человеческий прибой кидали свертки мяса с рекламой, все толкались, толпа гудела, весь город вибрировал как единый организм.

Шарко был в эйфории, и тут его словно ошпарили. Он отпрянул и прищурился: в стороне от толпы, в темноте стоял человек с усиками и в форменном головном уборе типа берета.

Хасан Нуреддин.

Усатый сделал шаг в сторону и скрылся из виду.

Француз хотел было просочиться сквозь толпу – туда, к Нуреддину, но тут нахлынула новая людская волна, пришлось пробивать себе дорогу силой, и когда, преодолев все препятствия, он припустил наконец в нужном направлении и добрался до места, где только что стоял главный инспектор, там уже никого не было. Нуреддин исчез. Шарко побрел наугад по пустым улочкам, поворачивая то вправо, то влево, и, оказавшись неизвестно где, остановился. Один между безмолвных домов.

За ним следят. Даже здесь. Что это значит?

А если ему привиделось? Если этот мужчина с усиками – такая же галлюцинация, как Эжени?

Шарко повернул назад. Теперь воздух казался ему ледяным. От тишины, от тьмы вокруг, от черноты фасадов. Он ускорил шаг и почти бегом добежал до перекрестка, где увидел, что все осталось по-прежнему: гул толпы, неподражаемое женское пение, треск кастаньет, ритм барабанов... Шарко был в Египте, он открывал для себя этих людей – настолько простых и естественных, что они пили за столом из одного стакана, жили на улице и пекли хлеб прямо на тротуаре.

Но среди всего этого ликования просыпалось чудовище. Просыпалось и наносило удары.

Кровожадный вампир перескакивал из квартала в квартал, распространяя вокруг себя сумрак.

Это было больше пятнадцати лет назад.

Оставшись один в номере, окно которого выходило на улицу Мухаммед-Фарид, завернувшись на египетский манер целиком в

простыню, чтобы не кусали москиты, он еще и заткнул пальцами уши. Эжени ругалась с ним, стучала по стенам банкой с соусом-коктейлем. Она не хотела больше трупов, ей надоели ужасы, она рвала на себе волосы и пронзительно кричала. А когда измученному Шарко удавалось задремать, она громко хлопала в ладоши – и он просыпался.

– Все эти люди тебя преследуют. Они шпионят за нами, мой Франк, они следят за нами через окно и через замочную скважину. Они повсюду крадутся за нами, они вынюхивают наш след. Надо вернуться домой, пока они еще не причинили нам зла. Ты хочешь, чтобы они мучили меня, как Элоизу и Сюзанну? Вспомни, вспомни Сюзанну, вспомни, как она лежала привязанная к деревянному столу – голая, с круглым животом. Вспомни, как она кричала, Франк, как она умоляла тебя. Она тебя умоляла... Почему тебя не было там, чтобы ее спасти? Почему, мой Франк?

Центр Вернике в его мозгу трепетал, мерцая. Комиссар встал, подошел к окну, выглянул на улицу. Увидел макушки прохожих, увидел белые балахоны, колышущиеся в плотном воздухе: никаких следов толстого, украшенного звездами полицейского. Потом удостоверился, что ставни и дверь заперты. Паранойя не уходила, паранойя вросла в его плоть, растворилась в крови, и Эжени тоже отказывалась уйти. Сил не осталось. Полицейский-шизофреник бросился к маленькому холодильнику, собрал там весь лед, сколько было, и бросил его в ванну. Запершись, пустил холодную воду и растянулся на дне. Тело его окоченело, он еле дышал. Высокие бортики ванны создавали для него замкнутое пространство, привычное пространство, то, которое должно его успокоить, наверняка его успокоит. Казалось, мир сократился до его тела, а все вокруг разрушено.

В конце концов он заснул – свернувшись клубочком в пустой ванне и дрожа, как старая собака. Один, так далеко от своего дома, один – с призраками внутри. Он прижимал к груди маленький паровозик с прицепленной к нему черной вагонеткой для дров и угля.

Слеза катилась по его щеке.

Обычно загруженная Брюссельская кольцевая на этот раз была относительно свободна: за пределы города выбирались совсем уже последние труженики. Из-за сильной жары никакие принятые против загрязнения воздуха меры не помогали, и небо затянула желтоватая дымка. Навигатор четко указывал путь, и Люси с шефом легко нашли в одном из пригородов бельгийской столицы больницу Святого Луки. Ухоженные, выстроенные как по линеечке башни, в которых располагались университетские клиники, были окружены деревьями и излучали спокойную силу. Насколько мог понять Кашмарек, помимо собственно лечения больных, клиники эти – по инициативе и при поддержке связанных с техникой и технологией городских учреждений – выполняли еще и узкоспециальные задачи. Среди прочего одной из них поручили исследования в области нейромаркетинга. Говоря в самом общем виде – изучение того, какие механизмы человеческого мозга включаются во время покупки того или иного товара, с целью лучше разобраться в поведении потребителей.

Жорж Беккер ожидал посетителей в подвале больничного здания, где размещалось диагностическое отделение. Знакомый Клода Пуанье оказался пухлым толстощеком коротышкой, со светлой бородкой и чрезвычайно жизнерадостной физиономией. Глядя на него, трудно было предположить, что перед вами – заметная величина в такой сложной области, как нейровизуализация, если, конечно, считать, что существует какой-либо архетип исследователя. Жорж коротко объяснил приезжим, что в свободное от основной работы время, то есть по окончании приема пациентов, его отделу разрешено использовать аппаратуру в рекламных целях и таким образом зарабатывать деньги. На территории Франции подобное категорически не допускалось.

Они шли и шли по длинным коридорам, и Кашмарек решил все-таки приблизить разговор к цели их с Люси поездки:

– Когда вы познакомились с Клодом Пуанье?

Беккер говорил по-французски с сильным бельгийским акцентом:

– Лет десять назад. Это случилось во время одного из брюссельских коллоквиумов – посвященного развитию образа со времен эпохи Просвещения. Клод очень интересовался тем, как образы передаются из поколения в поколение: посредством иллюстрированной книги, фильма,

фотографии, ну и коллективной памяти. Я участвовал в коллоквиуме как ученый, а Клод – как киношник. Мы тут же прониклись друг к другу симпатией. То, что с ним сделали, гнусно.

Приезжие согласились.

– А часто вы встречались?

– Думаю, всего раза два-три в году, но мы постоянно перекидывались мейлами, перезванивались. Клод внимательно следил за моими работами, касающимися мозга, а я, общаясь с ним, старался побольше узнать о кино – и многое узнал.

Они остановились перед застекленной стеной в конце коридора. За стеклом, посреди белой комнаты, был виден огромный лежащий цилиндр, а перед цилиндром – довольно высокая, движущаяся по рельсам кушетка с подголовником в виде полукольца.

– Этот сканер – самый совершенный из аппаратов своего класса. Магнитно-резонансный томограф. Сверхпроводящий соленоид с полем в три тесла, возможность получать изображения срезов мозга каждые полсекунды, мощная система статистического анализа... Вы не страдаете клаустрофобией, майор?

– Нет, а что?

– В таком случае, если не возражаете, сканировать мы будем вас.

Лицо Кашмарека омрачилось.

– Мы приехали сюда ради фильма – по телефону вы вроде сказали, будто что-то удалось открыть...

– Так и есть. Но лучше всего объяснять показывая. Почему же не воспользоваться тем, что томограф сегодня вечером не занят? И знаете, ведь вряд ли вам каждый день предлагают сделать томограмму в машине, которая стоит несколько миллионов евро!

Этот человек, казалось, помешан на науке и просто жаждет поиграть в свои игрушки. Сделать Кашмарека подопытным кроликом, возможно добавив в свою копилку какие-то данные, до которых так охочи исследователи. Люси улыбнулась шефу и похлопала его по плечу:

– Он прав. Ничего тут нет особенного – ну просветят вас насквозь.

Майор что-то проворчал, но ему пришлось согласиться: раз надо – значит надо. А Беккер вместо дальнейших объяснений спросил:

– Вы уже видели этот чертов фильм?

– Нет, пока еще не было времени, мы только что скачали его в наши компьютеры. Но моя коллега по дороге сюда рассказала мне содержание.

– Отлично. Вот вам и случай посмотреть кино. Только внутри сканера. Вас ждет мой ассистент. Да, скажите, на вас нет ничего металлического?

Зубные протезы там, пирсинг?

– Ну... есть...

Он – весь в колебаниях – посмотрел на Люси:

– Есть на пупке.

Люси зажала себе рот – не дай бог расхохотаться! – и повернулась к аппаратуре, делая вид, что рассматривает ее, между тем как ученый невозмутимо продолжал:

– Придется снять. Вас положат на этот стол и дадут очки, которые на самом деле представляют собой два пикселизованных экрана. Во время показа фильма аппаратура будет регистрировать активность вашего мозга. Пожалуйста...

Кашмарек вздохнул:

– Господи, знала бы моя жена...

Майор отправился в белую комнату, где его ждал человек в белом халате, а Люси с хозяином лаборатории поднялись в помещение типа командного пункта: куда ни глянь – мониторы, разноцветные кнопки и компьютеры. Можно было подумать, они в интерьере летающего корабля из «Star Trek»<sup>[14]</sup>. Пока Кашмарек устраивался на столе-кушетке, Люси задала вопрос, который давно уже вертелся на языке:

– А теперь-то что, собственно, будет?

– А теперь мы будем смотреть фильм одновременно с ним, но как будто изнутри его мозга. Впрямую.

Беккер явно забавлялся, глядя на удивленную собеседницу.

– Сегодня, уважаемый лейтенант полиции, мы стоим на пути проникновения в важнейшие тайны мозга, особенно в те, что связаны с изображением и звуком. Самый древний карточный фокус – отгадывание карты – очень скоро можно будет засунуть куда-нибудь в дальний угол чердака.

– Что вы этим хотите сказать?

– Если вы покажете вашему коллеге, находящемуся под этим сканером, игральную карту, я смогу угадать, что это за карта, видя на мониторе отображение активности его мозга.

Внизу чувствующий себя не слишком уверенно майор укладывался на стол. Ассистент надел на него странные очки с квадратной оправой и матовыми стеклами.

– То есть вы хотите сказать, что... можете читать мысли?

– Чтение мыслей теперь не совсем химера, потому как самые простые мыслеобразы мы способны спроецировать на экран уже сегодня. Когда вы на что-то смотрите, включаются тысячи мельчайших участков зрительной



коры головного мозга и в элементах, которые мы называем вокселями, воссоздается та же, практически единственная в своем роде картинка. Таким образом, мы – с помощью сложных математических вычислений – получаем возможность соединить изображение с картографией мозга и зарегистрировать все в своей базе данных. Можно и наоборот: поскольку любой набор вокселей отражает данные, полученные с томографа, и теоретически соответствует некоему изображению, мы способны, найдя в своей базе эти данные, восстановить их в образ и, стало быть, показать, о чем вы думаете.

– Фантастика!

– Вы правда так считаете? К сожалению, объем этой самой мелкой нашей единицы, вокселя, – всего пятьдесят кубических миллиметров, и в нем отражается всего пять миллионов нейронов, тогда как, в соответствии с имеющимися на сегодня лабораторными данными, нейронов в человеческом мозге содержится примерно пятнадцать миллиардов. Потому, пусть даже сканер у нас очень мощный, пока мы судим о мозге, как можно было бы судить о городе, глядя на него с неба и толком не различая, куда ведут улицы, в каком архитектурном стиле построены дома... Тем не менее это гигантский шаг вперед. С тех пор как одному гениальному ученому пришла в голову идея напоить людей кока-колой и пепси внутри томографа, нет больше никаких ограничений. Людям завязывают глаза и, прежде чем дать им попробовать напиток, спрашивают их, какой они предпочитают. Большинство отвечает: кока-колу. А вслепую те же люди выбирают вкус пепси! Почему? Сканирование показывает, что зона мозга, называемая «путамен», иными словами, подкорковое ядро, сильнее реагирует на пепси, чем на колу. А ведь именно здесь, в подкорковом ядре, находятся центры удовольствия. Отсюда и выбор.

– Значит, рекламная кампания кока-колы сводится к тому, что вынуждает людей выбирать именно коку, тогда как человеческий организм на самом деле предпочитает пепси?

– Именно так. На наши сканеры сейчас буквально набросились все крупные рекламные агентства. Нейромаркетинг позволяет увеличить рост потребления того или иного бренда, оптимизировать способ передачи рекламного сообщения покупателю и обеспечить запоминание переданного. Мы можем показать зоны мозга, которые обычно задействованы в процессе покупки, – такие, как островковая доля, или попросту островок, представляющий собой центр боли и оценки; как срединная часть префронтальной коры; как подкорковое ядро – о нем уже только что говорилось; как треугольная долька – клин. Вскоре достаточно

будет рекламе оказаться в поле вашего зрения – и готово: на вас уже воздействовали. Даже если ни ваши глаза, ни уши не обратили, скажем так, внимания на месседж, послание это будет исследоваться вашим мозгом таким образом, чтобы простимулировать процессы запоминания и в дальнейшем покупку.

– Но это же чудовищно!

– Это будущее. Жизнь становится все сложнее, все утомительнее. А что вы делаете, когда устали, уважаемый лейтенант? Не правда ли, вы закрываетесь у себя дома, садитесь перед экраном телевизора и расслабляетесь? Вы – будто кран отворачиваете – открываете себя образам, изображениям, сознание ваше почти отключено, вы почти спите. И как раз в этот момент вы становитесь отличной мишенью, вам можно вбить в голову все, что нужно.

Да, это одновременно чудовищно и ошеломляюще. Миром управляют образы, барьеры, которые ставит сознание, сметаются, осуществляется непосредственный контроль подсознания. Можно ли в таких условиях говорить о свободе? Глядя на совершенные аппараты, предназначенные для воздействия на мозг, Люси подумала об иллюзии оптограммы: а ведь вот она – во плоти и, в конце концов, надежды на нее отнюдь не так уж нереалистичны.

– То есть я не ошибусь, сказав, что кинокадр может оставить отпечаток прямо в мозгу?

– Именно так. Вы поняли самую суть нашей работы. Вы у себя в полиции изучаете пальцевые отпечатки, а мы – мозговые. Любое действие оставляет след, тут нет исключений. Главное – научиться выявлять эти следы и обладать инструментарием, который позволит их использовать.

Люси подумала о методах, которые применяются в ходе следствия криминалистами. Здесь ведь делается то же самое, только с серым веществом...

– Конечно, технически мы еще на уровне Средневековья, но через несколько лет, наверное, изобретут аппаратуру, способную визуализировать чужие сны. Знаете ли вы, что в Соединенных Штатах уже ведутся разговоры о том, чтобы устанавливать в суде сканеры мозга? Представляете себе машину, которая может показать на экране все, что хранится в памяти обвиняемого? Никакой тебе больше возможности соврать, никаких лжесвидетельств, каждый приговор – правильный... Я уж не говорю о других областях применения, таких как медицина, психиатрия, система принятия решений в предпринимательстве. Ну и в равной степени это поспособствует возникновению нового вида политики – нейрополитики, а

она даст возможность доступа к истинным чувствам, какие вызывает та или иная кандидатура на выборах у избирателей.

Люси вспомнила фильм «Особое мнение». От услышанного голова идет кругом, но ведь речь о действительности завтрашнего дня! Влезть в чужой мозг, похитить чужое сознание... Режиссер, использовавший в 1955 году методику двадцать пятого кадра, уже это умел... Может быть, он – задолго до того, как настало время, – разобрался в функциях некоторых зон мозга?

С той стороны стекла несчастный майор томился у въезда в туннель магнитно-резонансного томографа. Люси чувствовала себя счастливой: ей-то повезло, она избежала хотя бы этой процедуры. Впрочем, хватит уже и того, что ей пришлось испытать при просмотре фильма!

– А что вы думаете о нашем фильме пятьдесят пятого года, месье Беккер?

– Впечатляет. С любой точки зрения – впечатляет, – ответил ученый. – Не знаю, кто постановщик этой короткометражки, но он, безусловно, гений. Провидец, первооткрыватель. Он уже тогда ухитрился воздействовать на ряд зон примитивного мозга своими сублиминальными посланиями. Воздействовать на те зоны, которые отвечают за удовольствие, страх, желание нарушить запреты. Для того времени это было настоящим новаторством. Даже рекламные акции – и те начались позже. И тот, кто обогнал рекламщиков, несомненный гений.

То же говорил и Клод Пуанье.

– А искалеченная женщина, а бык? По-вашему, это трюковая съемка?

– Чего не знаю, того не знаю. Это за пределами моей профессии, меня интересует таинственность конструкции этого фильма, загадка того, как он устроен, а не его содержание... Простите, ассистент показывает, что все готово.

Беккер подошел к мониторам. На одном из экранов Люси заметила что-то, что было, по-видимому, мозгом ее начальника. Трепещущий комок, в котором таятся чувства, память, характер, пережитое... А на другом экране в это же время возник первый кадр оцифрованного фильма. На паузе. Ученый приступил к настройке аппаратуры.

– Поехали... Принцип тут очень простой: возбужденные нейроны поглощают кислород, а томограф показывает нам с помощью цвета все, что при этом происходит.

Начался фильм. Мозг майора Кашмарека засиял красками, казалось, что он скользит по радуге от синего к красному. Одни зоны вспыхивали, другие гасли, разноцветные огоньки в полупрозрачных «трубках»

перемещались, сливались, разливались...

– Как вы думаете, два года назад Шпильман с вашим бывшим начальником делали то же самое, что мы сейчас? В смысле – использовали ли они эту машину для подробного разбора фильма?

– Возможно, возможно. Как я уже говорил вашему шефу по телефону, мой бывший начальник когда-то рассказывал мне об этом эксперименте, только очень коротко. Фильм он называл по меньшей мере странным, не расшифровывая, что имеет в виду, но мне тогда и не хотелось знать больше.

Беккер вернулся к монитору и стал комментировать то, что на нем происходило, в реальном времени.

– Любая картинка, которая попадает в поле нашего зрения, проходит в высшей степени сложный путь. Сначала луч света проникает через зрачок внутрь, особая линза – хрусталик – создает на задней стороне глазного яблока изображение, и оно обрабатывается сетчиной, или сетчаткой, – тонким слоем светочувствительных клеток, выстилающим глазное дно. Потом зрительный нерв доставляет эту поступившую в световых лучах и воспринятую сетчаткой информацию в виде электрических импульсов к зрительному центру, расположенному в коре затылочной доли мозга, служа, таким образом, связующим звеном между глазом и центральной нервной системой. На этой стадии свойства изображения анализируются многочисленными специализированными зонами. Какие цвета, какие формы, движущееся или неподвижное, ну и главное – каков характер изображения. Иными словами, что это: сцена насилия, нечто забавное, печальное или, может быть, изображение совершенно нейтрально. То, что вы видите здесь, на мониторе, ни в коем случае не позволяет нам узнать, какие кадры мелькают перед зрителем, но благодаря нашим данным можно установить, свойственны ли этим кадрам некоторые из характеристик, которые я вам только что перечислил. Эксперты, работающие в области нейровизуализации, до сих пор развлекаются тем, что пробуют по смещению красок на мониторе угадать жанр фильма: комедия это, драма, боевик или ужастик.

– Ну и что же получается из анализа нашего фильма?

– Получается, что в целом фильм предельно жестокий. Обратите внимание на эти зоны...

Он ткнул пальцем в некоторые места на многомерной электронной карте мозга Кашмарека.

– Здесь время от времени происходят вспышки, – сказала Люси. – Вспышкой отмечается момент, когда на экране двадцать пятый кадр?

– Да. Вспышка в этих зонах всегда совпадает с их появлением, я веду

хронометраж. Сейчас все вспышки локализуются в центрах удовольствия... Но вам легко догадаться, почему именно здесь: пока ведь перед месье Кашмарекком только обнаженная актриса в весьма рискованных позах и руки в перчатках, которые ее ласкают...

Люси было неудобно оттого, что она – пусть и невольно – проникает в тайные глубины сознания своего непосредственного начальника. Сам-то майор сейчас даже и не подозревал, что видит на скрытых кадрах женщину в чем мать родила, и еще меньше мог заподозрить, что его мозг этим наслаждается, более того – что есть риск неожиданной физиологической реакции, которая смутит его самого.

Тем временем демонстрация оцифрованного фильма продолжалась, и Люси вспомнила, что показывал ей Клод Пуанье на просмотрном столе. Очень скоро игривые кадры с обнаженной женщиной сменятся изображениями совсем другого жанра: наступит черед пастбища и лежащего на нем искромсанного женского тела с животом в насечках, образующих гигантский глаз. Беккер опять ткнул в монитор указательным пальцем:

– Ну вот. Вот и активировались медиальная зона префронтальной коры головного мозга и орбитофронтальная зона... ага, и височно-теменное соединение тоже... Стало быть, пришел черед жестоких кадров, умело спрятанных за внешне более чем спокойными. Пока все гармонично, но подождем...

Прошло уже две трети черно-белого фильма. На экране сидящая в траве девочка гладила кошку, небо было по-прежнему черным, девочку окутывал странный, стекающий каплями туман, но сцена в целом выглядела вполне нейтральной, на первый взгляд неспособной вызвать какие бы то ни было эмоции.

– Начинается... Видите, что делается в его мозгу? Пошли сигналы – даже вне того точного времени, которое я установил для каждого скрытого кадра. Сигналы теперь отмечаются и в миндалевидном теле, и – частично – в переднепоясном отделе коры мозга вашего шефа... Его организм готовится к бурной реакции. На просмотре фильма вы, по-видимому, почувствовали именно это: внезапное желание сбежать, возможно – остановить проекцию.

Разноцветные вспышки на объемной карте мозга Кашмарека начались задолго до сцены с быком. Вспыхивало повсюду. Но минуло несколько секунд – и все успокоилось. Беккер помахал своими записями:

– Ровно в одиннадцать минут три секунды у него стартовала и через минуту закончилась реакция, сопутствующая кадрам с изображением

жестокого насилия. А ведь в этой части фильма нет ни единого скрытого кадра, ни одного типа тех, которых так много рассеяно по оригинальной ленте. Ни тебе голой женщины, ни изрезанной... Ничего.

– В чем же тогда дело?

– Дело в запутанном способе, которым скрытые изображения включаются в ткань фильма с помощью игры контрастов, света, двойного экспонирования. Думаю, что так называемый двадцать пятый кадр, равно как и белый кружок вверху справа, всего лишь ложная цель, как говорят военные. Явное, которое позволяет скрыть тайное. Настоящее тайное сообщение. Глаз бессознательно притягивается к этому смущающему его знаку, и это мешает зрителю сконцентрироваться на других частях изображения, лишает его возможности уловить, в чем тут хитрость. Постановщик принял меры для того, чтобы обмануть даже самых наблюдательных.

Люси уже не могла усидеть на месте. Фильм засасывал ее, овладевал ею.

– Покажите мне эти скрытые изображения.

– Давайте подождем, пока к нам присоединится майор.

Беккер отвернулся к другому экрану, а Люси не удержалась, еще раз посмотрела сцену с быком, и, когда она увидела – особенно на крупном плане – пустой, холодный, безразличный ко всему взгляд девочки, взгляд античной статуи, а не ребенка, по коже у нее побежали мурашки.

Несколько минут спустя появился Кашмарек – белый, как корпус сканера.

– Какой странный фильм, – только и смог выговорить он. Потрясенный, находящийся под воздействием чего-то, чего и сам не мог понять, майор, похоже, искал слова, чтобы объяснить свое необычное состояние. Искал, но не находил.

Беккер коротко пересказал ему то, о чем говорил с Люси, и застучал по клавиатуре, вызывая программу редактирования видеоизображений. Вызвал, загрузил в нее оцифрованный фильм, прокрутил его до точки «одиннадцать минут три секунды», замедлил. На мониторе один за другим встали рядом почти одинаковые планы – как на пленке, если смотреть ее под лампочкой. Ученый подвел курсор к первому из них, обозначил участок внизу слева.

– Это происходит всякий раз в той части кадра, где контраст слабый. В тумане, на черном небе, в очень темных зонах, то и дело возникающих в этой ленте. Зрительные обманки – именно их наш ловкач-режиссер и использует для того, чтобы заговорить на своем секретном языке.

Он продолжал орудовать курсором, иллюстрируя изображения на экране:

– Если вы посмотрите на этот кадр, как он есть, что вы увидите? Девочку. Она сидит на траве и гладит кошку. А вокруг – этот самый туман, эти самые большие темные плоскости. С обеих сторон и на месте неба. Если вы не знаете, что тут можно обнаружить еще кое-какие изображения, вы пройдете мимо. Как и случилось с Клодом, который сосредоточился только на добавленных кадрах, совершенно отличных от той картинки, какая присутствует в видимой зрителю части фильма.

Люси, нахмурившись, взгляделась в монитор:

– Теперь, когда я смотрю более внимательно, мне кажется, что тут есть... что тут можно различить в тумане лица... тут – и во всех темных зонах вокруг девочки тоже.

– Лица, да. Много детских лиц.

Странная сцена. Едва заметные лица обступали девочку со всех сторон, как злонамеренные суккубы. Чем больше глаза Люси привыкали к темному «фону» кадра, тем больше деталей она видела. Маленькие ножки в мягких башмачках, одинаковая, напоминающая больничные пижамы одежда на всех, гладкий пол – вроде линолеума. Медленно вырисовывался параллельный мир. Настоящий или внушенный ей? Люси подумала: а не оптическая ли это иллюзия? Ну, например, так бывает, когда тебя просят в течение минуты смотреть на вазу и к концу ты начинаешь различать изображение пары, занимающейся любовью...

Беккер тем временем выбрал в меню две опции – «контраст» и «яркость» – и открыл настройки параметров этих опций.

– Представьте себе, что сейчас пятьдесят пятый год, мы с вами находимся в просмотровом зале киностудии и надеваем на объектив проектора некий фильтр, способный усиливать контраст, потом таким же образом прибавляем яркости, то есть освещенности кадра... Сейчас я добьюсь аналогичных результатов на экране компьютера, меняя настройки так, как уже делал раньше. А теперь смотрите...

Он повозился с настройками, и изображение изменилось: невидимое раньше вышло на первый план, видимое утонуло в светящейся белизне.

– Из-за того что я увеличил яркость, основное изображение – девочка, ласкающая кошку, – стало пересвеченным, выбелилось. Зато все, что было расположено в темных углах, было вначале недоэкспонировано, оказалось хорошо различимым.

Смесь из двух изображений производила удивительное впечатление, но на этот раз они ясно видели детей, стоящих вокруг сбившихся в кучку

кроликов.

Люси с трудом проглотила слюну. Там, на экране, были дети и кролики! А канадец по телефону сказал, что именно с детей и кроликов все началось.

Кашмарек потер лоб:

– Поразительно. А как же он сделал такую штуку?

– Мне трудно объяснить вам технологию в подробностях, но, думаю, в основном он играл с двойной экспозицией, используя, кроме того, каше перед объективом камеры. Главное свойство пленки – независимо от того, будут на ней снимать фотоаппаратом или кинокамерой, – светочувствительность. Которая не может никуда деться, пока вы отснятое изображение не проявите и не закрепите в темной комнате. Иными словами, на одной и той же пленке можно снять несколько фильмов, всякий раз просто перематывая ее в камере на начало. Если бы так сделали вы, получилась бы в конечном счете дикая мешанина, в которой ничего не разобрать, но хорошая техника, умение работать с кадром, со светом, с планом плюс, конечно, известное мастерство помогают добиться замечательных эффектов. Клод Пуанье обожал Мельеса. Он рассказывал, что этот режиссер – ради того, чтобы получить какие-то спецэффекты, – накладывал порой одно на другое девять изображений. Ювелирная работа, но ведь итог – волшебство. Так вот, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что этот фильм слеплен из того же теста и что по мастерству ваш постановщик – вполне на уровне Мельеса!

Люси изучала детские лица на экране. Девочки семи-восемью лет, лица суровые, губы поджаты. Ни одна не смеется, даже не улыбается, наоборот, черты искажены страхом. Чего они все боятся?

Сердце ее забило сильнее. Она показала пальцем на экран:

– Посмотрите на эту девочку – чуть впереди. Похоже, та, что качалась на качелях?

– Та самая и есть.

Комната, в которой находились дети, казалась тесной, окон в ней не было.

Беккер вздохнул, потер губу:

– Думаю, режиссер вовсе не собирался упрятать в фильме отдельные странные кадры, по-моему, он хотел спрятать целый фильм, другой, совершенно другой и совершенно бредовый. Чудовищный.

– Фильм в фильме? Фильм, о котором никто даже и не догадывается?

– Да. Поток изображений, нацеленный прямо в мозг, избегающий малейшей цензуры со стороны сознания. Фильм, который ты смотришь, не



имея возможности отвернуться. Вглядитесь-ка теперь как следует.

Он медленно-медленно прокрутил перед их глазами пятьдесят последовательных кадров, которые в действительности составляли одну секунду фильма.

– Вторая экспозиция появляется только в каждом десятом кадре. То есть на секунду проекции выпадает пять наложенных, точнее, подложенных изображений с интервалом между ними в две десятых секунды. Этого, учитывая общее количество кадров на данном отрезке пленки, слишком мало, чтобы глаз что бы то ни было распознал, но почти достаточно, чтобы создать ощущение движения. Движения, которое впечатывается, повторяю, прямо в мозг... Вторым фильмом мы смотрим мозгом, не глазами.

Люси попыталась понять. Вероятно, этим и оправдывается необычная скорость съемки: пятьдесят кадров в секунду? Автор фильма хотел разместить в нем как можно больше скрытых изображений, не различимых глазом.

– А теперь представьте себе еще одну вещь, – продолжал между тем Беккер. – Итак, у нас с вами есть кинопроектор, снабженный устройствами, обеспечивающими повышенный контраст и повышенную яркость, что, собственно, и позволяет видеть эти невидимые объекты...

Щелкнув мышкой, он открыл настройки, изменил какие-то параметры проекции.

– ...и вот вдобавок к этому я еще и переключил обтюратор проектора на скорость пять кадров в секунду – это вполне можно было сделать в большинстве старых машин, – а скорость, с какой двигается пленка, оставил прежней: пятьдесят кадров в секунду. В этом случае на экране будут появляться только те кадры, которые нас и интересуют: другие обтюратор попросту перекроет.

Беккер встал и выключил лампы под потолком. Мерцающие экраны с кружащимися на них срезами мозга остались единственными источниками света в помещении.

– В фильме, который мы сейчас увидим, изображение будет дергаться, потому что для иллюзии движения нужна скорость по крайней мере десять-двенадцать кадров в секунду, пять – это слишком мало для плавности. Тем не менее этих пяти достаточно, чтобы... – голос его звучал монотонно, – чтобы понять. Думаю, этот тип разобрался в свойствах мозга куда раньше, чем весь научный мир.

Нейромаркетолог накрыл мышку ладонью и, отвернувшись от монитора, посмотрел собеседникам в глаза. Вид у него был очень

серьезный.

– Очень вас прошу, если вы когда-нибудь поймете смысл всего, что сейчас увидите, не забудьте сказать мне об этом. Я не хочу, чтобы эти кадры застряли у меня в голове необъясненными до конца моих дней.

Фильм начался.

Мотор! Поехали...

Когда один из трех тысяч муэдзинов Каира призвал правоверных на утреннюю молитву, Шарко сделал попытку проснуться. В общем-то, и проснулся, но – с трудом. Мощный и таинственный голос, казалось, нисходил с небес – как непреложная истина. Комиссар вспомнил виденные им накануне на улицах города динамики. Солнце из-за горизонта еще не вышло, но вся египетская столица уже дрожала от волнения, внимая урокам Корана.

Парижанин прогнулся назад – в спине постреливало. Доктор как-то сказал, что, возможно, пара позвонков осела... старею, что поделаешь, и в моем почтенном возрасте дрыхнуть, сложившись пополам, в ванне уже непозволительно... А эти москиты... кожа чешется так, что хочется взять нож и соскрести ее всю целиком. Шарко намазал на себя толстым слоем чуть не целый тюбик противозудного крема и вздохнул с облегчением.

Потом он проглотил таблетку зипрексы – хотя, конечно, какой может быть эффект от зипрексы при такой жаре и таких стрессах, потом стал укладывать вещи. Вылет в Париж около пяти часов вечера. Не успел приехать, уже улетать. Но ему не терпится вернуться к парижской прохладе – а как еще скажешь, если там всего каких-то двадцать восемь или двадцать девять градусов!

Он купил на углу бобовых лепешек, подозвал первое попавшееся на глаза такси, сел рядом с водителем и велел ехать к крепости Саладина.

Спустя четверть часа машина доставила его к построенной на возвышенности над городом и весьма впечатляющей цитадели. На горизонте прорезались первые солнечные лучи, освещая равнину вокруг Гелиополя, а позади – склоны горы Мокаттам, у подножия которой расположился мифический Город мертвых. Шарко приканчивал последнюю лепешку и всматривался в окрестности. Он любовался тем, как надгробия трех династий калифов и султанов, которые управляли Египтом больше тысячи лет, нежились в красках рассвета: алой, желтой, голубой... Он разглядывал погруженный в это дивное многоцветье гигантский некрополь, где сейчас поселились бедняки... Он сидел у одного из минаретов – сверху все было так хорошо видно – и думал о том, до какой степени череда лет изменила Египет: с одной стороны – величественное, безупречное прошлое с его фараонами, мечетями, медресе, с другой – далеко не такое блестящее будущее слишком быстро растущего в нищете и

хаосе населения...

Внезапно метрах в двадцати от него, на краю узкой дороги, остановилась машина. Из машины вышел Атеф, открыл багажник своего внедорожника, пожал руку подошедшему Шарко.

– За вами никто не следил?

– А вы как думаете?

Египтянин был одет словно участник какой-нибудь экспедиции: просторная рубашка цвета хаки, защитной же окраски брюки с большими карманами спереди, грубые туристские ботинки. Зато сегодняшняя одежда Шарко целиком подошла бы туристу: бермуды, легкие туфли, светло-бежевая сорочка с коротким рукавом.

– Я раздобыл информацию, – сказал Атеф. – Сейчас отправимся в квартал тряпичников. Там есть больница – называется центр «Салам».

– Больница?

– Ну да. Вы же искали нечто общее для всех жертв. Так вот это общее и есть больница. Все три девушки посещали городские больницы почти в одно и то же время. В год, предшествовавший их смерти, тысяча девятьсот девяносто третий. А одна из них, Бусайна Абдеррахман, именно этот центр.

– За какой же надобностью посещали?

– Дяде ничего об этом не известно, Махмуд не посвятил его в подробности. Но мы скоро узнаем сами.

Предчувствие не обмануло Шарко: убийца имел отношение к медицине. Пила патологоанатома, умение вылуцивать глазные яблоки, мощное обезболивающее, обнаруженное в крови убитых девушек... А теперь еще и больницы. След проясняется.

Араб достал из багажника домкрат, протер его тряпкой.

– Только нам пока не сдвинуться с места – я, тормозя, продырявил шину у левого переднего колеса. Вообще-то, с японскими машинами никогда такого не случается, но что поделаешь, починю быстренько – и поедем.

Шарко сделал несколько шагов – хотел посмотреть, велика ли дыра в шине.

Ему показалось, что череп его разлетелся на тысячи осколков.

Точный удар уложил его ничком на землю.

Он был оглушен, но попробовал подняться – тщетно: не прошло и десяти секунд, как его руки оказались заломлены за спину и послышался звук разрываемой клейкой лентой, которой Атеф их обматывал. Потом египтянин засунул тряпку ему в рот и рот тоже заклеил скотчем, потом вытащил у него из кармана мобильник и стал заталкивать пленника в

багажник своей машины. Прежде чем стальная стена окончательно отрезала парижанина от света, он успел услышать:

– Скоро встретишься с моим братом, сукин сын!

И автомобиль тронулся с места.

Шарко сразу понял, что его везут на смерть.

Люси всю ночь глаз не сомкнула. Ну а как было заснуть, если из головы не выходили все эти ужасы, которых она насмотрелась в диагностическом отделе? Кто бы спал спокойно после такого жуткого потока тьмы? Свернувшись в клубочек в углу больничной палаты, она раз за разом прогоняла на мониторе ноутбука фильм, десятилетия пролежавший упрятанным за видимое изображение.

Фильм, который Беккер записал ей на дивиди.

Фильм в фильме, записанный с нужными параметрами контраста, яркости и скорости.

Фильм о детях и кроликах.

Дети. Господи ты боже мой...

Она снова кликнула мышкой в надежде увидеть то, что таится и за этими кадрами, понять происходившее тогда – в далекие забытые годы.

Кадры следовали один за другим со скоростью пять в секунду, скачками, между кадрами – никакой информации, тем не менее казалось, что почти есть движение, что есть непрерывность действия, и ощущение это – на грани сознания – было явственным. После нескольких просмотров взгляд Люси привык сосредоточиваться только на интересовавшей ее сцене, и она уже не обращала внимания на прежде видимое изображение, пересвеченное, лишнее здесь. Теперь она видела один-единственный фильм: тайный, скрытый от глаз.

Дети – двенадцать девочек – стояли, притиснувшись одна к другой и прижав руки к груди. Все в одинаковых белых пижамах, широковатых для их хрупких фигурок. Глаза девочек вращались в орбитах, на лицах застыл страх – липкий, вязкий, густой. Как будто над ними нависла огромная черная туча, нафаршированная чудовищами.

Не на всех лицах – почти на всех... Потому что застывшее лицо девочки с качелей страха не выражало. Оно вообще ничего, кроме ледяного холода, не выражало, и в глазах ее была такая же пустота, как тогда, когда она стояла перед замершим быком. Девочка находилась чуть впереди группы, словно вожак, и не двигалась.

Тридцать или сорок кроликов, вернее – крольчат, еще не совсем выросших, дрожали в углу. Уши прижаты, шерсть взъерошена, усики шевелятся. Скорее всего, оператор снимал из противоположного угла комнаты, с расстояния пять или шесть метров, поэтому в кадр попадали

одновременно и дети, и животные.

Вдруг девочка с качелей посмотрела налево – наверняка на что-то зрителю невидное. То же таинственное присутствие, что чувствовалось повсюду: кто-то, скрываясь за границами поля зрения, как будто руководил всем, что происходило на виду.

«Кто ты? – думала Люси. – Почему ты прячешься? Тебе необходимо видеть все, оставаясь невидимым...»

Внезапно губы девочки разомкнулись, обнажились зубы, лицо сморщилось, и Люси показалось, будто перед ней предстало одно из воплощений абсолютного зла. Ощущение было жутким. Девочка, как охотник, принялась гоняться за разбежавшимися во все стороны кроликами, поймала одного из них, резким жестом схватила за шкурку – и оторвала ему голову. Рот ее при этом открылся в беззвучном крике.

Кровь брызнула ей прямо в лицо.

Девочка бросила обезглавленное животное и устремилась за следующим, по-прежнему крича. Или рыча? У Люси сами собой сжались кулаки. Даже притом что фильм немой, догадаться, насколько громко и злобно этот ребенок орет, было несложно.

Легко было представить себе и ту какофонию, какая сопровождала все, что происходило после первого убийства. Сначала насмерть перепуганные кролики попытались укрыться за ногами девочек, а те еще сильнее прижимались друг к другу, все как одна уставившись туда, куда прежде смотрела девочка с качелей. В угол, где – Люси была в этом совершенно уверена – стоял руководитель действия. Тот, которого оператор взял себе за обычай не показывать. Тот, кто организовал все это безобразие. Наставник. Гуру. Чудовище.

Черты детей исказились еще сильнее, девочки сторбились, им было уже не просто страшно: ужас пригибал их к земле. И вдруг одна вышла из ряда, побежала за ближайшим к ней кроликом, поймала его за уши, раскачала и с размаху швырнула в стену. Удар. Смерть.

Дальнейшее бросало вызов всему, что только могло изобрести человеческое сознание.

Самое меньшее, что об этом можно было сказать: бойня, массовое убийство, безумие.

Девочки одна за другой хватали кроликов и приканчивали их разными способами. Немые вопли, струи и брызги крови, летящие тельца животных, удары о стену, кролики обезглавленные, растоптанные, удушенные... Безграничное варварство, безграничный кошмар. Изображение прыгало, камера металась, оператор, кажется, перестал понимать, куда направить

объектив. Он пытался поймать в кадр лица девочек, их руки, он менял фокус от крупного плана до общего и обратно; от этой сцены кружилась голова...

Меньше чем за минуту было уничтожено десятка четыре кроликов. Лица девочек и их пижамы запятнала кровь. Дети – кто в полный рост, кто на четвереньках, кто присев на корточки – тяжело дышали. Теперь это уже была не группа, все стали по отдельности. Дикие жестокие лица, глаза обращены к вырванным потрохам и крови несчастных животных.

Фильм кончился. Черный экран компьютера.

Люси с тяжелым вздохом захлопнула крышку ноутбука. Посмотрела на свои ладони, на подрагивающие пальцы. Дрожь никак не унималась – неконтролируемая дрожь, начавшаяся накануне. Она почувствовала, что сейчас, сию же минуту, ей надо потрогать свою девочку, ощутить ее, убедиться, что она здесь. Чисто физиологическая потребность в контакте с ребенком. Пижамы были уже на ней, и она кинулась к кровати, легла рядом со спящей дочкой, обняла ее, ласково погладила по головке. «Какая она сладкая, моя девочка, просто до слез...» В последние годы Люси нечасто доводилось заплакать. Во время депрессии столько ревешь, что чудится, будто все твои запасы воды и соли истощились и ты больше уже никогда не прольешь ни одной слезинки. Но сейчас она чувствовала, что кран готов открыться снова и ее может унести хлынувшим оттуда потоком. Душевное равновесие у полицейских неустойчиво, оно, по сути, очень хрупкое. Оно – как ореховая скорлупка, которая постепенно, под ударами погонь, облав и мест преступлений, растрескивается, растрескивается, растрескивается...

Ей вдруг очень захотелось сию минуту позвонить Шарко, желание было просто непреодолимым. Она встала и набрала на мобильнике номер, который удалось раздобыть через начальство. Ей необходимо было с кем-то поговорить об этом деле. Выплеснуть все кому-то, способному понять, способному выслушать, кому-то, с кем они на одной волне. По крайней мере, она на это надеялась. К огромному ее разочарованию, включился автоответчик. Она перевела дух и сказала в трубку:

– У телефона Энебель. Есть кое-что новое насчет фильма, и мне бы хотелось поделиться этим с вами. Как вы там, в Египте? Позвоните мне в любое время.

Она отключила мобильник, легла на спину, закрыла глаза. Фильм преследовал ее, кадры огнем горели в мозгу. Кашмару тоже пришлось несладко, когда они ехали назад, это очень чувствовалось. Вроде бы после просмотра им следовало обсудить фильм и все, с ним связанное, а они оба молчали, уставившись на серое шоссе, теряясь в собственных мыслях.



Майор проронил только:

– Завтра поговорим, Люси, хорошо?

Хорошо, поговорим завтра. Но вот оно – завтра. Наступило. Ночь без сна, населенная монстрами.

Жюльетта вдруг зашевелилась, прижалась к материнской груди:

– Мама...

– Все хорошо, мой зайчик, все хорошо. Спи, солнышко, еще рано просыпаться.

Сонный голосок, полный нежности:

– Ты никуда не уйдешь?

– Конечно нет. Я всегда с тобой.

– Мам, я кушать хочу...

Люси просияла:

– Ты голодная? Боже, какое счастье! Это гениально! Хочешь, я...

Но малышка уже опять заснула. Люси вздохнула с облегчением: может быть, это знак, может, это свет в конце туннеля? Хоть что-то благополучно закончилось.

Дети, думала она, возвращаясь мыслями к вчерашнему дню. Дети чуть постарше Жюльетты. Какое чудовище сумело вынудить их так себя вести? Делать то, что они делали? Что за механизм надо было включить в этих девочках, чтобы они стали такими жестокими? Люси снова увидела безликую комнату с ее стерильной атмосферой, белые пижамки... Что это? Детская больница? Может быть, эти девочки страдали каким-то тяжелым заболеванием? Серьезным психическим расстройством? А тот человек, который оставался за кадром? Он врач? Исследователь?

Врач, кинематографист. Гнусная парочка действовала пятьдесят пять лет назад. И сейчас они, возможно, вернулись в виде призраков...

Вопросы без ответов безостановочно вертелись у нее в голове, а стоило закрыть глаза – она видела какие-то беспорядочные вспышки. Между тем стекло и бетон больничного здания уже начинали расцвечиваться красками утренней зари.

Кто и с какой целью создал этот фильм-извращение?

Что довелось вытерпеть несчастным девчушкам, оставшимся безымянными в хитро упрятанных кадрах?

Если бы поблизости нашелся большой подвал, Люси забралась бы в самый дальний, самый темный его угол, она села бы там, прижав коленки к груди, и думала, думала, думала... Она попробовала бы представить себе лицо убийцы, облечь в плоть смутно угадывающуюся фигуру. Ей нравилось чувствовать зверя, на которого она охотится, вынюхивать на

улицах, на которых он побывал, его следы. Вообще-то, она довольно сильна в этой игре – Кашмарек может подтвердить. Если бы Беккер подверг сканированию ее собственный мозг, он наверняка обнаружил бы там зоны, которые не должны вспыхивать ни у одного человека, оказавшегося свидетелем насилия: зону удовольствия и зону, которую можно было бы определить как «за что боролась, на то и напоролась». Хотя, конечно же, она не испытывает ни малейшего удовольствия, наоборот, каждое новое расследование вызывает у нее желание блевать. Блевать, пока не умрет, от одного вида ужасов, которые способен совершить человек. Просто есть такой невидимый крючок, который она заглатывает, и крючок этот разрывает ей горло и внутренности, и избавиться от него невозможно, и не попасться при каждой новой охоте – тоже.

А на этот раз речь не об изящной удочке для ловли форели, крючок на конце которой способен лишь пощекотать.

Нет, на этот раз леска куда толще и крючок грубее.

Идеальные, если речь об охоте на акул.

Они ехали, наверное, с полчаса, потом машину начало потряхивать, движение вокруг затихло, стал слышен только скрип песка под колесами. Потом у Франка появилось ощущение, что снаружи наступает конец света, и чем дальше, тем оно делалось сильнее: за железными стенами автомобиля бушевал ветер, с гулом, напоминавшим колокольный звон, лил какой-то хрусткий дождь...

Песчаная буря.

Атеф везет его в пустыню.

Комиссар перепробовал все способы освободиться, но тщетно – запястья были слишком прочно скреплены несколькими слоями скотча. Из-за мерзкой тряпки, засунутой в рот чуть ли не до горла, его тошнило, несколько раз почти до рвоты. Прямо у него под носом плескалось в канистре горючее.

Значит, он вот-вотдохнет. Как собака. Но каким именно образом его убьют? Обоьют голову бензином, и он сгорит, как сгорел брат его похитителя? Шарко было страшно, он боялся страданий перед уходом за черту. Он мог вынести многое, и смерть входила в правила игры, но не смерть в страданиях. Сегодня широкая ладонь тьмы накроет его, как крышка саркофага.

Соединиться с Сюзанной и Элоизой худшим из всех возможных путей.

Машина остановилась. Шарко увидел серый свет, и сразу же в багажник, хлестнув его по лицу, ворвались килограммы песка. Ветер выл. Атеф, прикрыв лицо одеждой, потянул пленника за руки, и тому, едва его вытащили из убежища, показалось, будто по щекам, по лбу, по глазам прохаживаются бичом. Минуты две они двигались прямо. Сквозь туман из пыли и песка парижанин различил впереди руины, развалины каменного строения с развороченной ветрами и эрозией крышей. Давным-давно заброшенное жилище.

Самое безвестное и жалкое место в мире. Его могила.

Внутри Атеф отпустил его, и он, кашляя в тряпку, по-прежнему затыкавшую ему рот, рухнул.

Песчаным дождем ударило прямо в лицо. Песок проникал даже за шиворот. Атеф ругался по-арабски.

Когда очередной порыв ветра утих, египтянин сорвал с Шарко рубашку и несколько раз обмотал его туловище вместе со спинкой

металлического стула клейкой лентой – так преступники обычно и поступают. Шарко тяжело дышал через нос, от жажды слиплись все внутренности. Атеф вытащил кляп из его рта, и полицейский стал отхаркиваться – долго, до тех пор пока не показалась ниточка желчи.

– Почему?

Атеф ударил его кулаком в нос. Ненависть исказила черты араба.

– Потому что меня об этом попросили. Потому что мне за это платят по-царски.

Он достал из кармана мобильник Шарко:

– А тебе тут, оказывается, звонили.

Он прослушал оставленное на автоответчике сообщение и тут же отсоединился.

– Женщина из твоей страны. Голос красивый... Ты ее трахаешь? Ну и как, хороша она, сукин ты сын?

Атеф расхохотался, открыл список исходящих звонков и изучил его.

– Сам ты со вчерашнего дня никому не звонил, это хорошо, ты человек слова, это редкость у вас, европейцев. И для твоего сведения: мой дядя уже десять лет как умер.

Мучитель исчез в соседнем помещении. Вокруг развалин по-прежнему свирепствовала буря, шкура пустыни то собиралась в складки при новых порывах ветра, то разглаживалась, когда ветер чуть успокаивался. Оконные рамы были разбиты, пол усыпан осколками черепицы, железные балки, подобно кинжалам, протыкали стены. От скотча, намотанного на запястья, жгло кожу.

Вернулся египтянин с целым набором орудий: аккумуляторная батарея, зажимы-крокодилы со шнурами, ножи с загнутыми кончиками... Канистра с бензином тоже оказалась тут. Стало окончательно ясно, что Шарко приговорен. Он попытался вырваться и получил удар кулаком в живот. Медленно разогнулся. Из носу текла кровь.

– Ты сам... это ты убил брата...

– Он не мог смириться с моей гомосексуальностью. Из-за него я просидел четверо суток в вонючей камере Каср-эль-Нила. А там, в этой тюрьме, есть любимая забава: привязывают тебя за лодыжки к поперечной палке, и бьют хлыстом по подошвам, и засовывают тебе в зад полицейскую дубинку.

Араб вынул из небольшого мешка диктофон и фляжку с водой. Отпил.

– Да, я сам им занялся. Надо было остановить его расследование. Оказалось, проще простого.

– Кто отдает приказы?

– Ты бы все равно не поверил, если бы я тебе ответил, что ничего не знаю. Ладно, не важно. Они, эти люди, подарили мне жизнь, позволили стать уважаемым человеком. А теперь ты расскажешь, а я запишу на пленку все, что известно французской полиции об этом деле. Будешь отвечать на мои вопросы, иначе разрежу тебя на кусочки.

Египтянин вытер рукой рот, глаза у него были безумные. Песчинки летали по комнате, шурша, сползали по стенам. Атеф снова выругался по-арабски, присоединил к батарее торчавшие из крокодилов провода – из «челюстей» с треском посыпались искры. Не сказав ни слова, араб поднес зажим к груди Шарко.

К вою песчаной бури присоединился вопль.

Атеф нажал на кнопку диктофона. Эта сволочь явно развлекалась.

– Давай-ка рассказывай о вырытых телах. Есть возможность идентифицировать трупы?

В глазах полицейского показались слезы.

– Пошел ты... куда подальше! Можешь меня прикончить... Мне наплевать...

Араб взял канистру, в которой заплескалось горючее.

– Я тебя малость подпалю, потом поиграю ножичком, потом выброшу тебя в пустыню – еще живого. За несколько часов тебя так обглодают гиены и грифы, что даже если б тебя нашли, то все равно не опознали бы. Но не найдут. Никогда.

Он ударил парижанина канистрой в лицо.

Хруст, струйка крови.

– Они хотят слышать твои показания, понял? Мне надо им доказать, что я выполнил свою работу, что заслуживаю их доверия. Если б ты не был таким упертым, ничего такого не случилось бы. Но ты, ты – как мой брат, ты шел бы до конца. Еще порыскав там и сям, порасспрашивав нужных людей, ты бы и сам в конце концов допер до больниц.

Стрелка вольтметра на батарее за десятую долю секунды резко скакнула вправо. Шарко, сжав зубы, изогнулся. На лбу у него набухла синяя вена, внутренности, казалось, стремились вырваться наружу. Когда электрическая буря миновала, комиссар понял, что голова его склоняется набок. Араб затрециной привел его в чувство.

– Что ты знаешь о синдроме Е?

Комиссар, почти теряя сознание, приподнял подбородок. Нестерпимая боль пронизывала его тело при каждом движении.

– Больше, чем... чем ты можешь себе представить!

Еще одна затрецина. Комиссар устался в глубину комнаты – и

обнаружил там Эжени. Девочка сидела по-турецки в углу, играла с песком, пропуская его сквозь пальцы, но смотрела в сторону Шарко весьма сурово:

– Могу я узнать, что мы тут делаем, Франк?

Шарко плохо видел, слезы застилали глаза. Пересохшие губы чуть раздвинулись в подобии печальной улыбки. Из ноздрей и десен начала идти кровь.

– Ты и впрямь думаешь, что у меня был выбор?

Атеф нахмурил брови. Подошел к пленнику поближе, пригрозил крокодилами.

– О чем это ты?

Эжени встала, взгляд ее стал гневным.

– Выбор есть всегда.

– Только не тогда, когда руки связаны за спиной.

Глазные яблоки Шарко катались в орбитах, отслеживая перемещения девочки. Атеф чуть отступил и обернулся назад. Шарко, воспользовавшись этим, напрягся и – вместе с тяжелым стулом, к которому был привязан, – сделал рывок, выставив тараном голову. Атефу он попал прямо в живот. От удара араб отлетел назад, и, когда он врезался в стену, послышалось что-то вроде вдоха: стальная труба пропорола ему грудную клетку слева. Тело его обвисло, но он был жив, лицо исказила боль, но он не издал ни единого звука, он взялся руками за трубу, но сделать хоть что-то еще уже не смог. Из рта египтянина потянулась струйка крови. Наверняка дыра в легком.

Шарко, обессилев, повалился на бок, спина у него разламывалась. Эжени подошла к Атефу, с гримасой отвращения оглядела его:

– Вот она, твоя жизнь. Всегда так. Смерть, страх, страдания... Мне еще и десяти лет не исполнилось, друг мой Франк, а полюбуйся сам, что за зрелище ты мне уже который год показываешь. Это омерзительно.

Все еще в той же странной позе Шарко пополз до ножа, схватил его.

– Я никогда тебя не удерживал. Я никогда не вынуждал тебя следовать за собой. И не спорь!

Ему удалось-таки освободиться от пут. Он встал, выпрямился, глотнул воды из Атефовой фляжки, не смог оторваться и пил до тех пор, пока не утолил жажду. Вода лилась по подбородку, капала на измученное тело, стекала на грудь, на сожженные пучки волос. Пахло паленой шерстью. Вытерев обрывком тряпки нос, он подошел к египтянину. Тот еще дышал. Шарко обшарил карманы своего палача. Документы, бумажник, зажигалка. Достал ключи от машины, свой мобильник, потом вылил на голову Атефа все содержимое канистры. Арабу хватило сил вытаращить глаза.

Шарко взглянул на вернувшуюся в угол Эжени:

– Ты не обязана на это смотреть.

– Я на тебя хочу смотреть, на тебя! Видеть, какими ужасами тебе приходится заниматься, чтобы выжить.

– Ты хоть можешь понять, что он того заслуживает?

Шарко сжал зубы. Он колебался. Но несколько секунд спустя посмотрел прямо в глаза египтянину, вложив во взгляд всю ярость, какая в нем скопилась, приблизился к нему почти вплотную и сказал:

– Я всю свою жизнь гонялся за таким дерьмом, как ты. Если бы мог, я бы всех вас поубивал, одного за другим. Вырвал бы вас из себя с корнем.

Потом покрутил колесико зажигалки и добавил:

– Спасибо за след – я про больницы. А это – за твоего брата, сволочь!

Он стоял не шевелясь. Он хотел, чтобы араб ушел в ад, глядя ему в лицо. Он улыбнулся, когда тот, скрючившись, испустил последний вздох, когда смуглая кожа стала потрескивать. И после этого, даже не вспомнив про Эжени, бросился бежать. Пейзаж был апокалиптический. Вокруг пустыня, видимость не больше десяти метров. Черный дым мешался с вихрями песка. Наконец перед ним оказалась машина, и он укрылся внутри. Ему пришлось просидеть в ней минут тридцать, дожидаясь конца бури, которая откатывалась к западу, как гигантский асфальтовый каток. Обыск машины не дал ровно ничего: ни единого источника информации, даже мобильного, только авторучка и клейкие бумажки для записок. Этот жареный боров был осторожен. А на автоответчике его собственного телефона действительно записано сообщение. Конечно же, это Энебель. Ладно, он позвонит ей, когда вернется в Париж.

Машина Атефа была оснащена навигатором, оказалось, что у прибора есть переключатель на английский. Полицейский попробовал назначить конечным пунктом «центр Каира». И – словно во сне или галлюцинации – навигатор, подумав, выдал ему направление! Добрых пятнадцать километров, и десять из них – по обжигающему песку пустыни. Долго придется ждать Абд эль-Аалю, пока его найдут!

Шарко посмотрел на руки – не дрожат. Только что он подпалил человека – подпалил хладнокровно, не чувствуя даже отвращения – только опасную ненависть. Не верилось, что после всего он еще способен на такое, но внутри его еще жил мрак, жила тьма. Видимо, от подобного никогда уже не избавишься.

Прежде чем тронуться с места, Шарко аккуратно списал с навигатора координаты места, где сейчас находился, сомневаясь, впрочем, что ему когда-нибудь понадобится вернуться сюда...

Довольно скоро перед ним обозначились первые отроги Мокаттама, крепость Саладина. Оказавшись в городе, он выбросил навигатор в окно и припарковал машину в пустынном уголке поблизости от Города мертвых. Дверцы оставил открытыми. Учитывая местоположение квартала и число торговцев запчастями автомобилей на квадратный метр, можно было не сомневаться, что не пройдет и часа, как машину Атефа растащат по кускам.

Ему повезло. Во Франции трудно было бы остаться безнаказанным, совершив такое: там техника, там полицейские отряды из кожи вон лезут, добиваясь истины, – но здесь... Жара, пустыня, грифы, а главное – полная некомпетентность органов правопорядка.

Шарко пешком добрался до более широких улиц по ту сторону цитадели. Теперь шум дорожного движения казался ему успокаивающим, вселяющим уверенность. Он махнул рукой, подзывая такси. Шофер посмотрел на него как-то странно и, когда он устроился на заднем сиденье, спросил:

– Все в порядке?

– Все в порядке... Пожалуйста, центр «Салам» в квартале Эзбет-эль-Нахль.

– Точно все в порядке?

– Да.

Комиссар провел по лицу платком, глянул – м-да, платок-то весь в крови и песке... И при каждом движении слышится скрежет: песчинки проникли повсюду, и в башмаки тоже...

Сначала он решил рассказать все Лебрену, потом передумал. Он плохо представлял себе, как заявит во французском посольстве, что убил человека на египетской территории в целях самозащиты. Никто не поверит, тем более что Нуреддин явно за ним шпионил. Признанию не обрадуются, никаких поблажек ждать не стоит: Шарко рискует спровоцировать дипломатический инцидент, попасть в тюрьму. Каирская тюрьма? Нет уж, увольте! Свою порцию пыток он получил сполна! Выбора нет: надо хранить тайну и действовать в одиночку. И стало быть, упустить шанс на получение хоть какой-нибудь информации, порывшись в прошлом Атефа Абд эль-Ааля.

В дороге он попробовал хоть как-то разложить по полочкам запутанную историю.

Почти шестнадцать лет назад убийца, хорошо разбиравшийся в медицине, жесточайшим образом убил трех молоденьких девушек, не оставив ни единой улики, которая привела бы к нему. Дело замяли, но один египетский полицейский, педантичный и преданный своей профессии,



занялся им сам, все-таки обнаружил след и отправил телеграмму в Интерпол. Убийца или те, с кем убийца был в контакте, знали об этом. А с кем он был в контакте? С полицейскими? С политиками? С высокопоставленными чиновниками, имевшими доступ к информации такого рода? Кто бы они ни были, они решили избавиться и от самого чересчур рьяного полицейского, и от большей части досье по делу. Для этого они использовали родного брата Махмуда. Здесь ведь можно купить все и всех, а о ненависти между братьями заказчикам тоже было известно... Прошло время. Граваншонское открытие разворошило муравейник, от этого дела протянулась ниточка к египетскому. Шарко вылетел в Каир. Арабы дали ему возможность познакомиться с Атефом, а после их свидания на крыше дома осведомителю приказали порыть чуть глубже и попробовать узнать, что конкретно собирается делать французский полицейский. А потом ему, наверное, дали последнее задание: убрать этого полицейского, если тот сунет свой нос дальше, чем его допустили. Чтобы заманить Шарко и запутать его в своих сетях, Атеф рассказал ему о дяде, после чего на завтра же попытался избавиться от него навеки.

Когда Атеф начал допрашивать комиссара, он упомянул какой-то «синдром Е»... Спросил: «Что ты знаешь о синдроме Е?» Что кроется за странным термином? И каких разоблачений опасаются те, кто стоит за всей этой историей?

Вздохнув, Шарко ощупал свои руки, щеки. Он живой, живой! Да, конечно, мозг иногда дает перебои, но кости еще крепкие, мотор тарахтит вовсю, и, несмотря на жировые валики там и тут, несмотря на ноющую временами спину, он гордился этим телом, которое никогда его не подводило.

Сегодня он снова стал полицейским, работающим на земле.

Только – вне закона.

Убийцы Клода Пуанье не смогли обойти локаровский принцип обмена, гласящий: «Нельзя поехать куда-то и вернуться оттуда, войти в помещение и выйти из него, не принеся туда и не оставив там чего-нибудь своего и не взяв с собой чего-нибудь, находившегося прежде в этом месте или в этом помещении». Даже у самого дальновидного преступника неизбежны ошибки, и невидимое обязательно становится явным. В проявочной старика-реставратора полицейским, производившим обыск, удалось найти светлый волосок из брови и следы потожировых выделений вокруг окуляра одной из шестнадцатимиллиметровых камер – той, которая использовалась для съемки в вечер убийства. Пот, даже испаряясь, оставляет такие следы в виде отшелушившихся чешуек кожи, они становятся видны под косым, под углом 30–45 градусов, светом, а по ним можно определить ДНК. Вряд ли имя убийцы найдется в НАКГО<sup>[15]</sup>, но, по крайней мере, появится генетический профиль для сравнения его с теми, которые будут получены при будущих задержаниях.

Задержать бы еще кого-нибудь теперь, когда все для этого готово.

Территориальное управление судебной полиции в Лилле. Люси, глаза которой так и норовили закрыться, хоть спички вставляй, допивала третью за утро чашку кофе, черного, без сахара. Она сидела за столом, вокруг которого собрались основные действующие лица группы, ведущей расследование по делу о «смертоносной бобине», как они называли между собой анонимное кино. Только что им прокрутили обе версии фильма: сначала «официальную», потом другую, под условным названием «Дети и кролики». Отдельно были показаны двадцать пятые кадры: обнаженная женщина, затем – изуродованная, с громадным черным глазом-раной на животе.

Хорошее настроение, какое обычно бывало у группы, особенно в жаркие летние месяцы, улетучилось как не бывало. Вздохи, перешептывания, мрачный вид. Каждый здесь осознавал, насколько сложное дело им досталось, на каких извращенных преступников придется охотиться на этот раз. Майор Кашмарек подвел итоги:

– У нас есть оцифрованная копия фильма, но убийцы этого не знают, так что прошу вас держать язык за зубами: утечка информации недопустима. Эти типы убили человека ради обладания пленкой, что

означает: скрытое ее содержание наверняка может куда-то нас привести. Есть идеи на этот счет?

Все снова зашумели, но никакое из весьма конструктивных замечаний, которыми обменивались члены следственной группы, типа «Это омерзительно!» или «Эти девчонки совершенно ненормальные!», не годилось на роль развязки одной из серий «Коломбо», и Кашмарек снова положил конец болтовне:

– Есть две важные вещи. Во-первых, мы связались с историком кино пятидесятих годов, с которым перезванивался Клод Пуанье, жертва преступления. Сначала этот самый историк не обратил внимания на просьбу старого реставратора, но, когда узнал о его смерти, тут же взялся за работу. Он надеется определить, что за актриса снималась в этом фильме. Скрещиваем пальцы! Но мы и сами сделаем распечатки кадров с женщиной... с актрисой, мне все-таки хочется, чтобы она оказалась актрисой... так вот, мы сделаем распечатки этих кадров и разошлем их во все киноцентры – поди знай, где что может найтись. Во-вторых, сейчас к нам придет бывший эксперт-психоморфолог, сегодня эта ученая дама специализируется на чтении по губам и умеет «разговорить» немые фильмы. Она сможет расшифровать то, что говорит девочка на экране, – все до последнего словечка. Маделен, что у тебя там с кодаком и канадской лабораторией, где проявляли и печатали пленку?

Молодой карьерист со вздохом открыл свой блокнот:

– Ее больше не существует. На ее месте Макдоналдс. Но я узнал, кто ее прежние владельцы. Правда, сейчас их уже нет в живых.

– Ладно. Морель, поедешь к Шпильману-младшему, привезешь его сюда и попробуешь составить фоторобот парня в армейских ботинках, который к нему приходил. Ты, Кромбе, будешь давить на криминалистов: пусть исследуют ДНК и все остальное как можно скорее, иначе... У нас есть предписание международного судьи о совместном с бельгийцами обыске у Шпильмана в четырнадцать ноль-ноль. Кому-то надо быть там. Энебель, ты как?

– Да я уже вроде как приписана к Бельгии, куда деваться... Запрашивали фильмотеку насчет того, от кого туда поступила наша «смертоносная бобина»?

– Запрос послан.

Люси взглянула на Маделена:

– Ты проверил номера телефонов, по которым велись разговоры с канадским анонимом?

– Еще раз повторяю: для того чтобы получить информацию, я связался

с органами безопасности. Ты мне дала проверить два телефонных номера, так? Сообщаю: один из них оказался номером телефона-автомата в центре города, а второй, сотовый, зарегистрирован на несуществующие имя и адрес.

Люси кивнула. Аноним отличается завидной предусмотрительностью.

Опять взял слово майор, который все время их беседы нервно крутил в руках сигарету:

– Завтра утром у меня встреча в Париже с тамошними полицейскими шишками: Пересом из Руана, Леклерком из Центрального управления и комиссаром Шарко, это их аналитик.

Шарко... Люси закусила губу. Он выслушал ее сообщение на автоответчике и не удостоил ее ответным звонком.

– Есть новости из Египта?

– Пока нет. Возможно, этому Шарко не удалось извлечь из своего путешествия никакой новой информации. Но как бы то ни было, завтра, надеюсь, у меня появится, что рассказать вам. После встречи с нашей специалисткой, ее зовут Каролина Каффей, разбежимся по делам.

Кашмарек вышел из кабинета и несколько секунд спустя вернулся с особой, при виде которой у всех присутствовавших мужчин загорелись глаза: сорокалетняя блондинка с ногами от ушей и лицом русской куколки. Каролина быстренько оглядела всех, села в кресло, которое, казалось, само распахнуло ей объятия, и открыла блокнот. Жесты у нее были твердые, решительные, жесты человека, привыкшего укрощать толпу. Она коротко – тоном, подходящим для выступления с трибуны, – представилась, сообщив, что работает с военными, таможенниками и полицией, в основном в области антитеррористических операций и переговоров с террористами. Настоящий ас в своей профессии. Люси подумала, что к ней самой никто никогда не относился с таким вниманием. Уровень тестостерона у ребят растет просто на глазах. Да уж, по крайней мере, мужиков пленять эта секс-бомба способна...

Каролина Каффей включила ноутбук, содержимое которого отображалось с помощью эпидиаскопа на большом экране.

– Читать по губам в этом фильме было очень трудно: в Канаде, как и во Франции, существуют разные диалекты, здесь и на литературном языке говорят, и сленгу не чужды. Что касается этой девочки, то она принадлежала, должно быть, к франкофонной общине, потому что говорит на квебекском французском. Или, точнее, на жуале, основанном на городском просторечии региона, центр которого – Монреаль, и аудиально чрезвычайно близком к говору, который можно встретить к северу от

Бордо: она растягивает многие гласные звуки и произносит, к примеру, вместо «кролик» – «кро-о-рлик».

Специалистка, подвигав мышкой, нашла начало фильма, и на экране возникла прямая как палка в своем костюме от Шанель взрослая актриса. Вот-вот должна была начаться сцена, в которой девушке режут скальпелем глаз, – и тут ее губы зашевелились. Каролина стала переводить, не выключая проекции:

– Она говорит оператору... она говорит ему: «Открой мне дверь в тайну...»

– А она на французском французском или на французском квебекском говорит? – спросила Люси.

Каффей бросила на любопытную безразличный взгляд:

– Мадемуазель?

– Энебель. Люси Энебель.

Ха! Назвала ее «мадемуазель»! Чертовски наблюдательна!

– Трудно сказать, мадемуазель Энебель, потому что это – единственные слова, которые она произнесла, но мне кажется все-таки, что это французский французский. Кажется главным образом из-за того, что на французском канадском она произнесла бы слово «тайна», шире открыв рот.

Люси записала в блокноте: «Взрослая актриса – француженка» и «Девочка на качелях – из Монреаля». В это время Каролина, пустив запись чуть быстрее, дошла до сцены с девочкой на качелях. Внезапная радость на лице ребенка. Изображение скадрировано так, чтобы нельзя было догадаться, что вокруг. Режиссер явно не давал будущему зрителю возможности опознать место съемок. Как только девочка заговорила, специалистка по чтению по губам снова начала переводить:

– Завтра тоже можно будет покачаться на качелях?.. Ты скоро опять ко мне придешь?.. Лидии тоже очень хочется покачаться на качелях... А почему ей нельзя выходить?..

Девочка, окончательно развеселившись, взлетала к небу. Камера разглядывала ее лицо, задерживалась на глазах, оператор, стараясь сделать эпизод более динамичным, играл планами. Было ясно, что между ним и девочкой достаточно близкие отношения, они хорошо знают друг друга. Чем дольше Люси смотрела, тем сильнее ощущала, что это невинное дитя поймало ее в ловушку: у нее устанавливалась какая-то невидимая связь с ребенком и возникало чувство сродни материнской любви. Она изо всех сил старалась помешать этому, уничтожить неуместное и опасное чувство на корню.

Следующая годная для расшифровки сцена. Крупный план губ девочки, которая ест окорок с картошкой за длинным деревянным столом. Каффей заговорила:

– ...Я это слышала сама. Столько людей говорит о тебе и о докторе всякие ужасы!.. Я знаю, что они врут, что они говорят это нарочно – чтобы сделать нам хуже. Я их не люблю, я никогда не буду их любить.

Расшифровка происходила в мертвой тишине. Слова, тон, каким озвучивался перевод немного текста, придавали происходящему на экране зловещий оттенок. Чувствовалось, как развивается нечто болезненное, что было заложено в фильм, как надвигается гроза, которая вот-вот разразится. Люси написала слово «доктор» и обвела его кружочком.

Эпизод с девочкой и котятками в траве. Девочка улыбалась во весь рот, нежно гладила обоих котят сразу, а Люси думала о другом фильме, о фильме спрятанном, о том, который идет параллельно и сейчас впечатывается в мозг.

– Как бы мне хотелось, чтобы они остались со мной... Очень-очень жалко... А ты их еще принесешь?.. Сестра Мария Голгофская терпеть не могла кошек... А я их обожаю... Ой да, да, кроликов я тоже ужасно люблю... Сделать им больно? Почему ты так говоришь?.. Нет, никогда, ни за что!

Люси записывала одно предложение за другим, отмечая про себя, что за ирония стоит за этими предложениями. Никогда не сделаю больно кроликам? В то самое время, когда на «нижнем слое» этого самого фильма эта самая девочка вместе с одиннадцатью другими безжалостно убивает этих самых кроликов... Что могло изменить ребенка до такой степени? Она подчеркнула тремя жирными красными чертами «сестра Мария Голгофская». Может быть, ребенка содержали в каком-то монреальском монастыре? Или в католическом учебном заведении? Где, в каком учреждении могли бы сосуществовать религия и медицина?

Следующий эпизод – странный: камера то приближается к малышке, то удаляется, как бы дразня ее, подтрунивая над ней. А девочка сердится. Глаза у нее здесь совсем другие.

– ...Оставь меня в покое, я не хочу... Мне грустно из-за Лидии, всем грустно, а ты веселишься... – Ребенок отталкивает от себя камеру. – Убирайся отсюда!

«Что случилось с Лидией?» – записала Люси и обвела имя. Камера в это время вертелась вокруг девочки, и от этого шла кругом голова. Остановка камеры. Следующая сцена. Пастбище.

Каролина Каффей выключила проектор и сглотнула, прежде чем

продолжить:

– Больше никакого текста нет – только ужасные крики в сцене с кроликами. Но есть зато кое-какие детали, которые могут вас заинтересовать: когда я внимательно всматривалась в некоторые эпизоды, мне удалось заметить перемены в лице девочки. В ряде кадров у нее не хватает переднего зуба, а кроме того, пусть даже это не очень четко видно, кое-где появляются новые веснушки. Волосы между тем всегда одной длины, – по-видимому, ребенка регулярно стригли.

– То есть девочка подросла за время съемок? – подумал вслух Кашмарек.

– Да, очевидно, так. Короткометражку снимали не одну неделю, даже не один месяц – это точно. И если приглядываться, заметно, как рот девочки становится все более напряженным – и рост напряжения вполне соответствует переменам в тексте, который она произносит. Все происходит на экране чересчур быстро и, возможно, чересчур схематично для того, чтобы можно было извлечь из этого основательные выводы, но у меня ощущение, что физическое состояние ребенка ухудшалось. К концу – никаких улыбок, лицо невыразительное, нездоровое. В ряде сцен, хотя они сняты при ярком свете, зрачки расширены.

Люси вертела в пальцах ручку, вспоминая эпизод с кроликами, страшную ярость, полностью овладевшую детьми.

– Наркотик... или лекарства...

Каролина кивнула:

– Видимо, да. Очень возможно.

Она закрыла блокнот и встала:

– Вот и все, что я могу вам сообщить. Распечатку файла с анализом увиденного пришлю вам почтой. Мадемуазель, господа...

Специалистка по расшифровке немного кино дала Кашмареку взглядом понять, что подождет его за дверью, и вышла. Ни единого вопроса о деле, которым они занимаются, ни малейшей эмоции по поводу увиденного. Профессионал. После ее ухода майор хлопнул в ладоши, и все взгляды обратились на него.

– Обдумайте хорошенько то, что сказала мадам Каффей. И думаю, нам стоило бы поблагодарить Энебель за подарочек – такое милое нашла нам занятие посреди лета.

Все головы повернулись к Люси, во взглядах ясно читались недобрые слова, которые коллеги готовы были сказать в ее адрес. Люси в ответ улыбнулась: надо же было как-то отреагировать. Кашмарек снова заговорил:

– Отлично. Каждый знает, что ему делать?

Молчаливое согласие.

– Тогда – за работу!

Оставшись одна перед компьютером, Люси еще раз взгляделась в стоп-кадр. Девочка на качелях. Провела пальцами по губам ребенка, словно бы улыбавшегося ей. Сама невинность.

Господи, она и так не в состоянии ответить себе ни на один вопрос, а тут еще Шарко... Все-таки ей беспокоило: почему он молчит? Посмотрела на телефон. Кто он на самом деле, этот аналитик, способный воссоздать по деталям психологический облик убийцы, этот человек, о котором она все время думает? Что у него за прошлое, что у него за послужной список? С какими такими жуткими делами он сталкивался раньше, когда был моложе? Она позвонила в Главное управление национальной полиции, где можно было получить информацию о любом служащем во французской полиции офицере: законченные дела, расследования, которые он ведет сейчас, возможно – мнение о нем начальства... Нечто вроде жизнеописания. Представившись, она попросила дать ей доступ к документам о карьере Франка Шарко. Цель? Ей нужно вернуться к одному из его дел. Ну будет ее запрос зарегистрирован, это не имеет значения.

Немного погодя вежливо ответили, что запрос лейтенанта Энебель не может быть удовлетворен по причинам, которых ей не сообщат. Прежде чем закончить разговор, она спросила, а не интересовался ли кто-нибудь ее собственным досье. Ей ответили, что да, позавчера на ее досье поступал запрос от Мартена Леклерка, главы Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности.

Люси, раздраженная услышанным, бросила трубку. Значит, Шарко и его шефу можно преспокойно рыться в ее досье, знакомиться с ее прошлым, а сам этот негодяй остерегается к себе подпускать!

Действительно, им-то незачем стесняться!

Люси вздохнула и снова посмотрела на экран, на девочку. Монреаль... Канада... Сегодня эта незнакомка вдвое старше ее самой. И очень может быть, живет и сейчас где-то в этой далекой стране, в самой глуши, и держит при себе все тайны пережитой ею кошмарной истории.



Голос Микаэля Лебрена звучал в трубке холодно и властно:

– Шарко, где вы?

– В такси. Хочу купить бутылку египетского виски начальнику и кое-какие сувениры. Передайте Нахед, чтобы не ждала меня в гостинице, я встречу с ней в комиссариате сразу после обеда.

– Нет, вы встретитесь там со мной, причем ровно в четырнадцать часов. Мне звонил Нуреддин, он в бешенстве. Потрудитесь вернуть украденные вами фотографии как можно скорее – это в ваших интересах. И не рассчитывайте отныне на то, что перед вами откроются все двери, –дохлый номер.

– Ничего страшного. Из этой папки так и так уже ничего не вытянешь.

– Не премину известить ваше начальство о том, как вы себя ведете.

– Да уж, доставьте шефу удовольствие, он будет в восторге.

Молчание. Шарко прижался лбом к стеклу. Самый север города, краски по мере приближения к кварталу тряпичников тускнеют...

– Как ваша голова? – неожиданно спросил Лебрен.

– Что?

– У вас вчера болела голова.

– А-а, да, сегодня намного лучше.

– Ведите себя до отлета – напоминаю, вы отбываете из Каира сегодня вечером, – как положено, без малейших отклонений.

Шарко вспомнил обгоревшее лицо Атефа Абд эль-Ааля, труп которого медленно разлагался сейчас под солнцем пустыни.

– Ну что вы! Конечно ни малейшего отклонения! Поверьте!

– Вам? Да я скорее поверил бы гремучей змее, чем вам!

Лебрен, сухо распрощавшись, повесил трубку. У этих посольских явно повышенная чувствительность, и они требуют соблюдения протокола, как будто это главное. Исполнители... Ничего общего со взглядами Шарко на то, каким должен быть полицейский.

Черная машина остановилась на полпути, просто потому, что путь этот кончился. Дальше – никакого асфальта, только земля и камни, разве что на пикапе можно было бы проехать или уж на внедорожнике. Водитель-араб объяснил ему на весьма приблизительном английском, что добираться отсюда до центра «Салам» надо пешком и это довольно просто: достаточно идти прямо и не дышать.

Шарко пошел прямо. Навстречу тому, чего и представить-то нельзя. По каирской свалке, приближаясь к ее пульсирующему сердцу. С двух сторон от узкой тропинки раздувшиеся от жары и гниения черные и синие мешки поднимались так высоко, что заслоняли небо. Над всем этим описывали правильные круги коршуны с грязными перьями. То тут, то там виднелись кое-как слепленные в подобие жилья груды проржавевшего листового железа, канистры. Свиньи и козы чувствовали себя здесь так же свободно, как автомобили за границами свалки. Прикрыв нос рубашкой, он прищурился. Наверху мешки с отбросами время от времени подрагивали.

Люди. Здесь, среди помойных гор, жили люди.

Он продвигался вперед по этому городу отчаяния и постепенно открывал для себя его население – тряпичный народец, который рылся в отбросах, чтобы выжать из них последнее, чтобы найти лоскуток ткани или обрывок бумаги, за которые удастся получить хотя бы грош. Сколько человек здесь обитает, в этих трущобах? Тысяча? Две тысячи? Шарко подумал о трупоядных насекомых, которые паразитируют на мертвых телах вплоть до окончательного их разложения. Сюда привозили мешки с мусором со всего города, и эти люди, подобно собакам, рвали пластиковую оболочку и вытаскивали бумажки, железки, все подряд, даже вату из использованных памперсов...

Показалась стайка ребятишек, дети подбежали к Шарко, облепили его. Каковы бы ни были условия жизни, дети остаются детьми: они улыбались забредшему сюда горожанину, жестами показывали: сфотографируйте нас телефоном. Даже денег не просили – всего лишь капельку внимания. Шарко, растрогавшись, вступил в игру. После каждого щелчка камеры ребятишки с измазанными сажей лицами подбегали к нему, заглядывали в телефон и хохотали. Маленькая чумазая девочка взяла руку комиссара и стала нежно ее гладить. Одежда малышки была сделана из мешка от цемента, но никакая нищета, никакая грязь не могли скрыть ее красоты. Шарко присел на корточки, положил руку на грязные волосы ребенка:

– Ты похожа на мою дочку... Вы все на нее похожи...

Он пошарил в карманах, выгреб три четверти всех имевшихся у него денег и раздал ребятишкам. Несколько сот фунтов для него мало что значили, зато для них были равны тоннам отсортированного тряпья. Галдя и пытаясь отобрать друг у друга деньги, дети наконец исчезли в многоцветных проулках.

Полицейский задыхался. Он побежал вперед – все так же прямо перед собой. От Египта у него все внутри переворачивалось. Он вспомнил Париж, атмосферу, в которой живут его земляки, живут со своими

мобильниками, машинами, модными солнцезащитными очками в волосах... И еще жалуются, когда поезд на пять минут опаздывает!

За последними горами отходов стало просматриваться что-то вроде строений, в которых могли бы жить люди. Шарко сделал еще несколько шагов, и ему открылись халупы, смахивающие на жалкое подобие социального жилья. Чуть подальше выстроились лавочки торговцев и уже настоящие дома, если их можно так назвать, с вывешенным за окна разноцветным бельем, с козами, пасущимися на крышах. Комиссар обнаружил даже монастырь – *The Coptic Orthodox Community of Sisters*<sup>[16]</sup>. Одетые в форму дети маршировали по двору с песнями и молитвами. И здесь тоже люди имели право на жизнь – вопреки всему.

Наконец он добрался до больницы медицинского центра «Салам». Серое, вытянутое в длину здание, примерно в таких размещаются диспансеры. Внутри пахло нищетой и шло сражение ненадолго вышедших из тени людей с невозможным. В зале ожидания приемного покоя – помещении, где пациентам положено находиться, пока не позовут к врачу, все какое-то шаткое, ненадежное: скудная меблировка, не раз чиненные стулья, столики, двойные двери с круглыми окошками типа дверей операционных из египетских фильмов сороковых годов... По углам свалены коробки с наборами лекарств и медикаментов, на крышках которых – эмблема французского Красного Креста...

Шарко обратился по-английски к медсестре, которая сидела в этом зале ожидания рядом с ребенком-астматиком, дышавшим тяжело, со свистом, поспрашивал других и постепенно добрался до кабинета директора больницы Таха Абу Зеида. Этот человек оказался нубийцем, и черты его сохранили всю историю народа: темная кожа, толстые мясистые губы, усы ниточкой, широкий нос. Директор что-то набирал на клавиатуре старенького, тоже не раз отремонтированного компьютера; за такой во Франции никто бы не дал и десяти евро. Шарко постучал в открытую дверь:

– Можно?

Нубиец поднял глаза и ответил по-английски:

– Да?

Шарко коротко представился: полицейский комиссар из Франции, командированный в Каир. Доктор, в свою очередь, рассказал, что тут делает. Убежденный христианин, он вместе с сестрами из коптского монастыря поддерживает как может существование детских яслей, больницы, приюта для инвалидов и родильного дома. Главная задача больницы – лечить и обучать правилам гигиены заббалеен, «людей

мусора». А «люди мусора» – это больше пятнадцать тысяч тряпичников, живущих в домах вокруг «площадки», плюс пять тысяч обитателей самой свалки.

Пять тысяч... Вот, значит, сколько их... Шарко подумал о чумазой девочке, которая так ласково прижималась к нему, и на несколько минут забыл о расследовании – ему хотелось знать следующее:

– Я видел на улицах Каира бедняков, видел детей, которые собирали отбросы и укладывали их на повозку, запряженную ослом. Таким ребятишкам нет еще и десяти. Они и есть тряпичники?

– Да, и они тоже. На самом деле заббалеен больше ста тысяч, и собраны они в восьми трущобных кварталах столицы. Каждый день рано утром мужчины и дети постарше уходят из своих бидонвелей в Каир с тележками, чтобы собирать городские отходы. Женщины и маленькие ребятишки потом сортируют этот мусор, после чего отобранное продается перекупщикам, которые, в свою очередь, отвозят товар в местные пункты вторсырья. Органические отходы достаются свиньям, и вообще дело поставлено хорошо: девяносто процентов отбросов тем или иным способом перерабатывается или используется повторно. С точки зрения экологии модель была бы превосходна, если бы только не соседствовала с крайней нищетой. Наша миссия – внушить этим людям, что они – люди.

Шарко обернулся, посмотрел на фотографию, висящую за спиной директора больницы:

– Кажется, это сестра Эмманюэль?<sup>[17]</sup>

– Верно, она. Центр «Салам» был построен в семидесятых. В переводе с арабского «салам» означает «мир».

– Мир...

Шарко достал в конце концов из кармана фотографию одной из жертв и показал доктору:

– Этому снимку больше пятнадцати лет. Девушка, Бусайна Абдеррахман, приходила сюда, к вам.

Директор больницы взгляделся в снимок, лицо его омрачилось.

– Бусайна Абдеррахман... Никогда не забуду эту девочку. Ее тело было обнаружено в пяти километрах отсюда, чуть севернее, на плантации сахарного тростника. Это было... было...

– В марте девяносто четвертого.

– В марте девяносто четвертого, да... Помню, как это было ужасно. Бусайна Абдеррахман жила с родителями в квартале Эзбет-эль-Нахль, рядом со станцией метро, по другую сторону бидонвиля. Днем ходила в христианскую школу Святой Марии, по вечерам подрабатывала в

ювелирной мастерской – трудилась там по несколько часов каждый вечер. Но скажите, ведь сюда уже приходил один полицейский, правда довольно давно, его звали...

– Махмуд Абд эль-Ааль.

– Да-да, именно Махмуд. Полицейский, такой... как бы это сказать... непохожий на других. Как он поживает?

– Он умер. Тоже довольно давно. Несчастный случай.

Шарко дал доктору время переварить новость и продолжил свои расспросы:

– Можете рассказать мне об этой девушке? Зачем она приходила в больницу?

Доктор провел рукой по сморщенному лицу. Шарко ощущал, что у этого потрепанного жизнью человека какая-то неуловимая аура. То ли доброты, то ли мужества...

– Попробую вам объяснить – если только можно объяснить и понять необъяснимое.

Он встал, подошел к старенькому книжному шкафу и принялся рыться в толстых папках.

– Тысяча девятьсот девяносто третий – тысяча девятьсот девяносто четвертый... Вот!

В мнимом беспорядке всему, оказывается, находилось свое место. Полистав бумаги, доктор вытащил газетную вырезку и протянул ее посетителю. Шарко глянул и вернул:

– К сожалению, я не...

– Ах да, что ж я за идиот! Простите, сейчас расскажу, что тут написано. Это статья из газеты «Аль-Ахали» за апрель девяносто третьего года.

Мозги аналитика уже работали вовсю. Апрель 1993-го – за год до трех убийств. Статья была большая – на целую полосу, иллюстрировали ее снимки, сделанные в школьном классе.

– Тогда, в девяносто третьем, в течение нескольких дней, начиная с тридцать первого марта, в нашей стране отмечался удивительный феномен. С пятью тысячами человек – в основном это были молоденькие девушки – происходило в эти дни нечто весьма странное. В большинстве случаев дело сводилось к внезапному, прямо на уроке, приступу страшной головной боли, заканчивавшемуся потерей сознания на минуту или две. Никаких предвестников этой головной боли не было. Девушек немедленно отвозили в ближайшие больницы, делали им анализы, анализы ничего не показывали – и их отпускали домой.

Врач потыкал пальцем в висевшую позади него карту Египта, указывая на несколько точек в разных местах.

– Некоторые из девушек в обморок в классе не падали, зато поведение их становилось крайне агрессивным. Они кричали, хлопали дверью, кидались с кулаками на одноклассниц. Началось это все в гувернорате Бухайра, но не успел никто и глазом моргнуть, как «эпидемией» были охвачены пятнадцать из девятнадцати египетских гуверноратов. Быстрее всего феномен распространялся в трех мухафазах: в Эш-Шаркии, Кафр-эш-Шейхе, Каире... Это можно было сравнить с землетрясением, эпицентр которого находился в Бухайре, а волны дошли до столицы.

Парижанин оперся кулаками на стол, перенес на сжатые руки весь свой вес.

– Вы сказали «эпидемия»? Это был вирус?

– Нет, не вирус. Специалисты пытались тогда исследовать феномен, но вирус не был найден. А по стране поползли самые разные слухи: пищевое отравление в масштабе всего Египта, все это – от зеленых бобов, нет, это из-за подземных газов... Вирусом было бы легче всего объяснить происходящее, однако способ распространения инфекции ничем не напоминал распространение вируса, да и анализы ничего такого не показывали. И тут пошло-поехало: стали подозревать израильтян в отравлении воды в школах, а то и в развязывании тайной бактериологической войны, поговаривали даже о том, что все это последствия войны между Ираком и Ираном. Вот только никто не мог объяснить, почему «заболевают» в основном девушки.

– И чем все кончилось?

– Некоторые психиатры предположили, что речь идет о проявлениях феномена коллективной, или массовой, истерии.

– Коллективной истерии? Что еще за зверь?

Доктор показал английскую книгу, посвященную упомянутой им патологии.

– Я и сам тогда заинтересовался этим феноменом. Оказалось, он известен уже многие века. В большинстве случаев говорится о плохом самочувствии, о болях, тошноте, кожном зуде или появлении сыпи, которые внезапно фиксируются сразу у нескольких десятков человек в одной и той же местности. Представляете, о подобном писали уже в тысячном году нашей эры! В июне тысяча девятьсот девяносто девятого года сообщалось, что госпитализированы сорок учеников одной из школ соседней с вашей страны, Бельгии, выпивших лимонада, но – при выраженных симптомах – доказать, что это отравление, ни в одной больнице не удалось. А в две

тысячи шестом году похожие проблемы с пищеварением начались одновременно у сотни школьников из вьетнамской провинции Тьензянг. Примеры я могу приводить бесконечно... Вот, скажем, так называемый иракский синдром – загадочное недомогание сразу у многих американских солдат, участвовавших в операции «Буря в пустыне» девятьсот девяносто первого года... Спустя несколько недель после возвращения на родину все парни как один стали жаловаться на провалы в памяти, тошноту, постоянную усталость... Заподозрили интоксикацию боевыми отравляющими веществами, попавшими в атмосферу во время взрыва иракского склада химического оружия, – допустим, но почему тогда у их жен и детей, никуда не выезжавших с американской территории, появились те же симптомы – в то же время, но в разных частях страны? Нет, все-таки это была настоящая эпидемия коллективной истерии, поразившая Соединенные Штаты.

– А Бусайна Абдеррахман, значит, стала жертвой феномена коллективной истерии, поразившей Египет?

– И она сама, и шесть ее одноклассниц. Что касается этих школьников, то у всех них проявлялась агрессивная форма истерии. По словам учителя, они внезапно начинали кричать, оскорблять всех вокруг, швыряться стульями, они словно бы превращались в диких зверей. Они даже напали на одну из своих одноклассниц, хотя обычно у них были с этой девочкой прекрасные отношения. Но почему коллективная истерия приобретает порой такую агрессивную форму, к несчастью, разгадать не удалось. Было ли это в нашем случае следствием стресса, вызванного чрезмерной строгостью школьных учителей? Нестабильности жизни семей, в которых росли девочки? Нехватки воспитания и образования? Да и в любом случае чем-то ведь должно это объясняться? Наверняка есть причина.

У Шарко внутри все кипело. То, что он слышал, было уму непостижимо. Коллективная истерия... Он достал фотографии двух других жертв:

– А этих девушек вы знаете? Махмуд Абд эль-Ааль что-нибудь о них говорил?

– Нет... Но неужели и они...

– Их убили тогда же, в то же время. Вы не знали об этом?

– Нет...

Комиссар спрятал снимки. Вероятно, полиция сделала все возможное для того, чтобы сведения об убийствах не просочились в прессу и не разожгли страсти среди населения. Да и инспектор Абд эль-Ааль был настоящим профессионалом, осторожным человеком, он не мог допустить

утечки информации. Таха Абу Зеид, до тех пор смотревший в одну точку, встряхнулся и покачал головой:

– Этот эпизод безумия был совсем коротким, но Бусайна и дальше ощущала на себе его последствия. У нее и позже случались такие... такие нарушения нормального поведения, причем регулярно. Девочка внезапно становилась агрессивной. Родители забеспокоились, они часто приводили ее на консультацию, жаловались на то, что у нее теперь нет подруг, что она одинока, плохо себя чувствует... Симптоматику объясняли тогда переходным возрастом, неустойчивостью окружающей среды, но... но это было другое.

– Что же?

– У девочки были какие-то глубинные психологические проблемы. Бедняжку убили, прежде чем я смог в этом разобраться. Да я и не психиатр.

– А одноклассницы Бусайны?

– Эпизод агрессии как начался, так и кончился. Впоследствии – ничего подобного. И никаких осложнений.

Шарко тяжело вздохнул. Чем дольше он занимается этим делом, тем чаще упирается в стену. Возможно ли, чтобы убийца нападал именно на девочек, ставших жертвами коллективной истерии? Только на самых агрессивных от природы и тех, у кого сохранились симптомы? Почему именно на таких?

– Значит, в научном мире известен египетский вариант этого феномена?

– Конечно. Нашему правительству оказалось не под силу скрыть от мира вспышку непонятого заболевания такого масштаба, и все научные сообщества, которые интересуются феноменами в жизни людей и в психиатрии, занимались этим. Статьи о «египетском варианте феномена», как вы говорите, появлялись даже в «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» – вы можете найти их в любом газетном архиве.

Так... Значит, убийца, где бы он ни проживал, имел возможность узнать о том, что происходит в Египте. Чуть покопав, найдя нужных людей – по телефону или любым другим способом, он наверняка отыскал адреса «зараженных» школ. В Эзбет-эль-Нахль, в Шубре, в Торе.

Мало-помалу кусочки пазла вставляли на свои места. Убийца действовал в трех кварталах, достаточно удаленных один от другого, чтобы при возможном следствии труднее было разобраться, есть у выбранных им девочек что-то общее или нет. Почему он начал убивать год спустя? Тоже понятно: дожидался, пока утихнет паника из-за случаев коллективной истерии, – ни у полиции, ни у кого-то еще не должны были возникнуть



подозрения о связи между двумя событиями. Он принял все меры для того, чтобы отдалить свои преступления от волны всеобщего безумия, а когда Махмуд Абд эль-Ааль тем не менее разглядел эту связь, убрал его.

Это дело не поддавалось никакой логике. Шарко вспомнил фильм, найденный в Бельгии, тот, о котором говорила Энебель, вспомнил ее таинственного канадского собеседника. Ответвления потянулись по свету, как щупальца спрута. Интересно, не приходили ли сюда иностранцы – разузнать побольше о феномене коллективной истерии и найти девочек, вовлеченных в эту волну? Комиссар попробовал наудачу:

– Думаю, Махмуд Абд эль-Ааль уже интересовался этим, но... Скажите, а не помните ли вы одного или, может быть, нескольких человек, которые расспрашивали вас о феномене коллективной истерии или о Бусайне еще до убийства?

– Это было так давно...

– У входа в ваш центр я видел коробки и мешки с эмблемой французского Красного Креста. Вы работаете с этой организацией? Часто встречаетесь с иностранцами? Французы приезжали сюда?

– Как странно... Вот теперь я очень хорошо припомнил того египетского полицейского... Мне кажется, вы с ним похожи: те же вопросы, то же упорство...

– Нормальное для человека, который хочет хорошо делать свое дело.

Доктор печально улыбнулся. Должно быть, здесь ему нечасто приходится улыбаться.

– Лекарства и медикаменты поступают к нам отовсюду, не только от французского Красного Креста. Мы входим в гуманитарную египетскую ассоциацию, которая занимается развитием общин, ростом благосостояния каждого гражданина, социальной справедливостью и здравоохранением в стране. Нас поддерживают многие гуманитарные организации, в том числе, конечно, Красный Крест и Красный Полумесяц. Тысячи людей разных уровней побывали здесь. Волонтеры, политики, просто гости, любопытные... И еще я припоминаю, что в девяносто четвертом у нас, по инициативе и под руководством ГСБИ<sup>[18]</sup>, проводилось весьма представительное ежегодное совещание по теме безопасности инъекций, и улицы Каира в то время заполняли исследователи и ученые со всех концов света. Тоже чуть ли не тысячи.

Шарко записал. Возможно, это след. Легко представить, что в момент убийства в Каире находился волонтер или служащий одной из гуманитарных организаций, прибывший на это самое совещание. Доступ в любую больницу, да и вообще куда угодно, участнику мероприятия

обеспечивался. Кое-что и впрямь выстраивается, хотя вряд ли будет легко продрасться сквозь бюрократические заслоны и отыскать следы событий пятнадцати-шестнадцатилетней давности.

Но все-таки дело начинало обретать очертания. Тогда, полтора с лишком десятилетия назад, египетский полицейский догадался, что убийцей мог быть иностранец, попавший в Египет с помощью какой-то ассоциации или приехавший на совещание. Потому-то Абд эль-Ааль и отправил телеграмму в Интерпол: хотел узнать, не случилось ли аналогичных преступлений в других местах. А телеграмма послужила детонатором и привела к его собственной смерти. Потому есть все основания предполагать, что кто-то там, наверху, – полицейский, военный, высокопоставленный чиновник, имевший доступ к информации, – был замешан в этом деле.

– Последняя просьба, доктор. Мне известны имена еще двух убитых девушек, и я был бы самым счастливым человеком на свете, если бы вы узнали, в какие лечебные учреждения по месту жительства могли обратиться они, позвонили туда и узнали, не были ли и эти девушки жертвами коллективной истерии.

– Это займет полдня, а я очень занят и...

– Разве вам не хотелось бы иметь возможность хоть когда-нибудь объяснить родителям убитых девочек, что тогда произошло?

Врач, помолчав, кивнул. Шарко оставил ему номер своего мобильного.

– И скажите: могли бы вы дать мне на время эту книгу о коллективной истерии? Я без задержки пришлю ее вам из Франции.

Нубиец снова кивнул. Шарко тепло поблагодарил его, откланялся и оставил доктора там, где нашел: в самом сердце нищеты, на которую наплевать всему миру.

Полицейская коллегия Льежа – административный орган местной полиции – выделила для сопровождения Люси к Шпильману слесаря, сержанта и двух кандидатов в инспекторы. Теоретически француженка не имела права ни к чему прикасаться, она должна была присутствовать при обыске только для того, чтобы помочь бельгийским коллегам сориентироваться в помещении, где уже побывала, и при необходимости выступить в роли свидетеля.

Маленький отряд остановился у закрытой двери льежского дома. Люси чувствовала себя не совсем в своей тарелке: со вчерашнего дня Люк Шпильман так ни разу и не подошел к телефону, когда его пытались предупредить о грядущем обыске, и не ответил на приглашение прийти в полицию, чтобы помочь в составлении фоторобота человека в армейских ботинках. Сейчас нетерпеливые звонки полицейских в дверь тоже ничего не дали, но, когда слесарь, вооружившись своими инструментами, приготовился к взлому, Люси перегородила ему дорогу:

– Думаю, в этом нет необходимости. – И показала на покореженный замок. – Не стоит нам дотрагиваться до ручки. Есть у вас перчатки?

Главный в группе, Деброек, вынул из кармана несколько пар, роздал коллегам, протянул Люси. Никто не сказал ни единого слова. Бельгийцы вытащили свои девятимиллиметровые «глоки» и вслед за Люси, державшей наготове «зиг-зауэр», вошли в дом. Слесарь остался на улице.

Внутри жужжали мухи.

Пока никто еще ничего не увидел, но потянуло холодком преступления. Люси наморщила нос.

Тело Люка Шпильмана лежало позади кушетки, а тело его подружки – на ступеньках лестницы, ведущей в кухню. За ним тянулся кровавый след.

Оба были убиты в спину. Многочисленные ножевые ранения.

Многочисленные? Десять, двадцать, тридцать – сразу и не сосчитаешь, – что у него, что у нее, от лодыжек до шеи, пижама и ночная рубашка продырявлены.

Люси провела по лицу отяжелевшей рукой. Всего три дня, как она вышла на эту зловещую тропу, но это начало уже сказываться на нервной системе. Мрачное зрелище воспринималось картиной, застывшей во времени: казалось, мертвые тела сейчас внезапно оживут и продолжат спасаться бегством, потому как, судя по всему, Люк и его подружка это и

собирались сделать, когда к ним заявили незваные гости. Представить себе сцену совсем не сложно. Скорее всего, все случилось ночью. Безуспешно поковырявшись в замке входной двери, убийцы взломали заднюю дверь и вошли в дом. Было два или три часа, они были уверены, что Люк Шпильман один и спит. Но они оказались лицом к лицу с хозяином дома, который, сидя в гостиной за низким столиком рядом с девушкой, скручивал сигарету с наркотиком. Люк одного сразу узнал – человека в армейских ботинках: тот приходил к нему за фильмом. Будущие жертвы запаниковали, кинулись бежать, но их нагнали и ударили ножом в спину – раз, два...

Дальше проявилось это необъяснимое остервенение.

Люси и бельгийцы молча застыли на месте. Самый молодой из полицейских, кандидат в инспекторы, которому, наверное, и двадцати пяти еще не исполнилось, побледнел и попросился выйти: он работал в местной, а не в федеральной полиции, не привык к делам такого рода. День предполагался спокойным, они явились просто-напросто произвести обыск, и вдруг – два человека, погибшие от ударов ножом, два трупа, уже осаждаемые мухами.

Деброк быстро среагировал: он принял все меры, чтобы не уничтожить следов, – офицеры бельгийской полиции надежны и прекрасно знают свою работу. Что до Люси, то она, обводя взглядом место преступления, постаралась абстрагироваться от трупов. Мебель перевернута, все ящики выдвинуты, дверца встроенного в стену сейфа распахнута настежь. Картина, которая в обычное время скрывала этот сейф, валяется на полу, рама сломана.

– Во-первых, они помешали Люку Шпильману принять участие в составлении фоторобота, во-вторых, забрали все, что могло бы их скомпрометировать.

– А что могло бы их скомпрометировать?

– Следы открытий, которые были наверняка сделаны Шпильманом-старшим, когда он расследовал историю безымянной короткометражки. Документы, которыми он, возможно, обменивался с канадским анонимом. Они тут все вычистили. Сволочи!

Люси развернулась и вышла – ей необходимо было глотнуть свежего воздуха.

Это были они... Убийцы Клода Пуанье продолжают хозяйничать как ни в чем не бывало. Но на этот раз – никаких ритуалов, им ничего не хотелось показать.

Действия безумцев, уподобившихся диким зверям.

Опершись на машину Кашмарека, Люси объясняла ему, что происходит. Они встретились перед домом Шпильмана вскоре после приезда группы криминалистов и двух судмедэкспертов. В течение нескольких часов в дом входили и из него выходили люди в форменной одежде.

Люси повернула голову к открытой двери:

– Время смерти – разумеется, без особой точности – уже удалось определить. Убийство было совершено в ту же ночь, что и убийство Клода Пуанье. Преступники понимали, что смерть старика-реставратора и пропажа бобины с фильмом неизбежно приведут нас сюда, ну и избавились от единственного человека, способного их опознать. Что же до подружки Люка... девочке не повезло, она подвернулась случайно. Они не стали вдаваться в подробности. – Энебель вздохнула. – Жесткий диск компьютера исчез, равно как и вся библиотека Шпильмана. А там были работы по истории, книги, посвященные шпионажу, геноциду. Может быть, Шпильман записал на полях что-то такое, что могло бы навести нас на след преступников? Черт, если бы я подумала об этом, когда пришла сюда в первый раз!

– Меня-то больше всего озадачивает как раз состав украденного имущества, ведь отец Люка Шпильмана был простым коллекционером.

– Нет-нет, отнюдь не простым! Он пытался вести расследование вокруг этого фильма, он скрупулезно разобрал его по кадрам, мало того – вступил в контакт с человеком из Канады, который вроде был неплохо информирован... Тем или иным способом убийцы обо всем этом узнали.

Кашмарек вынул из бардачка две бутылочки воды и протянул одну Люси.

– Ты в порядке?

– Все отлично.

– Ты имеешь право сказать «нет».

– Действительно все в порядке.

– А девочка твоя... ей лучше?

– Ну-у-у... Жюльетте получше, да. Она хорошо позавтракала и с аппетитом слопала весь обед. В результате ей отменили капельницы, и теперь мы ждем разрешения ходить в туалет. Жизнь идет...

Кашмарек обворожительно улыбнулся, а ведь улыбка на его лице

появлялась в последние дни так редко!

– Все мы сталкиваемся с такими вещами. Дети рождаются для того, чтобы напоминать нам, что́ в жизни главное, и часто оказывается: главное – совсем не то, что мы предполагали. Даже если это иногда очень трудно, они наводят порядок в нашем существовании.

– А у вас сколько детей?

– Более чем достаточно. – Он посмотрел на часы. – Ладно, пойду-ка я повидаюсь с местным начальством: надо договориться, чтобы они обеспечили нам доступ к информации в реальном времени, когда мы вернемся в Лилль. А ты можешь уже сейчас ехать домой. Проведешь несколько часов со своей девчушкой, пока тут хоть что-то прояснится. Ты паршиво выглядишь, а в ближайшие дни нам, скорее всего, придется несладко.

– Спасибо, договорились.

Она помолчала, не трогаясь с места.

– Знаете, майор, в этом новом преступлении есть кое-что особенное...

– Что же именно?

– Судмедэксперты насчитали тридцать семь ножевых ранений на теле девушки и сорок одно – на теле парня... везде, вплоть до половых органов. Раны глубокие – по нескольку сантиметров. Иногда оружие входило в плоть по самую рукоятку, это видно по следам металла вокруг раны. В связи с этим, в связи со схожестью нанесения ударов, бельгийцы полагают, что действовал один и тот же преступник.

Шеф в ответ промолчал, да и что тут скажешь? Люси пристально смотрела на майора.

– В том, что здесь произошло, ощущается чистейшее безумие, майор. Поступки, способ действия характерны для людей с нарушенной психикой. Есть явно что-то ненормальное и в логике их ходов. Та же иррациональность, что у девочек из фильма, сделанного больше пятидесяти лет назад.

Эжени была счастлива, что они уезжают отсюда, она прыгала от радости у дверей гостиницы и визжала. Что до Шарко, то он нес чемодан к такси, ожидавшему у входа в здание. Да, просто такси, на этот раз – никакого посольского «мерседеса», и никто не будет провожать его. Как и было условлено, ровно в два часа дня он привез Лебрену в участок снимки. Комиссар при посольстве явился один, и короткая встреча с ним прошла не сказать чтобы прекрасно, особенно с той минуты, когда Лебрен заметил синяк около носа Шарко. Тот сказал, что поскользнулся в ванной. Без комментариев...

Теперь, стоя один на тротуаре, полицейский оглядывался в тщетной надежде увидеть Нахед, ему хотелось попрощаться с ней, пожелать всего хорошего. Переводчица не ответила ни на один из его звонков. Возможно, по указанию из посольства. С комком в горле он сел в машину и сказал водителю всего два слова: «В аэропорт».

Эжени, устроившаяся в начале пути рядом с ним, пока ехали, исчезла, и он смог наконец без криков в голове насладиться пейзажем. Первый и единственный момент, когда можно было расслабиться, с тех пор как он прилетел в Египет.

Утром ему позвонил Таха Абу Зеид, доктор-нубиец из центра «Салам», и подтвердил его предположения: двух других девочек тоже не обошел феномен коллективной истерии, причем обеих – в самой агрессивной форме. И, судя по воспоминаниям разных врачей – медицинских карточек шестнадцатилетней давности в архивах не нашлось, – симптомы такой крайней агрессивности сохранялись у девушек до самой смерти.

Вот это и было общим.

Коллективная истерия.

То самое, что, возможно, связывало между собой и пятерых убитых из Граваншона.

Такси выбралось из центра города, теперь они ехали по автостраде Салах-Салем, и дыхание Каира постепенно уступало место ароматам выхлопных газов.

Прижавшись лбом к стеклу, неспособный избавиться от черных мыслей, Шарко смотрел на поезд вдаль. К одному из вагонов снаружи прицепились четверо, они стояли то ли на подножке, то ли на какой-то трубе, прижавшись друг к другу, чтобы не упасть, и не думая в этот момент

о том, кто из них во что верит, кто к какой конфессии принадлежит. Так – на ветру, под солнцем – они двигались по направлению к раскаленному пыльному Каиру, рискуя жизнью, только бы сэкономить на билете три фунта. Тем не менее они улыбались, они казались счастливыми, ведь нужда напоминала им лучше чего бы то ни было другого, какая это ценность – просто жизнь.

Потом, уже в аэропорту, Шарко видел тех, чей багаж уместился в одном мешке и кто, прорываясь к окошку с надписью «lowcost»<sup>[19]</sup>, где обслуживались рейсы на Ливию, надеялся, наоборот, сбежать из Египта, чтобы избавиться от нужды. Они отправятся в страну, где жизнью каждого человека управляет нефть, а однажды их отошлют обратно на родину, или, возможно, какая-нибудь шлюпка-развалюха доставит их в конце концов на берега Италии.

Шарко так и не увидел величественных пирамид, зато увидел красоту народа, которому осталась доступна единственная роскошь – человеческое достоинство. Когда самолет оторвался от земли, он вспомнил анекдот, рассказанный коптом, шофером такси, высадившим его позавчера вечером близ церкви Святой Варвары, где у него была назначена встреча с Нахед:

*Трех человек – немца, француза и египтянина – спросили, какой национальности были Адам и Ева. Немец ответил: «Адам и Ева отличались крепким здоровьем и соблюдали режим, конечно же, они были немцами». Француз ответил: «Адам и Ева были прекрасно сложены и весьма эротичны, конечно же, они были французами». А последним отвечал египтянин. Он сказал: «Адам и Ева были голыми, им нечем было заплатить даже за пару сандалий, но при этом они были убеждены, что живут в раю, так что, конечно же, они могли быть только египтянами, никем иным».*

Спустя четверть часа после взлета Шарко достал книгу о коллективной истерии и начал по диагонали ее просматривать. В полном соответствии с кратким пересказом доктора Таха Абу Зеида тут говорилось о том, что феномен этот известен в течение многих веков, у многих народов, верящих в разных богов. Содержание книги составляли фотографии, свидетельства, интервью специалистов. Во Франции, к примеру, охота на ведьм вызвала у населения ужас перед дьяволом и привела к массовым бесчинствам. Одержимые жаждой мести ревущие толпы, матери с детьми, аплодирующие, ликующие при виде костра, где



живьем горела «ведьма»...

Случаи, о которых рассказывалось в сборнике, потрясали. Индия, 2001 год. Сотни жителей разных кварталов Нью-Дели, южной административной части столицы Индии, клялись, что стали жертвами нападения вымышленного существа, получеловека-полуобезьяны, «с железными когтями и красными глазами». Некоторые «жертвы» даже выскакивали из окон, чтобы убежать от этого порожденного не чем иным, как народной фантазией, существа. Бельгия, 1990 год. Бельгийское общество по изучению космических феноменов оказалось завалено тысячами свидетельств людей, наблюдавших в небе неопознанные летающие объекты. Самыми возможными причинами такого всплеска посчитали социально-психологические. Внезапное возбуждение масс, начавших охоту на НЛО, подогревали журналисты, а ведь когда очень хочешь что-то увидеть – непременно увидишь... Дакар. Девяносто учеников лицея впали в транс и были отправлены в больницу, в стране поговаривали тогда о некоем проклятии, о необходимости ритуала очищения, жертвы, чтобы феномен не распространялся дальше.

Шарко перелистывал страницы, этому не было конца. Групповые самоубийства сектантов, паника в толпе то там, то здесь, едва ли не синдром «дома с привидениями» – вроде как в Амитивилле<sup>[20]</sup>, коллективные обмороки во время концертов... Одна из глав была посвящена геноциду, который, по мнению ряда психиатров, может служить примером «преступной коллективной истерии»: организаторы планировали геноцид вполне холоднокровно и пунктуально, исполнители же, как правило разрушавшие все подряд и убивавшие кого ни попадя, впадали в безумие, теряя человеческий облик.

В итоге никакого настоящего объяснения феномену, представленному в книге под разными именами: психогенный массовый синдром или феномен; коллективная истерия; эпидемия истерических припадков; коллективный синдром психогенного происхождения и так далее, – не нашлось. Не фигурировал этот феномен и в библии психиатров, «Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств», более известном миру как DSM-IV<sup>[21]</sup>. Специалисты – медики и ученые – рассуждали главным образом о причинах психологического свойства, но оказывались не способны объяснить ни почему он все-таки возникает так внезапно – будто землетрясение с тем или иным эпицентром, ни почему в некоторых случаях сопровождается чисто физическим недомоганием: тошнотой, рвотой, мышечными или суставными болями...

Незадолго до приземления Шарко закрыл книгу и посмотрел в иллюминатор, в никуда. Кровожадное существо, садист, вероятно, что-то ищет, используя эти истерические феномены, калеча, убивая, похищая глаза и мозг. Зачем? Что им движет? Какая цель может оправдать такие варварские действия? Какой в них смысл? И есть ли он, этот смысл?

Наконец внизу, в тысяче метров под самолетом, показались огни Парижа. Миллионы людей за компьютерами, у телевизоров, со своими мобильными телефонами... В некотором роде тоже ведь разновидность наиболее современной и опасной коллективной истерии: огромная масса людей попала в зависимость от виртуального мира. Да, сегодняшнее безумие, которого никому не избежать.

Даже самому Шарко.

До своего дома в Л'Аи-ле-Роз Шарко добрался только в сумерки. Сравнивая Париж и его предместья, где царили четкие линии, а лица горожан, погруженных в книгу или глядящих в окно, были совершенно безмятежны, с египетской столицей, он почувствовал, что и сам почти успокоился. Вошел в квартиру, бросил чемодан, включил железную дорогу и отдался мерному ходу шатунов, тихому постукиванию колес, свисту паровозика... Ставшие наконец-то доступными привычные звуки и запахи помогали ему окончательно прийти в себя.

Но все-таки в нем еще жило колдовство Каира.

И он еще не забыл, как прикасаются к коже «челюсти» крокодилов.

Шарко со вздохом вернулся из детской в гостиную, поставил на стол банку с соусом-коктейлем, коробку засахаренных каштанов и подарки, купленные в аэропорту перед отлетом: бутылку виски и блок «Мальборо» – заказ Мартена Леклерка, курильницу для благовоний, которую привез жене Мартена Кате.

Потом, несмотря на поздний час, усталость и боль в суставах из-за всех доставшихся ему за сутки перемещений, он отправился в розарий Валь-де-Марн, – впрочем, это было совсем недалеко, только дорогу перейти. Традиция, привычка, необходимость. Сторож Марк – он смотрел в своей кабинке очередную серию очередного бесконечного теледетектива – открыл ему калитку и дружески улыбнулся: так мы улыбаемся тем, кого привыкли видеть, даже не зная толком, кто они такие.

В дальнем конце парка его ожидала скамейка – обрубок ствола, распиленный пополам по горизонтали. Под тем самым дубом, где они с Сюзанной когда-то... господи, как давно... вырезали свои инициалы: Ф и С. Встав перед дубом, он провел по груди рукой, глаза его были пустыми. Ему еще виделось пламя зажигалки, колыхавшееся перед искривленными губами араба, ему еще помнился этот особенный запах паленой кожи... Он сжал зубы, достал перочинный нож и процарапал на коре рядом с семью вертикальными черточками еще одну.

Восемь ублюдков, которые больше никому не причинят зла.

Шарко сложил ножик, сел на свою скамью и свесил руки между раздвинутых коленей. «Посмотреть со стороны, – подумал он, – сразу видно, насколько я состарился». Преждевременно состарился, и, нет, не физически – морально. Теплый воздух ласкал ему затылок – будто мягкая

ручка ребенка. Внизу засыпающая столица, свернувшись клубком, как огромная кошка, все больше погружалась во тьму, а вместе с тьмой ее накрывало тошнотворное облако преступлений и насилия.

Он печально смотрел на траву. Здесь, именно на этом клочке земли, точно в этом месте, он впервые увидел Эжени, которая сидела по-турецки на траве и листала любимую книжку его дочери, «Приключения Фантометты». Эжени тогда подняла голову и улыбнулась ему. Отравленная улыбка – самый первый симптом параноидальной шизофрении. Начало крестного пути – как будто смерти Сюзанны и Элоизы недостаточно.

Даже в самые тяжелые периоды своей болезни Шарко не оставался без помощи и поддержки Кати и Мартена Леклерк. Только наплевавшему на все человеческие и административные трудности Мартену и удалось удержать его на плаву. В 2006 году Леклерк стал руководителем совершенно новой службы, получившей название Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности, и предложил ему там пост аналитика. Профессия эта была для полиции тоже относительно новой, и работа Шарко заключалась в том, чтобы – теоретически, – не выходя из кабинета, расследовать всяки, уголовные дела об убийствах и других формах насилия над личностью, закрытые за недостаточностью доказательств, но снятые с полки, когда появилась свежая улика. Проверка всей содержащейся в деле информации, сопоставление фактов, психологический подход к следствию, использование для вычисления убийцы, особенно серийного, любых средств информации – не только национальных, но и международных, в том числе и Интерпола, знание всех последних достижений не только в научной сфере, но и в области информационных и коммуникационных технологий... Для обладателя диплома психокриминолога с двадцатилетним опытом работы на земле Франка Шарко, шизофреника с манией преследования, началась новая жизнь, вдали от улицы.

Зазвонил в кармане мобильник, и комиссар тяжело вздохнул. Прочел на дисплее телефона: «Люси Энебель». А ведь время к полуночи, этой женщине пора бы уснуть, как и всем прочим, так нет же – она тут, она набрала его номер. Он подключился со слабой улыбкой.

– Поздновато для звонков, а, лейтенант Энебель?

– Но никогда не поздно ответить на звонок... Я знала, что ваш самолет приземлился в Орли в двадцать один тридцать, и подумала, что вряд ли вы уже спите.

– Потрясающая интуиция! А чем нас кормили на борту, вам тоже известно?

Люси вышла подышать свежим воздухом и сейчас стояла у входа в педиатрическое отделение больницы.

– Я вчера оставила сообщение на вашем автоответчике, а вы мне не перезвонили.

– Сожалею, но это было невозможно: мне как раз в это время подали жареную рыбку голову.

Долгая пауза. Наконец Люси снова заговорила:

– У меня есть для вас новости. Мы...

– Да, я в курсе, сразу, как прилетел, позвонил шефу. Вы имеете в виду убийство Шпильмана-младшего и его подружки, кражу бобины и скрытый фильм, который вы обнаружили, так сказать, за оригиналом. Но я сейчас занят другим.

– Чем же?

– Сажу на скамейке. Я только что преодолел несколько тысяч километров, москиты искусили меня до дыр, и я бы попытался, если не возражаете, хотя бы несколько минут не думать о деле.

Шарко зажал мобильник между ухом и плечом, протер носки туфель бумажным носовым платком, глянул на подошву и обнаружил там застрявшие в неровностях песчинки. Выковырял их пальцами и стал рассматривать.

– Так зачем вы мне звоните-то?

– Я же сказала, что я...

– Вы – что? Вам необходимо беседовать о трупах даже ночью? Вы хотите знать, что я нашел в Египте, чтобы подпитать собственную одержимость? Это ваше горючее, без этого вам не двинуться дальше? Любопытно было бы заглянуть в ваши сны, Энебель!

Люси остановилась посреди дорожки, отведенной для машин «скорой помощи». В низком северном небе плясали синие и белые огоньки.

– Оставьте, пожалуйста, в покое мои сны, комиссар, и засуньте подальше свой убогий психоанализ! Я-то хотела предложить вам в связи с нашим делом ненадолго прокатиться в Марсель, но, похоже, вас это не колышет, и мне вас с места не стронуть. В конце концов, я всего лишь лейтенант, а вы – комиссар!

– Вы абсолютно правы: все это меня не колышет. Спокойной ночи, Энебель, – сухо сказал он и повесил трубку.

Люси несколько секунд злобно смотрела на мобильник. Этот тип – законченный идиот! Пусть катится ко всем чертям, она в жизни ему больше не позвонит! Поблудневшая от бешенства, она купила себе в автомате плитку шоколада и мигом ее проглотила.

– Спасибо за лишние калории, чертова акула, кретин!

Она направилась к лестнице. А когда зазвонил телефон и на экранчике обозначилось имя Шарко, улыбнулась до ушей. Дождалась, пока телефон прозвонил столько раз, чтобы пора было включаться автоответчику, и только тогда заговорила:

– Ну? Вам все-таки захотелось узнать?

– Что там в Марселе, лейтенант Энебель?

Люси помолчала, потом начала рассказывать:

– Час назад нам позвонил специалист по фильмам пятидесятих годов. Ему удалось опознать актрису, которая снималась в короткометражке. Эту актрису зовут Жюдит Саньоль, и она еще жива, комиссар.

Шарко тяжело, с гримасой боли, встал со скамейки. Вздыхнул:

– Хорошо, я согласен... Вернусь домой, скачаю оба фильма – оригинальный и скрытый, посмотрю наконец, что там такое происходит, надо же разобраться. В котором часу вы завтра будете в Париже?

– Мой поезд прибывает на Северный вокзал в десять пятьдесят две. Отъезд с Лионского в одиннадцать тридцать шесть, прибытие в Марсель в четырнадцать пятьдесят семь. Саньоль предупреждена, она будет ждать нас в гостинице. Я сказала ей, что мы журналисты и делаем репортаж о порнофильмах пятидесятих.

– Тема великолепная. Только вам придется сдвинуть время выезда. Я договорюсь о том, чтобы вы вместе с вашим шефом присутствовали на утреннем совещании в Нантерре. Потом мы вместе уедем оттуда в Марсель.

– Отлично. А теперь расскажите, что вы откопали в Египте.

– Три великолепные пирамиды – Хеопса, Хефрена и Микерина. До завтра, Энебель.

Прежде чем уйти из парка, он потрогал пальцем восемь вертикальных черточек на стволе дуба.

И – один в ночной тьме – сжал зубы.

В Нантерр Люси и ее шеф, майор Кашмарек, приехали вместе. Они успели на скоростной поезд на вокзале Лилль-Европа, потом у Северного вокзала в Париже поймали такси, которое и доставило их к входу в главное здание Центрального управления судебной полиции. День предстоял напряженный, и Люси выбрала себе почти мужскую одежду: облегающие джинсы, хлопчатобумажную майку с коротким рукавом и кроссовки с тупыми носками. Она любила одеваться по-мужски, чтобы не выделяться среди коллег. Не пробило еще и десяти утра, но солнце жарило так, что поплыл асфальт. Над столицей и пригородами медленно поднималось облако загрязненного воздуха.

Внутри здания было прохладнее. В комнате для совещаний Шарко и Мартен Леклерк горячо обсуждали факс, который глава управления по борьбе с преступлениями против личности только что получил из посольства Франции в Египте. Гнусное письмо с обвинениями в адрес комиссара.

– Лебрен отправил копию Жослену. Тебе еще припомнят эту историю.

Шарко пожал плечами:

– Я и без того у шефа не в чести, историей больше, историей меньше – какая разница.

– То-то и оно, что историей больше! Сам же и даешь ему повод. А в какое положение ты меня ставишь? Будто мало сейчас свалилось на мою голову...

Зазвонил мобильник Леклерка, он глянул на дисплей – выражение его лица мигом изменилось.

– Катя...

Мартен отошел в сторону. Шарко, стоя на месте, смотрел, как он ходит взад-вперед, и ему казалось, что начальник и друг сейчас не совсем в своей тарелке: какой-то он чересчур нервный, да и дело, похоже, не слишком его волнует. Размышления комиссара прервали, войдя в комнату, Люси и Кашмарек. Леклерк сразу же распрощался с женой, вид у него был недовольный. Парижские полицейские пожали руки коллегам из Лилля. Обмен любезностями. Люси украдкой улыбнулась комиссару, а Кашмарек с Леклерком отправились поговорить за чашкой кофе.

– Похоже, Египет не пошел вам на пользу, – сказала она тихо. – Нос у вас, однако... Что там произошло?

– Ничего особенного. Напал москит огромного размера. Просто гигант. Вам у нас нравится?

Люси осмотрелась, глаза ее заискрились.

– Ну! Самое что ни на есть сердце французской судебной полиции! Место, через которое проходят все громкие уголовные дела. Несколько лет назад мне оно было известно только по романам: я тогда печатала для начальства рапорты, ну и, если выдавалась свободная минутка, сразу хваталась за книжку.

– Нантерр – это еще что... Вот дом тридцать шесть... [\[22\]](#)

– О-о, дом тридцать шесть – это уже просто миф!

– А представьте мое состояние, когда в один прекрасный день я, прибыв с севера, вышел на работу в знаменитом доме тридцать шесть по набережной Орфевр! Представьте мою гордость, когда я впервые поднимался по старинным скрипучим ступенькам, прямо как комиссар Мегрэ! Вот сейчас я получу доступ к самым темным, самым запутанным, самым волнующим расследованиям! Да, я был счастливейшим человеком на свете. Вот только из-за этого я потерял все, что у меня было раньше: привычное место жительства, нормальную жизнь, человеческие отношения с соседями, друзьями... Правда в том, что дом тридцать шесть весь провонял убийством и потом.

Люси вздохнула:

– Вы только со мной так себя ведете или вообще склонны затыкать рот собеседнику?

Не прошло и нескольких минут, как все они уже сидели за круглым столом, перед каждым лежала стопка бумаги, каждый достал авторучку. Примчался и Перес, застрявший в пути из-за парижских пробок.

Леклерк сказал короткое вступительное слово: прежде всего надо было обозначить направления, по которым ведется расследование, затем отчитаться о проделанной работе, чтобы все располагали одинаковым объемом информации. С этой же целью глава Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности показал собравшимся оба фильма 1955 года: полную версию и «подложку» из скрытых кадров. И снова на лицах появилось выражение любопытства, смешанного с отвращением.

Следующим говорил руанский комиссар Перес. Он обрушил на участников совещания целый ворох дурных новостей. Во-первых, ничего не дали поиски ни в местных больницах, ни в наркологических центрах, ни в тюрьмах по всей Нормандии – вопрос о вырытых близ Граваншона телах остался открытым. Поскольку из списков пропавших без вести тоже ничего



не удалось выудить, наиболее правдоподобной выглядит версия о нелегальных иммигрантах или просто иностранцах, проживавших в стране незаконно. Гипотеза эта подтверждается наличием среди них азиата. На сегодняшний день руанские криминалисты уже начали сотрудничать с другими службами судебной полиции в надежде побольше разузнать о торговле живым товаром. Может быть, это и ложный след, признал Перес, но с учетом скудости улик, которыми располагают его люди, он не видит пока никакого другого пути для расследования. Кроме того, он надеется, что анализы ДНК, которые должны быть готовы сегодня или завтра, тоже дадут какую-то информацию.

Кашмарек оказался более разговорчивым. Он в подробностях рассказал о жестоком убийстве Клода Пуанье и дикарском способе, каким разделались с Люком Шпильманом и его подружкой. Первые же данные, полученные следственной группой, позволяют предположить, что речь идет об одних и тех же преступниках и что оба убийства произошли в один и тот же вечер. Человек лет тридцати, высокий, крепкий, обутый в рейнджеры, и второй, чьи приметы определить не удалось. Невидимка. Хладнокровные, педантичные садисты, один из которых, скорее всего, разбирается в кино, другой – в медицине. Палачи, готовые на все, чтобы не дать никому малейшей возможности что-либо узнать о бобине.

Затем лильский майор доложил коллегам о том, что бельгийская следственная группа сумела выяснить относительно прошлого Влада Шпильмана:

– Что касается Шпильмана-старшего, мне вчера вечером удалось собрать очень важные сведения. Прежде всего – связанные с происхождением фильма. Бельгийские следователи утверждают, что Влад Шпильман позаимствовал бобину в ФИАФ, Международной федерации киноархивов, расположенной в Брюсселе. Я сказал «позаимствовал», хотя точнее было бы сказать «украл»: старик Шпильман был настоящим клептоманом. В ФИАФ нашим сотрудникам сообщили интереснейший факт: два года назад какой-то человек явился туда и сказал, что ему хотелось бы посмотреть пресловутый фильм. Вот тогда-то хранитель архива и обнаружил, что бобины, которой положено было находиться там-то и там-то, нет на месте. Очевидно, хранителю этому было неизвестно, что бобина у Шпильмана.

– Два года назад? То есть убийцы уже тогда охотились за бобиной?

– Надо думать. И Шпильман, вольно или невольно, перебежал им дорогу.

– Так... А откуда в ФИАФ вообще взялся этот фильм? Где он был,

прежде чем оказался на стеллаже киноархива?

– Входил в число короткометражек, возвращенных на родину, когда Государственная служба кинематографии Канады решила избавиться от части своих единиц хранения. Много лет назад, в конце тысяча девятьсот пятьдесят шестого, эта бобина была зарегистрирована у них как анонимный дар.

Шарко отодвинулся вместе со стулом.

– Анонимный дар... – повторил он. – Только сделали фильм – и сразу же сдают его в архив. А откуда же наш неутомимый охотник за бобиной узнал, что она переехала в ФИАФ?

Кашмарек, поплевав на палец, перелистал свои записи.

– Могу сказать. В большинстве своем фильмы, хранящиеся в ФИАФ, имеют название, известны их авторы, год выпуска, равно как – благодаря надписи на бобине – страна-производитель, студия, код и марка пленки. Все эти сведения централизованы, и доступ к ним обеспечен на сайте ФИАФ. Там хорошая, удобная поисковая система, позволяющая проследить, откуда к ним поступают фильмы или куда уходят. Кроме того, зная год выпуска, студию и страну-производителя, человек, отсеивая информацию, может значительно сузить круг поисков. Можно даже получать уведомления о перемещениях того или иного фильма. Очевидно, именно это и произошло.

– А можно ли отыскать пользователей, которые заходят на сайт ФИАФ?

– К сожалению, нет. Данные о поисках не архивируются.

Шарко искоса поглядывал на сидевшую слева от него Люси Энебель. Свет как-то странно падал на ее лицо – словно бы угасая от контакта с кожей. Аналитик видел, насколько сосредоточенна молодая женщина, до чего внимательно смотрит и слушает, видел опасные огоньки в глубине отливающих синевой глаз... Ох, как же хорошо ему знаком этот взгляд!

Леклерк принял к сведению сообщение Кашмарека и продолжил:

– А что еще известно о Владе Шпильмане, помимо того что он коллекционер и клептоман?

– Бельгийская группа накопила кое-что интересное. По свидетельствам друзей, Влад Шпильман как раз два года назад вроде бы начал собственное расследование. Он постарался раздобыть – украсть или получить более законным способом – все художественные и документальные фильмы, имеющие отношение к разведывательным службам Америки, Англии и даже Франции... ЦРУ, МИ-5 и все такое, хроника холодной войны, гонка вооружений, о прочем я уже и не говорю...

– Два года назад... – повторил Шарко. – А ведь и канадский аноним сообщил в телефонном разговоре, что расследует это дело в течение двух лет. Выходит, все началось едва ли не в тот самый день, когда пленка оказалась в руках Шпильмана.

– И тогда же Шпильман отправился в центр нейромаркетинга, чтобы там проанализировали этот фильм, – дополнила Люси.

Кашмарек, соглашаясь, кивнул. Шарко некоторое время просидел молча, уставившись на пустой стул напротив, потом обернулся к лильскому майору, который продолжал:

– Но и это еще не все. Шпильман проводил немало времени в Льежской городской библиотеке. Однажды он забыл в сканере документ, но библиотекаря так и не собралась вернуть его владельцу. По ее словам, этого читателя как магнитом тянуло к разделу «История XX века».

Майор достал из кожаного портфеля листок бумаги и пустил его по кругу. На бумаге оказался отпечаток черно-белой фотографии, действительно похожий на скан из книги. На снимке – поле, в поле – немецкие солдаты целятся в женщин, прижимающих к себе детей. Подпись гласит: «Немецкие солдаты держат под прицелом еврейских женщин и их детей во время расстрельного холокоста в Ивангороде, Украина, 1942 год». Люси вгляделась в солдата на первом плане. Винтовка направлена на беззащитных людей, ледяной взгляд, губы злобно кривятся – все это мерзко, отвратительно! Как можно убивать перед фотографом? Как можно не обращать внимания на человека, который обессмертит, запечатлев на пленке, твое лицо в момент, когда ты несешь смерть?

Люси передала фотографию Пересу, а Кашмарек между тем достал из портфеля книгу и положил ее на стол.

– Снимок был взят именно из этой книги, посвященной расстрельному холокосту<sup>[23]</sup>, – я нашел здесь фотографию на странице сорок семь. На следующих страницах – фотографии женщин и детей, убитых выстрелом в голову. Никто не уцелел.

Шарко перелистал книгу и внимательно изучил снимки.

– Геноцид евреев, – сказал он.

И подумал о книге, которую читал в самолете, – «Криминальная коллективная истерия». О случайном совпадении тут и речи быть не может. Шпильман узнал что-то, что имело отношение к убийству трех египетских девушек.

Кашмарек нервно вертел в руках сигарету: как было бы здорово сейчас покурить... прямо здесь... Но он продолжил:

– Нельзя не отметить еще одну странность: в те же последние два года

Влад Шпильман стал куда чаще бывать в библиотеке. Интересно, что он никогда не брал книг на дом, а стало быть, невозможно установить, что именно он читал. И ни на одном сайте Интернета он тоже не засветился. Призрак, да и только.

Люси вмешалась:

– Я видела книги из его личной библиотеки – те, что потом забрали с собой убийцы. Все они были посвящены главным конфликтам эпохи: войнам, геноциду... И еще... и еще шпионажу, я...

Она попыталась вспомнить. Это оказалось непросто: тогда она только окинула беглым взглядом битком набитые полки, не задерживаясь на названиях.

– ...я припоминаю слова вроде... нет, точно не знаю... похоже на артишок...

– Да, только по-английски пишется иначе: «Artichoke», – пояснил Леклерк. – Одна из исследовательских программ ЦРУ по технике ведения допросов. В пятидесятых проводилось немало экспериментов, в основном весьма неприглядных: широко применялись гипноз и разные наркотики, в том числе ЛСД, чтобы вызвать потерю памяти, раздвоение личности и тому подобные состояния.

– В пятидесятых, – эхом откликнулась Люси. – А фильм датируется пятьдесят пятым. Совпадение? Не могу забыть некоторые кадры, в частности те, на которых глаза девочки с расширенными зрачками, как бывает при введении в организм наркотиков. И кадры с быком, когда он остановился прямо перед ребенком, тоже из головы не выходят. Вы сказали «гипноз, ЛСД», может ли здесь быть такое? И потом... – Она поискала в папке с резинками, вынула оттуда фотографию и передала ее Леклерку. – Вот кадр из фильма. Это перед нападением на кроликов. Сравните взгляд девочки с взглядом немецкого солдата, посмотрите, какое выражение лица у нее и у него перед тем, как они начнут убивать.

Леклерк положил два снимка рядом:

– Абсолютно то же холодное выражение.

– Да, тот же взгляд, та же ненависть, то же стремление к убийству... В одном случае одержимому этим стремлением лет тридцать, в другом – хорошо, если семь, ну восемь... Так откуда у такой маленькой девочки подобное выражение лица, подобный взгляд?

Молчание. Глава управления по борьбе с преступлениями против личности пустил теперь по кругу оба снимка, лицо его было серьезным. Пока другие изучали фотографии, он, воспользовавшись паузой, встал, налил себе воды из кулера в углу комнаты, проверил мобильник, потом

вернулся, стараясь держать себя в руках, но Шарко видел, что другу не по себе. Какие-то у них с Катей проблемы...

– Еще что-нибудь, майор Кашмарек?

– Анализ звонков Шпильмана за последние месяцы ничего не дал. Видимо, он в основном использовал для связи с канадцем Интернет. Но пока мои ребята топчутся на месте: бельгиец подчищал за собой все хвосты, и теперь не определить, куда он заходил в Сети и с кем связывался. А в его электронной почте не обнаружилось ничего относящегося к нашему делу.

Леклерк кивком поблагодарил майора и обратился к своему комиссару:

– Теперь твоя очередь. Давай рассказывай, что было в Египте.

Шарко прочистил горло и стал рассказывать о своих каирских приключениях. Естественно, он предпочел умолчать об Атефе Абд эль-Аале и о том, что произошло в пустыне, а насчет больничного следа сказал, будто сведения получены от родственника одной из жертв. Надо же – он проявляет недюжинные способности к вранью!

Пока аналитик говорил, Люси внимательно на него смотрела. Ну и рожа у этого типа! А фигура... Нет, таких больше не делают! Все руки в мелких шрамах, на щеках и подбородке – следы заживших порезов от бритья, крепкая голова, не раз перебитый нос... Не будь он полицейским, его можно было бы принять за боксера в полутяжелом весе... Не эталон красоты, но ей казалось, что он обаятелен и что от его могучего тела исходит внутренняя сила.

– Эти девушки страдали коллективной истерией, – заключил между тем комиссар. – И если вы внимательно посмотрите фильм, то убедитесь, что эпизод с кроликами – не что иное, как проявление той же самой коллективной истерии.

– Точно, – признал Леклерк. – Ну и что ты об этом думаешь?

Все взгляды обратились на Шарко.

– Попробуем подвести итоги... Время: тысяча девятьсот пятьдесят четвертый или тысяча девятьсот пятьдесят пятый год, место – вероятно, где-то поблизости от Монреаля. Комната напоминает больничную палату. С одной стороны девочки, с другой – кролики. Камера, чтобы снять на пленку этот феномен. И феномен не заставляет себя ждать. Девочки в безумном порыве, все как одна, набрасываются на кроликов и принимают их истреблять. Далее. Тысяча девятьсот девяносто третий год. Каир. Весь Египет, с севера до юга, накрывает волна необъяснимой агрессии. Информация об этом распространяется среди научных сообществ по всему миру. Год спустя происходит убийство трех девушек, проявлявших

наибольшую агрессивность. Три убийства, у всех трех жертв изъят мозг.

– И не забудьте про глаза, – напомнила Люси.

– Да, и глаза... Наконец, год две тысячи девятый, шестнадцать лет спустя. Мы обнаруживаем пять трупов, смерть жертв наступила полгода или год назад. Все они застрелены или ранены пулями: в корпус, в голову, спереди, сзади... Что бы вы предположили? Как, по-вашему, разыгрывалась сцена убийства?

– Эти люди, будущие жертвы, разбегались кто куда? – подумала вслух Люси. – В страхе? Ими тоже овладело что-то вроде безумия?

– Или наоборот – если провести аналогию с девочками из фильма, – напасть сначала попытались именно эти обезумевшие люди. Внезапная атака без всякого предупреждения. И у тех, на кого напали, не осталось выбора: только убить нападавших и спрятать тела. – Он поднялся и наклонился над столом, опершись на ладони. – Представьте себе группу из пяти мужчин. Двадцатилетние, крепкие, в отличной физической форме. Большей частью – завязавшие наркоманы, подчеркиваю – завязавшие, в интересующее нас время они уже не употребляли наркотиков, к этому их вынудили обстоятельства: тюрьма, заключение, штрафная рота... Среда, к которой они принадлежали, была непростой, об этом говорит множество старых переломов – такие следы обычно остаются от драк. Кроме того, татуировки, выдающие потребность в самоидентификации, необходимость показать силу или принадлежность к клану. Присутствие в группе азиата говорит о ее разношерстности, можно предположить, что раньше, до того дня, эти пятеро были между собой незнакомы. Но вот они собрались вместе. И за ними наблюдают как минимум еще двое – с ружьями или пистолетами.

– Почему двое? – поинтересовался Перес.

– Об этом свидетельствуют следы от пуль и разнообразие входных отверстий. Спереди, сзади... В какой-то момент что-то пошло не так, у этих юношей сорвало крышу, они стали агрессивными и неуправляемыми. Как девочки с кроликами, как девушки в Египте, они пали жертвами коллективной истерии.

Леклерк вздохнул:

– Они были ослеплены агрессией. Они рассвирепели, как... как бык, увидевший красную тряпку.

– Да, именно так: бык, увидевший красную тряпку. Но, как мы видели в фильме, рассвирепевшим быком все-таки можно управлять, а их укротить не удалось. Даже просто остановить их и то не удалось. Волей-неволей пришлось нанести ответный удар. У тех, кто за ними наблюдал, не было

выбора. Они стреляли, одних убили, других ранили. Потом тем или иным способом наших убийц, специалиста в области медицины и специалиста в области кинематографа, известили о том, что коллективная истерия проявилась снова. Известили очень быстро, практически мгновенно. И тогда они вновь появились на сцене и повторили то, что уже делали раньше: изъяли у каждой жертвы глазные яблоки и мозг. И захоронили их на глубине двух метров...

– Стало быть, по-твоему, трех девушек в Египте и пятерых мужчин здесь убили одни и те же люди?

– Думаю, да. Пусть даже действовали они по-разному: в Египте жертвы во время изуверских манипуляций были еще живы, там девушек сначала пытали, а покалечили после смерти, тогда как здесь органы изымали уже у покойников.

Кашмарек тербил свою сигарету, пока она не сломалась.

– Так чего же убийцы добивались на самом деле?

– Пока не знаю, но предполагаю, что цель их связана с феноменом коллективной истерии. И в любом случае у меня впечатление, что мы имеем дело не с независимыми людьми, между преступлениями залегающими на дно. Эти люди дали денег Атефу Абд эль-Аалю, чтобы он разделался со своим братом, обнаруженные в Граваншоне тела свидетельствуют о высоком профессионализме убийц.

Шарко посмотрел на своего начальника:

– Слушай, было бы здорово, если бы ты хоть что-то разузнал о синдроме Е... Сам термин упомянул доктор из центра «Салам» тогда же, когда рассказывал мне о коллективной истерии. Но дело в том, что он запомнил только название, а о чем речь, ему неизвестно.

Леклерк быстро записал.

– Хорошо, очень хорошо... Подведу итоги нашей встречи. Главное сейчас – составить список людей, представлявших какие-либо гуманитарные организации в Каире в марте девяносто четвертого года. Этим я займусь сам. Вам, комиссар Перес, придется продолжить разработку версии о торговцах живым товаром, на всякий случай – как знать, что мы там обнаружим...

– Отлично.

– Вы, майор Кашмарек...

– Я продолжу сотрудничество с бельгийцами. Кроме того, у меня в работе убийство Клода Пуанье. Мои ребята сейчас там, на месте. Отпуска отменены.

– Замечательно. – Леклерк повернулся к Шарко. – Ну а ты?

Комиссар глянул на часы, потом кивнул на Люси:

– Мы едем в Марсель. Опустили актрису, снимавшуюся в анонимной короткометражке, ее зовут Жюдит Саньоль, и ей наверняка есть что нам рассказать. Энебель, скажешь нам о ней что-нибудь напоследок?

Люси просмотрела записи в блокноте:

– Жюдит семьдесят семь лет. Вообще она живет в Париже, но сейчас отдыхает в отеле «Софитель», в Старом порту. Жюдит – вдова и наследница бывшего адвоката, специалиста по хозяйственному праву. Поженились они в пятьдесят шестом году, то есть год или два спустя после съемок короткометражки. Она играла в нескольких порнофильмах пятидесятых годов, позировала обнаженной фотографам для календарей и тому подобного, не пренебрегала съемками в так называемых *home movies* – любительских фильмах на восьмимиллиметровой пленке. По словам опознавшего ее историка кино, эта женщина отнюдь не была невинным младенцем: в узком кругу она славилась знанием достаточно рискованных сексуальных игр.

– А есть у этого историка кино хоть какие-то предположения насчет владельца фильма?

– Никаких. Он не знает, откуда взялась эта бобина и кто постановщик. На сегодняшний день фильм остается таким же таинственным, каким был.

Шарко встал, взял со стола папку с резинками, сумку.

– В таком случае нам остается надеяться на то, что с памятью у Саньоль пока еще все в порядке.



Мистраль ближе к вечеру яростно дул, выл и осыпал загорелые лица прохожих водяной пылью со Средиземного моря. Шарко и Люси, он – в кое-как починенных солнцезащитных очках и с сумкой, она – с рюкзачком на спине, решили дойти по Канебьер до отеля пешком: в этот час и в это время года здесь скапливается столько туристов, что на машине к Старому порту не подъехать. Переполненные террасы кафе, плоскодонки и яхты на рейде – все выглядело празднично.

М-да, празднично для всех, кроме них. Всю дорогу до Марсея они ни секунды не говорили ни о чем, кроме дела: смертоносная бобина, паранойя Шпильмана, таинственный канадский аноним... Запутанное, каверзное дело, в котором невозможно связать один след с другим, одни выводы с другими. Теперь единственную надежду распутать этот клубок они возлагали на Жюдит Саньоль.

От «Софителя», четырехзвездочной гостиницы, в которой поселилась старая актриса, открывался прекрасный вид на Старый порт и на Бон-Мер, «Матушку-Заступницу» – великолепную базилику Нотр-Дам-де-ла-Гард. Перед зданием – пальмы, дорогие машины, носильщики... Дама за стойкой регистрации сообщила приезжим «журналистам», что мадам Саньоль вышла прогуляться и просила подождать ее в баре гостиницы. Люси озабоченно посмотрела на часы:

– Меньше двух часов до отъезда... Последний поезд из Парижа в Лилль отправляется в одиннадцать вечера. Если мы не успеем в Сен-Шарль на экспресс в восемнадцать двадцать восемь, я не смогу добраться домой.

Шарко двинулся в сторону бара.

– Этим людям нравится, когда их ждут. Иди сюда, хоть панорамой полюбуемся.

Администратор пришла за ними в кафе при бассейне около половины шестого. Мадам Саньоль ждет их у себя в номере. Люси уже кипела от злости. Прижав к уху мобильник, она отошла в уголок. Разговор с матерью получился легче и приятнее, чем она думала: Жюльетта хорошо и много ела, пищеварение у нее налаживается, стало уже почти нормальным, если и дальше останется так, ее выпишут послезавтра. Ну наконец-то! Конец туннеля!

– А до завтра-то ты точно справишься? – спросила Мари Энебель.

Мама в своем репертуаре. Люси глянула на оставшегося за столиком в

одинокестве Шарко:

– Посмотрим...

– Где собираешься ночевать?

– Устроюсь как-нибудь. Дашь мне Жюльетту?

Она обменялась с дочкой несколькими «их» словечками и с улыбкой на губах вернулась к спутнику в ту минуту, когда он доставал бумажник.

– Бросьте, – сказала она. – Я сама.

– Как хочешь... Я собирался выложить ровно столько, сколько надо по счету.

Люси, поморщившись – двадцать шесть евро пятьдесят сантимов, однако! – заплатила за пиво и бокал мятного лимонада, чего уж тут... И они пошли к лифту.

– Как твоя дочка?

– Скоро должны выписать.

Комиссар медленно покачал головой, ему даже почти удалось улыбнуться.

– Как хорошо.

– А у вас есть дети?

– До чего же симпатичный тут лифт...

Поднимаясь в «симпатичном лифте», они не сказали друг другу ни слова. Шарко не отрывал глаз от зажигающихся и гаснущих на панели огоньков, а когда дверь наконец открылась, вроде бы вздохнул с облегчением. По длинному, устланному ковром коридору они тоже шли молча.

Увидев в дверном проеме Жюдит Саньоль, Люси была ошеломлена. Надо же! Эта порнозвезда пятидесятых в свои почти восемьдесят сохранила тот же сумрачный, проникающий в самую душу взгляд, какой у нее был в фильме! Черная, сливающаяся со зрачками радужка, завитые волосы цвета стали падают на обнаженные загорелые плечи... Простое легкое платье из синего шелка, вишнево-красный лак на ногтях босых ног... Видны, конечно, следы неоднократного вмешательства пластических хирургов, но все равно трудно не признать, что когда-то эта женщина была настоящей красавицей.

Жюдит пригласила их на террасу, заказала по телефону бутылку «Вдовы Клико». Проходя по номеру, Люси заметила, что постель не застелена, а у комода валяются мужские трусы. Наверное, жиголо, которому старуха платит за услуги.

Усевшись, актриса скрестила ноги, как усталая старлетка. За опоздание не извинилась. Шарко не стал финтить, достал из кармана

служебное удостоверение и показал ей.

– Мы не журналисты, мы полицейские. Пришли поговорить об одном старом фильме, в котором вы снимались.

Люси тихонько вздохнула, Жюдит насмешливо улыбнулась:

– Так я и думала! Журналистов, которые мною бы интересовались, в природе не существует, да и не было никогда.

Она несколько секунд рассматривала свои ухоженные, наманикюренные ногти.

– Я перестала сниматься в тысяча девятьсот пятьдесят пятом. Это было слишком давно, и вряд ли стоит ворошить старые истории.

Шарко вынул из портфеля диск и положил его на стол.

– Тысяча девятьсот пятьдесят пятый – это именно то, что нам нужно. Нас интересует фильм, записанный на этом дивиди. Моя коллега взяла оригинальную бобину у сына коллекционера, Влада Шпильмана. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Абсолютно ничего.

– Я заметил в вашем номере дивиди-плеер и экран. Разрешите показать вам фильм?

Она смерила Шарко с головы до ног точно таким же высокомерным взглядом, каким смотрела на кинооператора в начале старой короткометражки:

– Пойдемте, вы же все равно не оставили мне выбора.

Жюдит сунула диск в плеер, не прошло и десяти секунд – начался фильм. На экране появилась двадцатилетняя актриса: костюм от Шанель, темная помада на губах, пристальный взгляд глубоких темных глаз прямо в объектив. Зрелище явно не показалось семидесятисемилетней женщине очень уж приятным: по лицу ее проскользнула тревога. После эпизода с разрезанным глазом она схватила пульт и нажала на «стоп», резким движением встала из кресла и отправилась на террасу – налить себе шампанского. Шарко и Люси, переглянувшись, пошли за ней.

Голос старой дамы прозвучал сухо:

– Чего вы от меня хотите?

Шарко оперся спиной на перила балюстрады – порт с яхтсменами, наводившими глянец на свои кораблики, был где-то внизу, адское солнце жгло затылок.

– Значит, это и есть ваш последний фильм?

Она, не разжимая губ, кивнула.

– Мы пришли к вам за информацией. Что вы можете сказать о съемках этой короткометражки? В чем идея фильма, кому он адресован? Что вам

известно о девочке, детях и кроликах?

– Каких еще детях и кроликах? О чем вы говорите?

Люси достала фотографию девочки на качелях и протянула актрисе:

– Вот эту девочку вы когда-нибудь видели?

– Нет... Нет, точно никогда! А что, она тоже снималась в этом фильме?

Люси снова спрятала снимок. В общем-то, с разочарованием. Очевидно, сцены с Саньоль снимались отдельно, независимо от эпизодов с детьми. Жюдит пригубила шампанское, отставила бокал и начала говорить. Глаза ее были совершенно пустыми.

– Понимаете, я ничего не знала и до сих пор ничего не знаю о фильме, в который пригласил меня Жак. Предполагалось, что я сыграю несколько любовных сцен, он обещал мне заплатить за это громадные деньги, а я в то время очень нуждалась и согласилась бы на любую роль. А на то, что он потом сделает с моими кадрами, мне было наплевать. Когда занимаешься таким делом, каким занималась я, особо не выбираешь, и лучше не задаваться вопросами. – Она взглянула на бутылку. – Налейте себе шампанского. При такой жаре оно недолго останется холодным. Бывали времена, когда мне пришлось бы вкалывать целый месяц, чтобы купить такую бутылку...

Шарко не заставил себя уговаривать. Он наполнил два бокала и протянул один Люси. Она кивком поблагодарила. В конце концов, после всех перипетий этого дня немного выпить им не повредит. Жюдит тем временем потихоньку вспоминала...

– Вот не думала, что когда-нибудь снова увижу эти кадры...

– Кто режиссер?

– Жак Лакомб.

Люси поспешила записать фамилию в блокнот. Наконец-то у них появились данные для проверки, для поиска, даже ради этого одного стоило сюда приехать!

– Мы познакомились в сорок восьмом, ему только-только исполнилось восемнадцать, и у него было полно грандиозных идей. В то время он снимал шестнадцатимиллиметровой камерой ЕТМР-16 представления фокусника в театрике «Три гроша» – был такой в Париже, а я одевала и гримировала «красоток кабаре» – тамошних танцовщиц.

Старая актриса говорила и иллюстрировала свои слова жестами.

– Яркая помада, блондинистые парики, черные кружевные полупрозрачные платья, а главное – длинная сигарета «Вог»... Знаете, а ведь это была моя идея – с сигаретой, и тогда это вызвало восторг у публики.

Она на секунду отвела взгляд.

– Мы с Жаком целый год любили друг друга, и это было дивно, так красиво... Он казался мне умницей, человеком, опередившим свое время. Высокий, темноволосый, глаза – просто океан, можно утонуть. Он напоминал Алена Делона.

Она снова глотнула шампанского, похоже даже не ощутив его вкуса.

– Жак действительно был не таким, как все, он был в кино истинным экспериментатором. Для него существовало два способа видеть фильм: считывать с экрана информацию, то, что написано в сценарии, то есть историю, и – вот это было главным! – считывать с экрана все, что есть на носителе информации, на пленке. Обычно кинематографисты либо используют эту вторую возможность недостаточно, либо вообще не подозревают о том, что она существует, а Жак работал именно с пленкой. Что-то такое на ней процарапывал, дырявил ее, прожигал, чертил полосы, линии... Пленка, как он считал, – это не только светочувствительный слой, это еще и место, где можно сохранить, зафиксировать изображение, территория, на которой можно творить, создавать искусство... Видели бы вы его с этой пленкой! Лицо такое, будто он обнимает любимую женщину!

Она улыбнулась – словно бы самой себе.

– На Жака сильно повлияло более раннее европейское кино, например опыты сюрреалистов с наложением одного образа на другой, с двойной экспозицией. Луиса Бунюэля или Жермен Дюлак... Ведь эпизод с разрезанным глазом из начала этой короткометражки – прямая цитата из совместного фильма Бунюэля и Сальвадора Дали «Андалузский пес»... Такой у Жака был способ обозначать, чье влияние он испытывал.

Люси старалась записывать как можно подробнее, а старая дама продолжала:

– Кроме того, Жак был очень близок с кругом магов, иллюзионистов. Его совершенно околдовал уже покойный к тому времени Гарри Гудини. Помню, Жак иногда увеличивал скорость съемки, чтобы «разложить» жест актера, проникнуть в его тайну. Он запирался в студии в Баньоле и целыми часами, целыми днями возился со своими рабочими позитивами, стараясь разобрать их по косточкам и очистить. Его очень интересовала порнография, тут он опять-таки анализировал кадры, стараясь понять, с помощью какого механизма образ рождает наслаждение. Он развивал искусство монтажа, имея в своем распоряжении исключительно допотопную технику, и он изобрел собственную систему каше, работы с оптикой. Он создал бесчисленное множество крохотных экспериментальных фильмов, эти крохи длились не больше нескольких

минут, но ему удалось удерживать это время наше внимание и раскрывать наше собственное отношение к искусству и к насилию. Всякий раз, как я видела его короткометражки, они меня покоряли, потрясали, волновали до глубины души. Но ни публику, ни собственно кинематографистов несколько не интересовали его талант и его работа. И Жак сильно страдал из-за того, что не был признан.

Люси, пользуясь выгодным для них с Шарко поворотом воспоминаний, поспешила вмешаться:

– А он объяснял вам подробности того, как он все это делает технически? Говорил, например, о скрытых изображениях?

– Нет-нет, он никогда не делился своими профессиональными секретами, это было неприкосновенно, это был его тайный сад. И даже сегодня современным кинематографистам-экспериментаторам, посмотревшим некоторые его всплывшие на поверхность фильмы, не удалось разгадать, что он делал, чтобы добиться таких эффектов.

– А что было дальше?

– Дальше дела у Жака пошли хуже некуда. Ему никак не удавалось пробиться, продюсеры им гнушались. Я видела, что он накачивается водкой и прибегает к тяжелым наркотикам, работая день и ночь, лишь бы не сойти со своей дороги. Я была не нужна ему больше, и мы разошлись... Сердце у меня было разбито...

Она отвернулась, долго смотрела на корабль, выходящий из гавани, потом снова заговорила:

– Когда мы еще встречались, он открыл мне мир кино, буквально привел за руку к киношникам и свел со всякими сомнительными личностями. Я была неплохо сложена, с несколько впалой грудью, в стиле Гарбо, то что надо по тем временам. Надо было на что-то жить, ну и я стала сниматься в эротических фильмах...

Она вздохнула. Шарко решил, что хотя бы шампанского надо урвать как можно больше, и снова себе налил. Такой бокал, думал он, стоит не меньше тридцати евро, и каждый глоток казался ему вкуснее прежнего.

– Через год, в пятидесятом, Жак уехал в Колумбию снимать свой первый и единственный полнометражный фильм «Глаза леса». Деньги, которые ему удалось для этого раздобыть, оказались просто смешными, их едва хватило на то, чтобы арендовать технику и нанять небольшую команду колумбийцев. Этот фильм его добил, из-за него у Жака была куча проблем с французским правосудием, он чуть не угодил в тюрьму.

– Никогда не слышал такого названия... Вы сказали «Глаза леса»?

– Где вам было услышать? Этот фильм так и не появился на экране –

цензура зарубила. А сегодня его, наверное, уже не найдешь: оригинал и все копии уничтожены – или растворились в воздухе. Мне-то Жак, закончив монтаж, показал свой фильм... – Гримаса гадливости. – Оказалось, он о каннибалах! Фильм был одним из первых на эту тему, и Жак страшно им гордился. А я не понимаю, как можно гордиться подобным ужасом! Никогда больше не видела такого мерзкого, такого отвратительного фильма!

Голос Жюдит стал хриплым. Шарко вернулся за стол, сел рядом с Люси.

– А почему проблемы с правосудием?

– «Глаза леса» снимали в Колумбии, я уже говорила, экспедиция продлилась долго, несколько месяцев – в жару, под дождем, среди жутких насекомых... Они были совершенно отрезаны от мира. В те времена снимать было куда труднее, чем сейчас: камеру, вообще всю технику, палатки – всё несли на себе... Некоторые колумбийцы заболели, Жак мне рассказывал: болотная лихорадка, лейшманиоз...

– Так правосудие-то тут при чем?

Она сморщила нос, показав зубы – столь же прекрасные, сколь и искусственные.

– В последней трети фильма женщину сажают на кол, и кол этот протыкает ее от ануса до глотки. Целый эпизод... ужасающий в своем натурализме. Жаку пришлось доказывать перед судом, что его колумбийская актриса жива, и объяснять, как это все было снято.

Жюдит снова налила себе шампанского. Похоже, она разволновалась сильнее прежнего. Теперь Шарко видел перед собой потрепанную птичку, жалкую старуху, которая пытается остановить время, но ей это никак не удается.

– Он вернулся из этой проклятой страны не таким, каким уехал. Перестал быть самим собой. Так переменялся, словно эти джунгли и эти тени околдовали его и ему уже не стряхнуть с себя чар. Жак снимал среди дикарей, среди племен, которые впервые в жизни видели цивилизованного человека. Не могу забыть один из многочисленных в его фильме кошмарных планов: берег реки и вдоль всего берега – насаженные на частокол человеческие головы. Одному Богу известно, что там происходило, в глуши этой дикой страны... – Она потеряла руки, будто они замерзли. – Провал картины стал для Жака новым и очень сильным ударом. Для французской кинематографии его больше словно бы и не существовало. Но между нами связь сохранилась, мы остались друзьями, и я всегда надеялась снова завоевать его. А потом, через несколько месяцев,

он пропал, от него долго не было никаких вестей. Я не выдержала, пошла к нему в студию. Оказалось, он внезапно уехал – со всей своей техникой, со всеми своими пленками. Его самый верный ассистент сказал, что Жак отправился в Соединенные Штаты. Вот так вот – нежданно-негаданно.

– А зачем отправился, этот ассистент вам сказал?

– Напустил тумана... Якобы у Лакомба там назревает какой-то серьезный проект... Якобы кто-то там видел его фильмы и захотел работать с ним... Больше ничего узнать не удалось, и больше никто никогда ничего о нем не слышал.

– Никто, кроме вас.

Она кивнула. Глаза у нее были пустые.

– А я – в пятьдесят четвертом, три года спустя. Три года ничего, никаких новостей, и вдруг – звонок. Жак просит приехать к нему в Монреаль, у меня там будет несколько съемочных дней, обещает заплатить по-царски. А я в это время работала как вол, чаще раздевалась перед камерой, чем в жизни, и получала за это жалкие гроши. Мне было ничуть не стыдно сниматься нагишом, наоборот, я внушала себе, что это – лучшее средство стать звездой, но вы же знаете, что такое утраченные иллюзии... В моей жизни произошло то же, что в жизни Жака, я проиграла, мне не удавалось сняться нигде, кроме убогих третьестепенных картин для сексуально озабоченных бедолаг. Я дико нуждалась в деньгах, ну и, естественно, согласилась не задумываясь. Кроме того, это же была для меня возможность снова увидеть Жака, а может быть, и начать с ним все сначала, понимаете? Я попросила прислать мне сценарий, он сказал: в этом нет необходимости, и я как в воду бросилась. Он прислал мне аванс, половину гонорара, оплатил перелет, и вот я уже в Канаде...

Волнение теперь не покидало старую актрису. Люси и Шарко глаз не сводили с ее губ, Люси даже перестала записывать. От шампанского Жюдит захмелела, настроение у нее поминутно менялось: то ее охватывала ярость, то накатывала нежность, то становилось видно, что ей страшно. Больше полувека мадам Саньоль держала свои чувства глубоко внутри, теперь они прорвались наружу.

– Едва ступив на канадскую землю и увидев глаза Жака, я поняла, что сделала ошибку. Ни у одного мужчины на свете никогда я не видела такого взгляда. Похотливый – и при этом холодный, безразличный. Он постригся почти наголо, выглядел каким-то грязным. Он даже не обнял меня! Женщину, с которой проводил такие волшебные ночи! Он просто отвез меня на съемочную площадку, даже и не подумав объяснить по дороге, где пропадал столько лет, что делал все это время... Мы приехали на



заброшенную ткацкую фабрику, где-то поблизости от Монреаля, точно не знаю. Там не было никого, кроме нас с Жаком, его камеры, остальной его техники и людей в перчатках и черной одежде. Лиц я не видела – все были в масках-капюшонах. Еще там были матрасы и запас пищи на несколько дней. Под жилье был приспособлен дальний угол склада... Я поняла, что придется день и ночь находиться в этом мрачном месте. И в этот момент услышала его голос: «Ты раздеваешься догола, Жюдит, ты танцуешь, и ты слушаешься меня во всем». Была осень, я замерзала, боялась, но действительно слушалась: мне же заплатили. Это длилось три дня. Три дня ада. Думаю, вы видели сексуальные сцены в этом фильме, стало быть знаете, что там происходило...

– Нет, целиком этих сцен мы не видели, – возразил Шарко. – Только стоп-кадры, причем скрытые. Сублиминальные образы.

Старая дама с трудом сглотнула.

– Еще один его трюк. Очередная ловушка.

Комиссар наклонился вперед:

– Давайте поговорим о других эпизодах. Вы лежите в траве, обнаженная, лежите неподвижно – как мертвая.

Жюдит напряглась:

– Это была вторая большая часть съемок. Я должна была неподвижно лежать голой на лужайке около фабрики. На улице тогда было максимум пять градусов тепла. Двое мужчин – из тех, с которыми мне приходилось до этого заниматься любовью, – нарисовали у меня на животе ужасную, тошнотворную рану. Но я не могла лежать неподвижно: меня трясло, у меня зубы стучали – и Жак страшно разозлился. Он достал из кармана шприц, велел мне протянуть руку, он... – актриса поднесла ладонь ко рту, – он сказал, что после укола я перестану мерзнуть и трястись... и еще у меня расширятся зрачки, как у настоящего трупа.

– И вы позволили сделать себе такой укол?

– Да. Я прилетела издалека, мне хотелось получить вторую часть обещанной суммы и хотелось, чтобы Жак был мной доволен. Мы ведь столько времени прожили вместе, я думала, что хорошо его знаю. Когда он сделал мне этот укол, я сразу почувствовала, что отключаюсь, что рвется связь с миром, мне больше не было холодно, и я почти совсем не могла двигаться. Меня положили на траву.

– Не представляете, что он ввел вам, какой препарат?

– Думаю, ЛСД. Странно... Именно эти три буквы, значения которых я в то время не знала, приходили мне в голову всякий раз, как я вспоминала эту сцену, в течение многих недель после съемки. Наверное, их

произносили, пока я была в отключке.

Полицейские взглянули друг на друга. ЛСД... Экспериментальный наркотик, применявшийся в программе «Artichoke», которой была посвящена одна из книг украденной библиотеки Шпильмана.

– ...Жак всегда хотел добиться полного реализма, полного совершенства. Грима ему оказалось недостаточно и...

Жюдит поднялась и внезапно задрала платье, нисколько не стесняясь наготы. Ее загорелый живот был покрыт белесыми шрамами, напоминавшими забравшихся под кожу пиявок. Шарко со вздохом сдвинулся вместе со стулом назад, Люси, сжав губы, сидела как каменная. Испещренное следами перенесенных страданий, одряхлевшее тело актрисы выглядело под марсельским солнцем не просто ужасно – даже как-то зловеще.

Жюдит отпустила край юбки, платье снова прикрыло колени.

– Когда они резали мне кожу, я не чувствовала боли, я даже не понимала, что со мной происходит, я была как... я как будто галлюцинировала... Жак снимал час, другой, третий, прибавлялись все новые разрезы. Поверхностные, кровь не текла, и тогда эти люди стали добавлять в раны краску из коробочки с гримом. Когда Жак кромсал меня, в его взгляде было что-то страшное, что-то чудовищное, и я вдруг поняла...

Полицейские затаили дыхание: только бы она не перестала рассказывать!

– Я вдруг поняла, что та колумбийская актриса, конечно, была на самом деле убита. Он не бросает своего дела на полпути, это же очевидно.

Шарко и Люси переглянулись, Жюдит чуть не плакала.

– Не знаю, как он выкрутился тогда во Франции на суде: наверное, обманул их, показал им двойника несчастной женщины, и они ничего не поняли, но что касается меня – мне он не солгал. Он действительно дал мне эти деньги.

Люси крепче сжала карандаш. Жак Лакомб, должно быть, разбогател, раз смог выплатить Жюдит большую сумму. Но если ему удалось-таки пробиться со своими фильмами в США и обзавестись какими-никакими средствами, что он тогда делал в Квебеке, на этой заброшенной фабрике? Зачем снимал эти кошмарные сцены?

– Я вернулась во Францию вся изуродованная, но теперь мне было на что жить, я смогла выбраться из ямы. А потом мне повезло: я встретила хорошего человека, который видел мои фильмы, но, несмотря ни на что, полюбил меня.

Какая бы она ни была богатая, эта женщина вызывала жалость... Люси

тихонько спросила:

– И вы так и не заявили в полицию? Даже не пожаловались?

– А чем бы мне это помогло? Все равно меня уже изуродовали, а сообщи я в полицию – не получила бы второй половины обещанных денег и потеряла бы всё.

Комиссар посмотрел в глаза Жюдит:

– Вы понимаете, зачем снимались эти сцены?

– Нет. Я же вам сказала, что не знаю содержания...

– Я не о содержании фильма. Я о Жаке Лакомбе. О Жаке Лакомбе, который вспомнил о вас после столь долгой разлуки. О Жаке Лакомбе, который склонялся над вами, чтобы вас изуродовать. О Жаке Лакомбе, который снимал вас в рискованных позах... Зачем ему было снимать такие эпизоды? Какая у него, по-вашему, была цель?

Она задумалась, нервно теребя кольцо с огромным сапфиром на среднем пальце.

– Думаю, комиссар, цель у него была единственная – формировать извращенцев...

Она замолчала, и, казалось, надолго, но все-таки продолжила:

– ...и дарить этим извращенцам власть, секс, смерть, пользуясь средствами кино. Жаку было недостаточно только шокировать созданными им образами, только провоцировать удивление или ужас. Ему всегда хотелось, чтобы образы воздействовали на поведение человека, меняли людей. Такую цель он себе и ставил в своих произведениях. Наверное, потому он и порнографией интересовался... Ведь чем занимается мужчина, когда смотрит порнофильм?

Она показала это жестом – весьма недвусмысленно.

– Изображение прямо воздействует на его неосознанные стремления, на его либидо, образ проникает в него и дает приказ действовать. Вот этого-то Жак в глубине души и жаждал. Там, в Канаде... стоило ему заговорить о возможностях изображения, он тут же вспоминал какую-то странную штуку...

– Что за штука?

– Она называется «синдром Е». Да, так, синдром Е.

Шарко почувствовал, как у него все внутри сжимается. Второй раз он слышит это название, и второй раз оно связано со смертельной опасностью.

– А что она собой представляет?

– Понятия не имею. Просто он все время повторял: «Синдром Е, синдром Е...» Как будто у него это навязчивая идея. Как будто он ищет нечто недостижимое.

Люси записала сказанное и обвела термин «синдром Е» кружком. Потом обратилась к Жюдит:

– Не показалось ли вам, что у Лакомба есть сотрудник? Врач или ученый?

Та кивнула:

– Да-да. Туда приходил осмотреть меня один человек, он точно был врач. Именно этот человек приносил шприцы с ЛСД. Они с Жаком были очень хорошо знакомы, думаю, они были сообщниками...

Кинематографист, врач... Полное соответствие профилю убийц в Каире, убийц Клода Пуанье. Но по словам Люка Шпильмана, к нему приходил мужчина лет тридцати, это ни в коем случае не мог быть Жак Лакомб, которому сейчас гораздо больше, он уже старик. Кто же тогда? Некто помешанный на его творчестве? Наследник его безумия?

– ...только все это было слишком давно, слишком давно для того, чтобы я могла еще что-нибудь вам рассказать. Уже полвека прошло, и все случившееся тогда живет в моей памяти какими-то обрывками. Кусочками. Сегодня, зная, к каким последствиям приводит употребление этой гадости, ЛСД, я понимаю, как мне повезло: я ведь до сих пор жива.

Шарко допил шампанское и встал:

– Нам бы все-таки хотелось, чтобы вы посмотрели фильм целиком: вдруг что-то еще всплывет в памяти?

Она вяло согласилась. Полицейские видели, что старая актриса очень взволнована.

– Но что ж он такое сделал, Жак, чтобы вы заинтересовались им спустя пятьдесят пять лет?

– Пока, к сожалению, не знаем, но ведется следствие по делу об этом странном фильме.

После просмотра Жюдит надолго замерла, потом взяла из портсигара длинную сигарету, прикурила и выдохнула спираль дыма.

– Да, он весь в этом фильме, это его манера снимать, его одержимость, игра света и тени, липкая атмосфера... Попробуйте найти другие его короткометражки, эти его *crash movies*<sup>[24]</sup>; посмотрите их – сразу поймете.

– Мы это сделаем. Скажите, больше нет ничего в этой ленте такого, что вам бы о чем-то напомнило? Декорации, лица детей?

– Нет, к сожалению, нет.

Казалось, она говорит искренне. Шарко достал из бумажника чистую карточку, написал на ней свое имя и номер телефона.

– На случай, если вспомнятся еще какие-то подробности.

Люси тоже дала ей свою визитку.

– Главное – не стесняйтесь.

– А Жак еще жив?

Шарко ответил ей в тон:

– Первым делом постараемся это узнать и найти его.

Выскочив из такси, они рванули к вокзалу. Движение и жара были такими же адскими, как днем. Люси мчалась впереди, Шарко за ней, ступал он тяжелее, но не отставал. Ни убийцы, которого надо догнать, впереди, ни преследователя за спиной, ни бомбы, готовой взорваться, если ее не обезвредить, – ничего, кроме скоростного поезда, уходящего на Париж в 19:32.

Они очутились в вагоне в 19:31. Еще десять секунд спустя раздался свисток дежурного по вокзалу. Поезд был с кондиционером, и полицейские глотнули наконец-то кислорода. Еще там был бар, и они, не сговариваясь, направились к стойке, где, утирая лбы бумажными салфетками, заказали «чего-нибудь похолоднее». Оба еле дышали, Шарко решился заговорить первым:

– Еще... неделька... с тобой... Энебель... и я... потеряю... пять кило...

Люси взяла свой апельсиновый сок и с шумом принялась его засасывать через соломинку. Потом чуть-чуть отдышалась, провела рукой по взмокшей шее и ответила:

– Особенно если... будете... по вторникам и пятницам... бегать со мной... вокруг лильской крепости... Десять километров два раза в неделю.

– Раньше я тоже бегал. И уж точно осилил бы твою дистанцию.

– Да вы и сегодня более-менее осилили.

Их сердца постепенно возвращались к нормальному ритму. Шарко стукнул опустевшей баночкой от колы о стойку бара:

– Ладно, пойдем сядем.

Они нашли места, устроились, Люси достала свои записи и в течение нескольких минут изучала их, пытаясь подвести итоги поездки. Марсельские солнце и море уже испарились из ее памяти.

– Она повторила то самое выражение: «синдром Е»... Вы совсем не знаете, о чем речь?

– Совсем.

– Но зато теперь у нас есть имя и профессия фигуранта, а это не так уж мало. Кинорежиссер Жак Лакомб.

– Врач, кинематографист... Наука, искусство...

– Глаз, мозг... Фильм, синдром Е...

Шарко в задумчивости потер ладонью подбородок:

– Надо связаться с квебекскими коллегами – пусть помогут нам разобраться, кто он такой, этот Жак Лакомб, чем занимался в Соединенных Штатах и Канаде. И еще надо узнать насчет этих девочек. Разгадка сейчас прежде всего у них, у детей, они-то наверняка должны быть еще живы, правда? Наверняка остались какие-то следы... точно есть люди, которые могут что-то рассказать... Нам надо понять, понять, понять...

Слова комиссара звучали как мрачные предостережения; повторяя «понять, понять», он царапал ногтями спинку переднего сиденья и опомнился только тогда, когда заметил, что Люси как-то странно на него смотрит.

– Мне кажется, все это почему-то довольно сильно задевает вас лично, – сказала она.

Шарко сжал зубы, отвернулся и стал смотреть в сторону. Люси почувствовала, что ему неохота вспоминать прошлое, умолкла и стала обдумывать дело, которым они занимались. В голове неотвязно звучал хрипловатый голос Жюдит Саньоль. Как она сказала? Жак Лакомб делал свое кино, чтобы формировать извращенцев? Для режиссера съемки были средством выразить и обессмертить собственное безумие. Ну и чудовище этот Лакомб! Нет, стоп, какое он чудовище? В чем конкретно он изменился, побывав в колумбийских джунглях? Кого еще он увлек за собой, если и сегодня убивают только ради того, чтобы завладеть его произведением? Он действительно убивал и обезглавливал людей, снимая свой фильм там, на Амазонке? Далеко ли он зашел в этом ужасе, в этом сумасшествии?

Экспресс двигался вперед, и пейзаж за окном справа менялся: сначала – горы, отроги Альп, потом, за Лионом, началась равнина. Еле заметное покачивание стального мастодонта убаюкивало Люси, и она почти задремала. А просыпаясь на мгновение, всякий раз видела, что Шарко смотрит на пустые сиденья через проход, и слышала, что он бормочет нечто непонятное. Он по-прежнему был весь мокрый, как-то ненормально сильно он потеет... Пока Люси спала или делала вид, что спит, комиссар раз пять или шесть вставал, уходил в направлении туалета или бара и появлялся минут десять спустя, иногда в бешенстве, иногда умиротворенный, вытирая лоб и шею бумажным носовым платком.

На столичный Лионский вокзал прибыли в 23:03. Было уже темно, лица людей осунулись от усталости, пыльный воздух большого города проникал в здание, принося с собой его запахи. Первый поезд на Лилль уходил только в 6:58. Предстояла долгая ночь, делать было нечего, идти некуда. Мысли Люси разбегались. И речи не могло быть о том, чтобы

шататься по ночному Парижу. С другой стороны, она стеснялась идти в отель с этим дурацким рюкзаком и не имея во что переодеться. Ну а что еще можно придумать, кроме какой-нибудь двухзвездочной гостиницы? Да, конечно, это лучшее решение. Она повернулась к Шарко, чтобы попрощаться, но обнаружила, что его рядом нет. Он стоял в десяти шагах позади, сморщившись, скосившись куда-то вниз и размахивая руками. Изредка Франк поглядывал на нее, но ей показалось, что он участвует в каком-то бурном объяснении. В конце концов он улыбнулся, хлопнул ладонью по воздуху, как по чьей-то руке, и тогда Люси решилась подойти:

– Что это с вами? Что вы тут делаете?

Он быстро спрятал руки в карманы:

– Вел переговоры... – Глаза его сияли. – Слушай, тебе же негде ночевать, да? Переночуешь у меня. У меня есть широкий диван, наверняка куда удобнее, чем египетская кровать.

– Я не знаю, какие в Египте кровати, а главное – мне не хоте...

– Да не бойся, ты ничуть меня не стеснишь! В общем, воля твоя, хочешь – пойдем, не хочешь – оставайся здесь.

– Ладно, в таком случае – согласна, пойдемте.

– Отлично. Теперь, пока не поздно, постараемся успеть на скоростное метро. Как бы не упустить последний поезд...

Комиссар двинулся вперед, к туннелям, а Люси, прежде чем пойти за ним, обернулась и посмотрела на то место, где Шарко стоял один несколько минут назад. Шарко, оглянувшись, заметил это, вынул руки из карманов и, помахав мобильником, который держал в правой, улыбнулся:

– Ты что – подумала, я разговариваю сам с собой? Забавно!



«Наверное, – думала Люси, – наверное, после этого звонка с вокзала супруга комиссара встретит нас прямо на пороге квартиры...» И всю дорогу она пыталась себе представить, какая жена может быть у человека подобного масштаба. Может быть, его жена наделена статью и характером укротительницы львов... А может быть, она, наоборот, покорная, нежная, готовая каждый вечер подставиться, чтобы полицейский мог сорвать на ней накопившиеся за очередной бесконечный рабочий день усталость и злость...

Однако стоило комиссару отпереть дверь, Люси сразу же поняла, что никто их не встретит. В квартире не было ни одной живой души. Шарко в прихожей переобулся, но, когда Люси тоже хотела разуться, остановил ее:

– Нет-нет, не надо, оставайся в кроссовках. У меня это просто привычка. У меня много привычек, от которых никак не избавишься, хотя они дьявольски осложняют жизнь. Ничего не поделаешь, так получилось.

Он закрыл дверь и запер ее на все замки. Люси тем временем огляделась и поняла, что все-таки тут не скит отшельника, а наоборот – налицо явные следы присутствия в жизни этого человека женщины: много больших горшков с комнатными растениями, в углу – пара достаточно старомодных туфель на высоком каблуке... Тем не менее на столе в гостиной стоял один прибор, стало быть, все было заранее приготовлено для одинокого ужина холостяка... Ей сразу же вспомнился фильм Люка Бессона «Леон». Да, порой Шарко так же печален, как герой картины, наемный убийца, но порой вызывает бесконечную симпатию, а симпатия приводит, в свою очередь, к желанию как следует разобраться в этой необыкновенной личности.

Пожелтевшие от времени фотографии в рамках с изображением красивой женщины – свидетельство того, что комиссар, вероятнее всего, вдовец: разведенный вряд ли стал бы носить обручальное кольцо. Чуть подальше, на стене, без какой-либо последовательности, развешаны еще снимки, десятки прямоугольных отпечатков на глянцевой бумаге. На всех снимках девочка – с младенчества лет до пяти-шести. Ага, вот еще фотографии, здесь они втроем: он, жена и ребенок. Мать улыбается, но... Люси не могла понять, с чего бы это, но ей показалось, будто взгляд у молодой женщины рассеянный, даже, скорее, отсутствующий. А Шарко везде крепко прижимает к себе обеих своих любимых. По телу Люси

пробежала дрожь, она внезапно догадалась: с семьей Шарко что-то произошло, случилось что-то нехорошее. Он пережил непонятную, но ужасную драму.

– Садись, пожалуйста, – сказал комиссар. – Лично я умираю от жажды. А ты что скажешь насчет холодненького пивка?

Он говорил уже из кухни. Люси, еще не пришедшая в себя от только что сделанного открытия, сбросила на пол рюкзак и прошла по комнате дальше. Большая гостиная, пустоватая. На низком столике она углядела банку с соусом-коктейлем и коробку засахаренных каштанов, в углу – компьютер.

– Спасибо, меня сейчас устроит что угодно, лишь бы холодненькое!.. Скажите, а у вас есть Интернет? Хотелось бы пошарить по Сети: вдруг найдется что-нибудь насчет Жака Лакомба и синдрома Е.

Шарко вернулся из кухни с двумя банками пива, одну протянул гостье, другую, свою, поставил на журнальный столик и бросил куда-то в сторону странный взгляд.

– Извини!

Он вышел в прихожую. Десять секунд спустя послышался свисток, потом раздались тихие звуки, напоминающие те, которые она слушала три с половиной часа в поезде Марсель – Париж. Люси могла бы поклясться, что там игрушечная железная дорога... Появился Шарко, сел в кресло, Люси тоже. Он как ни в чем не бывало выпил залпом половину банки.

– Давно пробило полночь. Мой шеф уже поручил кому-то расследовать, что это за синдром Е. А ты займешься поиском завтра.

– Зачем терять время?

– Ты не теряешь время, ты, напротив, выигрываешь его. Чтобы поспать, подумать о своих и сказать себе, что существует жизнь и помимо работы. Кажется, так просто, да? Только ведь ты осознаешь это, когда у тебя уже не остается ничего, кроме старых фотографий.

Люси помолчала, прежде чем ответить.

– Я тоже делаю много фотографий, чтобы сохранить следы времени... Вот мы и опять возвращаемся к изображению. На этот раз – к изображению как средству передать чувства, как способу проникнуть во внутренний мир человека. Любого человека. – Молодая женщина оглянулась на снимки на стене. – Теперь я вас понимаю лучше. И, мне кажется, знаю, почему вы стали таким.

Шарко уже прикончил пиво. Ему хотелось плыть по течению, отдаться волне и забыть всю жестокость последних дней. Обугленное лицо Атефа Абд эль-Ааля, кварталы каирских трущоб, жуткие шрамы в форме глаза на

сморщенном животе Жюдит Саньоль... Слишком, слишком много тьмы.

– Каким это «таким»?

– Таким... холодным, отчужденным на первый взгляд. Человеком, о котором думаешь, что лучше бы держаться от него подальше. Ведь отыскать под панцирем сердце можно только тогда, когда хоть немножко в вас разберешься.

Шарко сжал в кулаке пустую банку:

– Ну и что тебе рассказали эти фотографии?

– Довольно многое.

– Что же, например?

– А вы уверены, что хотите это услышать?

– Покажи-ка, чего ты стоишь, лейтенант Энебель!..

Люси приняла брошенный ей вызов. Показала державшей банку пива рукой на дверь:

– Сначала надо поинтересоваться, почему они там, где висят. В этой гостиной, на этой стене. Их хорошо видно из прихожей, они смотрят на входную дверь. Почему было не развесить их в спальне или другом более укромном месте?

Она показала на мусорное ведро в смежной кухне. Оттуда торчали две упаковки из-под пиццы.

– Когда в дверь звонит разносчик или другой чужой человек, вы, заранее приготовив деньги, которые нужно отдать, и держа их в руке, чуть приоткрываете дверь. Вы никогда никого не пустите внутрь, не разрешите переступить границу вашего жилья. У входа нет коврика, чтобы вытереть ноги, за дверью тоже нет. Фотографии расположены точно по оси, их нельзя не заметить с порога, в отличие от всего остального. Ваши фотографии, вашей семьи, снимки, создающие впечатление, что все нормально, что все счастливы. И эту игрушечную железную дорогу вы включаете затем, чтобы казалось, будто в доме играет ребенок... Так?

Шарко прищурился:

– Ты меня заинтересовала, Энебель. Продолжай.

– Ваше прошлое... Вы не хотите о нем говорить за пределами своей квартиры. Но когда находишься здесь, сидишь в этом кресле, снимки просто кричат о том, что в вашей семье разыгралась какая-то драма. Нет ни единой недавней фотографии – ни вашей жены, ни вашего ребенка. Сами вы на последних снимках на несколько лет моложе, чем сейчас, и куда лучше выглядите. В то время вашей дочери было лет пять или шесть: тревожный возраст – возраст первых расставаний. Школа, обеды в школьной столовой, дети уходят утром и возвращаются только вечером. И

мы компенсируем это тем, что часто их фотографируем, у нас много-много снимков, мы как будто обманываем разлуку, мы жаждем удержать их дома, при помощи всяких ухищрений заполняем пустоту. Но у вас... Дальше – никаких напоминаний, словно... словно жизнь внезапно остановилась. Сначала – их жизнь, потом – ваша. Именно поэтому вы перестали работать на земле и, покинув улицу, засели в кабинете. Работа отняла у вас вашу семью. Работа на земле.

Теперь казалось, что Шарко отсутствует. Он уставился глазами в пол, сидел наклонившись вперед, свесив руки между коленями.

– Продолжай, Энебель. Давай же, продолжай. Давай-давай, выкладывай.

– У меня ощущение, что было какое-то дело, которое приняло дурной оборот, – дело, в которое оказалась вовлечена ваша семья и из-за которого ваша семья оказалась лицом к лицу с тем, от кого или от чего вы всегда стремились ее уберечь... Что это могло быть? Что за дело, посягнувшее на вашу частную жизнь? Может быть, подозреваемый сорвал зло на вашей жене и дочери?

Молчание. Мучительная, ранящая тишина. Шарко жестом попросил Люси продолжать.

– С помощью этих фотографий вы показываете тому, кто снаружи, что тут внутри. Здесь, в этой квартире, вы позволяете себе раскрыться, стать таким, как раньше, мужем, отцом, здесь и больше нигде... Стоит переступить порог, вы застегиваетесь на все пуговицы. Повернули ключ в замке – и себя тоже заперли. На двери – два замка... Наверное, это еще один способ надежнее отгородиться от всех... Думаю, сюда крайне редко кто-то заходит, комиссар, а ночуют здесь еще реже. Только что, на вокзале, вы могли бы сразу со мной распрощаться, как сделали при нашей первой встрече, и отправить меня в гостиницу, но вы поступили иначе. Отсюда вопрос: зачем я здесь?

Шарко поднял глаза цвета пепла. Встал, налил себе виски и сел снова.

– Зря ты думаешь, что я не могу говорить о своем прошлом. Могу. А если никогда не говорю, то только потому, что нет ушей, чтобы слушать.

– Я-то здесь...

Он, глядя в стакан, улыбнулся:

– Ты? Девчонка-полицейский с севера, с которой я и знаком-то всего ничего?

– Психиатру или психоаналитику мы рассказываем всю свою жизнь, хотя с ним знакомы еще меньше.

Шарко нахмурился, опять встал. Якобы для того, чтобы поставить на

место бутылку виски, на самом деле – посмотреть, не валяется ли на виду какая-нибудь коробка с лекарствами. Как она догадалась насчет психиатра? Вернулся, сел, стараясь сохранять спокойствие.

– А правда, почему бы, в конце концов, и не рассказать именно тебе? Тебе, кажется, это очень надо.

– Вам это нашептало мое досье в картотеке сотрудников Главного управления национальной полиции?

На этот раз она сама бросила ему вызов взглядом. Комиссар принял бой:

– Фотографии тебе уже много чего рассказали... Больше пяти лет назад мы, Сюзанна, Элоиза и я, ехали по шоссе, и вдруг на повороте спустила шина.

Он, упорно глядя в пол, покачивал в руке стакан с виски.

– Я мог бы точно назвать тебе день, час, сказать, каким было небо в тот день. Все это впечаталось в память и останется со мной до конца жизни... Мы возвращались втроем с уик-энда на севере, и мы уже так давно не сбегали все вместе куда-нибудь, лишь бы подальше от этого чертова города. Пришлось остановиться – спустила шина, мне надо было посмотреть, я отвлекся на минутку, забыл запереть дверцы, ну и когда склонился над колесом, моя жена взяла дочку за руку и бегом бросилась на другую сторону шоссе. Бежала как ненормальная. А по встречной ехал автомобиль...

Он сжал кулаки:

– Я и сейчас слышу этот визг тормозов. И скрежет колес об асфальт... И успокоить меня может только стук идущих по рельсам поездов. Вот этот шумок, который ты сейчас слышишь, он сопровождает меня день и ночь...

Глотнул виски. Сколько в нем горечи! Люси сжалась в комок, в такие минуты ничего больше не остается... Этот человек ранен куда сильнее, чем она могла бы подумать, он просто раздавлен. А Шарко говорил и говорил:

– Ты занималась делом о похищении детей. Ты охотилась за психопаткой, представлявшей собой чистейший тип извращенки. И я был таким же, как ты, Энебель. Мою жену, мою собственную жену, похитил убийца того же типа за шесть месяцев до того, как она родила Элоизу. Я охотился за ним круглыми сутками, не различая дня и ночи, для меня не существовало на свете ничего, кроме охоты за ним. Пока длилась эта охота, я терял друзей, я видел, как дорогие мне существа гибнут у меня на глазах от руки сумасшедшего. – Он качнул головой в сторону стены. – Моя соседка-гвианка умерла из-за меня... Когда я нашел Сюзанну, когда увидел ее привязанной к столу, я едва ее узнал. Она перенесла такое, чего ты, даже

ты, не сможешь вообразить. Такое... такое, чего не должно случаться ни с одним человеком.

Люси чувствовала, что он на пределе, что еще минута – и рухнет. Но нет, он выдержал, собрался, он был сделан из материала, которого не пробить никакой пуле.

– Больше она никогда уже не была такой, как раньше, и рождение нашей девочки ничего не изменило. Почти все время Сюзанна сидела с пустым, ничего не выражающим взглядом, и даже если между двумя приемами лекарства в глазах и вспыхивала искорка, то тут же гасла.

Мертвая, давящая тишина. Люси было не под силу представить себе, какую боль испытывает этот человек. Одиночество, открытый перелом души, непрерывно кровоточащая рана... Люси подумала, что, может быть, впервые за все последние годы он не хочет больше чувствовать себя одиноким, да, он хочет, чтобы кто-нибудь побыл с ним, пусть даже совсем недолго, пусть всего лишь с вечера до утра. И как бы ни был темен окружающий его мир, Люси поняла: ей радостно оттого, что сейчас она с ним рядом.

Шарко залпом допил виски и встал:

– Я ходячая пародия на все худшее, что только может испытать полицейский, я битком набит мучениями и таблетками, я убивал и был ранен столько раз, сколько получалось, но я пока держусь. Вот он я, стою перед тобой на собственных ногах.

– Я... я не знаю, что сказать... Мне очень жаль...

– Ну и помолчи, вокруг и без тебя полно скорбных и безутешных.

Люси нерешительно улыбнулась ему:

– Тогда попробую извлечь урок.

– Отлично. А теперь, думаю, пора спать. Завтра у нас тяжелый день.

– Да, пора...

Шарко двинулся было к двери, но задержался:

– Хочу тебя попросить об одном одолжении, Энебель. Об услуге, о которой не мог бы попросить никого, кроме женщины.

– Давайте, а потом я задам еще один вопрос, последний... Говорите – я слушаю.

– Можешь завтра утром, ровно в семь, включить душ в ванной? Тебе не обязательно под него залезать, просто поддержи включенным. Да нет, конечно, если хочешь, можешь и залезть под него, я хотел сказать, что мне важно услышать, как в ванной шумит вода.

Люси сначала заколебалась, пытаясь понять, потом сообразила, посмотрела на фотографию Сюзанны и кивнула:

– Хорошо, я это сделаю.

Шарко попробовал улыбнуться:

– Давай теперь ты. Что у тебя за последний вопрос?

– С кем вы говорили там, на вокзале? С кем якобы вели переговоры о том, чтобы я могла переночевать в вашей квартире?

Он ответил только несколько секунд спустя:

– Компьютер в той комнате... Можешь использовать для поиска. Достаточно нажать на «пуск», никаких паролей. Зачем мне пароль?

Фильмы безумца...

Люси чуть ли не полночи шарила по Сети, и эта оценка оказалась единственной, какую она могла бы дать творениям Жака Лакомба, человека со стальным взглядом и прямой, узкой и тонкой как лезвие чертой сжатых губ. Оцифрованный снимок выложил в своем блоге один из поклонников Лакомба, датировав его 1950 годом и сообщив, что сделан он на каком-то вечере, где режиссер появлялся на публике в последний раз. Ослепительный сам по себе смокинг сидит кое-как, в руке бокал, волосы зализаны назад, а во взгляде прямо в объектив такая сила, что Люси, встретившись с ним, вздрогнула. И не только сила... еще и что-то губительное...

Некоторые поклонники пытались составить биографию своего кумира, но все попытки заканчивались одним и тем же: в 1951 году, после бурного съемочного периода в Колумбии и проблем с французским правосудием, Жак Лакомб исчез, и исчез бесследно. Только часть его произведений – считалось, что по крайней мере больше половины утрачено, – сохранилась и распространяется в узком кругу его фанатов. От этой темной личности не осталось ничего, кроме нескольких короткометражек, длительность которых чаще всего не превышает десяти минут, и все эти короткометражки, по мнению киноманов, относились к жанру *crash movies*.

«Мусорные фильмы»... Снятые между 1948 и 1950 годом, до отъезда в Колумбию. Судя по комментариям пользователей, знатоков кино, единственной целью серии из девятнадцати короткометражек было показать то, чего до тех пор никогда в кино не показывали, – и фанаты считали это своего рода художественным подвигом. Лакомбу было наплевать на выгоду, которую могли бы принести его работы, его интересовала только реакция публики: останется ли зритель пассивным, видя изображение? Как зритель отнесется к действию на экране, к рассказанной ему истории? Что будет делать во время просмотра? Вуайерист ли он? Гипнотизируют ли его эротические сцены? А кроме того – терпим ли он к форме, которую диктует концептуальный кинематограф? Лакомб менял привычный взгляд на вещи и выворачивал наизнанку все законы кино. Такая вот постоянная необходимость придумывать что-то новое, нарушать порядок, поражать...

Еще Люси обнаружила, что тот самый белый кружочек справа сверху,



на который ей указал в свое время старик-реставратор, присутствует в каждом из девятнадцати мини-фильмов, и догадалась, что это, скорее всего, был знак, клеймо изготовителя, выбранное для себя Жаком Лакомбом, его подпись. Роясь в Сети дальше, она нашла описания и нескольких технических приемов режиссера: каше, игра с зеркалами, двойная экспозиция... Кое-кто выдвигал гипотезу и по поводу белого кружочка. «Слепое пятно» – так они называли его, используя офтальмологический термин, обозначающий небольшой участок сетчатки глаза, где не образуется изображения, поскольку отсутствуют колбочки и палочки: здесь, на этом участке, зрительный нерв только еще соединяется с глазом и пока не делится на мелкие разветвления, снабженные светочувствительными элементами. На сайтах предлагалось даже провести эксперимент:



Если, закрыв левый глаз, правым пристально смотреть на белый квадратик и медленно приближаться к изображению, на расстоянии примерно пятнадцати сантиметров от него вы обнаружите, что черный кружок исчез из виду. Люси была несказанно удивлена таким изъясном человеческого зрения. Не означает ли это, что Жак Лакомб, подписывавший каждый фильм таким образом, хотел сказать: глаз – инструмент несовершенный и есть немало способов обмануть его? Не заявлял ли он, что, снимая свои ленты, рассчитывает именно на несовершенство органа зрения? По сути, за этими его мини-фильмами наверняка стоят первые опыты извращенной, больной души. Сознания, одержимого воздействием изображения на человека. Стремящегося доказать его, изображения, силу, его власть, его разрушительную мощь. Фантазер, прорицатель, опередивший время.

Оторвавшись от компьютера, Люси вытянулась на диване и полузакрyla глаза. Теперь она лучше понимала, почему Лакомб так и не пробился, так и не сделал карьеры. Его «мусорные фильмы» никого не заинтересовали, они вызывали только скуку, глухое раздражение, казались странными – и все. Ну кто пойдет смотреть четырехчасовой фильм под названием «Спящий», в котором и не показывается ничего, кроме спящего человека? Фильм, где движение поднимающегося и опускающегося века, снятое на скорости тысяча кадров в секунду, медленно прокручивается на экране в течение трех с лишним минут? Или вот еще был «Фильм № 12»,

где подсчитывалась и показывалась каждая из секунд в двенадцати минутах, которые продолжалась лента, сводившаяся в конечном счете к простой демонстрации цифр... Фильмы Лакомба были такие же сдвинутые и такие же недоступные пониманию, как рассудок их автора.

Когда зазвонил будильник, Люси лежала, закинув руки за голову, и смотрела в потолок. 6:55. Хорошо, если она проспала час или два. Обычная ночь полицейского. Она встала и на ощупь двинулась к ванной. Все тело затекло. Она широко, но беззвучно зевнула. День обещал быть трудным.

В невероятно чистой ванной комнате царил безупречный порядок. Новенькая зубная щетка в стаканчике, исключительно ровно сложенные голубые полотенца на вешалке, опасная бритва со сверкающим лезвием, до блеска отмытая ванна с душем на высокой стойке. Есть и аптечка – маленький шкафчик, способный рассказать о жизни куда подробнее, чем долгие объяснения. Люси посмотрелась в зеркало на дверце. Она могла бы заглянуть в аптечку, узнать, какие там лекарства, еще глубже проникнуть в душу Шарко... А правда, что он там прячет, за дверцей? Антидепрессанты? Стимуляторы? Транквилизаторы? Или, может быть, просто витамины и аспирин?

Она вздохнула и включила душ. Вода билась об эмаль ванны с сильным холодным шумом. Люси поняла, зачем Шарко просил ее это сделать: ему хотелось воскресить в себе, когда он будет еще наполовину во власти сна, ощущение присутствия жены.

И поверить, что она здесь – пусть на долю секунды.

Люси оставила воду течь, а сама тихонько пошла в гостиную. Чуть позже услышала, как хлопнула дверь... Душ умолк... Еще двадцать минут, и пошли по рельсам маленькие поезда...

Потом появился элегантно одетый Шарко. Белая рубашка в тонкую голубую полосочку, галстук, серые фланелевые брюки. Он прошел на кухню, оставив в гостиной запах туалетной воды, Люси принялась: «Фаренгейт». Франк излучает спокойную силу, он прекрасно держится, ах, как давно ей не хватает рядом всего этого... Люси провела по лицу руками и снова беззвучно зевнула.

Шарко включил радио. Зазвучала веселая музыка. «Dire Straits»<sup>[25]</sup>, это здорово!

– Не спрашиваю, хорошо ли ты спала... Кофе хочешь?

– Черный без сахара, спасибо.

Он вставил капсулу в кофемашину, включил ее, глядя на Люси, как ей показалось, не слишком-то дружелюбно. Когда их взгляды встретились, отвернулся к кухонному шкафу, достал ложечку.

– Думаю, насчет Лакомба ничего особенного не нашла, а то ведь не постеснялась бы разбудить меня посреди ночи?

Люси с улыбкой подошла к нему:

– В общем-то, да, к тому, что сообщила Жюдит Саньоль, мне добавить почти нечего. Загадочный тип, растворился в воздухе в пятьдесят первом... С тех пор никаких сведений. Я попыталась еще поискать по словам «синдром Е», побывала и на научных, и на медицинских сайтах. Нет, ничего. А раз ничего нельзя найти в Интернете, значит это очень сильно засекречено.

Шарко протянул ей чашку и отошел к кухонному окну полить комнатное растение.

– Тебе надо немного освежиться. Мне давно не приходилось видеть только что проснувшуюся женщину, но я точно могу сказать, что сегодня ты выглядишь не лучшим образом.

– Потому что всю ночь лежала и думала.

– Понятно.

– Нам надо лететь в Канаду, комиссар...

Шарко поколебался, потом, поставив на подоконник кувшин с водой, сказал хмуро:

– Ты что же, думаешь, меня не преследуют лица этих детей? Я видел, как им страшно, видел их обезумевшие глаза, их жесты... Я понимаю, что те, кто стоял за камерой, делали с детьми нечто чудовищное. Но наша работа, Люси, – это настоящее время, настоящее – не прошедшее. В настоящем тоже хватает дерьма. А кроме того, пока у нас нет никаких конкретных данных, которые позволили бы узнать, что случилось с детьми дальше.

– Вот именно что есть, я кое-что отыскала в Сети! В пятидесятых годах Монреаль был очень католическим городом и там было полно сиротских приютов. Каждого ребенка, который проходил через такое учреждение, регистрировали и заводили на него справочную карточку, которая хранилась в государственном городском архиве. У Монреальского архива есть сайт, где написано, что вход туда свободный и можно на месте просмотреть любые единицы хранения. Там все разобрано, классифицировано, во всем полный порядок...

– Вот только нет никакой гарантии, что поиски надо вести именно в Монреале.

– Фильм снимался в Монреале, анонимный звонок был из Монреаля, манера говорить у девочки, по словам специалистки, тоже монреальская. И не забудьте, что Жюдит Саньоль рассказывала нам о старой заброшенной

фабрике под Монреалем. Если ищешь кого-нибудь в архиве, лучше знать его имя, но иногда достаточно и года. Кроме того, в архивных делах есть фотографии, и мы могли бы...

– Все, что мы имеем, – это год производства старого фильма и несколько фотографий девочки, вернее, распечатанных кадров. Черно-белых, плохого качества.

– Нет, у нас есть еще имя. Лидия. Полагаю, это девочка, ровесница героини фильма. Может быть, они жили в одной комнате? Год, имя, фотография – это уже немало.

– Ну да...

– Мы продвигаемся черепашьям шагом, но мы тем не менее продвигаемся. Можно распечатать фотографии еще нескольких девочек, тех, что были в комнате с кроликами. На некоторых планах видны качели, столовая, кусочек сада, – возможно, это позволит опознать здание приюта. Не так уж много, но лучше, чем ничего. Если нам удастся установить, кто эта девочка или кто ее товарки, появится шанс разобраться и во всем остальном.

Шарко взял в руки свою чашку с кофе и поднес ее к губам. Сделал большой глоток.

– Канада – это далеко, это дорого. Мне надо подумать.

Зазвонил мобильный комиссара. Это был Леклерк.

Глава управления по борьбе с преступлениями против личности сразу, без подходов, взял быка за рога:

– У меня две новости: плохая и хорошая. С какой начинать?

Шарко переключил телефон на громкую связь:

– Со мной сейчас лейтенант Энебель.

– Что?! Она у тебя?!

– Она провела ночь в отеле, но сейчас она тебя слушает. Давай начинай с плохой.

Люси предпочла пропустить его ложь мимо ушей – таковы правила игры. В трубке прозвучал низкий голос, тон был серьезный, без тени улыбки:

– Здравствуйте, лейтенант Энебель.

– Добрый день, месье...

Леклерк откашлялся.

– Я получил ответ из Квебека, из Главного управления полиции. Насчет Жака Лакомба. Он умер в пятьдесят шестом году. В его квартире нашли тогда сильно обгоревшее тело и пришли к выводу, что это был несчастный случай. Лакомб жил в Монреале.

Шарко закусил губу.

– Несчастный случай... А известно, где он был и что делал до того?

– Известно: канадцы кое-что нарыли. Если коротко, в пятьдесят первом году он обосновался в Вашингтоне и в течение двух лет работал там киномехаником в небольшом кинотеатре. В тысяча девятьсот пятьдесят третьем перебрался в Монреаль и там тоже работал киномехаником.

Шарко минутку подумал.

– Как-то все очень нелогично получается, если вспомнить, насколько поспешно он уехал из Франции, как хотел сделать карьеру в кино, да и таланта у него не отнимешь... К тому же нам известно, что в пятьдесят пятом он снимал кошмарный фильм с участием детей. Одно с другим не вяжется, и что-то за этим стоит. Лично я не верю ни в какой несчастный случай. Он погиб в пятьдесят шестом, сразу же после съемок, и это не может быть простым совпадением. Что еще можно узнать о его прошлом? Где еще покопаться? Кто может заняться расследованием обстоятельств этого мифического несчастного случая?

– Никто. Кому это надо? Американцам, канадцам или нам, французам? Придется же открывать дело по факту, имевшему место пятьдесят лет назад! А для того чтобы открыть дело, сам знаешь, требуется доказанное убийство. Ну и не забудь о сроке давности. Нет, мы ничего не можем сделать.

Шарко вздохнул, оперся на стол.

– Ладно... А хорошая новость?

– Пришли результаты анализов ДНК, и появилась возможность опознать одно из пяти тел. Труп с содранной кожей и пулей в плече.

Люси обратила внимание на то, как засветились глаза комиссара.

– Ну и кто же это такой?

– Мухаммед Абан, двадцати шести лет. Досье полтонны весом. Золотая юность расцвечена драками, наркотиками, кражами, рэкетом. В конце концов его посадили на десять лет за изнасилование, совершенное при отягчающих обстоятельствах, плюс тяжкие телесные повреждения.

– Точнее.

– Его жертвой стала женщина двадцати лет, она чуть не погибла: в знак благодарности за проведенную с ним ночь он поджег девушке половые органы. Ему тогда было шестнадцать лет.

– Славный какой мальчик...

– Ему сократили срок за примерное поведение, и одиннадцать месяцев назад он вышел из тюрьмы – той, которая во Френе.

Шарко сжал телефон так, что пальцы побелели. Впервые с тех пор, как

началось расследование, у них появилось нечто конкретное.

– Его последний адрес?

– Он жил у брата Хакима в городе Аньер-сюр-Сен.

– Дай мне точный адрес.

– Думаешь, мы только тебя и ждали? Команда Переса уже в пути и скоро будет на месте. Это их работа, не твоя. Приходи лучше сюда, у меня на столе – начало списка гуманитарных организаций, представители которых были в Каире в девяносто четвертом году, когда там убили девочек.

– Это может подождать.

Шарко повесил трубку. Люси бродила по комнате, покусывая палец.

– Ну и что скажешь, Энебель?

– Лакомб погиб во время пожара через год после того, как сделал фильм. В течение года, предшествовавшего его смерти, анонимный даритель прислал копию фильма в канадскую синемотеку. А если Лакомб почувствовал, что его жизни что-то угрожает? И сделал несколько копий фильма и разослал эти копии в разные архивы, с одной стороны, чтобы замести следы, а с другой – чтобы это распространялось, как вирус... Мы же видели, с какой скоростью бобина перемещалась из рук в руки, из коллекции в коллекцию.

Шарко кивнул: девчонка явно не бездарна.

– Лакомб на свой лад уберег сотворенное им сокровище. Запустил его путешествовать по свету, дав ему возможность существовать, а стало быть, в один прекрасный день оказаться расшифрованным и понятым. Да, вполне вероятно.

Люси кивнула. Мало-помалу кусочки пазла становились на свои места, пусть даже пока не разгадать картины в целом. Шарко быстро набрал номер на мобильнике.

– Кому вы звоните?

– Бывшим коллегам по дому тридцать шесть, хочу получить адрес Абана. Не задерживайся в ванной. Через десять минут я доставлю тебя к станции скоростного метро, поедешь домой.

Люси расправила измятую майку.

– Нет, не думаю. Лучше поеду с вами.

Аньер-сюр-Сен... Чистенький городок, симпатичный центр, славные магазинчики... Вокруг и выше – куда менее радостно: вместо зелени – бетон, в небе – стальные птицы, взлетевшие с аэродрома Руасси, бесконечные ряды мышино-серых домов, закрывающие горизонт. Парижский пригород во всей красе. И посередине – река...

Шарко и Люси вышли из метро на станции «Габриэль-Пери» и, торопясь, двинулись к западу. Хаким Абан, брат одного из пяти убитых под Граваншоном, не имел судимостей и работал ночным сторожем в большом супермаркете. Этот, по-видимому, вполне нормальный парень жил на четвертом этаже мрачного, малопривлекательного дома. Подростки, валявшиеся на клочке поросшей травой земли у подножия башни, отметили появление Люси свистом, впрочем вполне беззлобным.

Черты лица человека, открывшего им дверь, были резкими, заостренными – такие часто встречаются у жителей Средиземноморья. Лицо словно высеченное из камня, а тело – крепкое, мускулистое. Судя по всему – любитель тяжелой атлетики и культуризма. Шарко заговорил первым:

– Хаким Абан?

– А вы кто такой?

К великому удовольствию Шарко, парни из судебной полиции здесь еще не побывали. Он мысленно похвалил себя за скорость и достал служебное удостоверение. Абан был в шортах и белой футболке с надписью: «Зеленый след в Фонтене»<sup>[26]</sup>.

– Мне надо задать вам несколько вопросов о вашем брате Мухаммеде.

Араб не сдвинулся с места, так и стоял, загораживая собой вход в квартиру.

– Что он еще натворил?

– Он умер.

Хаким Абан пошатнулся, потом сжал кулаки и изо всей силы ударил ими о притолоку.

– Отчего?

Шарко не стал входить в детали:

– Похоже, от пули. Его тело нашли зарытым в землю в промышленной зоне департамента Сен-Маритим. Можно теперь войти?

Хозяин квартиры чуть сдвинулся, пропуская незваных гостей в

прихожую.

– Сен-Маритим... Как его туда занесло?

Ни слезинки, но видно было, что новость потрясла Хакима – на мгновение ноги отказали, и он вынужден был присесть на кушетку у стены.

Полицейские, не дожидаясь приглашения, прошли в комнату.

– Это рано или поздно должно было случиться... Кто его убил?

– Пока не знаем. А у вас нет никаких мыслей по этому поводу?

– Нет... У него было столько врагов – и здесь, в городе, и в других местах.

Люси быстро огляделась. Телевизор с плоским экраном, игровая приставка, везде гири, гантели, диски для штанги... слишком много всего для такой маленькой квартирki. Она заметила рамку с фотографией, подошла ближе, посмотрела, нахмурилась:

– Вы с братом – близнецы?

– Нет, погодки. Мухаммед на год моложе меня и на два или три сантиметра выше. Но лицом мы похожи – да, как две капли воды... Когда я говорю «мы похожи», речь идет только о внешнем сходстве, что же до всего остального – у меня нет и никогда не было с ним ничего общего. У Мухаммеда чердак давно был не в порядке, он много глупостей делал.

– Когда вы виделись в последний раз?

Хаким Абан смотрел в пол, и глаза его были пустыми.

– Месяца через два или три после того, как он вышел из тюрьмы. Да... вскоре после Нового года. Мухаммед явился сюда, он плакался мне в жилетку и говорил, что хочет измениться, вернуться на путь истинный. Но я никогда всерьез в такое не верил. Этого быть не могло.

Вскоре после Нового года... Значит, тела в промышленной зоне под Граваншоном были закопаны меньше семи месяцев назад. Шарко догадывался, какой ответ получит на следующий вопрос, но все-таки хотел услышать эти слова из уст брата Мухаммеда.

– Почему не верили?

– Потому что такие парни, как он, не способны остановиться. Мне показывали фотографии той девушки, которой он сжег все между ног. Это было давно, но фотографии так и засели у меня в башке. То, что сделал мой брат, бесчеловечно! – Хаким вздохнул. – Последний раз брат жил тут у меня примерно неделю, да, да, как раз неделю... Он ушел с несколькими шмотками в рюкзаке где-то в середине января...

Араб помолчал.

– Никогда, ни на секунду я не верил, что он это сделает. И не ошибся.

– Что он делает – что?



Хаким Абан опять вздохнул, встал, выдвинул ящик, достал оттуда измятую брошюрку и протянул ее Шарко.

Сердце комиссара на миг замерло, потом забилось снова.

Все прояснилось за долю секунды.

В брошюрке воспевались подвиги Иностранного легиона.

Шарко встретился взглядом с глазами потрясенной не меньше его самого Люси.

Хаким вернулся на кушетку, бессильно свесил руки между могучих бедер.

– Когда Мухаммед был еще в тюрьме, он нашел эту книжонку в каком-то глянцево-м журнале, знаете, как рекламные буклеты туда вставляют... Ну и все. Послушать его – так не захочешь, а поверишь, что рука судьбы, что откровение, все такое. В общем, он решил записаться в этот легион. Покончить с прошлым – как не бывало. Сменить имя и все начать с нуля. Как же, как же...

Он взял в руки фотографию с братом, долго в нее всматривался.

– Дурачок, зачем ты умер?

В глубине души Шарко ликовал. Иностранн-ный легион!.. До чего же четко все соответствует открытиям последних дней!.. Люси тем временем продолжала допрос:

– Есть ли у вас хоть какие-то доказательства, что брат записался в легионеры? Он с кем-то переписывался, кому-то звонил или ему звонили? Покупал железнодорожные билеты... на юг?

– Например, в Обань?<sup>[27]</sup> – уточнил Шарко.

Араб покачал головой:

– Нет, я же только что сказал, никуда он не завербовался. Я знал, что он на это не способен. Чересчур неуравновешенный, непоследовательный. Для него не было никаких авторитетов, Мухаммед просто не выносил, когда им командуют. Ну разве можно представить его легионером? Вот как-то возвращаюсь я с работы, а Мухаммеда и след простыл. Даже брошюру свою не взял с собой. Не попрощался со мной, ничего... Я так и знал, что рано или поздно, но полиция ко мне наверняка нагрянет...

Комиссар играл желваками, уставившись на страницу рекламного проспекта с фотографией солдата в белой форменной фуражке. Легионер – вся грудь в медалях – гордо позировал перед камерой. Шарко был уверен, что парень все-таки записался в легион, но ему не хватало убедительных доказательств. Наверняка записался, пусть даже брат думает, что такого не может быть!

– У вас есть родственник, может быть, друг или хороший знакомый, к

которому Мухаммед мог отправиться, уйдя отсюда, или с кем мог хотя бы поговорить перед отъездом?

– Никого, кроме пропащих парней, у него в друзьях даже и не представляю...

Шарко продолжал размышлять. Все постепенно становилось на свои места, но оставалось одно противоречие: зачем отрезать кисти рук, срезать татуировки и вырывать зубы у человека, которого так легко опознать по ДНК? Как бы то ни было, в легионе не могли не знать, что за Мухаммедом тянется шлейф тяжких преступлений. Конечно, они пренебрегают прошлым своих рекрутов, но тем не менее тщательно проверяют их, прежде чем оформить документы о вступлении. Наверняка им было известно и о том, что все данные об этом парне есть в Национальной картотеке, и о том, что именно он успел совершить.

Разве только...

Темные глаза Шарко снова обратились к фотографии двух братьев.

– Думаю, мой вопрос покажется вам странным, но ответьте: у вас не пропало примерно тогда же, когда и брат, удостоверение личности?

Хаким кивнул:

– Действительно пропало. Потерял его на работе или на улице. А как вы догадались?

Шарко не ответил. Люси была поражена не меньше, чем хозяин квартиры. А у комиссара теперь все сходилось, на все вопросы нашлись ответы, его уверенность росла. Он протянул руку арабу, попрощался с ним. Люси тоже.

– Скоро к вам придут наши коллеги из Руана, они зададут куда больше вопросов и все запишут. Не беспокойтесь – это нормально.

Прежде чем выйти вслед за Люси, он обернулся к Хакиму, который так и сидел на кушетке:

– Кстати... У вашего брата нашли под кожей в районе шеи крошечный кусочек пластика. Не знаете – какие-то хирургические операции он перенес?

– Нет-нет.

– А в больнице лежал когда-нибудь?

– Не думаю. Нет, ничего об этом не знаю.

– Спасибо. Обещаю, что вы все узнаете. И виновные за все заплатят, я лично прослежу за этим.

Шарко тихо закрыл за собой дверь.

Люси и Шарко сидели за столом на кухне в Л'Аи-ле-Роз. По дороге они накупили выпечки, и, пока комиссар, выбравший себе шоколадную булочку, аккуратно обмакивал ее в кофе, Люси принялась за круассан. Впервые за несколько дней по небу за окном плыли белоснежные облака.

Проглотив очередной кусок сдобы, Шарко заговорил:

– Ну что ж, все сходится. Тела, которые невозможно опознать, – это, безусловно, трупы иностранцев, приехавших за свой счет во Францию с единственной целью: во что бы то ни стало стать legionnaires. Частый случай для Иностранного легиона.

– Угу, убийцы, постаравшиеся сделать идентификацию своих жертв невозможной, действовали вполне профессионально, да и трупы спрятали продуманно... И то, как Люк Шпильман описал своего посетителя, человека в армейских ботинках... Да, это дело рук военных.

– И не забывай, что, судя по анализу волос, трое из убитых незадолго до смерти перестали употреблять наркотики. Это ясно говорит о том, что парни покончили с прошлым и что с некоторых пор ими управляли железной рукой. С тех пор, как началась их проверка в вербовочном пункте. Документы при входе отбираются, и, пока длятся проверки, кандидатам в legionnaires не дозволяются никакие отношения с внешним миром. Новобранцы.

Комиссар прикончил свою булочку. Он выглядел вполне здоровым и даже почти счастливым.

– А что за история с пропавшим удостоверением личности? – спросила Люси.

– Так ведь ясно! Все вполне логично. Мухаммед Абан был человеком неуравновешенным, с таким, как у него, количеством судимостей никто его в легион не принял бы. Вербовщики в Обани не обращают внимания на практически любые правонарушения, но их не устраивают те, кто совершил тяжкие преступления: убийства, грабежи, разбой, не устраивают люди с серьезными извращениями. Они не хотят проблем с Интерполом. Ну и Абан схитрил, подменил документы.

– Украд удостоверение брата?

– Да конечно же! Все, что нужно предъявить в приемном пункте Иностранного легиона, – это удостоверение личности, выданное государственным учреждением и действительное на данный момент. Не

более того. Это удостоверение и остается на срок контракта единственной связью между прошлым и будущим legionера. Потому Мухаммед Абан, недолго думая, выдал себя за брата. Они похожи как две капли воды, вербовщикам даже в голову не пришло что-то заподозрить: перед ними стоял человек с идеальной биографией, без единой судимости.

Шарко сиял. Люси вдруг увидела его уверенным в себе, жизнерадостным, снова обретшим вкус к расследованию, рвущимся на поле боя. А он между тем, прихлебывая кофе, задумался снова.

– М-да, все почти логично...

– Почти? Почему «почти»?

– Именно – почти. Имею в виду пятерых убитых новобранцев. Ведь ничего хуже вступительных испытаний в легионе и особенно десяти последующих недель подготовки не придумаешь, это просто ад на земле. Тебя подвергают бог знает чему, физически и психологически, мучают до тех пор, пока не захочется застрелиться. Легко себе представить, что кое-кто начинает бунтовать, а у кого-то попросту едет крыша. Слегка обобщая, приходим к выводу, что имело место некое нарушение порядка. У инструктора выбора нет – только стрелять, ведь новобранцам выдают настоящее оружие. Видишь, все сходится, остается непонятным только одно: почему у них вынули мозг и глаза, прежде чем закопать.

Его предположения сыпались с такой скоростью, что Люси смогла ответить только после паузы:

– Потому что надо было скрыть следы чего-то более серьезного, чем обычное нарушение порядка? Потому что за всем, происходившим с новобранцами, стоял этот чертов фильм и эти девочки, запертые в комнате и внезапно кидающиеся на беззащитных животных, чтобы убить их?

– И девушки, с которыми так жестоко расправились в Африке. Египет, Франция, Канада... Да, хотя реальной связи и не видно, она, несомненно, существует. Кроме того, есть еще одна проблема: нога legionера не ступала в Египет больше пятидесяти лет. Помимо внешнего сходства в способе действий, помимо феномена коллективной истерии, который, как мы предполагаем, имел место во всех случаях, две серии преступлений как будто ничем не связаны. Что до фильма, то нам пока не удалось установить, каким боком он к этому всему причастен...

Люси провела по лицу рукой. Нервная усталость все больше и больше ее тяготила. А Шарко продолжал думать вслух:

– Они и впрямь очень сильны. Нотр-Дам-де-Граваншон... Там же ничего нет, никакого военного полигона. Конечно, надо справиться, но я убежден, что легионом там и не пахнет. Если бы мы нашли тела поблизости

от Обани, где-то в этом регионе, но здесь... Не подкопаешься, защита у них что надо.

– Погодите, вы что, хотите сказать, что к легиону никак не подступишься?

– Обвинения серьезные, а ты знаешь порядок. Как бы убедительно ни выглядели наши доводы, от нас потребуют конкретных доказательств. Понадобятся свидетели, документы, следы, улики... А у нас нет ничего, кроме уверенности. Ни мое управление, ни судебная полиция не заведут уголовного дела, основываясь только на уверенности сыщиков. Крал Мухаммед Абан удостоверение личности брата или не крал, а прошлое этого парня работает против нас. Легион ответит, что никогда бы не принял человека с таким прошлым. Их главное правило: никакой крови позади.

Шарко замолчал. Люси старательно вытирала губы бумажной салфеткой.

– Ну а если бы кто-то все-таки решился возбудить дело против легиона, что произошло бы дальше? – наконец спросила она.

Комиссар безнадежно махнул рукой:

– Наше заключение отправили бы в министерство обороны. Допустим, что случилось невероятное и там дали добро, – тогда, для того чтобы получить возможность допросить парней, отобранных для дачи показаний в рамках расследования, нам пришлось бы подать письменное заявление о возбуждении дела и приложить к нему еще кучу бумаг. Все это заняло бы уйму времени, тем временем слухи о том, что мы собираемся допрашивать легионеров, долетели бы до руководства Иностранного легиона, и там приняли бы меры. Предполагая по-прежнему, что удалось возбудить дело, вспомним: существует понятие «государственная тайна». А не вспомним, так нам напомним: не приходится сомневаться, что нам предстоит общаться с кем-то из начальников, полковником или генералом, имеющим право ссылаться на необходимость сохранить государственную тайну, если не хуже того – на то, что вся их деятельность строго засекречена. Мне уже случалось несколько лет назад сталкиваться с такими людьми: с тем же успехом можно ждать ответа от якоря со дна океана... Легион – это тело, легион – это дух. Даже если кто-то что-то видел и даже если эти люди все еще на территории Франции, никто ничего не скажет.

Люси медленно водила пальцем по ободку чашки.

– А если мы пренебрежем существующим порядком?

Взгляд Шарко заledenел.

– Об этом не может быть и речи.

– Ой, только не говорите, что сами об этом не думали!

Комиссар пожал плечами:

– Ты слишком молода, чтобы позволить себе сбиться с пути. Хочешь дружеский совет? Не навлекай на себя неприятностей. Твои дети тебе этого не простят.

– Ладно, давайте без проповедей. Мы начинаем собственное расследование. Мы едем туда и просим главного начальника принять нас: якобы нам надо с ним поговорить... например, об одном подозреваемом. Если ему будет угодно нас принять, мы осторожно переведем разговор на наше дело. И если он как-то в этом деле замешан, мы, скорее всего, сами это поймем по его реакции.

– Какой реакции? Ты что, полагаешь, он прокричит во весь голос правду?

– Нет, но, возможно, он начнет нервничать, куда-то звонить. Мы проследим за ним. Устроим засаду перед его домом с... ну не знаю с чем... с дальнодействующими микрофонами?

Шарко обидно усмехнулся:

– Ты чересчур увлекаешься сериалами. И любимый, похоже, «Миссия невыполнима». Его кабинет, дорогая, должен быть набит детекторами хай-фай, способными уловить любой источник электромагнитных волн в радиусе десятков метров. Кроме того, у него наверняка есть закодированный телефон спецсвязи. Эти типы большей частью чистые параноики, потому их и назначают на такие должности... Вернись в реальность, милочка!

– Ну так что? Сдадимся и позволим им сбежать?

Шарко не ответил, он пристально рассматривал собственные ладони. Люси скомкала салфетку.

– Нет уж, лично я не сдамся! Не хотите идти со мной – пойду одна. Сказав «а», говори «б», а сделал шаг – иди до конца.

Мгновение – и она скрылась в ванной. Шарко вздохнул. Эта девчонка вполне на такое способна, она совершенно отчаянная, хуже чем отчаянная. Как следует подумав, он встал, вышел в коридор и остановился перед запертой дверью ванной.

– Тебе нужна виза или что там еще, чтобы лететь в Канаду? – спросил он громко.

Душ продолжал шуметь.

– Что вы спросили?

– Сначала надо отработать канадский след. Чем больше я об этом думаю, тем мне яснее, что сведения о девочках мы сможем найти в архивах. А вот если там ничего не обнаружится, тогда пойдем в атаку на

легион. Так нужна тебе виза?

– У меня есть паспорт. Иногда этого достаточно, иногда нет. Во всяком случае, так я поняла, шаря сегодня ночью по Сети. Наверное, было бы проще, будь у нас на руках официальный запрос международного образца.

Шарко говорил, едва не приклеившись губами к двери. Он чувствовал, что Энебель там, в ванной, в нескольких метрах от него, намыливается. Он невольно представил ее голый, и по животу растеклось тепло.

– Ладно, согласен... У нас хорошие отношения с канадцами, они обучают для нас специалистов-аналитиков, и у нас есть там все нужные контакты. Я добуду тебе документы через наше управление. А ты не знаешь, есть ли прямой рейс из Лилля в Монреаль?

– Да, но... Ой, мне мыло попало в глаз! Подождите!..

Шарко улыбнулся. Послышался шум раздвигаемой пластиковой занавески, потом женский голос:

– Вы со мной разве не полетите?

– Нет. Сядешь на ближайший экспресс. Насчет своего начальства не беспокойся, я сам передам твоему шефу всю информацию. Тебе забронируют электронный билет до Квебека.

– А вы?

– А я пойду к Леклерку и посмотрю, что там за список представителей гуманитарных организаций, находившихся в Каире во время убийства девушек. Может быть, в длинном списке найдется и имя убийцы.

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге появилась завернутая в махровую простыню Люси с мыльной пеной на волосах и ушах. От нее пахло ванилью и кокосом. При виде ее Шарко почувствовал себя как-то странно и отступил на шаг.

– Почему вы хотите меня отослать? – спросила она жестко.

Шарко сжал зубы. Потом протянул руку, стряхнул кончиками пальцев с ее виска пену и сразу же резко развернулся.

– Почему, комиссар?

Но он уже, не обернувшись, исчез в конце коридора.

Люси вышла из квартиры в Л'Аи-де-Роз, и все понеслось на немыслимой скорости. У нее было всего несколько часов на то, на что у другой ушло бы не меньше двух суток. Ее самолет отбывал из аэропорта Лилль-Лескин в 19:10. Международный отдел управления, в котором работал Шарко, договорился с ее начальством – и дальше все произошло как по мановению волшебной палочки: ей оформили командировку, выдали нужные бумаги, забронировали номер в гостинице, переслали электронные авиабилеты туда и обратно... А только что она распечатала полученный опять-таки электронной почтой официальный запрос международного образца... «Боинг» приземлится в Канаде в 20:45 по местному времени. Остановится она в трехзвездочном отеле «Дельта-Монреаль», расположенном между плато Мон-Руаяль и Старой гаванью, – это в двух шагах от архива. В строгих рамках расследования ей отводилось на командировку четыре дня, не считая дня прилета и дня вылета. Однако они не поскупились: целых четыре дня на поиск в архиве старых бумажек – это много!

По дороге домой Люси вспоминала последние слова Шарко, сказанные на платформе скоростного метро в городе Бур-ла-Рен: «Береги себя, детка, давай-ка поосторожнее там...» – и слова эти перекачивались у нее в груди, как камешки, ударяясь одно о другое. При прощальном рукопожатии его палец оказался сверху, Шарко улыбнулся ей, она ему: что ж, два – ноль – потом он, как и в первый раз, ушел, сторбив плечи и не оборачиваясь. У Люси кольнуло сердце, когда она смотрела ему вслед, долго смотрела, как скрывается в толпе силуэт этого странного человека.

Она приняла душ, уложила вещи – по минимуму, только то, без чего не обойтись, закинула чемодан в багажник, вынесла мусор и, сев в машину, направилась к городскому Клиническому медицинскому центру. Волновалась она просто как никогда. Канада... международное дело... и это дело поручено ей, лейтенантишке, у которой совсем еще недавно только и было дел, что годами перекидывать туда-сюда бумажки в комиссариате Дюнкерка... В глубине души она даже гордилась таким своим взлетом.

Люси налила в два пластмассовых стаканчика кофе и вошла с ними в палату. Верная своему долгу мать, конечно же, была на посту: осваивала с Жюльеттой какую-то игру на видеоприставке. Кровать дочери была завалена



раскрасками. Девочка, не отвлекаясь от экрана, увидела краем глаза Люси и улыбнулась, личико ее, обретшее естественный для ребенка ее возраста персиковый цвет, сияло. Врач официально объявил, что завтра Жюльетту выпишут. Люси кинулась обнимать дочку:

– Завтра с утра? Ой, как здорово!

Нацеловавшись, малышка вернулась к прерванной игре... как же давно Люси не видела ее такой веселой! Мать и дочь со стаканчиками кофе в руках смотрели на нее с порога палаты. Собравшись наконец с духом, Люси начала:

– Мам, тебе придется посидеть с Жюльеттой еще как минимум четыре дня. Ну то есть четыре дня и четыре ночи. Мне очень жаль, но расследование оказалось дико сложным и...

– И куда же ты теперь?

– В Монреаль...

У Мари Энебель определенно был дар одним взглядом погружать тебя в чувство вины с головой.

– Значит, теперь за границу. Надеюсь, это, по крайней мере, не опасно?

– Нет-нет, совсем не опасно! Мне надо будет порыться в документах одного архива. Ничего особенно увлекательного, но, к сожалению, обойтись без этого нельзя, ну и надо было отправить туда кого-то, чтобы выполнить работу.

– И конечно же, работу свалили на тебя!

– Можно сказать и так.

Мари слишком хорошо знала свою дочь, чтобы поверить в безобидность командировки: если бы Люси предстояло сразиться с самим дьяволом, она бы сообщила, что идет в лес за грибами. Лучше сменить тему.

– Твой бывший заходил. – Мари показала на серого плюшевого бегемота.

– Мой бывший?.. Ты имеешь в виду Людовика?

– А что, были и другие?

Люси промолчала. Мари печально смотрела на Жюльетту.

– Видела бы ты, как они весело играли... Людовик провел здесь, с Жюльеттой, целых два часа. Его выписали, и он зашел сюда по пути домой. Сказал, если захочешь, можешь ему позвонить. И тебе надо это сделать.

– Мама...

Мари поймала взгляд дочери и больше уже не отводила от Люси глаз.

– Тебе нужен мужчина, Люси. Кто-то, кто внес бы стабильность в твою жизнь, кто умел бы, когда потребуется, вернуть тебя к реальности.

Людовик – хороший парень.

– Очень. Вся проблема в том, что я его не люблю.

– Ты не успела его полюбить. Твои близняшки проводят куда больше времени с бабушкой, чем с матерью, это я их воспитываю, я сижу с ними. По-твоему, это нормально?

На самом-то деле Мари была совершенно права. Люси вспомнила, как Шарко говорил о работе: ненасытное чудовище, которое с течением времени срыгивает из своей пасти разрушенные, погубленные семьи.

– Давай подождем, когда расследование будет позади, а, мама? Обещаю тебе остановиться и подумать над этим.

– Подумать, подумать, конечно... Во время прошлого расследования ты говорила то же самое. И в прошлый раз, и в позапрошлый, и в позапозапрошлый...

Во взгляде Мари ясно читался упрек, но одновременно и что-то вроде жалости.

– Уж разумеется, теперь мне не переделать свою дочь, поздно. Ты какая-то железобетонная, Люси, и, чтобы тебя хоть немножко изменить, твои чертовы мозги надо перестроить целиком!

– Но я, по крайней мере, знаю, в кого я пошла!

Люси удалось-таки вытянуть из матери полуулыбку, и Мари погладила дочь по щеке:

– Ну ладно. Я быстренько смотаюсь домой и вернусь. Тебе когда отсюда уходить?

– Самое позднее – в пять. Мне надо быть в аэропорту заранее: регистрация и все такое.

– То есть у тебя всего три часа, чтобы побыть с дочуркой. Господи ты боже мой, прямо как свидание в тюрьме...

Расставшись с Люси, Шарко поехал в Нантерр. Эта женщина-лейтенант оставила после себя в его сознании сверкающий след, она словно бы никуда и не уходила, и комиссар не мог избавиться от ощущения, что она здесь, рядом. Он снова и снова вспоминал ее завернутой в махровую простыню, покрытую пеной, видел так ясно, как наяву. На пороге его собственной ванной! Кто бы мог поверить, что там, где принимала душ Сюзанна, встанет под душ другая женщина? Кто бы мог подумать, что при виде слегка обнаженного тела сердце в его груди снова забьется сильнее?

Сейчас он ходил туда-сюда по кабинету начальника. Люси была далеко, у нее были свои дела. А он метал громы и молнии перед сидящим за письменным столом Леклерком.

– Нам нельзя сдаваться без боя! Другие же пробовали атаковать легион!

– Пробовали – и нарывались... Перес и шеф думают точно так же, как я. Нам надо не лезть на рожон, как ты предлагаешь, нам надо законным путем получить конкретные сведения. Жослен поручит двоим из следственной группы разобраться, где находился Мухаммед Абан после того, как ушел от брата, – и больше ничего пока, потому как это единственное, повторяю, законное средство, которым мы сейчас располагаем.

– Ну да, конечно, потратим кучу времени и ни к чему не придем, тебе же самому это ясно как день!

Леклерк посмотрел на лежавший перед ним на столе конверт:

– Я сказал тебе по телефону – как раз перед тем, как ты нарушил порядок, обогнав Переса, – что мы получили список гуманитарных организаций, представители которых были в Египте, в районе Каира, в то время, когда произошли убийства трех девушек. Здесь есть несколько фамилий – людей, ответственных за миссию, но есть и еще одна очень любопытная штука: вот этот вот конгресс ГСБИ. Глянь-ка...

Мартен Леклерк был мрачен, замкнут, он бессмысленно переключал бумажки на столе, стараясь ни в коем случае не встретиться взглядом с Шарко. Комиссар взял в руки документ и стал читать:

– «Улыбнемся сиротам всего мира!» – около тридцати участников. «Срочно: планета под угрозой!» – более сорока. «SOS, Африка в

опасности!» – шестьдесят... О других уже и не говорю... – Он прищурился. – Ага, вот то, о чем ты говорил: март девяносто четвертого, ежегодная встреча членов Глобальной сети безопасных инъекций (ГСБИ)... Свыше... ух ты, свыше трех тысяч участников со всех концов земли! Всемирная организация здравоохранения, ЮНИСЕФ, ЮНДЭЙС, Объединенная программа ООН по СПИДу, неправительственные организации, университеты, врачи, исследователи, представители здравоохранения и промышленности из более чем пятнадцати стран... Но... что, по-твоему, я должен с этим делать?

– Март девяносто четвертого года – ведь именно в это время были убиты девушки, так?

Пауза. Шарко всмотрелся в документ более внимательно:

– Черт побери, а ведь ты прав.

– Естественно, я прав. Сегодня мы должны получить подробный список участников этого конгресса. Пока, если прикинуть, получается, что французов среди них – от ста пятидесяти до двухсот.

– Две сотни...

– Короче, сам видишь, эти люди вряд ли носили армейские ботинки и полевую форму... Потому мы на время забудем об Иностранном легионе: у нас и кроме легиона дел хватает. Имею в виду Канаду, эти списки и расследование, связанное с Абаном.

Шарко оперся обеими руками на стол Леклерка:

– Что происходит, Мартен? Мы с тобой привыкли работать на пару, привыкли вместе доводить все до конца, использовать все средства, между нами все всегда было ясно, а сейчас ты пытаешься напустить тумана, заговариваешь мне зубы... своими списками. Раньше ты шел бы напролом...

– Раньше... – Мартен Леклерк вздохнул. Он схватил со стола лист бумаги, смял его в кулаке и выбросил в корзину. – Все из-за Кати, Шарк. Я ее теряю.

Шарко сдержался, не выдал себя, на самом деле он уже не первый день чувствовал: что-то у них не в порядке. Катя и Мартен могли бы служить образцом нерушимой семьи, идеальной пары, они перенесли вместе множество бурь и штормов, и казалось, ничто не может пошатнуть этот союз.

– Это началось во время дела Юрье, да? Почему ты мне ничего не сказал?

– Потому что потому...

Шарко помнил все в мельчайших подробностях. Да, разлад между

ними начался год назад. Наркобизнес, дело о незаконной торговле кокаином в окрестностях Фонтенбло... Один из мелких наркоторговцев попался. Оливье Юссар, двадцати лет. Крестник Кати... Катя попросила мужа вмешаться, использовать свои связи, чтобы облегчить его участь, но Мартен стоял как скала, оставался верен присяге.

Франк злился на себя самого: пока он разбирался с собственными бедами, друг попал в беду, а он ничего не заметил. Он! Дипломированный аналитик, специалист по человеческому поведению!

– Я имел право знать, Мартен.

– Да? Интересно, с какой это стати ты имел право знать?

– С такой, что мы друзья, Мартен, и это дает мне право. Все очень просто.

В комнате повисла тяжелая тишина. Слышалось только урчание мотора проезжавшего вдалеке мотоцикла.

– Я ходил к начальству, Шарк. Позавчера.

– Зачем? Только не говори, что...

– Именно так и скажу. Покончим с этим делом, и я уйду в отставку. Все равно я не смог бы выдержать еще восемь лет, не смог бы ждать пенсии, одолеваемый таким страхом. Не смог бы без нее. Она уже несколько дней ночует у сестры, и я с ума схожу от этого. Ну и потом... разве ты можешь представить себе мою одинокую старость, разве можешь представить, что я старею один, как... как...

Он умолк. Шарко не сводил с него глаз.

– Как я, ты хотел сказать?

Леклерк опустил голову, попытался спрятаться за бумагами: складывал их в стопки, разбирал эти стопки, перекладывал с места на место.

– И вообще, ты меня достал, Шарк. Умолкни!

Комиссар отлепил ладони от стола, разогнулся. Он был оглушен, на глазах выступили слезы. Леклерк просто не представляет, какой удар только что ему нанес. Шарко сжал кулаки:

– Нет, ты понимаешь, что такое для меня твоя отставка? Ты понимаешь, каково мне будет столько лет тянуть здесь ляжку без тебя?

Леклерк бабахнул кулаком по столу:

– Да! Да! Отлично понимаю! А ты как думаешь? – На этот раз Леклерк уставился на подчиненного и больше уже глаз с него не сводил. – Послушай, я сделаю все, чтобы...

– Ни черта ты не сделаешь! Ты уйдешь, меня вышибут, и ты это отлично знаешь. Никому не нужен старый больной полицейский. Таких убирают. Все проще некуда.

Леклерк, глядя на друга, покачал головой:

– Не приставляй мне нож к горлу, очень тебя прошу. Мне и так хреново.

Шарко, чуть сгорбившись, двинулся к выходу. Но, уже взявшись за ручку двери, обернулся:

– Когда я потерял жену и дочь, вы с Катей не отходили от меня. Что бы ни случилось, какой бы ты ни сделал выбор, я его приму. А сейчас ты пойдешь к Жослену и скажешь ему, что отпустил меня на денек отдохнуть, потому что я слышу голоса – отовсюду.

Перед ним расстилалась дорога: длинная, однообразная, бесконечная. Шарко только что проехал Лион и теперь двигался прямо на юг, к Марселю. Окно было открыто, радио орало во всю мочь, мобильник лежал на уровне руля.

– Хуже всего то, что я не знаю, чем ему помочь. Поговорить с Катей? Нет, это ничего не решит. У меня ощущение, что я толку воду в ступе.

– Что значит «толку воду в ступе»?

Шарко посмотрел направо, на место пассажира:

– Что значит? То же, что «носить воду в решете», «тратить силы впустую», «топтаться на месте»... В общем, сизифов труд – то, чем я сейчас занимаюсь.

Эжени забавлялась своими локонами, накручивая прядку волос на палец, распуская и снова накручивая, и при этом продолжала его допрашивать:

– Послушай, а ты сам-то заметил, как Люси похожа на Сюзанну?

Шарко судорожно сглотнул. Да уж, эта девчонка совершенно непредсказуема. Он пожал плечами:

– По-моему, она похожа на Сюзанну не больше, чем банка твоего соуса на паровоз.

– Я хотела сказать: в твоих глазах. Это тебе кажется, будто она похожа на Сюзанну. И даже твоему каменному сердцу так кажется. Я-то знаю... Там, внутри, горячо – в твоём сердце.

– Ты бредишь.

– Ну конечно я брежу! Я! Ты равнодушен к ней, к Люси, и потому хочешь ее защитить. А Канада – это далеко.

Завибрировал мобильник комиссара.

– Мне-то самой очень нравится Люси. Надеюсь, вы будете вместе.

– Ты совсем с ума сошла, малышка.

Он взял трубку. Звонил один из его ответственных источников, работавший в Главном управлении внутренней разведки.

– Ну что – добыл информацию?

– А ты как думаешь? Сейчас легионом командует полковник по имени Бертран Шатель. Ну и послушной список у этого парня – закачаешься!

– Давай дальше.

– Легионер-профессионал, служил в самых что ни на есть знаменитых

войсковых соединениях. Если коротко: командовал Вторым парашютно-десантным полком легиона во время событий в Ливане, потом в Афганистане. Затем сменил курс – и вот он уже главный инструктор в гвианском аду; здесь он ввел новые программы тренировок, формировал элиту из элит. Можно подумать, ему чем круче гайки завернуты, тем приятнее. Парней, попавших под его начало, он гонял так, что не позавидуешь, зато вправлял им мозги до полной боеготовности. Снова оказавшись во Франции, провел три года во внешней разведке, то бишь в Главном управлении внешней безопасности, после чего вернулся к своей первой любви, командуя поочередно Первым иностранным полком в Обани, Четвертым иностранным полком в Кастельнодари и, наконец, два года назад встал во главе Группировки по привлечению солдат в Иностранный легион.

Одно из мест работы полковника Шарко тут же взял на заметку: Главное управление внешней безопасности. Прямо в точку...

– Значит, был легионером, потом вдруг перешел в секретную службу, а потом назад. С чего бы такой поворот в карьере?

– Может, ты думаешь, что все это написано на бумаге черным по белому? Вот уж нет! Все, что я тебе сообщил, нарыто в папках с грифом «совершенно секретно». Бертран этот знаком со многими шишками, и большей частью эти шишки работают в Консультативной комиссии по секретам национальной обороны. Мы с тобой залезли в слишком высокие сферы, Шарк, а в высоких сферах полным-полно черных ящиков. И если ты эти ящички откроешь, сразу увидишь, что каждый из них – ящик Пандоры. Не знаю, что ты собираешься делать с этой информацией, но точно знаю: человек, о котором мы говорим, недоступен и неуязвим.

– А вот это мое дело. Он сейчас в Обани?

– Я справлялся, говорят, да. Один звонок под чужим именем – и все в порядке.

– Гениально! Спасибо, Папи!

– Кстати, я тебе не звонил, ты же понимаешь! Не знаю и знать не хочу, какой херней ты занимаешься. Но тем не менее будь осторожен, приятель!

Шарко положил телефон на место, мстительно глянул направо. Слава богу, Эжени исчезла.

Он приглушил радио, которое стало действовать ему на нервы. За окном долины сменялись горами, реки – равнинами... Валанс, Монтелимар, Авиньон... Вот и Прованс. Столбик термометра лез, наверное, все выше и выше, потому что солнце сквозь ветровое стекло припекало сильнее некуда. В горле у него пересохло, но не от жажды, а из-



за Энебель... Эжени была права. Эта блондиночка перевернула весь его изношенный организм. Жгло в груди, в животе. Все было напряжено до предела, и ему от этого было плохо. Плохо, потому что в сердце у него нет места никому, кроме Сюзанны. Плохо, потому что он на пятнадцать лет старше Люси и, снова и снова глядя на себя ее глазами, он ясно видит все свои слабости, пороки, несовершенства, все, что разрушало его самого и разрушило его семью. Слишком отдавался работе, почти не бывал дома, единственное, к чему стремился, – преследовать зло, истинное зло, пока не припрут к стенке, измученного, сломленного... Из этой работы не выберешься. И нет этому конца, и нет никакого удовлетворения от нее.

День уже клонился к вечеру. Восемь часов в дороге, восемь часов раздумий – в том числе и о плане атаки.

Чистое самоубийство, Шарко это признавал.

Не важно, все равно он давно умер. И так часто умирал.

Он уже свернул с Солнечного шоссе, проехал с полсотни километров по А52 и дальше, руководствуясь стрелкой с надписью «Обань», по трассе А501, вдоль которой выстроились здания Главного командования Иностранного легиона и центра приема рекрутов. Длинные белые дома, напоминающие корабли, безупречные линии, строгая военная архитектура. Несколько минут спустя он выехал на дорогу местного значения, потом на дорожку, ведущую к будке постового, охранявшейся дежурным капралом. Белое кепи, красные эполеты, парадная форма легиона во всей красе. Шарко протянул часовому свое трехцветное служебное удостоверение и сказал:

– Комиссар Шарко из Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности. Мне хотелось бы встретиться с полковником Бертраном Шателем.

Полное название его конторы всегда производило сильное впечатление. Шарко в двух словах объяснил, что охотится на преступника-рецидивиста, который, скорее всего, не так давно вступил в легион по подложным документам. Впечатление лучше было еще усилить, и комиссар добавил, что на счету разыскиваемого преступника насилие и пытки. Часовой попросил его подождать и скрылся за дверью будки. Когда он вышел и показал, где припарковаться, Шарко понял: партия выиграна.

– Вот гостевая парковка, позади вас, можете поставить там машину. Полковник вас примет. Сейчас сюда придет младший лейтенант и проводит вас к нему. Но прежде мне надо забрать у вас служебное оружие.

Комиссар сдал пистолет.

Вскоре он уже молча, зажав под мышкой папку с резинками, следовал

за младшим лейтенантом. Внутри, на чистенькой стене ограды, сверкал золотом знаменитый девиз: «Legio patria nostra»<sup>[28]</sup>. Колонны солдат всех национальностей – поляки, колумбийцы, русские – маршировали на плацу под военные песни. Другие, одетые в синие тренировочные костюмы с белыми майками, чуть в стороне пытались одолеть тренировочные лестницы: скорее, скорее, скорее. Во взгляде у любого из этих парней читался страх. Новобранцы...

Готовность идти до конца, экстремизм – чудовищно! Эти не достигшие еще и тридцати братья по оружию с бритыми черепами и стальными глазами не остановятся ни перед чем, они готовы умереть за трехцветное знамя прямо здесь, в любую минуту.

Внимание Шарко внезапно привлекло одноэтажное строение, на фасаде которого виднелась табличка: «Группа информации и коммуникации, ГИИК». Комиссар ускорил шаг, догнал своего провожатого:

– Скажите... а что тут-то делают, в этой самой ГИИК?

– Это подразделение по связям с общественностью, по существу – пиар-группа. Сюда поступают многочисленные вопросы, здесь организуют репортажи о легионе. Производственный отдел группы обеспечивает рекламу легиона во Франции и за ее пределами.

– А отдел видеопродукции там тоже есть? Такой, где создавались бы и монтировались фильмы для военнослужащих?

– Да, конечно. Репортажи, пропагандистские фильмы и фильмы в честь каких-либо событий, к памятным датам.

– И что же, легионеры сами снимают такие фильмы?

– Съёмочные группы формируются из личного состава в Генштабе, входят в них в основном офицеры и унтер-офицеры пехотных полков. Будут еще вопросы?

– Нет, спасибо.

Шарко подумал об убийцах реставратора фильмов Клода Пуанье. Один из них был военным кинематографистом, и он наверняка скрывается здесь, в тепле и холе, носит свои армейские ботинки, живет в одном из этих больших домов... Вставших на места кусочков пазла становится все больше и больше.

Они приблизились к зданиям Первого полка Иностранного легиона. Именно здесь располагалось командование, соответственно – и главный военачальник. Носитель абсолютной власти. У Шарко пересохло в горле, вспотели ладони. При встрече с кровавым убийцей он куда меньше трепыхался бы, чем перед этим увешанным орденами и медалями полковником, бóльшая часть жизни которого была отдана служению

родине. Верный своему делу полицейский глубоко уважал военных и их самопожертвование.

Они прошли по длинным коридорам, где шаги заглушались коврами дорожками, провожатый Шарко трижды постучал в одну из дверей и встал по стойке смирно в ожидании ответа.

– Вольно! Заходите!

Впустив комиссара и в полном соответствии с уставом развернувшись кругом, младший лейтенант удалился. Шарко остался наедине с полковником. Тот подписывал какие-то бумаги. Полицейский рассмотрел хозяина кабинета и решил, что они примерно ровесники, да и комплекцией схожи, разве что полковник чуть похудее и, наверное, выше на несколько сантиметров. Безукоризненная стрижка – седой ежик – подчеркивала евклидову геометрию лица. Темный мундир, слева на груди нечто вроде беджа с надписью «полковник Шатель».

– Прошу вас подождать еще несколько секунд, – произнес полковник, подняв на посетителя холодные голубые глаза, и снова занялся своими бумагами. Никакой видимой реакции.

Комиссар задумался: если полковник замешан в деле, если он отслеживает информацию после обнаружения тел под Граваншоном, он наверняка должен знать Шарко в лицо и представлять себе, кто он такой. Следовательно, это полное безразличие Шателя – признак того, что он подготовился к визиту после звонка капрала или попросту не узнал гостя?

Воспользовавшись тем, что полковник сосредоточился на документах, Шарко хорошенько осмотрелся. Над большим окном, выходившим на плац, плакат с семью статьями «Кодекса легионера». На стенах кабинета – бесчисленные памятные таблички и фотографии, где полковник в разные годы представлен один или среди своих подчиненных. Охранные земли и пыль Афганистана, разрушенные дома Бейрута, «зеленый ад» амазонских джунглей... От этих лиц с суровыми чертами, от этих пальцев, сжимавших штурмовые винтовки, исходило ощущение скрытой силы. Еще бы, ведь на этих снимках нельзя и увидеть ничего, кроме войны, схваток, смерти, объединявшей людей, которые только и чувствовали себя на своем месте что по колено в крови.

Полковник наконец-то покончил с бумагами, сложил их в стопку и отодвинул ее на край стола, по которому все было разложено аккуратнее некуда. Кроме полковничьего кресла, сесть было негде: в таких кабинетах всем, кроме хозяина, положено стоять навтыжку.

– Завидую самому себе, вспоминая о тех годах, когда и не подозревал, что бывает столько бумажек. Можно посмотреть ваши документы?

– Разумеется.

Шарко протянул полковнику удостоверение. Тот, досконально изучив карточку, вернул ее хозяину. Пальцы у Шателя были толстые, ногти ухоженные. Скорее всего, он, так же как и сам комиссар, давно уже не выходил на поле боя.

– Если я правильно понял, вы ищете в наших рядах человека, совершившего несколько убийств. И приехали один, чтобы его арестовать?

Голос низкий, монотонный, хриловатый. Если он притворяется – у него незаурядные актерские данные.

– Мы пока еще на стадии, когда нет обвиняемых, но есть подозреваемый. И, по данным видеокамеры наблюдения, машина этого подозреваемого замечена в двадцати километрах от Обани, на платном шоссе А – пятьдесят два, а дальше, на А – пятьдесят, никаких следов ее не обнаружено. Стало быть, тот, кого мы ищем, застрял где-то между двумя этими дорогами.

– Вы уже нашли упомянутую машину?

– Нет, но ищем ее.

Полковник Шатель вооружился мышкой, подвигал ее, затем набрал что-то (видимо, пароль) на клавиатуре компьютера.

– Вам, вероятно, известно, что мы не принимаем в свои части ни насильников, ни убийц – словом, никого, кто совершил в прошлом тяжкие преступления?

– Этот человек, скорее всего, использовал чужие документы.

– Такое маловероятно. Скажите мне его имя.

Шарко поймал взгляд полковника, всмотрелся в его глаза настолько глубоко, насколько мог. Здесь, в этих глазах, совсем-совсем скоро он, если повезет, поймает лучик узнавания, способный коренным образом изменить ход расследования. Комиссар открыл папку, достал оттуда фотографию формата А4, положил ее на стол, изображением вниз.

– Там все написано...

Бертран Шатель взял в руки снимок, перевернул.

На снимке был Мухаммед Абан при жизни. Крупный план лица.

Бертран Шатель должен хоть как-то отреагировать. Но нет, ни малейшей реакции, выражение лица нисколько не изменилось.

Шарко стиснул зубы. Этого не может быть! Комиссар почувствовал, что начинает колебаться, но постарался не показать этого и продолжал гнуть свою линию:

– Тут вот, под фотографией, написано, что этот молодой человек должен был предстать перед вашими вербовщиками под именем Хакима

Абана.

Командующий Иностранным легионом подвинул снимок к посетителю:

– К сожалению, я никогда не видел этого молодого человека.

Не дрогнули губы, не дрогнул голос, не задрожали пальцы. Шарко, забирая фотографию, нахмурился:

– Полагаю, вы не знакомитесь лично с каждым из новобранцев, вступающих в легион? Честно говоря, я надеялся, что вы наберете его имя на компьютере... как вы и собирались сделать до того, как я показал вам снимок.

Пауза. Слишком долго он молчит, подумал Шарко. Тем не менее Шатель не потерял ни своей величественной осанки, ни выправки, ни контроля над собой. Чертово панцирное!

– Здесь не может ничего произойти без того, чтобы я об этом не узнал или я это не увидел. Но если так вам будет спокойнее...

Полковник набрал имя и фамилию предполагаемого легионера и развернул монитор так, чтобы Шарко стал виден экран.

– Как видите, ничего.

– Не было необходимости показывать – я верю вам на слово.

Шатель твердой рукой повернул к себе монитор:

– У меня много работы. Младший лейтенант Браше проводит вас к выходу. Желаю успеха в погоне за беглецом.

Комиссар колебался. Не мог же он уйти вот так, ни в чем толком не уверившись. В тот момент, когда Шатель взялся за телефон, чтобы вызвать ему провожатого, Шарко наклонился над столом и, схватив полковника за руку, вынудил того положить трубку. На этот раз он понимал, что переходит границы, что рискует дать новый поворот событиям.

– Понятия не имею, откуда вы узнали о моем намерении приехать сюда, но вам меня не провести, и я не собираюсь уходить ни с чем.

– Немедленно уберите руку!

Шарко приблизил лицо к лицу полковника так, что между ними осталось не больше десяти сантиметров. Теперь – никаких колебаний, он пойдет напролом, поставит на карту все.

– Синдром Е... Я в курсе. Зачем бы в противном случае я, черт возьми, к вам приехал?

На этот раз Шатель выдал себя, не смог скрыть изумления: он отвел глаза, под кожей четко обозначились височные кости, на лбу, несмотря на обеспеченную кондиционером прохладу кабинета, выступил пот. Ладонь полковника лежала на телефонной трубке, но лежала неподвижно.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– О нет, вы все прекрасно понимаете! А вот чего я совершенно не понимаю, так это того, как вам удалось и бровью не повести, когда вы увидели Абана. Даже у такого человека, как вы, самоконтроль не бывает настолько жестким. Как вы это смогли, как вы...

Шарко зажмурился:

– «Жучки»...

Он выпрямился, сжал руками голову:

– Черт, черт, черт! Вы проникли в мою квартиру и наставили там микрофонов!

Шатель поднялся, опираясь на кулаки, наклонился над столом и стал похож на гориллу.

– Гарантирую, вы сильно пожалеете о том, что явились сюда. Ожидайте внезапного и бесславного конца вашей карьеры.

Шарко улыбнулся – акула акулой – и снова пошел в атаку:

– Я стою тут перед вами один, никто не знает, что я поехал в Обань. И вам это уже известно. Кроме того, может быть, вам станет спокойнее, если я добавлю, что пока не ведется никакого расследования, в котором упоминался бы Иностраннный легион. И пока все убеждены: Мухаммед Абан – ну или Хаким Абан, называйте его, как вам угодно, – никогда не бывал на этой территории.

– Вы совершенно ненормальный, то, что вы несете, ни с чем не сообразно!

– Да, я настолько ненормален, что сейчас потребую у вас денег, полковник Шатель, много денег... Чтобы уйти в отставку и жить дальше безбедно. Да-да, очень много... Но это капля в море, если сравнивать с тем, сколько стоит секретная информация из фондов Главного управления внешней безопасности. Вы думаете, мне нравится месить дерьмо, думаете, хочется месить его и дальше?

Комиссар не дал собеседнику и рта раскрыть, действовать надо было быстро: он вытащил из своей папки лист бумаги и приклепнул его ладонью перед Шателем:

– Вот доказательство моей искренности.

Полковник удостоил бумагу взглядом:

– Координаты джи-пи-эс-навигатора? Что это значит?

– Если вы или ваши «друзья» отправитесь в Египет, именно в этом месте вы обнаружите останки одного каирского стукача, некоего Атефа Абд эль-Ааля. Хотя, может быть, вы и об этом уже знаете? Передайте эту бумагу французским или египетским властям – и меня до конца моих дней упекут

в тюрьму.

Застывшее лицо полковника стало совсем уж бетонным. Шарко опять наклонился к нему, на этот раз вполне довольный:

– Ладно, я тогда тоже забуду историю с «жучками» в моей квартире. Вот видите, полковник, мы можем доверять друг другу.

Шарко отступил к двери.

– Нет необходимости меня провожать, я знаю, где выход. Позвоню вам через несколько дней. И – просто совет: лучше бы со мной ничего не случилось, потому что я принял меры на этот случай. – Он глянул на плакат со статьями «Кодекса легионера». – Хорошо бы вам это перечитать...

Окончательно повернулся спиной к полковнику и вышел в коридор.

Его никто не провожал.

Проходя мимо тренирующихся и готовых к убийству солдат с холодным оружием у пояса, он подумал: «А не подписал ли я себе смертный приговор? Только что я подставился, я сам натравил на себя легионеров, а возможно, и секретные службы». Еще подумал, что не ошибся, считая это дело очень сложным и тяжелым: в нем замешаны крутые люди, более чем крутые...

Он на полной скорости выехал на шоссе А6. Стер тыльной стороной ладони слезы, выступившие на глазах. Он столько рассказал Энебель, открыл ей свои слабые места, свои незажившие раны, он сделал это, потому что она точно такая же, как он сам, потому что между ними вдруг возникло доверие. Он обнажил перед ней шрамы на своей психике.

А это слушали другие уши, чужие. Шателя, его шпионов...

Теперь ему казалось, что он голый, что он предан, он почти стыдился себя.

Семь часов спустя он вошел в свою квартиру и первым делом обыскал ее всю сверху донизу. Нашел четыре «жучка»: один – в патроне галогенной лампы, еще три – в термостатах батарей отопления. Обычные миниатюрные «жучки» – такие использует любая служба полиции. Никаких сомнений в том, что он не обнаружит здесь ни единого отпечатка и вообще ничего. Ни малейшего следа.

В бешенстве он швырнул «жучки» на пол.

А Эжени растоптала их.

Отныне надежность пистолета в наплечной кобуре и трех замков на двери в квартиру казалась ему попросту иллюзией, и какой чудовищной иллюзией.

Люси летала только раз, ей тогда было лет девять, они собрались провести всей семьей каникулы на Балеарских островах, и девочке все казалось чудесным. Ей запомнилось, как мама и папа, сидя с двух сторон, гладили ее по голове, когда она пугалась воздушных ям. Одно из последних воспоминаний о времени, когда они были втроем. И все это так теперь далеко...

Погруженная в раздумья, она прижалась лбом к иллюминатору «Боинга-747», подлетавшего к Квебеку. Так сказала стюардесса, когда подошла разбудить ее: пора застегнуть ремни – скоро посадка. Люси проспала все время полета, сон был тяжелый, беспробудный – такое случалось с ней редко. А теперь она с восторгом смотрела, как бледный свет закатного солнца заливает озера, леса, реки, болота, еще нетронутые цивилизацией. Здесь каким-то чудом сохранились огромные неосвоенные территории. Наконец внизу показалось устье реки Святого Лаврентия, показались первые свидетельства присутствия человека, и только после этого самолет пролетел над знаменитым ромбовидным островом.

Монреаль... Зернышко современности среди волн...

Стюардесса еще раз проверила, на всех ли пассажирах застегнуты ремни. Сосед Люси, высокий крепкий блондин, так вцепился в подлокотники, что пальцы у него побелели. Он посмотрел на Люси собачьими глазами:

– Сейчас опять появится чувство, будто я умираю... До чего же я завидую людям вроде вас – способным заснуть когда угодно и где угодно.

Люси вежливо улыбнулась в ответ. Она еле ворочала языком, и ей совершенно не хотелось вступать в разговор. Посадка в монреальском аэропорту Трюдо оказалась мягкой. Температура за бортом – какая обычно бывает летом на севере Франции. Никакого ощущения, что прибыла в другую страну, тем более что большинство местного населения говорит по-французски. Покончив с аэропортовой рутинной: таможней, проверкой международного судебного поручения, ожиданием багажа и обменом евро на канадские доллары, – Люси взяла такси и плюхнулась на заднее сиденье. Здесь едва смеркалось, но с другой стороны Атлантики ночь уже близилась к концу.

Сначала, во все сгущавшейся тьме, Монреаль показался ей современным, невероятно ярко освещенным городом. Небоскребы,



устремившие к звездам огоньки своих башен, бесчисленные соборы и церкви с подсветкой, игравшей всеми оттенками красного, синего, зеленого... В центре города ее удивила ширина проспектов и четкая геометрия улиц. Несмотря на то что станции метро были очень похожи на парижские, а маленькие кафешки и ресторанчики так же бурлили, чувствовалось, что здесь не так тесно и не так жарко, как бывает знойными ночами во французской столице.

Добравшись до отеля «Дельта-Монреаль», еще одного внушительного небоскреба с вершиной, украшенной голубыми огнями, Люси поняла, что сил на знакомство с городом, в том числе и с таким прославленным монреальским подземельем, уже не осталось. Она получила у портье ключи, поднялась на пятый этаж, переделась в легкий халатик и с глубоким вздохом растянулась на кровати. Ей было не по себе в этом номере, где чередуются постояльцы, незнакомые люди, прибывшие сюда по делам, или, может быть, пары, которые решили провести здесь отпуск. Нет ничего ужаснее, чем оказаться вечером совсем одной, в полной тишине. Господи, чего бы она только не отдала, лишь бы услышать, как болтают между собой или даже плачут ее девчонки, услышать обычные звуки своей квартиры, те, среди которых она прожила столько лет! Как она оказалась здесь, в такой жуткой дали от своей больной дочки? Как там Клара – в этом своем лагере? У нормальной матери, хорошей матери, такие вопросы не могли бы возникнуть...

Несмотря на все неприятные мысли, веки у нее отяжелели, глаза сами собой стали закрываться, и она бы заснула, но тут раздался звонок. Это не мобильник, это гостиничный телефон. Протянула руку, сняла трубку, прижала к уху:

– Алло!

– Ну как, ты уже устроилась, Энебель?

И молчание.

– Ой, это комиссар Шарко? Устроилась ли? Мм... Я только что приехала в гостиницу, так что в общем – да... А... а почему вы не позвонили мне на мобильный?

– Пробовал. Не получилось.

Люси взяла в руки лежавший рядом с ней сотовый. Полностью заряжен. Но на дисплее никаких признаков неприятого вызова. Попыталась выключить и включить звук.

– Надо же... Должно быть, телефон не вынес смены часовых поясов... Да, кстати, о часовых поясах; у вас там сейчас, наверное, четыре или пять утра? И вы уже не спите?

Шарко, не включив света, сидел за кухонным столом, перед ним стояла пустая чашка из-под кофе, лежал заряженный пистолет. Локтем комиссар опирался на скатерть, рукой поддерживал щеку и не сводил глаз с входной двери. Еще перед ним лежал мобильник, включенный на громкую связь. Эжени на стуле напротив напевала последнюю песенку Сердца Пирата<sup>[29]</sup>, ела засахаренные каштаны и запивала их мятным лимонадом, все вперемешку. Шарко отвернулся.

– Как ты долетела?

– Если коротко – устала как собака. Самолет был битком набит отпусниками.

– А гостиница как, ничего? Ванна-то хотя бы у тебя есть?

– Ванна? Мм... Ну да, есть. А у вас что новенького?

– Одна новость точно хорошая: я вот-вот получу список из двухсот персон, присутствовавших в Каире на научном конгрессе в то самое время, когда убили трех девушек. Пока решили сосредоточиться на французах.

– Двести – это круто, – присвистнула Люси. – А сколько народу будет разрабатывать этот список?

– Один человек, и это я. Для начала надо исключить тех, кто не совпадает по профилю с убийцей, не соответствует тому, что нам о нем известно. Надо очистить список, прежде чем перейти к детальному рассмотрению оставшихся. Думаю, сама можешь представить, какая это сложная задача.

С улицы донесся шум мотора. Шарко инстинктивно вскочил и, схватив пистолет, ринулся к окну. Убедившись, что свет нигде не включен, чуть приподнял жалюзи, в горле у него застрял комок. Вдоль тротуара медленно двигался грузовик с вращающимся оранжевым фонарем на крыше. Господи, это же просто мусоровоз, он каждую неделю приезжает на рассвете, пока все еще спят, опустошить помойки... Почти успокоившись, полицейский вернулся за кухонный стол. В висках стучало, перевозбуждение плюс паранойя, усиленные болезнью, настолько же вынуждали его сейчас бодрствовать, насколько и изматывали.

– У вас какие-то проблемы, комиссар?

– Да нет, все в порядке. Все в порядке. Скажи, а ты у себя дома, в Лилле, не обнаружила ничего подозрительного?

– Типа чего?

– Типа встроенных микрофонов, «жучков». У меня их оказалось аж четыре.

Люси, сидевшая по-турецки на постели, почувствовала, как бледнеет.

– Замок моей квартиры тоже заедало несколько дней назад, ключ как

будто за что-то цеплялся... Значит, ко мне они тоже приходили. Точно.

Люси была задета за живое. Такое ощущение, будто ее осквернили, изнасиловали. Кто-то проник к ней, в ее кокон. Кто-то, наверное, ходил по ее комнате, по комнате девочек.

– Кто это сделал, комиссар?

– Понятия не имею. Но наверняка в этом был замешан полковник, командующий Иностранным легионом.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, и все. Только никому ничего не говори об этих «жучках», ладно? Займемся этим, когда вернешься.

– Почему?

– Хватит уже вопросов. Держи меня в курсе своих дел. Пока!

– Комиссар, комиссар, подождите!

Кондиционер гудел, ровное гудение гипнотизировало, и ей было так хорошо от звука голоса Шарко.

– Что, Энебель?

– Мне бы надо задать вам еще один вопрос...

– Какого рода?

– Вы за то время, что работаете в полиции, много жизней спасли?

– Несколько спас, да. Только, к сожалению, не всегда те, которые хотелось.

– Наша работа позволяет облегчить страдания многих семей, разыскав убийц их близких. Может быть, горсточке людей мы способны вернуть смысл жизни, дав им ответ. Но скажите, комиссар, даже при всем этом – вам никогда не хотелось все бросить? Вы никогда не думали, что без вас мир не стал бы ни лучше, ни хуже?

Шарко, щелкая по рукоятке пистолета, заставлял оружие вращаться на столе. Он думал об Атефе Абд эль-Аале... О восьми черточках на стволе дерева... Обо всех тех, кем он занимался, и потому был сейчас уверен, что они уже не возьмутся за свое...

– Мне хотелось все бросить каждый раз, когда я видел улыбку на лице мерзавца, которого отправил за решетку. Потому что никакому суду, никакой тюрьме не справиться с этой улыбочкой. И потом эта улыбочка мерещится тебе в супермаркете, на детской площадке, в школе – везде, куда бы ты ни пошел. И от этой улыбочки меня тошнит.

Он прихлопнул рукой пистолет, останавливая вращение. Пальцы его обхватили ствол.

– Я тебе только одного желаю, Энебель. Я тебе желаю никогда не увидеть этой проклятой улыбочки. Потому что, если она поселится в тебе,

от нее уже никогда не избавиться.

Люси, сжав зубы, уставилась в потолок. Мрак стремительно возвращался.

– Спасибо, комиссар. Буду держать вас в курсе всего, что происходит. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Энебель. Давай поосторожнее там.

Люси печально положила трубку.

Она поняла, что вернуться назад, стать просто женщиной, просто матерью будет трудно. Потому что улыбка, о которой говорил Шарко, вошла в нее слишком рано, в самом начале карьеры.

И уже давно выгрызала у нее все внутри.

Ночь у Люси получилась беспокойной, ее мучили кошмары. Картинки, воспользовавшись часами безделья, неотступно ее преследовали. Девочка на качелях, бык, кролики, кадры фильма с Жюдит Саньоль: разрезанный глаз, изуродованный живот, рана в форме гигантского черного глаза...

Ворочаясь с боку на бок, то и дело поглядывая на панель телевизора, где светился отсчитывавший минуты циферблат часов, она думала только об одном: скорее бы рассвело.

И наконец рассвело. Ровно в девять она уже шла по улице квебекского города, надеясь, что утренняя свежесть прогонит оцепенение, сковавшее мышцы.

Находившийся всего в сотне метров от Старой гавани, Монреальский архивный центр занимал белокаменное правительственное здание с тяжеловесной колоннадой, выстроенное в стиле боз-ар и окруженное зеленью. В прошлом здесь помещалась Высшая коммерческая школа Монреаля.

Когда Люси со своим рюкзачком, в который засунула, кроме блокнота с ручкой, взятые в гостиничном холодильнике фрукты и бутылочку воды, вошла внутрь, она сразу же почувствовала себя каким-то ничтожным муравьем, затерявшимся посреди бумажной пустыни. По словам одной из местных служащих, которая приняла ее первой, в этих стенах, под этими потолками с лепниной и великолепными люстрами, на более чем двадцати километрах стеллажей хранились документы, распределенные между частными, государственными и гражданскими архивами. Здесь можно было изучить жизнь великих семей, сыгравших большую роль в истории Монреаля и всего Квебека, – таких, как Папино, Лакосты, Мерсье... Здесь можно было получить сведения об иммиграции, образовании, энергетике, туризме, обо всем, что связано с правом... Здесь, кроме письменных свидетельств, можно было увидеть девять миллионов фотографий и двести тысяч рисунков, планов, карт...

Бумажный город в городе из бетона и стали.

В надежде сэкономить время Люси, прокрутив в голове все, что ей хотелось узнать, заранее приготовила короткое резюме, где буквально в нескольких словах сформулировала цель своего приезда в Монреаль. Она сказала, что, как лейтенант французской полиции, направлена сюда для того, чтобы найти человека по имеющейся у нее фотографии пятидесятых

годов прошлого века. Женщина, которая первой приняла Люси, тут же переправила ее к другой – та, дескать, определенно больше знает об интересующем Энебель периоде истории Квебека. На бедже, приколотом к белой блузке этой компетентной «другой», было написано ее имя – Патриция Ришо.

Люси снова объяснила, зачем прилетела в Канаду:

– Видите ли, я разыскиваю девочку, которая в середине пятидесятых годов наверняка содержалась в монастыре или в сиротском приюте. Могу сказать даже точнее: в пятьдесят четвертом или пятьдесят пятом году. Здание, скорее всего, располагалось в окрестностях Монреаля. Мне известно имя монахини, с которой девочка была в контакте: сестра Мария Голгофская.

Архивистка внимательно посмотрела на фотографию девочки на качелях:

– Знаете, сколько было в то время сестер по имени Мария Голгофская! Боюсь, эти сведения не слишком вам помогут.

Патриции Ришо на вид было лет пятьдесят, светлые волосы она затягивала в конский хвост, носила маленькие круглые очки в тонкой оправе. Она пригласила Люси следовать за собой и повела ее по бесконечным коридорам, в которых не возникало даже мысли о том, что архив – это нечто насквозь пропыленное, старое, ветхое, хотя именно такой образ этого заведения обычно первым приходит в голову. Здесь было светло, линии прямые, четкие, дизайн футуристический... Оказалось, сюда даже экскурсии водят. Люди гуськом тянулись за экскурсоводом, одна группа, другая, третья – всем хотелось увидеть такое огромное собрание документов.

Прежде чем попасть в крошечный круглый зальчик без окон, освещенный лампами дневного света, Патриция добрых пять минут водила Люси вверх-вниз по лестницам. И вот наконец стеллажи с папками, сотнями, тысячами или сотнями тысяч папок. Многометровые стеллажи поднимались к потолку, достать документы с верхних полок можно было с помощью передвижной лесенки. К папкам приклеены этикетки, и Люси прочитала на ближайших: «Дела несовершеннолетних правонарушителей (1912–1958)», «Дела об общественном благосостоянии (1950–1974)».

– Пришли, – сказала архивистка, остановившись посреди зальчика. – Думаю, здесь вы скорее, чем где-либо еще, получите то, что ищете. Большая часть папок содержит документы о сиротах моложе шестнадцати лет. Сведения о брошенных детях можно найти, например, в делах несовершеннолетних правонарушителей, поскольку родители оставили их

в таких условиях, из-за которых они и стали правонарушителями.

Люси показала на нишу со стеллажами, где стояли папки, особенно ее заинтересовавшие: «Религиозные общины (1925–1961)», и, воспользовавшись тем, что ее спутница сделала паузу – перевести дыхание, – спросила:

– А тут что?

Ришо машинально затеребила медальон на золотой цепочке:

– Вам повезло, эти архивы поступили к нам всего несколько недель назад, а до того документы были недоступны, потому что находились в ведении религиозных организаций. Сейчас провинция Квебек все больше и больше отворачивается от религии: людей стал волновать современный мир, и эти организации закрываются одна за другой из-за нехватки средств к существованию. Ну и когда их архивы стало негде хранить, мы забрали их к себе. – Она вздохнула. – Как видите, архивных дел здесь очень много – это связано с тем, что, кроме бумаг монреальских общин, здесь еще и документация сиротских приютов соседних городов и регионов. В те времена религиозные организации процветали, и принимали они к себе главным образом незаконных детей.

– Незаконных? Можете уточнить?

Специалистка, будто не слыша, направилась к стеллажу, состоявшему из металлических ящиков, и открыла один из них. Там оказалось бесчисленное количество карточек из плотной бумаги.

– Это каталог. Зная фамилию ребенка, вы бы сразу, буквально за пять минут, вышли на его дело, но у вас так мало сведений, что, видимо, придется смотреть реестры по годам поступления детей в ту или иную организацию или картотеки самих этих организаций. Они – в других ящиках, вон там, и в них можно найти списки всех их воспитанников. Возможно, вы обнаружите одни и те же имена, одни и те же сведения в фондах разных организаций и за разные годы, но это естественно, потому что в то время переводить детей туда-сюда было обычным делом, сироты не оставались в одном месте дольше нескольких лет. Когда вы найдете карточку ребенка, который как будто бы вам подходит, вам придется сравнить привезенный из Франции снимок с фотографией в его досье. Ну, вроде бы все сказала, значит могу вас оставить... Да! Вот телефон, если появятся вопросы, звоните.

– А это внутренний телефон или можно позвонить куда-то еще? У меня мобильник не работает.

– Можно куда угодно, но вам представят счет за переговоры. Главное, когда соберетесь уходить, не забудьте позвонить в приемную, иначе

заблудитесь в наших лабиринтах.

Патриция пошла к двери, Люси задержала ее:

– Вы мне не ответили! Что вы имели в виду, говоря «незаконные дети»?

Архивистка сняла свои круглые очки и тщательно протерла стекла лоскутком замши.

– Ясно же, что речь о внебрачных детях. Вы сказали, что работаете в полиции? Так что вам все-таки нужно, скажите точнее!

– Должна признаться, сама толком не знаю...

– Если вы отважитесь рыться в прошлом Квебека, прошу вас, отнеситесь к этому ответственно. Это был достаточно мрачный период, и все здесь стараются о нем забыть.

– Вы о чем?

Но Ришо уже выбежала из зала, хлопнув дверью. Люси положила рюкзак на круглый столик. Интересно, что хотела сказать эта женщина? Мрачный период... Есть ли тут связь с ее поисками?

Она вздохнула и огляделась:

– Ладно... У меня еще черт-те сколько дел!..

Люси набралась храбрости и – поскольку никаких фамилий не знала – направилась к стеллажу с реестрами по годам поступления детей в приюты. На ходу она соображала: фильм снимался в 1955-м, девочке на качелях лет восемь или чуть поменьше. Маловероятно, что ее взяли в приют в том же году, потому что она, похоже, хорошо знает и людей, и место. Кроме того, мастерица читать по губам заметила, что за время съемок девочка подросла. Люси решила начать с предыдущего, 1954 года.

– Господи боже мой!..

Только в одном 1954 году в приюты региона было принято три тысячи семьсот двенадцать сирот. Просто-таки массовое переселение детей...

Люси сосредоточилась. Ага! У нее же есть одно имя, и это очень ценно! Несколько звуков, считанных с губ девочки, снятой в старой черно-белой короткометражке. Она открыла блокнот, нашла страничку с записями совещания в Нантерре и встречи со специалисткой по расшифровке немого кино, прочитала: «Что случилось с Лидией?» Имя было обведено.

Лидия...

Их оказалось примерно три десятка – списков за 1954 год, составленных по алфавиту, по первой букве фамилии, и Люси стала читать один список за другим, не пропуская ни единой строчки: девочки и мальчики шли тут вперемешку. Написанные от руки фамилия, имя, возраст, номер досье – вот и все, ничего больше.



Первый раз она наткнулась на Лидию, дойдя до буквы «М»: Лидия Маршан, семь лет. Записала номер досье и бросилась к бумажной стене, чтобы извлечь оттуда документы. Открыла папку. Нет, Лидия Маршан с фотографии не была похожа ни на одну из девочек, кадры с которыми удалось извлечь из фильма. Но ведь Лидия могла не участвовать в эпизоде с кроликами, такое вполне возможно?

Отступать нельзя. Тем более сейчас, когда кое-что у нее уже есть: название организации, которая приняла к себе эту Лидию. Люси прочитала: «Монастырь сестер Доброго Пастыря в Квебеке...», поспешно вернулась к ящикам, нашла архивное дело этого монастыря и обнаружила там учетные листки пансионеров числом триста сорок семь.

Триста сорок семь! Одни девочки...

Теперь следовало найти среди них всего одну – девочку с качелей; Лидия, вероятнее всего, была ее подругой. Но чтобы найти эту одну – тут выбора нет, – придется пролистать все триста сорок семь учетных записей и просмотреть все триста сорок семь фотографий, сравнивая их со снимками, которые Люси привезла с собой.

За этим прошло все утро – и прошло впустую. Значит, Лидия Маршан – не та Лидия, которую она ищет... Первый удар. Настроение ухудшилось. Лишний раз осознав сложность задачи, Люси решила подкрепиться, достала из рюкзака яблоко. Глаза начинали краснеть. Эти чертовы лампы дневного света и бисерный почерк, каким были написаны имена приютских детей, теснота строчек – условия работы отнюдь не идеальные. А вдруг она еще и не там ищет, вдруг они ошиблись городом?

Нет, не может быть, все дороги вели именно сюда, в Монреаль.

В 13:15 она принялась за год 1953-й. Около пяти часов вечера, после двух бананов и одного похода в туалет, приступила к 1952-му. Тут энная по счету Лидия привела ее еще в одну религиозную организацию: в монреальский приют Сестер Милосердия.

Люси машинально вытянула высокую стопку архивных дел, относящихся к этому приюту, и приступила к поиску. Последнему за день – больше все равно не успеть: архивный центр закрывается в семь часов вечера, впрочем, и голова вот-вот лопнет. Фамилии, фамилии, все время имена и фамилии...

Когда она открыла досье, находившееся почти в самом низу стопки папок с архивными делами, и увидела приклеенную к исписанному листку бумаги фотографию, сердце у нее екнуло.

Это была девочка на качелях.

Алиса Тонкен.

Девочку на архивной фотографии отделяли от девочки, игравшей в фильме, три года, но у Люси не было ни малейших сомнений: это она, ее овал лица, ее глубокий, прямой взгляд...

Люси стала просматривать скудную информацию, сердце ее билось как сумасшедшее. Алиса Тонкен, родилась в 1948 году... Жила в монреальской общине Сестер Милосердия до трех лет, после чего ее перевели к сестрам-францисканкам, чья община находилась в городе Бесен-Поль, где она пробыла два года, пока в 1952-м не попала в Монреаль, в приют Сестер Милосердия... Конец пути или... нет, скорее, остановка. Продолжение надо искать в другом архивном деле, потому что в этом хранятся только те документы, которые относятся к данному учреждению.

Немногочисленные подробности были делового характера, но это уже не имело значения: теперь Люси точно знала, кого ищет. Она записала в блокноте «приют Сестер Милосердия в Монреале», обвела и, подойдя к телефону, сняла трубку, чтобы позвонить своему шефу, майору Кашмареку, который с самого начала расследования не однажды связывался с сыскной полицией Квебека. Попросила его снова обратиться к канадским коллегам и назвать им имена – Алиса Тонкен и Лидия Окар. Фамилию Окар носила та самая «энная Лидия», которая и направила поиски Люси к архивному фонду приюта Сестер Милосердия.

Ожидая, пока начальник перезвонит, Люси сообщила по телефону Патриции Ришо, что та может зайти за ней через полчаса: как раз хватит времени разложить все бумажки по местам и навести хоть какой-то порядок.

Здесь было тихо, спокойно. Прежде чем начать уборку, Люси рухнула на стул и откинула голову на спинку. Потом выпила воду из бутылочки – всю до капли.

Ей все удалось, она нашла... Фотография, обычная фотография позволила ей вернуться в прошлое и приблизиться к цели. Она сидела и думала об Алисе, маленькой незнакомке, которая отныне перестала быть незнакомкой. Сиротка, ни отца ни матери, малышка, которую перебрасывали из монастыря в приют, у которой не было никаких знакомых, никаких привязанностей, никаких ориентиров – ничего. Воспитывалась в холодной среде религиозной организации: молитва перед едой, обязанности по хозяйству, ночи в общей спальне, суровая упорядоченная жизнь, где главное – послушание Господу. Какое будущее ожидало этого ребенка, если начало жизни было таким ужасным? Как девочка росла? Что же все-таки происходило в той комнате с кроликами? Люси всей душой надеялась вскоре получить ответы на все эти вопросы.

Надо было остановить наконец кружение мыслей и лиц, которые осаждали ее день и ночь. Алиса должна открыть ей свои секреты.

Телефон зазвонил двадцать пять минут спустя – как раз тогда, когда она положила на место последнюю папку. Это был Кашмарек. Люси, не дав ему вымолвить ни слова, закричала в трубку:

– Ну что, скажите скорее, узнали хоть что-нибудь?

По тому, как шеф откашливался, Люси сразу поняла, что опять ничего не вышло. Провал.

– Да, кое-что есть, но ничего особенного. Во-первых, не удалось отыскать никаких следов этой Алисы Тонкен. Ни в Канаде, ни во Франции. Монреальские коллеги обнаружили запись в книге актов гражданского состояния: девочка родилась в больнице города Труа-Ривьер, но это мало что дает. В то время, как мне сказали, сведения часто утрачивались, во-первых, потому, что детей то и дело перемещали из одного приюта в другой и бумаги терялись, а во-вторых, сирот брали в семьи... Ну и после тысяча девятьсот пятьдесят пятого года Алису могла удочерить какая-то семья и дать ей другое имя – так обычно тогда поступали. Так что если сегодня она и жива, то под каким именем и под какой фамилией ее искать – неизвестно.

– Господи, кажется, весь мир в курсе этих массовых усыновлений, кроме нас! А ее подруга, Лидия Окар?

– Лидия умерла в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году в психиатрической больнице. Остановка сердца. Она страдала тяжелыми расстройствами поведения, и, видимо, сердце не вынесло лекарств, которые ей приходилось принимать годами.

– Попросите их переслать вам все, что они нашли, и киньте мне мейлом. В какой больнице умерла Лидия?

– Сейчас посмотрю... Нашел! Больница Святого Юлиана в Сен-Фердинане.

– И сколько же времени она провела в этой больнице?

– Вот этого не знаю. Тебе же известно, что медицинская информация закрыта. Ну а кроме того, тебе, наверное, известно, что, вообще-то, я задаю вопросы, а не ты?

За спиной Люси открылась дверь. Вошла Патриция Ришо и принялась тихонько проверять, всё ли в порядке, всё ли на местах.

– Созвонимся позже, – сказала Люси в трубку и, сжав зубы, отключила связь. Тяжелые расстройства поведения... Психиатрическая больница...

Ее раздумья оборвал скрипучий голос архивистки:

– Ну как? Нашли то, что искали?

Люси вздрогнула:

– Ну... Да... Да. Есть имя той девочки, которую я искала, и название последнего места ее жительства: приют Сестер Милосердия в Монреале.

– Конгрегация серых сестер...

– Что, простите?

– Я сказала, что там размещалась конгрегация Сестер Милосердия, которых и сейчас еще называют не иначе как серые сестры. Больничное здание перекупил Монреальский университет, в последние недели об этом много писали в газетах. К две тысячи одиннадцатому году все сестры должны перебраться на остров Сен-Бернар, но пока бóльшая их часть все еще занимает крыло «В», отказываясь освободить помещение. Их архивы уже переведены к нам, вот вам и удалось найти то, что искали.

Серые сестры... Только этого названия хватило, чтобы у Люси забегали по коже мурашки. Она сразу представила себе словно высеченные из камня лица, тусклые глаза цвета ртути.

– А вы могли бы дать мне список сестер, еще живущих там, в крыле «В»?

Люси вспомнила о сестре Марии Голгофской. Ришо нахмурила брови:

– Думаю, это возможно. Да.

– И еще объясните мне, что означали ваши слова: «Это был достаточно мрачный период, и все здесь стараются о нем забыть». Я хотела бы знать, о чем идет речь, совершенно точно.

Хранительница на несколько секунд застыла, потом положила на стол тяжелую связку ключей и обвела взглядом бумажные башни:

– Речь идет о тысячах детей, мадемуазель. О целом поколении, которое в детстве пытали, мучили, приносили в жертву и следы которого можно найти только тут, в этой комнате. Этих людей называют «сиротами Дюплесси». – Она направилась к двери. – Сейчас принесу список, о котором вы говорили.

По парижскому времени – час ночи. Чуть раньше Шарко получил электронной почтой список людей, присутствовавших в 1994 году в Каире на ежегодной встрече представителей организаций – членов Глобальной сети безопасных инъекций (ГСБИ).

Комиссар распечатал документ и сел с ним за кухонный стол, освещенный слабой лампочкой. Поглядев на окна его квартиры снаружи, всякий подумал бы, что полицейский крепко спит.

Судя по информации из министерства здравоохранения, конгресс проходил в египетской столице с 7 по 14 марта 1994 года. Тщательно отобранных участников доставляли сюда к началу совещания и увозили по окончании работы на специально зафрахтованных правительством Египта самолетах. Не совсем так, как у дипломатов, но очень похоже.

Странное, тревожное совпадение: все три убийства были совершены между 10 и 12 марта, то есть в самый разгар работы конгресса. Едва началось расследование, сразу стало ясно, что один из убийц неплохо разбирался в медицине. Кетамин, срезанные верхушки черепов, изъятые глазные яблоки... Проблема со списком заключалась в том, что двести семнадцать прибывших тогда в Египет французов – тех, кто входил в ассоциации, занимавшиеся гуманитарной помощью, можно, пожалуй, исключить, это совсем другое дело, – так вот, проблема заключалась в том, что все двести семнадцать французов разбирались в медицине более чем неплохо. Нейрохирурги, профессора-психиатры, студенты медицинских факультетов, ученые и руководство НЦНИ<sup>[30]</sup>, биологи... И жили тогда эти специалисты главным образом в Париже и его окрестностях. Сливки французской науки. Вроде бы личности безупречные во всех отношениях, не подкопаешься.

Стало быть, ему надо изучить во всех подробностях двести семнадцать жизней – ста шестнадцати мужчин и ста одной женщины, иначе никак не подтвердишь (или не опровергнешь) гипотезу по делу пятнадцатилетней давности.

К тому времени, как Шарко взял в руки распечатки, он уже был уверен, что кто-то из этого списка, зная о феномене коллективной истерии, поразившей Египет в 1993-м, скорее всего, прибыл годом позже на Каирский конгресс с единственной целью – убить трех ни в чем не повинных девушек, чтобы изъять у них для исследования мозг и глаза. И по

мере того как он перебирал страничку за страничкой, уверенность только крепла.

Имя одного или обоих убийц должно фигурировать в этом списке.

Ночь длилась и длилась, терзавшие его вопросы не отступали, Эжени исчезала и появлялась, в квартире постоянно нарастало напряжение – и все это мешало сосредоточиться на листках. Ему казалось, что голова вот-вот взорвется.

Шарко вздохнул. Глядя в никуда, допил чай с мятой. Армия, медицина, кино, вся эта история с синдромом Е... Полицейский аналитик понимал, что дело на этот раз имеет очень мало общего с привычной, классической охотой на зверя. Что-то в нем есть такое чудовищное, какого ему сроду не доводилось переживать.

Пусть даже не хватило бы пальцев на обеих руках, чтобы сосчитать, со сколькими ужасами ему довелось столкнуться за время работы.

Все было спокойно, тем не менее Шарко оставался настороже, и не зря: посреди ночи он внезапно почувствовал опасность. Что-то происходило на площадке, за дверью в его квартиру.

Тихий-тихий шум, вернее, металлический скрежет нарушил тишину коридора.

Комиссар мгновенно нажал выключатель настольной лампы и схватился за оружие.

Они пришли. Они были здесь.

Шарко заметил, что из-под двери на секунду просочился слабый свет, потом снова угас.

Стиснув зубы, он встал и на ощупь двинулся в направлении гостиной.

Линолеум с той стороны двери начал тихонько поскрипывать. Шарко в кромешной тьме нащупал край дивана и сел, вслепую куда-то нацелившись. Он мог бы напасть неожиданно, застать их врасплох, но он же не знал, сколько их. Знал только одно: эти люди редко ходят поодиночке.

Крытый линолеумом пол в коридоре продолжал поскрипывать, потом все умолкло. Так. Они у квартиры. Руки Шарко, сжимавшие пистолет, взмокли. Вдруг ему вспомнились фотографии убитого старика-реставратора: выпотрошенное, набитое пленкой и повешенное тело... Незавидная судьба.

Ручка очень медленно повернулась, потом так же медленно встала на место. Шарко ждал, что сейчас, вот сейчас они взломают дверь, проникнут в его квартиру, вооруженные пистолетами с глушителями или ножами...

Время тянулось, тянулось... бесконечно.

Внезапно под дверью послышался шорох, после чего поскрипывание

линолеума возобновилось – и начало равномерно удаляться.

Шарко бросился к двери, резким движением отпер оба замка и через секунду, держа наготове оружие, был уже в коридоре. Ударил кулаком по выключателю, выскочил на лестничную клетку. Внизу хлопнула входная дверь. Почти не дыша, он слетел вниз по лестнице, проскочил вестибюль – и вот он уже на улице. Длинный ряд бледно светивших фонарей уходил вдаль. Справа, слева – ни души. Только шелест листьев на ветру – тихое дыхание ночи.

Позади дверь его дома закрылась, но закрылась неплотно. Он подошел, посмотрел, обнаружил, что приклеенный скотчем кусочек картона мешает замку защелкнуться. Значит, эти типы подготовились заранее, с вечера, – проследили, когда кто-то из жильцов будет входить в дом, и приделали эту штуку, которая обеспечила им вход в любое время без домофона. Примитивно, но изобретательно.

Комиссар бегом вернулся в квартиру. Включил свет, заперся на все замки и толкнул ногой в сторону гостиной просунутый под дверь белый конверт – без перчаток поднимать его не стоило. Коробки с латексными перчатками, по сто пар в каждой, он держал на кухне под мойкой. Лучше подстраховаться. Надел перчатки.

Конверт оказался тонким, легким, в общем, обычным – в таких посылают письма. Шарко рассмотрел его со всех сторон, потом кончиком ножа вскрыл. Горло перехватило.

Он предчувствовал что-то очень, очень плохое.

Внутри не оказалось ничего, кроме фотографии.

На фотографии – он и Люси Энебель, выходящие из его квартиры. Наутро после ночи, которую Люси провела у него.

Голову Люси они обвели красным фломастером.

Шарко кинулся к мобильнику, дрожащими руками набрал номер молодой женщины.

Как и раньше, в трубке – ни звука, будто такого номера не существует.

Да, и это тоже они – Шарко был уверен, это они. Тем или иным способом они заблокировали симку ее сотового.

В следующую минуту все еще дрожавшим пальцем он набирал телефон отеля «Дельта-Монреаль». Ему сказали, что в номере мадам Энебель никого нет, а ключ у портье. Шарко прокричал, что у него срочное сообщение для мадам Энебель, необходимо, чтобы она ему перезвонила, как только вернется в гостиницу.

Он повесил трубку, обхватил голову руками, сильно сжал.

Он думал, что уберезет Люси, отправив ее за океан.

Он, наоборот, изолировал ее.  
И теперь она одна в волчьем логове.

Полчаса спустя, не зная, что предпринять, он постучался к своему шефу Мартену Леклерку. Тот жил в Двенадцатом округе Парижа, близ Бастилии.

Было около двух часов ночи.



В начале седьмого Люси сидела лицом к лицу с хранительницей архива в той же пропахшей старыми бумагами и давними историями комнате. Протянув Люси список серых сестер, все еще проживающих на территории монреальского приюта Сестер Милосердия, Патриция Ришо нервно затеребила висевший на цепочке медальон – образок Девы Марии. Люси углубилась в чтение списка. В этой бумажной пещере царила странная атмосфера: одновременно давящая и накаленная.

Палец Люси, двигавшийся вдоль списка, замер на одной из строчек.

– Она еще здесь. Сестра Мария Голгофская... Восемьдесят пять лет. Но жива.

Люси откинулась на спинку стула, с облегчением вздохнула. Эта старуха, отдавшая жизнь служению Господу, общалась с Алисой Тонкен. Вполне возможно, ей известна хоть какая-то часть правды.

Страшно довольная, Люси устроилась поудобнее и стала внимательно слушать рассказ Патриции.

– В те годы, которые вас интересуют, общество не прощало рождения внебрачного ребенка. Женщины, которые с этим не считались, становились отверженными, даже родители отказывались от них. И поэтому, забеременев, они обычно уезжали из родного города задолго до родов и тайно разрешались от бремени за стенами религиозных организаций.

Люси машинально обводила и обводила в блокноте имя «Алиса Тонкен». Лицо девочки преследовало ее, она знала, что старый фильм, увиденный впервые в «карманном кинотеатре» Людовика, надолго останется в ее памяти.

– И оставляли там своих детей... – прошептала она.

Ришо кивнула:

– Да, заботу о новорожденных брали на себя монахини, намереваясь, когда сирота подрастет, отдать девочку или мальчика в хорошую семью, где жизнь ребенка может сложиться вполне благополучно. Так некоторое время и получалось, но в тридцатых годах начался кризис, и количество семей, желающих усыновить чужого малыша, резко сократилось. Дети так и росли в монастырях и в большинстве оставались там, когда вырастали. Поэтому возникла необходимость строить новые монастыри, ясли, приюты, сиротские дома, больницы. Церковь в то время приобретала все больший и больший вес, в том числе и в правительстве. Постепенно она

распространяла свою власть на организации здравоохранения, обучения, государственного призрения, благотворительные учреждения... Церковь была везде.

Люси почти не видела Монреаля, но ей запомнилось обилие религиозных сооружений и памятников по соседству с офисами «Голубого гиганта»<sup>[31]</sup> и громадными зданиями банков. Город был пронизан духом католицизма, который не удалось заглушить ни модернизму, ни капитализму.

– ...Когда в сорок четвертом году премьер-министром Квебека вновь стал Морис Дюплесси, начался важный период в нашей политической истории. Период, который впоследствии назовут «Великая тьма». Правительство Дюплесси – это прежде всего борьба с коммунизмом во всех его проявлениях, это использование силовых методов в наступлении на профсоюзы, это непобедимый механизм выборов. И что характерно: в любой избирательной кампании ему была обеспечена весьма активная поддержка Римско-католической церкви. А вы знаете, мадемуазель, как велика власть Церкви...

– Но при чем тут сироты? И какое отношение ко всему этому имеет восьмилетняя девочка? – Люси подтолкнула к собеседнице фотографию Алисы.

– Сейчас объясню. Между сороковым и пятидесятым годом большинство приютских детей происходило из распавшихся семей, неспособных больше заботиться о потомстве, и семьи эти вносили на счет заведения суммы, намного превосходившие те средства, которые отпускало государство. Система работала нормально, Церковь копила деньги и могла расширять свою благотворительную деятельность. Но потом, когда в приюты хлынули незаконные дети, возникла серьезная проблема: с одной стороны, они занимали места в домах призрения, с другой – некому стало оплачивать их пребывание там, а по федеральному закону из государственной казны на каждого ребенка полагалась смехотворная сумма в семьдесят центов в сутки. Вы же понимаете, что незаконному ребенку надо было предоставить кров и стол, дать ему какое-никакое воспитание и образование, ведь на это имеет право каждое человеческое существо. Монахини, обладая такими скудными средствами, проще говоря – в полной нищете и с болью душевной, пытались, несмотря ни на что, растить и учить своих сироток, и что бы там дальше ни случилось, никто не может обвинить сестер в недостатке усердия. Не их вина в том, что...

Патриция, глядя в пустоту, помолчала, потом заговорила снова:

– Параллельно с этим в пятидесятом году Церковь создала приют Мон-

Провиданс, вернее даже, не приют, а специализированную школу для детей с легкими отклонениями в умственном развитии. Целью заведения было помочь развитию таких детей и упростить их социализацию, интеграцию в общество. Но к пятидесят третьему году эта школа оказалась на грани краха. Религиозные общины к тому времени задолжали федеральному государству более шести миллионов долларов, и государство требовало возмещения долгов. Оказавшись в тупике, монахини обратились к правительству Квебека, и вот тогда-то все и началось. Тогда-то принялись строить ад на этой земле, и для Квебека начался, несомненно, самый мрачный период его истории.

Люси внимательно слушала. Как нарочно, и на этот раз все сходится на том времени, которое ее интересует: на начале пятидесятых. В комнате было жарко, но ее, всю потную, знобило. Патриция Ришо говорила теперь сухим, холодным, почти нравоучительным тоном:

– Морис Дюплесси разрешил превратить эту спецшколу для детей с легкой умственной отсталостью в настоящую психиатрическую лечебницу. Зачем? Потому что на пациента психиатрической больницы федеральным государством выделялось не семьдесят центов, а два доллара двадцать пять центов в сутки, потому что в сумасшедшем доме не нужно учить детей, а стало быть, расходовать средства на образование. Потому, наконец, что статус психиатрической больницы позволял использовать этих детей как бесплатную рабочую силу, не уважая права человека. Здоровые дети ухаживали за больными, убирали, готовили пищу, помогали монахиням, медсестрам, врачам. И вот таким образом воспитанники специализированной школы Мон-Провиданс проснулись в одно отнюдь не прекрасное утро пациентами желтого дома...

Сумасшедший дом... Безумие... Группа детей, которые бросаются убивать животных, неизъяснимая ненависть в их глазах... Люси почувствовала, как ее мышцы сводит судорога.

– Вот так и возникла эта чудовищная система. С тех пор власти поощряли строительство психиатрических больниц или преобразовывали в желтые дома существующие приюты и больницы: Святого Карла в Жольет, Святого Иоанна Божьего в Монреале, Святого Михаила Архангела в Квебеке, Святой Анны в Бе-Сен-Поль, Святого Юлиана в Сен-Фердинане... Не говоря о многих других... В общем, эти самые незаконные дети, с которыми непонятно было что делать, превратились в несчастных жертв правительства Дюплесси. Работавшим в преобразованных приютах монахиням ничего не оставалось, как только следовать правилам, которые диктовала им мать настоятельница.

Архивистка снова вздохнула. Рассказ ее становился все тягостнее. Люси записала и обвела название больницы: Святого Юлиана в Сен-Фердинане – именно там умерла Лидия. Неужели эта женщина с младенчества не покидала больничных стен? Там ли происходило массовое убийство кроликов за много лет до ее смерти?

– В сороковых – шестидесятых годах, пользуясь покровительством властей, квебекские врачи, работавшие в религиозных общинах, станут фальсифицировать медицинские карты незаконных детей. Всех этих ребятишек объявят «слабоумными», у всех обнаружат «задержку психического развития». И всех их поместят в психиатрические больницы, где абсолютно здоровые дети окажутся среди настоящих сумасшедших. И это будет длиться годами. Только потому, что детям не повезло и они родились у незамужних матерей. Сейчас эти дети выросли, стали взрослыми, но их до сих пор называют «сиротами Дюплесси».

Уму непостижимо... То, что открывалось сейчас Люси, превосходило человеческое понимание. Детей с помощью медиков, подделывавших истории болезни, загоняли в психушки, и государство тайно оказывало этому ужасу финансовую поддержку...

– Вы хотите сказать, что известны имена «сирот Дюплесси»? Они... они живы?

– Некоторые – да, еще живы... Но очень многие, большинство, умерли или стали к нынешнему времени настоящими сумасшедшими – в результате лечения, внушения – всего, что им пришлось перенести. Человек сто выживших объединились в ассоциацию, и они уже не первый год требуют от государства и Церкви возместить причиненный им ущерб. Только это долгая, долгая битва...

Люси почувствовала, что ее тошнит: до чего же это все отвратительно! Она вспомнила кадры из фильма, вспомнила, что говорила Жюдит Саньоль, вспомнила стерильную белую комнату, где совершалось убийство кроликов, таинственного врача, стоявшего рядом с режиссером и оператором... Нет никаких сомнений в том, что Алиса Тонкен и Лидия Окар были среди «сирот Дюплесси». Система объявила здоровых девочек сумасшедшими.

Француженка взглянула прямо в глаза Патриции Ришо:

– А... а вы слышали когда-нибудь об экспериментах, проводившихся в этих психиатрических больницах? Слышали о синдроме Е?

Патриция сжала губы и сунула цепочку с медальоном под блузку.

– Нет, ни о каком синдроме Е я никогда не слышала, но, если уж мы с вами погрузились в такую тьму, надо идти до конца, и вы должны узнать

кое-что еще. С начала сороковых годов до конца шестидесятых принятый Законодательным собранием Квебека закон разрешал Церкви продавать тела сирот, умерших в стенах подведомственных ей заведений, медицинским школам.

– Это гнусно!

– За деньги делают гнусности и похлеще! Но и это еще не все. Вы спросили меня об опытах, мадемуазель, ну так я расскажу вам о других подопытных кроликах. В тех же самых психиатрических больницах подвергали экспериментам и взрослых, вполне живых пациентов. Я имею в виду причастность американского правительства к тому, что происходило в Квебеке в период Великой тьмы.

Люси с трудом сглотнула. Она глаз не могла отвести от фотографии Алисы, а думала о своих девочках. Клара, Жюльетта... Ей страшно захотелось услышать их голоса, дотронуться до них, прижать к себе. Но ведь даже не позвонишь – она нервно крутила в руках немой телефон.

– Каким экспериментам? Типа... типа тех, которыми занимались нацисты в концлагерях?

Раздался звонок, и Люси вздрогнула. Семь часов. Архив закрывается.

Патриция Ришо встала, взяла связку ключей и посмотрела Люси в лицо:

– ЦРУ, мадемуазель. Я говорю о ЦРУ.

Потрясенная сделанными в архиве открытиями, Люси опустилась на скамейку в чахлом сквере напротив архивного центра. Вечер только начинался, место было пустынное и удивительно спокойное для такого большого города. Она сняла рюкзачок, положила его на колени и потерла руками лицо.

В этом деле замешано Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов. Но как? Какое дело американскому правительству до пациентов канадских больниц?

Читая книги, смотря документальные фильмы, занимаясь другими изысканиями, Влад Шпильман что-то понял. Теперь Люси была в этом абсолютно убеждена.

Она попробовала соединить то, что, как ей казалось, мог понять Влад, с результатами собственного расследования, добавить кусочки в пазл. И естественно, первым, о ком она подумала, стал автор загадочного фильма Жак Лакомб. В 1951 году, при весьма странных обстоятельствах, Лакомб перебрался из Франции в Америку, в Вашингтон. Бывшая порностарлетка Жюдит Саньоль рассказывала о том, что в начале пятидесятых кто-то за океаном хотел работать с ее бывшим любовником. Кто? Прошло три года, и в 1954-м Лакомб уже в Монреале. Американец, который внезапно вторгается на канадскую территорию, – в точности как ЦРУ.

А что, если Лакомб имел какое-то отношение к ЦРУ? А что, если его скромная работа киномеханика служила всего лишь прикрытием?

Столько вопросов, и все они крутятся в голове, крутятся, крутятся...

Люси нетерпеливо посмотрела на часы. 19:10. До встречи с Патрицией Ришо еще двадцать минут: архивистке надо все проверить, прежде чем закрыть архив на ночь. Она придет и объяснит, о каком вмешательстве Америки в опыты над людьми идет речь.

Молодая женщина так глубоко задумалась, что не услышала, как за спиной остановился какой-то человек. А тот быстро сел на скамейку рядом с ней и вынул из кармана пиджака револьвер.

– Сейчас вы встанете и пойдете за мной. Не поднимая шума.

Люси побледнела. Кровь застыла у нее в жилах.

– Кто вы такой? Что...

Незнакомец вдавил дуло ей в бок, на лбу его блестели капли пота, одно неосторожное движение, и он обязательно выстрелит.

– Повторять я не собираюсь.

Американский акцент. Широкие плечи, на вид – лет пятьдесят. На голове черная бейсболка с надписью «Nashville Predators»<sup>[32]</sup>, солнцезащитные очки, не фирменные. Тонкие, четко очерченные губы.

Люси поднялась со скамейки, незнакомец за ней. Она искала глазами прохожих, хоть каких-то свидетелей – напрасно. Одна, безоружная, Люси была совершенно беспомощна. Они прошли сотню метров и так и не встретили ни единой живой души. Под кленами их поджидал джип «Датсун 240Z».

– Садитесь за руль.

Он резко втокнул пленницу внутрь машины. У Люси стоял комок в горле, вот-вот – и хладнокровию конец. Перед глазами вращались лица двойняшек.

«Только не так, – думала она, – только не так...»

Незнакомец сел рядом с ней и начал методично ее обыскивать. Обшарил карманы, похлопал по бокам... Все вполне профессионально. Достал ее бумажник, вынул служебное удостоверение, внимательно изучил, потом выключил мобильный. Люси неуверенно сказала:

– Ни к чему. Телефон все равно не работает.

– Поехали.

– Что вам от меня нужно? Я...

– Пошевеливайтесь, говорю.

Она повиновалась. Они выехали из Монреаля с севера, через мост Шарля де Голля.

И окончательно распрощались с городскими огнями.

Расстроенный и озадаченный, Мартен Леклерк нервно метался по гостиной, держа в руке фотографию Люси:

– Нет, ты скажи, Шарк, скажи, кой черт тебя понес в легион? Зачем было туда соваться?

Шарко сидел на диване, обхватив голову руками. Мир вокруг рушился, грудь ему сдавило. Он страдал из-за этой девочки, которую сам отправил в волчье логово.

– Не знаю... не знаю... Я хотел... хотел только, чтобы они высунулись... хотел пнуть как следует муравейник...

– Тебе это удалось.

Леклерк тоже схватился за голову, с тяжелым вздохом поднял глаза к потолку:

– Ты же знаешь, что с одной только уверенностью ничего не добиться, а у нас нет ничего против этих парней. Улики! Улики были нужны!

– Да какие улики? Ну скажи!

Шарко – в ярости, в отчаянии – вскочил и встал перед начальником:

– Ты не хуже меня знаешь, что полковник Шатель замешан во всей этой истории. Вот и возбуди против него уголовное дело. Мухаммед Абан собирался вступить в легион, его тело закопали в землю вместе с четырьмя неопознанными трупами. Это может произвести впечатление на судью, если ты используешь все свое влияние. Сейчас поставлена на карту жизнь полицейского!

– Но почему Энебель? Чего им от нее надо?

Шарко сжал челюсти так, что желваки заходили. Ни минуты, ни секунды не проходило, чтобы он не думал об этой блондиночке. Может быть, на ее долю выпали такие же мучения, какие перенес он сам в египетской пустыне. Из-за него. пытки...

– Они хотят воспользоваться ею как разменной монетой. Она – против информации о синдроме Е, о котором я так и не имею ни малейшего понятия. Я же блефовал!

Леклерк покачал головой:

– Думаешь, Шатель такой дурак, что станет открыто нападать на тебя, что он так запросто раскроется? Не побоятся, что наши ребята ждут его посланцев у тебя дома?

Шарко заглянул в глаза шефа и друга:



– Я убил человека в Египте, Мартен. В порядке законной самообороны, только этого не докажешь. Они не спускали с меня глаз, все время держали под прицелом, но сорвалось, выиграл все-таки я. Ну а Шателю дал координаты места, где оставил тело. Теперь я у него на крючке, как и он у меня. Это наше соглашение о доверии.

Мартен Леклерк, постояв несколько секунд с разинутым ртом, двинулся к бару, налил себе стакан виски и разом заглотил добрую половину.

– Твою мать...

Долгая пауза.

– Кого? Кого ты там убил?

На глазах Шарко выступили слезы. Почти три десятка лет они знакомы, но как же редко Леклерк видел его в таком состоянии... До чего же сильно сдал, ни кровинки.

– У полицейского, который вел расследование по делу об убийстве трех девушек, был брат. Он продался этим подонкам и убил собственного брата. Меня он тоже едва не прикончил. Но я убил его... случайно.

Лицо Леклерка выражало отвращение, смешанное с яростью.

– Египтяне могут выйти на тебя?

– Для этого надо сначала обнаружить тело. Если тела не найдут, не будет никаких доказательств, что я причастен к смерти Абд эль-Ааля.

Леклерк допил виски, поморщился, вытер рот ладонью. Шарко, в помятом пиджаке, стоял позади него – сгорбленный, непохожий на самого себя.

– Я готов за все ответить, готов заплатить за все, что сделал, но сначала – помоги мне, Мартен. Ты же мой друг. Очень тебя прошу!

Пропал парень, пропал, он сейчас как боксер в нокауте... Леклерк подошел к стоявшей на полке фотографии: они с женой у парапета океанской набережной. Взял в руки снимок, долго в него вглядывался.

– Я теряю Катю, потому что хотел быть честным до конца. Мне казалось, что дело превыше всего. Но я ошибался. Что она с тобой сотворила, эта лильская лейтенантша, как ей удалось добиться, чтобы ты так сдал?

– Ты мне поможешь?

Леклерк вздохнул, вынул из ящика коричневый конверт, протянул его Шарко. На конверте было написано: «Начальнику судебной полиции».

– Подержи мою отставку у себя, пусть полежит пока – заберу, когда все будет позади. И возьми свою фотографию... и все свои слова обратно. Ты не приходил сюда сегодня. Ты мне никогда ничего не говорил.

Шарко взял конверт, сжал тяжелой рукой руку друга:

– Спасибо, Мартен.

Припал к плечу Леклерка, уже не в силах сдержать слез. Леклерк похлопал его по спине:

– Надеюсь, что она хотя бы того стоит...

– Да, да, Мартен, она того стоит!

Незнакомец, сидевший рядом с Люси, снял наконец темные очки и положил их вместе с револьвером в бардачок.

– Я ничего плохого вам не сделаю, и простите, что пришлось вести себя... грубовато: мне было нужно, чтобы вы последовали за мной, не поднимая шума.

Люси почувствовала, как ей сразу же стало легче, тело расслабилось. Продолжая внимательно следить за дорогой, она покосилась на собеседника. Глаза у него оказались синие-синие, брови – густые, с сединой.

– Кто вы такой?

– Не отвлекайтесь, ведите машину, потом поговорим.

Мелькали таблички с названиями городов: Тербон, Маскуш, Роудон... Вокруг становилось все менеелюдно. Прямые дороги казались бесконечными, с обеих сторон шоссе тянулись такие же бесконечные кленовые и хвойные леса. На пути им попалась хорошо если парочка грузовиков, да и легковых автомобилей не больше. Стемнело. Время от времени вдали вспыхивали светящиеся точки, что-то поблескивало, – наверное, лодки или другие мелкие суденышки проплывали по реке или озеру.

Они проехали уже сотню километров, когда незнакомец велел ей свернуть на какую-то тропу. В свете фар Люси увидела громадные черные стволы, поднимавшиеся так высоко, что у нее закружилась голова. За последние полчаса по сторонам дороги им попало лишь два или три строения, пригодные для жилья, и Люси казалось: ну всё, теперь уже точно всё, дальше – пропасть.

Но внезапно из темноты возник домик в швейцарском стиле. Когда Люси, нервничая, ступила на землю, она услышала мощный гул водного потока. Свежий ветерок растрепал ей волосы. Незнакомец постоял на месте, молча вглядываясь во тьму, казавшуюся здесь еще гуще, чем на дороге, потом подошел к двери, отпер ее и сделал Люси знак войти. Она вошла. Внутри пахло жареной дичью. В глубине комнаты царил старинная чугунная дровяная печь с двумя духовками – такие служили когда-то и для отопления, и для готовки, за стеклянной стеной открывался вид на озеро, лунный свет поблескивал на поверхности воды, в углу стояли удочки, старинный же лук, пилы, какие используют дровосеки, а еще тут были

деревянные формы рядом с фигурками из кленового сахара...

Канадец, тяжело дыша, положил на стол оружие, снял куртку, бейсболку, высвободив редкие полуседые волосы, и оказался куда старше и худее, чем выглядел раньше. Такой усталый, потрепанный жизнью человек.

– Только здесь мы и сможем поговорить спокойно.

Его американский акцент куда-то исчез, теперь он говорил с квебекским. И Люси сразу же поняла, что этот голос ей знаком.

– Это же вам я звонила с мобильного Влада Шпильмана, да?

– Да, мне. Меня зовут Филип Ротенберг.

И снова американский акцент. Настоящий хамелеон – в том, что касается голоса!

– А как же...

– Как я вас нашел? Очень просто. У меня есть очень высокопоставленный и очень надежный источник в Главном управлении полиции Квебека, и как только туда поступил запрос на информацию для ваших коллег и стало известно о вашем приезде, он мне дал об этом знать. Дескать, молодая женщина из французской полиции собирается что-то искать в Монреальском архивном центре. Я тут же вспомнил о нашем телефонном разговоре, ну и... Я знал, когда вы прилетите, знал, где остановитесь. И следил за вами со вчерашнего дня. И понял, что вам можно доверять.

Ротенберг заметил, что Люси еле держится на ногах, бросился к ней, подхватил под руку и подвел к дивану.

– Дайте, пожалуйста, воды, – попросила она. – Я сегодня почти ничего не ела и не пила, а день получился тяжелый.

– Ох, простите, простите! Сейчас.

Он поспешил на кухню и через минуту вернулся оттуда с колбасой, хлебом, пивом и водой. Люси залпом выпила несколько стаканов и съела пару кусочков колбасы. Теперь она начала хоть что-то соображать. Ротенберг открыл банку пива и, держа в руке, пристально посмотрел на гостью:

– Прежде всего я должен рассказать вам, кто я такой. Я долго работал в Вашингтоне, в знаменитом Союзе защиты гражданских свобод с Джозефом Рау, очень известным адвокатом. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

Вашингтон... Там жил режиссер Жак Лакомб. Жил и работал киномехаником...

– Рау? Нет, никогда не слышала.

– Тогда, значит, вы знаете меньше, чем мне представлялось.

– Я прилетела в Канаду, чтобы найти ответы. Попытаться...

попытаться понять, почему из-за фильма полувековой давности до сих пор убивают людей.

Он глубоко вздохнул:

– Хотите знать почему? Потому что в этом фильме – всё, Люси Энебель. Потому что в нем скрыты доказательства существования секретного проекта ЦРУ, в котором несчастных людей использовали как подопытных кроликов. Этот проект-призрак, чье существование и по сей день скрыто от мира, был создан и развивался параллельно с проектом «МК-ULTRA».

Люси провела рукой по волосам, откинула их назад, пригладила. «МК-ULTRA»... Она слышала... или видела эту английскую аббревиатуру, да, видела – среди названий шпионских книг из библиотеки Влада Шпильмана.

– Я, к сожалению... я ничего в этом не смыслю...

– В таком случае мне придется о многом вам рассказать.

Филип Ротенберг подошел к печке, положил в нее дрова:

– В северных лесах даже июльские ночи прохладные...

Он добавил в топку хвороста, сунул туда смятую газету и поджег ее спичкой, потом несколько секунд наблюдал за тем, как в печи рождается пламя. Люси к этому времени уже страшно замерзла и растирала себе руки, чтобы хоть немножко согреться.

– Семьдесят седьмой год, мне только что исполнилось двадцать пять лет... Я в адвокатской конторе Джозефа Рау, в Вашингтоне. Туда входят двое, отец и сын. В руках у сына, Дэвида Лавуа, вырезка из «Нью-Йорк таймс», а отец... отец выглядит странно, как будто с головой у него не все в порядке. Дэвид Лавуа протягивает мне статью, в которой говорится о проекте «МК-ULTRA». Да, вам надо еще знать, что «Нью-Йорк таймс» первой, за два года до того, в семьдесят пятом, растревожила осиное гнездо, рассказав, что ЦРУ в пятидесятых – шестидесятых годах проводило с целью исследования границ человеческого сознания опыты над американскими гражданами, причем чаще всего без их ведома. Началось расследование, и американскому народу официально сообщили о существовании этого сверхсекретного проекта.

Он качнул головой в сторону вместительного книжного шкафа:

– Все здесь. Тысячи и тысячи страниц архивных документов, доступных любому гражданину. Абсолютно все эти материалы давно сделались достоянием общественности, и в том, что я сейчас вам рассказываю, уже нет ничего секретного.

Ротенберг пошарил на полках, вытащил один из номеров «Нью-Йорк

таймс» за те годы и протянул Люси:

– Вот, посмотрите на первой полосе.

Люси взяла газету, статья на первой полосе оказалась длинной, занимала почти всю страницу. Некоторые слова были подчеркнуты фломастером. «Доктор Д. Ивен Сандерс...», «Общество исследования среды обитания человека...», «проект „МК-ULTRA“...».

– В тот день Джозеф Рау спросил у этого скромного, неприметного, смиренного мистера Лавуа, чем адвокатская контора может ему помочь. За него ответил сын – так спокойно, естественно, будто речь шла о самом обычном деле: я хочу предъявить иск ЦРУ. Представляете! «На каком же основании?» – удивился Джозеф. А Лавуа-младший показал на отца и холодно ответил: «А на том, что в пятидесятых годах в Мемориальном институте Аллана при Монреальском университете Барлея промывали мозги сотням взрослых пациентов и разрушали их сознание...»

Позади Филипа разгорался огонь, хворост громко потрескивал. Люси было не по себе здесь, в центре дикого, неизвестного ей Квебека, как в безлюдной пустыне. В конце концов, поняв, каким средством ей, может быть, удастся развязать узел, в который завязались внутренности, она взяла банку пива и сдернула крышку.

– Опять Монреаль, снова и снова Монреаль, – сказала Люси.

– Да, Монреаль... Тем не менее в этой статье из «Нью-Йорк таймс» не говорилось ни о Монреале, ни вообще о Канаде. Там сказано только, что в пятидесятых годах ЦРУ основало для прикрытия многочисленные организации, где велись исследования способов промывания мозгов. Среди них было и Общество исследования среды обитания человека. В общем-то, ничего особо выдающегося, просто еще одно разоблачение проекта «МК-ULTRA», читатели «Нью-Йорк таймс» уже привыкли к ним за несколько месяцев. Но обратите внимание на эту вот подчеркнутую фамилию...

– Доктор Ивен Сандерс. Он руководил всей научной работой Общества исследований в области экологии человека?

– Он самый. А по словам мистера Лавуа, некий Ивен Сандерс был несколькими годами раньше главным психиатром Мемориального института в Монреале. Того самого, куда Лавуа лег, чтобы вылечить легкую депрессию, и откуда много лет спустя вышел с полностью переделанными мозгами, тем самым аморфным существом, какое предстало перед нами в адвокатской конторе. Я до последнего своего вздоха не забуду фразу, которую ему удалось все-таки выговорить в тот день: «Sanders killed us inside».

«Сандерс убил нас изнутри». Люси положила газету на стол. Она

вспомнила услышанное накануне от архивистки: в канадских психиатрических больницах проводились опыты над людьми.

– Получается, что проект «МК-ULTRA» тайно разрабатывался и в Канаде?

– Совершенно точно. Несмотря на расследования семьдесят пятого года, никто не знал, что вторжение американцев на территорию сознания производилось и в Квебеке. Только статья в «Нью-Йорк таймс» и чистейшая случайность позволили Дэвиду Лавуа угодить в яблочко – нащупать главный элемент обвинения в адрес ЦРУ.

– И вы это сделали? Вы предъявили иск ЦРУ?

Ротенберг знаком пригласил Люси подойти следом за ним к компьютеру, стоявшему на столе близ книжного шкафа. Пробежался курсором по папкам на десктопе. Одна из них называлась «Szpilman's discovery»<sup>[33]</sup>. Он кликнул на другую, озаглавленную «Barley Brain Washing», та открылась, и он навел мышку на файл с презентацией, под которым Люси заметила еще один: «Barley Brain Washing\_01.avi». «Барлей, промывание мозгов 01, – перевела она про себя, – а „avi“ – значит это видео».

– После Лавуа еще девять пациентов Сандерса при поддержке их семей подали исковые заявления. Другие пациенты клиники при Университете Барлея либо умерли, либо стали инвалидами и не могли вспомнить, какому лечению их там подвергли. А теперь слушайте то, что я вам расскажу, особенно внимательно, потому что без этого вам не понять того, что будет дальше. Когда ЦРУ в семьдесят третьем году узнало, что журналисты пронюхали насчет его дел, все материалы, относящиеся к проекту «МК-ULTRA», мгновенно исчезли. Однако ведь у ЦРУ гигантский административный аппарат со штаб-квартирой неподалеку от Вашингтона, и Джозеф Рау был убежден, что там не могли не остаться следы такого масштабного проекта – проекта, над которым десятки руководителей и тысячи простых служащих трудились в течение двадцати пяти лет. Поскольку мы работали под эгидой Комиссии Рокфеллера, нам был разрешен доступ к документам и другим материалам, связанным с исследованиями в области промывания мозгов. Для того чтобы найти необходимые нам данные, мы наняли в качестве внештатного сотрудника некоего Фрэнка Маклея, бывшего агента ЦРУ. После нескольких недель поисков он сообщил, что большая часть дел действительно уничтожена, причем уничтожением их руководили два человека: директор ЦРУ Сэмюэл Нилс и один из его приближенных, Майкл Браун. Маклей оказался сыщиком дотошным, и ему удалось-таки обнаружить в документальном

архиве ЦРУ семь огромных коробок с материалами, имевшими отношение к проекту «МК-ULTRA». Семь коробок, затерявшихся в административных лабиринтах. Более шестнадцати тысяч страниц документов с вычеркнутыми именами, зато с подробными сведениями о том, как в проекте «МК-ULTRA» расходовались средства – десять миллионов долларов! – на эксперименты в ста сорока четырех американских и канадских университетах, двенадцати больницах, пятнадцати частных лечебных заведениях (в том числе – Сандерса) и трех пенитенциарных учреждениях, то бишь тюрьмах.

Он кликнул на файл с презентацией.

– В обнаруженных Маклеем архивах мы нашли множество фотографий и один фильм, я оцифровал все это и собрал вместе – в презентации, которая сейчас перед вами... Вот посмотрите, несколько снимков, сделанных, как предполагается, самим Сандерсом во время его экспериментов в Университете Барлея.

На мониторе одна за другой возникали фотографии. Пациенты в пижамах, привязанные к носилкам, носилки, выстроившиеся одни за другими в бесконечных коридорах, те же пациенты в застегнутых наглухо шлемах, сидящие за столами с поставленными перед ними большими магнитофонами... Оцепеневшие, безразличные ко всему, вялые, с черными мешками под глазами, с блуждающим взглядом... Легко было представить себе, какая жуткая атмосфера царила в психиатрической клинике при Университете Барлея.

– Вот они – жертвы Сандерса... Этот психиатр, получивший прекрасное специальное образование, блестящий врач, всегда мечтал о полном исцелении своих больных, но ему ни разу не удалось добиться желаемого, и он буквально сходил из-за этого с ума. Но однажды – по чистой случайности – он заметил, что при многократном прокручивании пациенту магнитофонной пленки с одной и той же записью его же собственного сеанса психотерапии состояние пациента вроде бы несколько улучшается. И за этим последовала эскалация ужасов. Сперва Сандерс заставлял больных носить наушники, из которых в уши этих несчастных поступала та или иная запись – по три или четыре часа подряд семь дней в неделю. Пациенты начали бунтовать, раздражаться, им становилось хуже, они пытались сорвать с себя наушники, и тогда он приказал изготовить глухие шлемы с наушниками, которые невозможно снять. Подопытные в ответ принялись крушить магнитофоны, но Сандерс и тут нашел способ продолжить испытания: он поместил аппаратуру за решетку. Пациенты не сдались – теперь они вырывали из шлемов провода, и их стали привязывать



к носилкам, а в конце концов прибегли к ЛСД, новому, изменяющему сознание человека наркотику, о существовании которого за несколько лет до того никто и не подозревал. Для психиатра ЛСД стал панацеей: его больные не только успокаивались, но и сознание у них отключалось, так что многократно повторяющиеся в наушниках слова шли прямо в мозг и откладывались там навсегда.

ЛСД... Жюдит Саньоль... Присутствие врача в помещении заброшенного фабричного склада... Мог ли это быть Сандерс? Сотрудничал ли этот врач с Лакомбом? Работали ли они оба на проект «МК-ULTRA»? В голове молодой женщины роились вопросы, и ответ на них – Люси нисколько не сомневалась – вот-вот должен был прозвучать из уст Ротенберга.

На экране медленно сменяли друг друга фотографии. Шлемы с наушниками на голове пациентов совершенствовались, ряды носилок удлинялись, больные выглядели все более изможденными.

– Как видите, Сандерс оборудовал специальные комнаты с громкоговорителями, бесконечно повторявшими одни и те же фразы. Он называл эти комнаты «палатами сонной терапии». А здесь, на выстроившихся вереницей носилках, лежат пациенты, ожидающие сеанса электрошока. Такие сеансы проводились три раза в день в течение семи или восьми недель. Три раза в день, мадемуазель! Представляете, какие разрушения это производило в сердце, в нервной системе, в мозгу?

– Очень хорошо представляю.

– Сандерс хотел в буквальном смысле слова смыть все следы болезни, «промыть мозги». И ни один из его преданных сотрудников не решился опротестовать его приказ, каждый боялся потерять место. Сандерс был холодным, властным человеком, лишенным способности к сочувствию.

– Неужели никто из его окружения никогда и слова против не сказал? Все молча позволяли ему вытворять такое?

– Не только позволяли, но и помогали. Сами в этом участвовали. Попросту слушались шефа.

Люси не могла опомниться, бред какой-то, но ведь все это было на самом деле... Десятки врачей, медсестер, психиатров слепо выполняли приказы сумасшедшего, забыв о собственных убеждениях, пренебрегая клятвой Гиппократова. Страх, давление, гнусные указания вышестоящих лиц в белых халатах вынуждали их молчать. Рассказ Ротенберга сразу же вызвал в памяти Люси увиденный в Интернете видеоролик, посвященный знаменитому опыту Милгрэма: подчинение абсолютной власти заставляет человека подчиниться и худшим своим инстинктам.

– ...Сандерс действительно верил в свои варварские методы. Он проводил коллоквиумы, даже книгу написал, назвав ее «Стимуляция психики», вы и сейчас можете найти ее и прочесть. Его лекции посещали самые прославленные медики. И вот в начале пятидесятых, сильно заинтересовавшись и его писаниями, и его методами, с ним связалось ЦРУ. Американцы тайно подключили его к проекту «МК-ULTRA» и долгие годы финансировали работу Сандерса по промыванию мозгов. Так проект «МК-ULTRA» внедрился на территории Канады.

– Сандерс еще жив?

– Умер от сердечного приступа в шестьдесят седьмом.

– А процесс состоялся?

– Несмотря на многочисленные апелляции, угрозы, злоупотребление властью, несмотря на покровительство секретных служб и то, что ЦРУ постоянно ссылалось на государственную тайну, процесс состоялся. ЦРУ признало свое участие в экспериментах, проводившихся в Мемориальном институте Аллана и вообще на канадской территории. Жертвы получили денежную компенсацию, а главное – они добились истины и справедливости, это куда важнее. Для Джозефа Рау, как и для меня, дело было наконец-то закрыто, мы досконально изучили материалы по «МК-ULTRA», ЦРУ признало свои ошибки. Дело было закрыто. И какое дело...

Ротенберг долго молча смотрел в пол. На мониторе компьютера так и сменяли друг друга старые черно-белые фотографии. В палатах клиники появились телевизоры, подвешенные на расстоянии трех метров от безразличных взглядов пациентов. Бывший адвокат кликнул на паузу.

– Джозеф умер в конце девяностых. До того я успел сделать в его конторе блестящую карьеру, достойно вел разные дела, и дела были интересные, но ни одно не могло сравниться по масштабу с этим.

– Простите, Филип, но... Я так и не вижу никакой связи ни с проклятой бобиной, ни с Лакомбом, ни с «сиротами Дюплесси».

Адвокат вздохнул:

– Сейчас подойду к этому. Тридцать лет спустя после дела Сандерса, то есть два года назад, мне позвонили из Бельгии.

– Влад Шпильман?

– Он. Шпильман знал все о моем прошлом, знал все, что имело отношение к ЦРУ и государственным делам, и был просто помешан на истории, на геополитике. Так вот, Влад позвонил и сказал, что у него есть для меня новые сведения об опытах над детьми в Канаде пятидесятых годов. Поскольку к тому времени он тоже детально изучил материалы по «МК-ULTRA», ему казалось, что и тут не обошлось без ЦРУ... Сначала я

не поверил, подумал, что меня разыгрывают, ну или звонит чокнутый, которому везде мерещатся заговоры, вроде тех, что осаждали меня всю жизнь после дела семьдесят седьмого года. Я решил отделаться от Шпильмана и сказал ему: вы ошиблись, все преступления ЦРУ в области промывания мозгов полностью раскрыты и никогда в экспериментах не принимали участия дети. Тогда он прислал мне мейлом черно-белую фотографию – вернее, кадр из фильма – и попросил позвонить ему, если меня это заинтересует.

Люси сжала кулаки:

– На фотографии были дети и кролики, да? «С них все и началось», – сказали вы мне тогда по телефону так загадочно... Вы это имели в виду?

– Конечно это. Так и вижу пустую, всю в крови комнату, девчушек в больничных пижамах, совершенно равнодушных посреди бойни. Фотография не просто заинтересовала меня – она меня потрясла, и я позвонил бельгийцу. Шпильман не хотел присылать мне бобину, он попросил приехать и посмотреть фильм у него. Я понимал, что имею дело с человеком маниакально подозрительным, параноиком, но невероятно умным. Через день я был у него в Льеже. Он отвел меня в свой просмотровый зал и показал фильм. Оригинал и то, что было скрыто, но старик смог это вытащить благодаря связям среди нейромаркетологов...

Люси внимательно слушала. «Нейромаркетологи» – это наверняка был Жорж Беккер, тот самый толстощекий бельгиец, который убедил Кашмарека посмотреть фильм в трубе сканера.

– По первому же кадру я понял, что все здесь – правда, я был абсолютно уверен, что это правда.

– Почему? Откуда такая уверенность?

Он глянул на монитор компьютера:

– Так вот же все здесь, перед вами! Сразу видна связь между короткометражкой Шпильмана и снимками, сделанными во время экспериментов Сандерса в палатах клиники Барлея. Неопровержимая связь между «сиротами Дюплесси» и ЦРУ.

Ротенберг закрыл презентацию и перевел курсор на видеофайл.

– А сейчас я покажу вам видеоролик, сделанный ЦРУ, чтобы Сандерс показывал его своим пациентам в целях промывания мозгов. Только сначала дорасскажу, как все у нас сложилось со Шпильманом в Бельгии. После разволновавшего меня донельзя просмотра Шпильман заговорил о феномене коллективной истерии...

Люси становилось все труднее дышать, она буквально впитывала слова бывшего адвоката.

– Этот старик был истинной ходячей энциклопедией. Ему казалось, что он открыл связующее звено между... между разными великими и кровавыми событиями, которыми был отмечен двадцатый век. По его мнению, врачом, ставившим опыты над детьми, был не Сандерс, а программа, включавшая в себя эти опыты, была не «МК-ULTRA», а другая, параллельная, еще более секретная, а стало быть, дело тут вовсе не в промывании мозгов.

– А в чем же? Чем, он считал, занималась эта другая программа?

– Погодите, самое главное еще впереди. Сказав о другой программе, Влад поспешил к книжным полкам и достал оттуда серию оригинальных снимков руандийского геноцида. Ему удалось найти фотографа, снимавшего события в Руанде в девяносто четвертом году, и получить у него эти снимки. И тут, пока я рассматривал их, он рассказал мне нечто совсем уж невероятное. Он рассказал мне о ментальной контаминации.

– Ментальной контаминации?

– Да-да, именно так. В данном случае информация поступает через глаза и насильственным путем изменяет структуру мозга.

Люси мгновенно вспомнила:

– Один из моих друзей, Людовик Сенешаль, посмотрев этот фильм, ослеп. Ему поставили диагноз «истерическая слепота». Изображение совершенно расстроило его мозг. Вы об этом?

– То, о чем я говорю, куда хуже. Истерическая слепота – феномен чисто психический. В случае ментальной контаминации не только изменяется, «портится» структура мозга одного человека, но запускается, я бы сказал, цепная реакция, при которой изменения переходят от человека к человеку, как вирус. Сейчас вы поймете, минуточку...

Он внезапно замолчал и повернулся к стеклянной стене.

– Слышали?

– Что?

Ротенберг бросился к столу, схватил оружие.

– Шорох.

Люси была совершенно спокойна, несколько глотков пива подействовали на нее благотворно.

– Наверное, дрова в печке трещат?

– Нет-нет, это снаружи...

Филип погасил свет и подошел к стеклянной стене. От печки по его лицу бежали красные блики. Люси двинулась было к нему, но он жестом отстранил ее:

– Держитесь подальше от окон!

Люси застыла на месте. Снаружи все было тихо, безмятежно, разве что черные стволы вдруг показались ей зловещими тотемами.

– Кого вы так боитесь? – спросила она. – Видите же, ничего там не происходит. За нами никто не следил, не было никакой погони. В жизни не видела таких ровных, прямых дорог... И таких пустынных...

– Несколько месяцев назад, когда я еще жил в центре Монреаля, меня пытались убить.

Он повернулся к Люси и поднял рубашку – на груди виднелись глубокие шрамы.

– Два удара ножом. На пять миллиметров глубже – и все было бы кончено.

– ЦРУ?

Он закусил губу и покачал головой:

– Нет, это не их методы. Узнав о недавно найденных у вас в Нормандии телах, я подумал, что, вполне возможно, то покушение было делом рук француза.

– Разведслужбы?

– Может быть.

– А если я скажу «Иностранный легион», это наведет вас на какую-то мысль?

– Ох, не знаю... Внешность того типа, который хотел меня прикончить, помню смутно: квадратная башка, крепкий, осанкой похож на военного...

«Парень в армейских ботинках», – подумала Люси.

– Но одно совершенно очевидно: покушение явно было связано с фильмом Шпильмана и нашими открытиями. Конечно, мы с Владом работали втихую, но ведь мы пытались найти след, собрать доказательства – примерно так, как делаете вы сейчас. Причем бельгиец действовал куда осторожнее меня. А я... я так и не знаю, каким образом эти люди, преследовавшие меня, узнали о том, чем мы занимаемся. Правда, утечка могла быть из любого места: я же, ведя расследование, часто звонил разным людям, с кем-то встречался, бывал в архивах, психиатрических больницах, религиозных организациях... Должно быть, у этих... этих убийц были свои источники, осведомители, шпики... Вот с тех пор я и поселился здесь, в тихом безлюдном месте и под защитой тех самых людей, о которых вам уже говорил как о надежном источнике.

Он присел на корточки и, не выпуская из рук оружия, снова посмотрел, что там за стеклом. Тяжело вздохнул и с полминуты спустя выпрямился:

– Ладно, может, и правда зверь какой пробежал. Сюда забредают американские лоси, да и бобры тут не редкость.

Ротенберг успокоился. Адвокат, который в молодости восстановил против себя, должно быть, немало опасных и влиятельных людей, сражался с мраком и умел держаться на плаву при любых обстоятельствах, к концу жизни превратился в законченного психа.

– Наверное, в архивах вам так и не удалось ничего найти? – спросил он. – С год назад я и сам туда ходил. Нет сомнений, что сведения о девочках с наших с вами фотографий хранятся в религиозных общинах. Но, как вы, наверное, убедились, доступ к этим документам закрыт. Мне не хватает только имен. Имен маленьких пациенток, благодаря которым я мог бы добраться до больницы с детьми и кроликами, найти этих девочек, получить свидетельства, живые доказательства того, что...

– Я знаю имена.

– Как это так?

– Из-за нехватки денег религиозные общины закрывались одна за другой, и их архивы поступали в Монреальский архивный центр. А вы не знали об этом?

Он покачал головой:

– С тех пор как я скрываюсь, мне трудно следить за событиями.

– Девочку на качелях зовут Алиса Тонкен.

– Алиса... – вздохнул он так, что можно было подумать, это имя годами стояло у него поперек горла, не находя выхода.

– Главное управление квебекской полиции потеряло ее след, но известно последнее место ее пребывания – у серых сестер. Я знаю, как зовут сестру, которая занималась девочкой. Сестра Мария Голгофская. И я собиралась отправиться к ней как раз тогда, когда вы... когда вы меня похитили.

– Как вам это удалось?

– Мы разобрали фильм по косточкам.

Он еле заметно улыбнулся:

– Думаю, мне пора рассказать вам все остальное о наших с Владом поисках. И тогда благодаря вашей информации мы сможем двинуться вперед. Давайте вернемся к компьютеру...

Когда они подошли к столу, он заметил мобильник Люси. Взял его в руки.

– Ваш телефон...

– Ну, мой телефон – и что?

– Вы сказали, что он не работает. Давно? С каких пор?

– Мм... Я хотела позвонить сразу, как прилетела в Канаду, и...

Люси не договорила – только теперь она поняла, в чем дело. Ротенберг перевернул сотовый, дрожащими руками сдвинул крышку, вытащил какую-то штучку, похожую на крошечную электронную схему.

– Наверняка что-то типа курсографа.

В синих глазах Филипа заметалась паника. Люси обхватила голову руками:

– Это мой сосед... Я же спала все время перелета...

– Возможно, усыпили. Скорее всего, они давно за вами следят. И воспользовались вами, чтобы выйти на меня. Они... они здесь...

Люси вспомнила «жучки» в своей квартире и в квартире Шарко. Убийцам было легко ее выследить. А Ротенберг тем временем уже набирал на своем мобильном 911.

– Говорит Филип Ротенберг. Немедленно пошлите людей в Матавини, это у озера, там, где в него впадает река Матавен. Сейчас дам вам точные координаты по джи-пи-эс-навигатору, запишите скорее, скорее, ради бога!

– Причина звонка?

– Меня хотят убить.

Он продиктовал координаты, которые знал наизусть, еще раз попросил поторопиться и повесил трубку. Потом, согнувшись, двинулся к печке. Люси за ним. Пламя сильно разгорелось и теперь освещало всю комнату, это было опасно, слишком уж много окон. В ту минуту, когда хозяин шале наклонился к топке, стеклянная стена лопнула.

Филип Ротенберг подался назад, тело тяжело рухнуло на пол. На белой рубашке появилось и стало разрастаться алое пятно. Грудь его еще вздымалась.

Внезапно снаружи вспыхнуло пламя. Вспыхнуло и разгорелось – спереди, сзади, – словно лес завесили громадными подвижными занавесями из рыжины и багрянца. Дом занялся сразу со всех сторон.

Огню, который так давно унес жизнь Лакомба, захотелось новых жертв.

Люси бросилась к Ротенбергу, который тяжело, со свистом дышал, зажала ладонями рану на груди. Пальцы сразу же стали красными.

– Не сдавайтесь, Филип!

Взглядом призывая смерть, Ротенберг сильно сжал запястья Люси. Из-под двери повалил густой черный дым.

– У меня на шее... ключ... возьмите...

Люси, чуть поколебавшись, послушалась. Потянула за тонкую цепочку и вытащила висевший на ней кусочек металла. Изо рта Филипа потекла

струйка крови.

– От чего этот ключ? Что он открывает?

Адвокат пробормотал что-то нечленораздельное.

По его щеке скатилась слеза, и это было все.

Люси положила ключ в карман, чуть приподнялась. Ей было очень страшно. Она подобрала револьвер, огляделась. Огонь распространялся все сильнее – только сквозь лопнувшую стеклянную стену он не проникал.

Люси лихорадочно думала. Снайпер мог бы расстрелять ее точно так же, как Ротенберга, но не сделал этого. Он хочет выкурить ее из норы, как кролика.

Нет ни малейшего сомнения: она нужна убийце Филипа живой.

И стоит ей высунуть нос наружу – она пропала.

Люси закашлялась. Становилось все жарче, деревянные стены начали потрескивать. Надо что-то предпринять.

Позади языки пламени поднялись еще выше, с наслаждением пожирая дерево. Очень скоро все здесь будет в огне. Скрытая печкой, Люси поползла до низкого столика, стащила с себя свитер, свернула его, намочила водой, прижала к лицу.

Ждать, ждать... Тот, снаружи, начнет беспокоиться, сомневаться, думать, а не удалось ли ей сбежать. Он не выдержит. Он вот-вот не выдержит.

Еще одно стекло с треском лопнуло – теперь у нее за спиной. Люси казалось, она умрет от страха.

Пламя ворвалось внутрь, буйные языки его плясали повсюду, дерево уже поддавалось... В голове у Люси все смешалось, глаза щипало, жара становилась нестерпимой. Она вцепилась ногтями в бедро. Держаться, держаться во что бы то ни стало.

Минута... Две минуты...

И вот в отверстии стеклянной стены из дыма выступила фигура. Тень осторожно сделала шаг вперед, вытянув перед собой руку с оружием. Обвела дулом комнату. Люси захлебнулась криком и разрядила вслепую всю обойму револьвера Филипа.

Тень покачнулась и осела.

Люси, стараясь не дышать, бросилась сквозь дым к единственному выходу. Переступая через тело, взглянула на лицо – и сразу же узнала в убитом своего соседа по самолету. На ногах у него были армейские ботинки.

Она выскочила наружу и, пробежав метров десять, упала на землю.

Долго кашляла, прежде чем смогла вдохнуть.



А когда наконец подняла голову, на месте дома был гигантский костер.  
Люси стала никем. У нее теперь не было рюкзака, то есть не было документов, а значит, имени.

И она только что убила человека. В чужой стране.

Красно-синие маячки полицейской машины, красно-желтые – на крышах двух пожарных автомобилей, припарковавшихся перед шале. Пожарные примчались с фантастической скоростью, и мощным водяным струям удалось сбить пламя до того, как оно распространилось на лес, но от жилища Филипа Ротенберга остался только столб дыма. И куча пепла.

Парни из Королевской жандармерии Канады, соблюдая все меры предосторожности, искали следы преступления – фотографировали, пытались обнаружить хотя бы косвенные улики. От разноцветья мундиров рябило в глазах: жандармские красные мундиры, темно-синие брюки с желтыми лампасами, широкополые шляпы-стетсон и высокие сапоги коричневой кожи; белые защитные комбинезоны с капюшонами и бахилы криминалистов; черные куртки, брезентовые штаны и желтые каски пожарных... Все движения были на редкость согласованными, и казалось, что здесь происходит некий странный балет.

Люси надели наручники. Нет-нет, никакого насилия, ни малейшей враждебности, просто все строго по правилам. Ее документы, записи, рюкзачок сгорели в пожаре, а она несколько раз выстрелила в человека и убила его. Револьвер, валявшийся у ее ног, положили в полиэтиленовый пакет и взяли на экспертизу: баллистическую и отпечатков.

В 23:05 по местному времени инспектор по имени Пьер Монетт сказал Люси, что она задержана, посадил в машину и препроводил в полицейское управление Труа-Ривьера.

Когда они вошли в ультрасовременное здание жандармерии, Люси сразу же обыскали, вынули все из карманов (ключ, доверенный ей Ротенбергом, тоже отправился в полиэтиленовый пакет), после чего, не дав даже времени передохнуть, двое, похожие на кого угодно, только не на невинных младенцев, принялись ее допрашивать. Люси постаралась как можно лучше обрисовать ситуацию. Она рассказала об убийствах во Франции, об экспериментах пятидесятих годов, о своих поисках в архиве, о том, как ее словно бы похитил Филип Ротенберг... Она прекрасно владела собой, говорила совершенно спокойно и, закончив рассказ, так же спокойно предложила допрашивавшим ее жандармам обратиться в Главное управление полиции Квебека и во французскую полицию, чтобы навести справки о ней и о деле, в связи с которым она прибыла в Канаду. Назвала все фамилии и все телефонные номера, какие помнила наизусть.

Конечно же, то, что она послана в командировку в связи с расследованием, должно избавить ее от неприятностей – даже притом что французские полицейские не имеют права действовать здесь самостоятельно, а тем более – применять огнестрельное оружие.

Люси правильно себя вела и очень толково все объясняла, но это не помешало канадцам оставить ее на ночь в камере. Но она и тут не сопротивлялась, зная принципы ведения следствия и понимая, с какой сложной задачей столкнулись сейчас жандармы. Два обугленных трупа в чаще леса, французенка без документов и вся эта история с ЦРУ, с секретными службами – не пустяки. Проверка всего, что она наговорила, наверняка займет много времени.

Главное во всей этой заварушке – она осталась жива.

Оказавшись одна в маленькой прямоугольной комнате, Люси плюхнулась на скамью. Нервное напряжение было на пределе. Сегодня вечером она убила человека – второй раз в жизни. Когда отнимаешь жизнь у кого-то, кто, может быть, даже этого и заслуживает, все равно в душе навсегда остается глубокий черный след. Что-то, от чего не избавишься, что долго-долго тебя преследует.

Она подумала о Ротенберге, который хотел все ей рассказать. Это ведь она привела к Филипу убийцу, точно так же как привела его к старику-реставратору. По сути, этот человек, укрывшийся в глуши, в лесных зарослях, стал жертвой ее небрежности.

Сволочи, они снова ею воспользовались, и Люси ненавидела себя за это.

Инспектор Пьер Монетт несколько раз заходил к ней в камеру, спрашивал, как она тут, принес воды, кофе, даже сигарету предложил, но курить она отказалась. Поздно ночью Пьер объявил, что все идет нормально и, вероятнее всего, утром ее выпустят.

Дальше время тянулось бесконечно, больше никто не приходил, никто ни о чем не спрашивал. Наконец на сером северном небе за плексигласовым окошком показалось тяжелое солнце, и в мрачной комнатухе стало чуть светлее. Люси все время вспоминала своих девочек. Этой ночью она чуть их не покинула – что бы стало без нее с малышками? Сиротки без отца, без матери. Люси вздохнула. Как только закончится этот кошмар, надо будет серьезно, не жалея времени, подумать о будущем. Об их будущем – всех троих...

В 10:10 в тамбуре при входе возник силуэт.

Она узнала бы его из тысяч.

Франк Шарко.

Едва инспектор Монетт отпер дверь, Люси, ни секунды не раздумывая, бросилась к шагнувшему в камеру высокому крепкому человеку и уткнулась лицом ему в плечо. Комиссар, долю секунды поколебавшись, обнял ее:

– Если станешь продолжать в том же духе, мое старое сердце не выдержит. Скажи, с тобой всегда так?

Глаза Люси наполнились слезами. Она, печально улыбнувшись, отступила:

– Ну-у... допустим, это особый случай. А вы не заметили?

Присутствие этого сильного мужчины заставило Люси на мгновение забыть об ужасных часах, которые ей пришлось пережить. Шарко кивнул в сторону зарешеченного окошка, улыбнулся, и, надо сказать, улыбка очень его красила.

– Я скоро вернусь – надо разобраться с бумагами. Потерпишь еще немножко?

– Мне бы хотелось до того, прямо сейчас, позвонить. Я хочу позвонить домой, дочкам. Услышать их голоса.

– Потерпи еще чуть-чуть, Энебель. Я очень скоро вернусь.

Люси вернулась на скамейку.

Когда он вышел и дверь за ним заперли, она вздохнула и положила руку на грудь.

Там, внутри, отчаянно билось сердце.

Люси вернулась с мобильником Шарко в руке. Села за стол, отдала комиссару телефон. По дороге из Труа-Ривьера в Монреаль они заехали позавтракать в «KFC».

– Ну и как там? – спросил комиссар.

– Девочки в порядке. У Жюльетты с животиком все наконец наладилось, она у бабушки и чувствует себя прекрасно. А в Кларином лагере я смогла поговорить только с воспитателями, потому что дочка еще спит. Я и забыла, что во Франции сейчас всего семь утра!

В машине, пока они ехали, Люси успела рассказать Франку обо всем, что узнала с момента прилета в Канаду. О «сиротах Дюплесси», об экспериментах Сандерса, об участии ЦРУ в опытах над людьми в пятидесятых – шестидесятых годах... Шарко поглощал информацию, не говоря ни слова.

Теперь он с аппетитом вгрызался в обжаренные в масле куриные ножки, а Люси ковыряла вилкой капустный салат, запивая его огромным количеством кока-колы: она наконец наелась досыта.

– Я уверена, этот вольный стрелок, из-за которого начался пожар, не собирался меня убивать. Он хотел выманить меня из норы, как кролика. Я была нужна ему живая... Только не знаю для чего.

Шарко отодвинул тарелку с недоеденными ножками, потер руки и со вздохом посмотрел на Люси:

– Все это из-за меня.

Настала его очередь рассказывать, и он выложил все: как ездил в легион, как говорил с полковником Шателем, как блефовал, как увидел фотографию Люси с обведенной красной линией головой... Люси шумно втянула через соломинку колу и, обдумав услышанное, сделала вывод:

– Вот, значит, зачем вы отправили меня сюда, да еще на целых четыре дня... Чтобы действовать в одиночку.

– Ничего подобного. Просто хотел, чтобы ты не наломала дров.

– Вам не надо было так поступать. Эти военные могли вас убить. Они могли бы...

– Брось! Что сделано, то сделано. Проехали.

Люси вяло кивнула.

– А что теперь? Я хотела сказать: что будет со мной здесь, в Канаде?

– Королевская жандармерия позаботится о бумагах, нужных для твоего

скорейшего возвращения во Францию. Их расследование здесь сведется только к тому, чтобы как можно более точно установить, что произошло в шале. Остальное – наше дело, нашего управления и Главного управления полиции Квебека, мы этим и займемся. «Этим» – то бишь кучей дерьма, в которой и так уже увязли по шею. Ах да, еще монреальские коллеги попытаются узнать, кто такой твой сосед по самолету, он же убийца Ротенберга.

– Он блондин, стрижка ежиком, высокий, крепкий, в армейских ботинках. Возраст – меньше тридцати. И он – один из тех парней, которых мы ищем с самого начала.

– Возможно.

– Какое там «возможно» – точно. А что там с ключом, который адвокат велел мне взять перед тем, как умер? Удалось хоть что-нибудь выяснить?

– Ищут, что бы он мог открывать... Поскольку ключ с номерком, жандармы предполагают, что он от камеры хранения. На почте или на вокзале... В любом случае они поставят нас в известность, как только разберутся. Ну и... здорово ты это сообразила, Энебель, насчет архивов, интуиция у тебя, однако...

– В глубине души вы в это не верили, я не ошиблась?

– В этот след не очень верил, зато в тебя – очень. В тебя я поверил сразу, в первую же встречу, едва увидел, как ты выходишь из поезда на Северном вокзале.

Люси оценила комплимент, улыбнулась и, не удержавшись, зевнула.

– Ой, простите!

– Сейчас двинем прямо в отель. Сколько ты уже не спала?

– Долго... Но ведь нам надо встретиться с сестрой Марией Голгофской, хотя бы попытаться. И нам надо...

– Завтра. Мне неохота собирать тебя по частям.

На этот раз Люси уступила не споря. Она действительно выдохлась.

– Схожу в туалет – и поедем, да?

Шарко, вздыхая, смотрел ей вслед. Как ему хотелось обнять ее, прижать к себе, успокоить, убедить ее, что все уладится... Но нет, пока еще его зубы слишком крепко сжаты, чтобы выговорить нежные слова. Он допил пиво, отсчитал наличными сумму, обозначенную в счете, и вышел на улицу. Там он позвонил Леклерку – сообщить, что сейчас уже все в порядке. В ответ шеф объявил, что уже договорился с судьями и руководством министерства обороны о возбуждении уголовного дела и начале расследования в Иностранном легионе с целью определить, вступил в него все-таки Мухаммед Абан или нет.

Когда друг повесил трубку, комиссар подумал, что наконец-то они начали двигаться вперед семимильными шагами.

Пора бы.

– Так и знала, что найду вас здесь...

Комиссара застал врасплох этот мелодичный голос где-то за спиной.

Шарко устроился в кресле полутемного гостиничного бара и спокойно потягивал виски, изучая список участников конгресса по прививкам. Обстановка была шикарной, но без излишеств: светлый ковер во весь зал, большие подушки на красных банкетках, обитые черным бархатом стены... Подойдя ближе, Люси заметила на столике стакан мятного лимонада.

– Вы кого-то ждете?

– Нет, никого. Стакан уже тут стоял.

Он ничего не добавил, и Люси пока не стала садиться. Развела руками в знак смирения и сказала:

– Простите за наряд. Джинсы – это, конечно, не очень-то элегантно, но я никак не могла предположить, что вечером придется выходить в свет...

Шарко ответил ей усталой улыбкой:

– Я думал, ты спишь...

– Я тоже так думала.

Люси выбрала одно из двух свободных кресел напротив комиссара, собралась было сесть.

– Только не сюда! – буркнул он.

Она удивилась, но выпрямилась.

– Значит, вы соврали, значит, на самом деле кого-то ждете. Ладно, простите, что побеспокоила.

– Слушай, хватит дурить! Просто это кресло хромает на одну ножку. Что тебе заказать?

– Водку с апельсиновым соком. Много водки, чуть-чуть сока. Мне позарез надо снять напряжение.

Шарко допил виски и пошел к стойке. Люси смотрела ему вслед. Он переоделся, смазал гелем свой седоватый ежик, надушился. Красивая у него походка... Люси взяла листки распечатки, которые комиссар оставил на столе. Имена, фамилии, даты рождения, должности. Некоторые строчки вычеркнуты. Он выглядит таким спокойным, невозмутимым, даже небрежным, а на самом деле ни на минуту не останавливается. Какой-то вечный двигатель.

Комиссар вернулся с двумя стаканами, протянул один Люси, которая, придвинувшись к нему поближе, показала на листки:



– Это список ученых, находившихся в Каире, когда убили девушек, да?  
– Угу. Двести семнадцать человек, если быть точным. В то время им было от двадцати двух до шестидесяти трех лет. Если в Граваншоне действовали те же люди, что тогда в Каире, надо добавить шестнадцать лет. А значит, придется некоторых исключить.

Шарко сложил листки и сунул их в карман.

– Есть новости, но плохие... вообще-то, они условно плохие, потому как на самом деле хорошие. Не будем терять времени?

– Не будем. Вы же сами сказали: всему свое время. А вот сейчас, прямо сейчас, мне действительно надо расслабиться, так что отделаемся от новостей побыстрее.

– Тогда поехали. Сегодня утром полковника Шателя обнаружили у него дома мертвым. Явное самоубийство. Оружие – его собственное, табельное.

Люси помолчала, переваривая информацию.

– Нет никаких сомнений в том, что это самоубийство?

– Судмедэксперт и следователи тут единодушны. От подробностей, пожалуй, тебя избавлю. И вторая новость: по данным, полученным в аэропорту, человек, сидевший рядом с тобой в самолете, а потом спаливший дом Ротенберга, – Жюльен Манёвр. Он действительно был военным, служил в Группе информации и коммуникации Иностранного легиона. То есть там, где делали фильмы для армии.

– Наш убийца-кинематографист... Человек в армейских ботинках...

– Вот именно. И – надо же, какое совпадение! – Манёвр взял отпуск ровно тогда, когда начиналось наше дело. Причем увольнительную ему подписал лично Шатель. Позже, когда полковник увидел, что все оборачивается далеко не лучшим образом, то есть после того, как я наведалься к нему в гости, а здесь произошло то, что произошло, он покончил с собой. Конечно же, Шатель перед этим принял меры и избавился от всех и всего, что могло его скомпрометировать...

– Стало быть, он был причастен ко всему, что там творилось, и знал обо всех убийствах.

– Очень может быть. И я для тебя еще кое-что припас – ну, держись крепче!

– Попробую.

– Во время обыска у Манёвра нашли многочисленные списки фильмов, перемещавшихся по всему миру из одного архивного центра в другой. Помнишь, твой шеф говорил о сайте ФИАФ, Международной федерации киноархивов? Так вот, именно на этом сайте Манёвр два года

назад обнаружил сведения о нашей бобине. Он немедленно обратился в ФИАФ и сделал запрос на фильмы пятьдесят пятого года. Оказалось, что именно ту пленку, которую он искал, кто-то уже успел стибрить. И этот кто-то – хорошо нам известный коллекционер.

– Шпильман.

– Разумеется, Шпильман. Казалось бы, облом: будучи почти у цели, Манёвр снова потерял след фильма. Да, но у него все-таки осталась надежда раздобыть его. Он продолжал поиски, наблюдал за продажами и покупками фильмов, читал объявления в газетах – главным образом бельгийских. Видимо, так и набрел на объявление, которое после смерти старика-коллекционера отправил в редакцию его сын. И явился к Люку.

– Тратить столько сил на поиски короткометражки...

– Пока копии злосчастной короткометражки бродят по свету, Шатель не чувствовал себя в безопасности, равно как и все, кто был замешан в этих темных делах. Манёвр – пешка, простой исполнитель. Как, может быть, и Шатель по сравнению с теми, кто правил бал на самом высоком уровне.

– Но на этот раз против легиона будет начато официальное расследование?

– Да. Можно надеяться, что языки развяжутся и что многое удастся найти при обысках. Только ведь не стоит забывать, что у нас двое убийц. Одним был Манёвр – убийца-киношник, а другой... другой, тот, кто забирал мозги, наверное, найдется в этом списке. Возможно, он действовал в Египте один, потому что Манёвр шестнадцать лет назад был совсем еще мальчишкой.

Когда комиссар договаривал последние слова, Люси взялась наконец за свою водку с соком, и усталые ее глаза заблестели. В приглушенном свете черты лица Шарко казались менее резкими, тихо, пропадая где-то в отдалении, играла музыка, все здесь успокаивало, убаюкивало, но и способствовало обольщению... Люси нашла в кармане фотографию, протянула ее Франку:

– Я же вам еще не показывала своих куколок? Вот они, мои сокровища, – мне их так не хватает! Сегодня я еще острее, чем всегда, чувствую, что не создана для того, чтобы уезжать от них...

Шарко взял в руки снимок и стал рассматривать его с такой нежностью, какой Люси у него еще не видела.

– Жюльетта справа, Клара слева?

– Наоборот. Если взглядеться хорошенько, можно заметить, что у Клары маленький дефект радужки: черное пятнышко в форме груши.

Комиссар вернул ей фотографию.

– А их отец?

– Давным-давно скрылся из виду.

Люси вздохнула, сжала в руках стакан.

– Это расследование плохо действует на меня, комиссар. Потому что я, глядя на снимок, вижу не Клару и Жюльетту, а Алису Тонкен, Лидию Окар и всех остальных девочек. Маленьких испуганных девочек. Они везде со мной, днем и ночью. Я вижу их лица, я ощущаю их ужас, я слышу их крики, когда они набрасываются на несчастных зверюшек...

– У всех нас свои призраки. Призраки, которые уйдут после того, как с нашим делом будет покончено. Когда все двери закроются – тогда и оставят тебя в покое.

Они помолчали. Люси, глядя в пространство, кивнула.

– А у вас, комиссар? В вашей жизни еще остались открытые двери?

Шарко покрутил обручальное кольцо на пальце.

– Да... Большая, огромная дверь, которую мне очень хотелось бы закрыть. Но не удастся. Может быть, потому не удастся, что в глубине души я жажду, чтобы она так и осталась открытой.

Люси поставила стакан и наклонилась вперед. Между ее губами и губами мужчины, которого ей до смерти хотелось поцеловать, оставалось всего несколько сантиметров.

– Я знаю, о какой двери вы говорите. И может быть, сумела бы помочь вам закрыть ее.

Шарко ответил не сразу. Желание отстраниться, встать и уйти боролось в нем с куда более сильным желанием остаться.

– Ты на самом деле в это веришь?

Она наклонилась еще ниже и прикоснулась-таки губами к его губам. Поцеловала. Шарко закрыл глаза, оцепенел. Все его чувства замерли, он словно перестал дышать, он уже не дышал так долго, что это становилось опасно.

Он открыл глаза:

– А ведь у того, что может произойти, почти наверняка нет будущего. Ты это понимаешь?

– Я думаю, что будущее как раз есть. Но пока... давайте дадим шанс настоящему?

После смерти жены он ни разу не видел обнаженной женщины и сейчас почти застеснялся. Гибкое душистое тело, скользнув в полумраке, прильнуло к его телу. Нежные, но алчные руки теребили пуговицы на его рубашке. Внутри у него разгорался огонь, он и не пытался сопротивляться,

и все же Люси почувствовала, что он скован, что какое-то неуловимое воздействие мешает ему расслабиться, забыться.

– Тебя что-то смущает? Что-то не так? – шепнула она на ухо Франку.

– Да вот...

Шарко высвободился из ее рук, метнулся к стоявшему у кровати стулу, развернул его, схватил с сиденья паровозик с черной вагонеткой для дров и угля и засунул его в тумбочку. Коробка с засахаренными каштанами отправилась следом. Только после этого он вернулся к Люси, стиснул в объятиях и грубовато завалил на постель. Люси хихикнула:

– А мне нравился этот твой паровозик. Вообще-то, ты странный...

Их губы снова встретились, теплая плоть соединилась. Уже сплетаясь с Люси ногами, Шарко дотянулся до выключателя и погасил лампу. Несмотря на то что занавеси были задернуты, слабый свет, пробиваясь сквозь них, падал на кровать, обрисовывал слившиеся в наслаждении тела. Холмы и долины этого живого пейзажа содрогались, будто от бешеных подземных толчков. Люси, уже не владея собой, кусала подушку. Шарко мягким, но сильным движением – словно волчица, играющая с детенышем, – перевернул ее, задыхаясь, упал сверху. Крики и плач затихали, лица мертвецов, лица Лидии и Алисы отступали, заволакивались дымкой, пропадали, побежденные страстью. Секунды били током по коже. Все мышцы Шарко горели, на шее выступили жилы, он резко, как пружина, распрямился, скрипнул зубами, горячечным взглядом уставился на середину комнаты.

Девчонка стояла там, словно часовой – ноги вместе, руки по швам.

И – такое Шарко увидел впервые в жизни – плакала.

Мгновение показалось ему вечностью. Глаза комиссара тоже затуманились слезами, теперь он едва слышал, как стонет под ним женщина.

Страсть обладает магической силой – и девочка улыбнулась ему.

Потом подняла руку и помахала Франку.

Готовый разрыдаться, он ответил Эжени тем же.

Еще секунда – и она вышла, ни разу не обернувшись. Дверь за ней бесшумно закрылась.

Вот тогда Шарко наконец полностью отдался наслаждению.

Из сна его вырвал телефонный звонок. Франк с трудом оторвался от теплого, прижимавшегося к нему тела, перекатился по кровати и взял с тумбочки мобильник.

Звонил Пьер Монетт, которому удалось разобраться с ключом, доверенным Люси Филипом Ротенбергом. Это оказался ключ от камеры хранения на Центральном вокзале Монреаля. Канадский жандарм назначил им там свидание в полдень, до этого надо было уладить другие важные дела.

Комиссар положил сотовый на то же место, откуда взял, и повернулся к женщине, с которой делил постель. Погладил кончиками пальцев ее спину. Такая нежная, такая молодая кожа, не то что его дубленая шкура; а какая может быть у полицейского, столько лет проработавшего на земле... Сколько дорог их разделяет... Он осторожно уткнулся носом в ее светлые волосы, в последний раз вдохнул ее запах – запах духов и пота.

Зачем себе лгать: конечно же, его тянуло к Люси. С первой встречи ему никогда по-настоящему не удавалось забыть о ней, перестать видеть перед собой ее лицо. Он тихо встал и пошел в душ. Пока текла вода, пока он рассматривал себя в зеркале, пока одевался – все время оглядывался, здесь ли Эжени. Припоминал как можно точнее ее последний жест. То, как она ночью махнула ему рукой. Дорожки слез на щеках ребенка. Неужели девочка на самом деле обрадовалась увиденному? Неужели этого было достаточно, чтобы ее осчастливить? И неужели она теперь оставит его в покое?

Нет, нет, в это невозможно поверить! Он болен, у него параноидальная шизофрения, он не мог обойтись без лекарств до самого последнего дня. Разве бывает, чтобы все так внезапно прошло? Не бывает. В реальной жизни такого просто не может быть.

Проглотив таблетку, он вернулся в комнату. Люси сидела на кровати и внимательно на него смотрела.

– Расскажешь мне когда-нибудь про свои таблетки?

Он сделал вид, что не слышал, подошел к ней, поцеловал.

– Пора за работу. Позавтракаем, съездим к серым сестрам, а оттуда на вокзал. Такая программа тебя устраивает?

Шарко в двух словах объяснил Люси, зачем они поедут на вокзал. Люси потянулась, встала и неожиданно прижалась к нему:

– Мне было так хорошо сегодня ночью, как давным-давно не бывало. – Она вздохнула. – И мне бы не хотелось остановиться на этом.

Шарко положил ладони ей на спину и стал поглаживать с нежностью, в конце концов удивившей его самого. И прошептал ей в самое ухо, тоже вздыхая:

– Подумаем об этом позже, договорились?

Люси заглянула ему в глаза, кивнула:

– Знаешь, мне бы хотелось вернуться сюда и увидеть эту страну иначе – не в кошмаре наяву. И мне бы еще больше хотелось вернуться сюда с тобой.

Она с сожалением оторвалась от Франка – до чего было бы здорово, если бы это утро длилось вечно! Она понимала, как хрупки их отношения, и сама уже думала о возвращении во Францию. Жизнь может развести их, и они расстанутся, сами толком не зная почему.

– Схожу к себе за вещами. Может, мне отказаться от номера, как ты думаешь?

– Люси, ты же знаешь, что такое администрация гостиницы и что такое злые языки. Мне кажется, лучше пусть будут два счета за номера. А тебе нет?

– Да... да... ты прав.

Они закрыли за собой дверь отеля «Дельта-Монреаль» и рядышком, не спеша, как заправские туристы, двинулись по улице в направлении монастыря серых сестер: на плане, который им дали в гостинице, было показано, что он всего в километре отсюда. Молча, не вспоминая вслух того, что случилось с ними ночью, они свернули на бульвар Рене Левека, прошли среди монументальных зданий, где расположены знаменитые в целом мире фирмы, и добрались наконец до широкой аллеи за решеткой запертых ворот.

Там они позвонили в домофон, им открыли ворота и впустили внутрь. Очень скоро не стало слышно машин, верхушки небоскребов исчезли из виду, под ногами у них поскрипывал гравий, с обеих сторон дороги высились деревья. Монастырь, бывшая главная больница Монреалья, оказался выстроен в форме буквы «Н» с романской часовней посередине, и крест наверху сверкал под солнцем...

По бокам часовни – два длинных серых крыла здания. В крыле Святого Вильгельма – община, в крыле Святого Матфея живут старики, инвалиды, сироты. Четыре этажа, сотни одинаковых окон, строгая архитектура, от которой холодок пробегает по коже... Люси легко представляла себе атмосферу, которая царила здесь в пятидесятых годах.

Дисциплина, бедность, самопожертвование...

Они молча шли вдоль строения из темного кирпича. За дверью одного из входов в крыло Святого Вильгельма их поджидала настоятельница серых сестер. Обрамленное черным и белым сухое лицо, пергаментная, как облатка, кожа. Монахиня попыталась улыбнуться, но Христовы страдания наложили на ее черты неизгладимый отпечаток.

– Вы сказали, что приехали из Франции и работаете в полиции? Чем могу вам помочь?

– Нам надо бы встретиться с сестрой Марией Голгофской.

Выражение лица настоятельницы стало еще более страдальческим.

– Сестре Марии Голгофской больше восьмидесяти пяти лет. Она страдает артритом и почти не встает с постели. Что вам от нее нужно?

– Мы хотели бы задать ей несколько вопросов о ее прошлом. Точнее – о пятидесятых годах.

Монахиня сохраняла невозмутимый вид, но чувствовалось, что она колеблется.

– Вы ведь, надеюсь, пришли не из-за недоразумений с Церковью?

– Нет-нет, ничего общего.

– Тогда вам повезло: у сестры Марии Голгофской прекрасная память. Впрочем, бывают вещи, которых нельзя забыть.

Их пригласили войти, они двинулись по холодным темным коридорам с очень высокими потолками и закрытыми дверями по сторонам. Слышался шепот, вдали, напоминая прощальный взмах платком, мелькали и исчезали какие-то тени. И еще был гул, вибрирующий гул. Христианские песнопения...

– Скажите, матушка, сестра Мария Голгофская никогда не покидала вашего монастыря? – Шарко старался говорить едва слышно.

– В начале пятидесятых она по приказу свыше ушла от нас: ее направили в общину Сестер Милосердия при больнице Мон-Провиданс, где она оставалась несколько лет, потом вернулась сюда.

Мон-Провиданс... Люси уже слышала это название в архиве, от Патриции Ришо, и мгновенно отозвалась:

– Значит, она работала в школе для умственно отсталых детей, внезапно ставшей, по приказу правительства Дюплесси, психиатрической больницей?

– Совершенно верно. В школе, преобразованной в больницу, где постепенно собралось столько же безумцев, сколько и вполне здоровых людей. Сестра Мария Голгофская трудилась там несколько лет. В ущерб собственному здоровью.

– А почему она вернулась сюда, к вам?

Мать настоятельница обернулась, посмотрела на Люси. Глаза ее блеснули так, будто в каждом зажгли по свечке.

– Она ослушалась приказа и сбежала из Мон-Провиданс, дочь моя. Вот уже больше пятидесяти лет сестра Мария Голгофская – беглянка.



Комната монахини была обставлена просто, настолько просто, что это наводило на мысль о нищете: ничего, кроме голых стен серого камня, кровати, стула, молитвенной скамьи с пюпитром, на котором лежала Библия, оловянного распятия в изголовье кровати, шкафа, битком набитого книгами, и часов. Сквозь овальное окошко, расположенное очень высоко, сочился белесый свет. Старая женщина лежала поверх одеяла, вытянув ноги и сложив руки на груди. Смотрела в потолок.

Мать настоятельница подошла к ней, наклонилась, что-то прошептала на ухо, потом возвратилась к посетителям. Сестра Мария Голгофская медленно повернула к ним голову. Зрачки монахини побелели от катаракты, но окружала их океанская голубизна радужки.

– Я вас оставляю, – сказала мать настоятельница. – Выход вы легко найдете сами.

Она вышла, не прибавив больше ни слова, дверь за ней закрылась. Сестра Мария Голгофская, поморщившись от боли, с трудом встала, двигаясь со скоростью черепахи, добралась до стакана с водой и спокойно принялась пить. Из-за того что черное платье доходило до полу, казалось, будто она плывет по воздуху. Потом монахиня вернулась на кровать, приставила к стене подушку и села, привалившись к ней.

– У меня скоро время молитвы. Говорите, что вам нужно, только, пожалуйста, покороче.

Сама сестра Мария Голгофская, несмотря на возраст, не шамкала, говорила внятно, голос у нее оказался чуть хриловатый, и Люси вспомнился звук, с каким сминают плотную бумагу. Она подошла к кровати:

– В таком случае будем говорить напрямик, без обиняков. Нам бы хотелось, чтобы вы рассказали о девочках, которыми занимались в начале пятидесятых. В частности, об Алисе Тонкен и Лидии Окар. И еще чтобы вы рассказали о Жаке Лакомбе и враче, который работал с ним.

Сестра как будто перестала дышать. Она сложила перед грудью узловатые руки, зрачки, прикрытые катарактой, казалось, расширились.

– Но... почему?

– Потому что до сих пор люди убивают других людей ради того, чтобы скрыть свидетельства о том, что вы видели своими глазами, – сказал Шарко, опираясь на молитвенную скамью.

Тишина наступила такая, что снова стали слышны голоса поющих сестер.

– Как вы меня нашли? Никто никогда не приходил поговорить со мной об этой старой истории... Я живу взаперти, скрываюсь, я ни разу не вышла отсюда больше чем за полсотни лет. За пятьдесят долгих лет...

– Хоть вы и скрываетесь, ваше имя есть в списке сестер этой общины. Было бы все как прежде, список этот не покинул бы стен монастыря, но, поскольку через год монастырь закроют, документы уже переданы в государственный архивный центр.

Старуха приоткрыла рот, попыталась вдохнуть, но это удалось ей не сразу. Люси показалось, что зрачки монахини расширились еще сильнее, призывая к себе свет былых времен.

– Не беспокойтесь, сестра. Мы пришли сюда вовсе не для того, чтобы вас выдать или судить ваше прошлое. Единственное, что нам нужно, – разобраться в том, что происходило в те годы с девочками в стенах больницы Мон-Провиданс.

Сестра опустила голову. Белый апостольник совсем закрыл ей лицо, и теперь она выглядела тенью, призраком.

– Я прекрасно помню и Алису, и Лидию, да и как бы я могла их забыть? Я занималась ими здесь, в сиротском крыле монастыря, прежде чем меня перевели в Мон-Провиданс, назвав как причину нехватку «личного состава». Я думала, никогда больше не увижу своих малышей, но два года спустя их привезли туда, в Мон-Провиданс, вместе еще с десятью девочками из приюта Сестер Милосердия... Дети думали, что им опять поменяли место жительства, как было уже не раз, как часто делали в те времена, и они к этому привыкли. Они приехали на поезде, такие сияющие, такие счастливые, такие беззаботные, какими люди только и могут быть что в этом возрасте...

Рассказ монахини прерывался долгими тягостными паузами – воспоминания медленно всплывали на поверхность.

– Однако, войдя внутрь больницы Мон-Провиданс, девочки сразу поняли, куда попали: плач и вопли душевнобольных было не заглушить никакими песнопениями, никакими псалмами. Ясные детские личики среди безумных, среди умственно отсталых... Поняли они и другое: что им никогда отсюда не выйти. Совершенно здоровые сироты росчерком пера врачей, работавших на государство, превратились в дебилов, всем приписали задержку психического развития. Ради денег, только ради денег, потому что умственно отсталые были государству выгоднее незаконных детей. А нам, монахиням, вменили в обязанность обращаться с ними

именно как с умственно отсталыми. И нам надо было... исполнять свой долг.

Голос ее дрогнул. Шарко вцепился в потемневшее от старости дерево так, что пальцы побелели. Вокруг ничего – кроме запаха тления, исходившего от осыпающихся стен, от истертых полов монастыря...

– Иными словами?

– Дисциплина, притеснения, наказания, режим... Тех из несчастных, кто осмеливался бунтовать, переводили из одной палаты в другую, и с каждым разом свободы оставалось все меньше. Палата монахинь, рабочая палата, палата с серыми стенами... Девочки не имели права общаться с теми, кто содержался в другой палате, а к тем, кто решался попробовать, применялись суровые санкции. Все делалось так, словно, размещая детей, распределяя по категориям, их постепенно удаляли от нормального состояния и приближали к безумию. К безумию, дети мои... Знаете ли вы, чем пахнет безумие? Оно пахнет смертью и гниением.

Сестра Мария Голгофская дышала с трудом. Долго, мучительно втягивала в себя воздух...

– Последняя палата – та, куда меня и определили, когда перевели в Мон-Провиданс, называлась палатой мучеников. Или палатой страданий... как угодно. Жуткое место, целый зал, где жили больше шестидесяти женщин – взрослых, разных возрастов, но все – душевнобольные. Истерички, debilки, шизофренички... Там хранились и запасы медикаментов, хирургические инструменты, вазелин...

– А вазелин-то зачем?

– Смазывать виски пациенток перед сеансами электрошока.

Она сплела пальцы с пожелтевшими ногтями. Люси легко представляла себе, что это был за ужас – находиться в подобном месте целыми сутками. Крики, клаустрофобия, страдания, муки – физические и душевные. Пациентки и обслуживающий персонал оказались в одинаковых условиях.

– Мы ухаживали за больными, и здоровые девочки помогали нам: убирали помещение, кормили тех, кто не мог есть сам, были на подхвате у медсестер. В палате постоянно возникали ссоры, скандалы, постоянно что-то случалось, ведь в ней содержались пациентки, страдавшие самыми разными видами безумия – от вполне безобидных до очень опасных. И все возрасты перемешку. Иногда тех, кто провинился, совершил плохой поступок, на неделю помещали в карцер – отдельную комнатку, где провинившуюся привязывали к кровати и лечили аминазином – это был излюбленный препарат наших докторов.

Она подняла руку. При каждом движении монахини черная ткань ее одеяния шуршала, как жатая бумага. Казалось, что и она сама одержима каким-то видом безумия, – пребывание в стенах Мон-Провиданс не могло пройти для нее бесследно.

– Здоровые девочки, которые попадали в эту палату, – самые вспыльчивые, резкие, строптивые и, конечно, самые умные – не имели ни малейшего шанса выйти оттуда. Медсестры обращались с ними точно так же, как с душевнобольными, не делая различий. А к нашим словам – словам тех, кто постоянно занимался девочками, – никто не прислушивался. И мы повиновались, мы подчинялись приказам, понимаете?

– Каким приказам? Чьим?

– Матери настоятельницы, Церкви.

– Алиса и Лидия жили в этой палате мучеников?

– Да. Так же, как все девочки, переведенные из приюта Сестер Милосердия. То, что их поместили в палату мучеников, было необъяснимо, и случай этот был исключительный.

– Почему исключительный?

– Обычно новеньких размещали в других палатах, и только некоторые добирались до палаты мучеников – иногда через несколько лет и, как правило, из-за того, что плохо себя вели и все время бунтовали. Ну или просто потому, что они сходили с ума.

– А потом? Что же стало потом с этими сиротками, Алисой и остальными?

Монахиня сжала в руке нагрудный крест.

– Довольно скоро ими стал заниматься палатный врач. Ему было около тридцати лет, у него были тонкие светлые усики и взгляд, от которого кровь стыла в жилах. Он регулярно уводил некоторых маленьких «пациенток» в другие палаты, куда никому не было доступа, но мне-то мои девочки рассказывали, что там делалось. Их распределяли по разным клетушкам, заставляли стоять долгими часами, в палатах этих были телевизоры и громкоговорители, из которых то и дело слышались хлопки, щелчки, резкий шум, и девочки всякий раз вздрагивали. Еще туда приходил – всегда вместе с доктором – человек с кинокамерой, он снимал девочек на пленку... Алисе очень нравился кинооператор, по ее словам, его звали Жаком. Они прекрасно ладили между собой, и малышке, благодаря ему, удавалось даже иногда видеть дневной свет: Жак водил ее в парк у монастыря, она качалась там на качелях, оператор играл с ней, показывал ей животных, снимал ее камерой. Думаю, этот Жак был для девочки

таким... таким лучиком надежды.

Шарко скрипнул зубами. Он-то отлично понимал, что за лучик надежды можно было получить от такого человека, как Лакомб.

– А в этих клетушках девочки только и делали, что стояли, смотрели фильмы по телевизору и вздрагивали от внезапного шума? Никаких других опытов над ними не ставили... более страшных?

– Нет. Только не надо думать, что эта пассивность девочек во время опытов была так уж безобидна. Сиротки возвращались в палату мучеников нервными, агрессивными. И из-за этого их здесь снова наказывали – все сильнее. Порочный круг. Невозможно избежать безумия, оно повсюду. Внутри и вовне.

– Девочки рассказывали вам про эксперименты с кроликами?

– Они говорили, что иногда видели в комнате кроликов, которые кучкой сидели в углу. Да... да, пожалуй, больше ничего не рассказывали. И я не знаю, зачем там были эти кролики.

– Чем же это все закончилось?

Сестра Мария Голгофская, поджав губы, покачала головой:

– Тоже не знаю. Я больше не могла там находиться. Я посвятила всю свою жизнь служению Господу и Его созданиям, а оказалась в земном аду, где, кроме безумия, нечего было и ждать. Я сослалась на нездоровье и сбежала из Мон-Провиданс. Бросила их. Бросила девочек, которых сама растила здесь...

Она перекрестилась и судорожно прижалась губами к распятию. Повисла жуткая, давящая пауза. Люси вдруг почувствовала, что замерзает.

– Я вернулась на прежнее место, к серым сестрам. Матушка Маргарита была бесконечно добра ко мне, она укрыла меня здесь, она защищала меня. Уж поверьте, меня искали, и не представляю, что сделали бы со мной, если бы нашли. Однако случилось так, что мои старые кости пережили все, и вот мы уже в новом веке, но в памяти моей все еще живы ужасы, творившиеся там, в тайных палатах больницы Мон-Провиданс... Да и кто бы мог забыть такое? Кто бы мог избавиться от этих теней?

Люси заглянула монахине в невидящие глаза. Да, никому не удастся избавиться от теней... Никому.

Из сухих сморщенных губ сестры Марии Голгофской они услышали наконец правду. Взволнованная до глубины души Люси тем не менее не забыла, что служит в полиции.

– Этот палатный врач... Нам необходимо узнать его имя.

– Да, конечно... Его звали доктор Джеймс Петерсон. Во всяком случае, так его при нас называли. А подписывался он всегда наоборот: «доктор

Петер Джеймсон». Джеймс Петерсон, Петер Джеймсон... Я так и не узнала его настоящего имени. Но знаю точно, что он жил в Монреале.

Шарко и Люси переглянулись. Вот оно – последнее звено, которого им не доставало. Монахиня встала, подошла к молитвенной скамеечке и встала на колени. Глаза ее были полны слез.

– Я каждый день молю Бога помиловать бедных девчушек, которых бросила там, в аду. Они были мне как собственные дети, мои девочки, мои малышки. Я видела, как они растут, здесь, в этих стенах, пока мы с ними не оказались узниками того бедлама...

Люси ощутила что-то вроде сочувствия к бедной женщине, которой суждено умереть в одиночестве, в боли и скорби.

– Вы все равно не могли бы ничего для них сделать. Вы стали жертвой системы, жертвой своей веры. Но Господу не было места там, в желтом доме.

Сестра Мария Голгофская дрожащими руками взяла Библию и принялась шепотом читать. Люси и Шарко поняли, что им больше нечего делать в этой келье.

И тихонько вышли.

Центральный вокзал Монреаля находился совсем близко от монастыря, и они двинулись пешком. Шли молча, погруженные в собственные – и у обоих мрачнее некуда – мысли. Им виделись разделенные перегородками палаты больницы, они ощущали страх маленьких девочек, внезапно оказавшихся среди тяжелейших душевнобольных, слышали стоны безумных. Они слышали даже потрескивание электродов в комнатах с обитыми войлоком стенами. Как такое могло существовать?! Разве демократия не призвана защищать граждан от подобного варварства? Люси затошнило, и она решила прервать молчание. Прижалась к Франку, положила руку ему на талию и прошептала:

– Ты не очень разговорчив, а мне хотелось бы знать, что ты чувствуешь...

Шарко покачал головой:

– Отвращение и горечь. Глубокое, глубочайшее отвращение и горечь. Не найти слов, чтобы описать такое.

Люси прислонилась головой к его надежному плечу, так они добрались до вокзала, но, оказавшись на площади перед ним, отстранились друг от друга. За дверями гигантского здания увидели огромный операционный зал, переполненный людьми. Середина лета – все беззаботны, счастливы, все торопятся...

Жандарм Пьер Монетт с коллегой поджидали их, попивая кофе. Они вежливо поздоровались, обменялись рукопожатиями, обычными любезностями и отправились вчетвером в камеру хранения.

Два длинных ряда ячеек, напротив банкомат под канадским флагом с красным кленовым листом. Странно, подумала Люси, что такой опытный человек, как Ротенберг, выбрал настолько доступное и многолюдное место... Впрочем, продолжала она размышлять, он, наверное, разместил копии в других местах, как, скорее всего, и Лакомб копии своего фильма, прежде чем умереть в огне.

Монетт указал на ячейку с номером 201, находившуюся с левого края:

– Мы уже открыли. И нашли там вот это.

Он вынул что-то из кармана и протянул на ладони:

– Флешка.

Шарко взял флешку, рассмотрел ее.

- Скопируете мне то, что здесь записано?
- Уже скопировали, берите.
- А что вы думаете о том, что увидели?
- Мы ничего не поняли, и я очень рассчитываю на то, что вы нам объясните. В конце концов, эта история разожгла-таки мое любопытство.

Шарко кивнул:

- Конечно объясню. Нам еще понадобится ваша помощь. Хотелось бы, чтобы вы как можно быстрее собрали информацию о человеке, которого зовут то ли Джеймс Петерсон, то ли Петер Джеймсон. Он врач, работал в психиатрической больнице Мон-Провиданс в пятидесятых годах, жил в Монреале. Сейчас ему должно быть за восемьдесят.

Монетт записал все данные в блокнот.

- Договорились. Наверное, позвоню вам к концу дня.

Когда Люси и Шарко возвращались в отель, Шарко все время потихоньку оглядывался: искал в толпе Эжени. Однажды даже вытянул шею, чтобы посмотреть, нет ли ее за вон той парой. Нет.

Как не было, так и нет.



Номер Шарко в гостинице был убран: чистое белье, кровать аккуратно застелена, в ванной новое мыло, паста, все остальное... Комиссар вытащил из-под кровати чемодан, откинул крышку и достал ноутбук.

Люси, краем глаза глянув в чемодан, нахмурилась и не удержалась от вопроса:

– Что это у тебя там? Банка соуса-коктейля?

Шарко быстро захлопнул крышку, застегнул чемодан на молнию и включил компьютер.

– Да вот всегда мучаюсь из-за диеты.

– Ничего себе диета – с соусом-коктейлем и засахаренными каштанами! К тому же, судя по цвету, соус не слишком-то хорошо перенес полет...

Не ответив, Шарко сунул флешку в порт ноута, и на мониторе возникли две папки. Одна называлась «Szpilman's discovery», другая – «Barley Brain Washing».

– То же самое я видела в компьютере Ротенберга. Он был осторожным и предусмотрительным, вот и позаботился о том, чтобы сохранить собранные материалы.

– Сначала Барлея или Шпильмана?

– Барлея. Адвокат успел показать мне фотографии опытов по психологическому воздействию на пациентов, но в папке был еще и фильм. Фильм, который Сандерс демонстрировал своим пациентам в процессе промывания мозгов.

Шарко повиновался, открыл папку, кликнул на иконку «Brain Washing\_01.avi».

– Ноль один... Стало быть, существуют десятки других...

С первого же кадра им все стало понятно. Шарко нажал на паузу и ткнул указательным пальцем в правый верхний угол кадра. Повернулся к Люси. Лицо его было очень серьезным.

– Белый кружок... Такой же, как на проклятой бобине.

– И такой же, как на «мусорных фильмах». Фабричная марка Жака Лакомба.

Давящая тишина, потом звонкий голос Люси:

– Он работал на ЦРУ. Жак Лакомб работал на ЦРУ.

Она почувствовала, что еще кусочек пазла лег на место. Еще один – в

соответствии все с той же четкой логикой, никуда не переставишь.

– Вот почему он обосновался в Вашингтоне в пятьдесят первом году: Лэнгли, где находится штаб-квартира ЦРУ, совсем рядом. И вот почему он потом, когда проект «МК-ULTRA» распространился на Канаду, переехал в Монреаль. Они завербовали его точно так же, как Сандерса... Сначала заинтересовались его фильмами, его попытками воздействовать на бессознательное, манипулировать людьми, потом связались с ним, познакомились, ну и опять-таки ровно так же, как психиатру, обеспечили ему прикрытие: работу киномеханика. Естественно, с солидным счетом в банке.

Шарко согласился и развил мысль Люси:

– Они искали по всему свету и нанимали лучших в профессии. Ученых, медиков, инженеров и вот – кинематографиста. Им нужны были люди, чтобы снимать видео, которое они показывали пациентам.

На этот раз кивнула Люси. Теперь, когда расследование шло полным ходом, она не ощущала себя наедине с мужчиной, с которым провела ночь, перед ней был коллега, участник общей – мучительной, невыносимой, опасной – охоты на дикого зверя.

– Ротенберг сказал, что детская программа не входила в проект «МК-ULTRA» и что врач, который никогда не появлялся в кадре, был не Сандерс. Значит...

– Значит, Жак Лакомб обслуживал одновременно две программы: по проекту «МК-ULTRA» он работал в Институте Аллана с Сандерсом, а по детской программе – в Мон-Провиданс с тем самым Петерсоном-Джеймсоном. В ЦРУ знали, что могут ему доверять. Наверное, разведуправлению, когда там замыслили эксперименты в белой комнате, понадобился свой человек, такой, на которого можно положиться.

Люси встала, налила себе стакан воды, выпила. Ночь опьянения, ночь наслаждений отодвинулась далеко-далеко, вернулись и взялись за работу ее демоны. Шарко, дождавшись, пока Люси снова окажется рядом, нежно погладил ее по шее:

– Все в порядке?

– Поехали дальше.

Он нажал на клавишу «Enter». «Brain Washing\_01.avi»...

Фильм Лакомба, предназначенный для демонстрации пациентам Сандерса, оказался таким странным, какого и вообразить было нельзя. На экране возникали черные и белые квадраты, линии – прямые и кривые, колебавшиеся как волны... Все выглядело так, будто ты попал в некий психоделический мир, в мир дзен, где сознанию не найти себе места.

Квадраты проплывали по экрану то быстро, то медленно, сменяли друг друга, заменялись волнами, те росли, росли, росли, потом исчезали... Шарко выбрал в меню покадровый показ – тут-то и обнаружились скрытые планы.

Люси наморщила нос. Одни, другие, третьи скрюченные пальцы, обвивавшиеся вокруг лежащих на столе черепов... Крупные планы пауков, окутывавших своими нитями насекомых... Громадное черное облако на удивительно чистом небе... Большой темный сгусток в луже крови... Ужасы, извращения – все то, на чем специализировался Жак Лакомб...

Потрясенный увиденным, Шарко потер себе виски:

– По-видимому, они показывали фильм Лакомба пациентам в режиме нон-стоп, и вкупе со звуком из громкоговорителей это бог знает что делало с мозгами. Лакомб был таким же психом, таким же порочным типом, как Сандерс.

– Вот, наверное, образ психического расстройства, как представлял его себе режиссер: сцены захвата, пленения, вторжения в организм чужеродного тела... Все это должно было действовать на мозг наподобие электрошока. Так же как Сандерс, он думал, что ударом по подсознанию можно уничтожить болезнь. Бомбардируя ее образами, как бомбардируют заряженными частицами при лучевой терапии раковую опухоль.

Шарко выпустил мышку и пригладил свой ежик.

– Варвары... Мы с тобой оказались в мире, где идет погоня за открытиями, где продолжается холодная война, где Восток борется с Западом, где люди готовы на любые жертвы, лишь бы достичь своей цели...

Люси вздохнула и заглянула комиссару в глаза:

– Но не будь всех этих ужасов, мы с тобой никогда бы даже и не встретились... Подумать страшно, что нас свело!..

– Потому что у таких рьяных полицейских, как мы с тобой, отношения только и могут выстроиться что в страданиях. Разве ты думаешь иначе?

Люси закусила губу. Жестокость, безумие мира – вот что больше всего ее угнетало.

– Ну скажи, где здесь логика?

– А нет никакой логики. И не было никогда.

Она показала на экран ноутбука:

– Есть еще вторая папка. Пора переходить к находкам Шпильмана. Надеюсь, мы наконец разгадаем все его секреты и покончим с этим раз и навсегда.

Шарко согласился, лицо его было очень серьезным. Атмосфера в

комнате сгущалась, становилась тяжелой, липкой. Он навел курсор на папку с названием «Szpilman's discovery», и открылось ее содержимое: тоже единственный файл с заголовком «Mental contamination.ppt»<sup>[34]</sup>. У Люси перехватило горло.

– Погоди минутку. Ротенберг говорил мне о ментальной контаминации как раз перед тем, как его застрелили, а я из-за всего, что произошло потом, из-за этих выстрелов, пожара, убийства, начисто об этом забыла. Вот теперь давай смотреть. Там что?

– Я бы сказал, что слайд-шоу: тут серия снимков, сменяющих друг друга...

Началась презентация. Вначале они увидели фотографии немецкого солдата, целящегося в еврейских женщин, – они уже видели эти снимки во время совещания в Нантерре. Глаза солдата на первом плане были обведены маркером.

– Его глаза... вот к чему Шпильман хотел привлечь внимание...

Следующая серия снимков – груды трупов.

Мертвые тела африканцев – взрослые и дети, сваленные в кучи и лежащие по отдельности – там, где были убиты, собранные в груды проломленные черепа, скелеты... Бесчеловечное зрелище гнусной бойни...

– Руанда, – с трудом выговорил шепотом комиссар. – Тысяча девятьсот девяносто четвертый. Геноцид.

Особенно трудно было переносить снимки вооруженных мачете хуту в действии. На лицах – ненависть, на губах – пенная слюна, жилы на шее и мышцы напряжены.

Здесь тоже глаза убийц были обведены маркером. Люси придвинулась ближе к экрану, вгляделась:

– Везде один и тот же взгляд... У немца, у хуту, у девочки, убивающей кролика... Как будто общий симптом у разных народов и в разные эпохи, как будто все они поражены одинаковым безумием...

– Разные формы коллективной истерии. Вот все и сошлось.

Военный фотограф бродил среди мертвых тел, останавливался у того или иного трупа, снимал крупные планы, не скупясь на чудовищные подробности.

А от следующего слайда Люси и Шарко просто ошалели.

Они увидели человека из племени тутси с вылуценными глазными яблоками и разрубленным пополам черепом.

У этого слайда была подпись: «Больше чем убийство... проявление безумия хуту».

Люси съежилась в кресле, уткнулась лицом в ладони. Военному

фотографу показалось, что он столкнулся с варварским обычаем хуту, но истина была в другом.

– Не может быть...

Шарко вдавил кулаки в скулы так, что глаза превратились в щелочки.

– Он и там побывал. Этот сумасшедший, этот похититель мозга. Египет, Руанда, Граваншон... Сколько еще жертв на его совести?

На мониторе тем временем фотографии чередовались со статьями или страницами из книг по истории.

И всякий раз речь шла о геноциде или массовой резне. Бирма – год 1988-й, Судан – 1989-й, Босния и Герцеговина – 1992-й. Эти чертовы снимки делались всякий раз в самом разгаре бойни: все худшее, все, от чего Истории надо было избавиться – выблевать его, – все это сейчас проходило перед ними. Шарко искал в горах трупов тела с распиленными черепами и не находил, – конечно, такие были, их просто не видно, просто фотограф не снял эти тела отдельно.

Комиссар резко нажал на кнопку выхода из презентации:

– Хватит!

Надо было обрести хладнокровие, он встал и принялся ходить по номеру туда-сюда. Люси никак не могла прийти в себя.

– Ментальная контаминация, ментальная контаминация... – повторяла она машинально.

Снова включила слайд-шоу: еще несколько снимков – и презентация закончилась.

В номере тишина, только кондиционер еле слышно гудит. Люси бросилась к окну, распахнула.

Воздуха! Ей не хватало свежего воздуха!

Шарко сжимал ладонями виски.

– Убийца, скорее всего, побывал там, везде... И появлялся всякий раз после бойни, чтобы украсть мозги.

Смертельно бледная Люси вернулась к компьютеру, села на кровать. Она смотрела на монитор, но взгляд ее был совершенно пустым.

– Шпильману было наплевать на политические, этнические или экзистенциальные причины геноцида. Он выискивал во всех этих конфликтах нечто общее – то, что внезапно меняло поведение нормальных людей, взрослых и еще маленьких, заставляя их набрасываться на других и убивать их. Перед тем как умереть, Ротенберг говорил мне о расследовании, которое вел бельгиец, говорил, что Шпильман искал материалы именно об этой самой ментальной контаминации. А еще Филип сказал, что, похоже, существует способ насильно внедриться в структуру мозга и изменить ее.

– Контаминация есть заражение. Насильно внедрить нечто типа вируса? Это ты имеешь в виду?

– Ну да, с той разницей, что у него нет ни физической, ни органической природы. Есть только нечто такое, что попадает в человека через глаза и высвобождает в нем склонность к насилию, меняя его поведение именно в этом смысле.

– То есть нечто вроде преступной коллективной истерии...

– Нечто вроде. Когда я первый раз смотрела фильм с девочками в белой комнате, я вспомнила виденное когда-то: эскадрилью военных самолетов. Первый самолет начал тогда резко спускаться, и внезапно, словно включился сигнал, вслед за ним все остальные сделали то же самое, один за другим. Как будто их связывала невидимая нить. А если это и есть так называемый синдром Е? Представь себе: существует человек, выполняющий функции спускового механизма, он приступает к какому-то насильственному действию – и практически сразу же от одного члена его группы к другому распространяется эта зараза, ментальная контаминация, толкающая к насилию. Что, если в этом и заключается цель эксперимента, который снимал в своем фильме Лакомб? Если ему было необходимо именно что добиться воспроизведения феномена перед камерой? Оставить неоспоримое доказательство существования этого феномена?

Шарко бродил по комнате, но ничего не видел вокруг. Для него ничего

там и не было: дело поглотило его целиком, и то, что говорила сейчас Энебель, казалось ему одновременно и нелепым, и более чем правильным. Шпильман, упорный, настойчивый в поиске Шпильман все понял во время своего личного расследования. Он годами листал книги, рассматривал снимки военных фотографов и стоял на пороге удивительного и ужасающего открытия. И в самом конце его поисков по чистой случайности к нему в руки попал фильм, ставший краеугольным камнем его расследования, только его и не хватало, чтобы раскрыть самую суть.

– Люди на нашей планете пытаются медицинским путем – сказал бы, почти хирургическим – проникнуть в эту тайну, разобраться, как функционирует тот самый феномен, который Лакомбу удалось запечатлеть на пленке во время сверхсекретного опыта больше пятидесяти лет назад. Ментальной контаминации насилия, исходящей от человека – спускового механизма. Это и есть синдром Е.

– Ментальная контаминация насилия, исходящая от человека – спускового механизма, – повторила Люси. – Редкий, зависящий от воли случая феномен, способный возникнуть где угодно и когда угодно. Его не смогли изучить до конца в лабораторных условиях – ну и стали исследовать в реальной жизни, в горячих точках. Там, где происходят массовые убийства, там, где вспыхивает коллективная истерия. А в головах мертвецов ищут следы, признаки...

Шарко, потирая рукой подбородок, продолжил ее рассуждения:

– Шателю было известно о существовании синдрома Е, и отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, досье, которое в пятидесятых находилось в руках ЦРУ, перешло к французской разведслужбе. А во-вторых... во-вторых, этим занимаются непосредственно в Иностранном легионе. В том месте, где от людей, особенно на стадии отбора, требуется быть на пределе физических и психических сил. Когда достаточно искорки, чтобы все взорвалось.

– То есть ты считаешь, что легион – благоприятное для возникновения ментальной контаминации место?

– Именно так. Вспомни фотографии этих солдат, целящихся в еврейских женщин и детей, или хуту, размахивающих топорами. Вспомни, как выглядит насилие в этих кадрах, обстановку, в которой насилие проявляется. Наверняка существуют факторы, побуждающие к возникновению синдрома: стресс, страх, внешнее психологическое воздействие.

– Война, заключение... Все, что связано с какой-либо формой власти. Сестра Мария Голгофская рассказывала, в каком состоянии были девочки,

запертые в палате мучеников, рассказывала, как на них орали, сколько всего они наслушались...

Шарко кивнул:

– Вот-вот. Прежде чем встать во главе легиона, Шатель командовал теми, кто проходил тест на выживание в Гайане, в аду, где легионеры становились безумными. Возможно, синдром Е каким-то образом там проявлялся, и потому Шателем мог заинтересоваться наш похититель мозгов. И поспособствовал тому, чтобы, перед тем как вернуться в Обань, полковник поработал в разведке. Думаю, место командующего легионом ему и дали именно для того, чтобы он попытался внедрить синдром Е в среду своих подчиненных: надо же было изучить феномен путем экспериментов на живых существах.

– Создав своего рода инкубатор. Те же опыты, которые в пятидесятых проводились в стенах больницы, но под открытым небом.

– Да. Но полковник попался в собственную ловушку. Мухаммед Абан, человек от природы особенно агрессивный, стал неуправляемым и заразил этим еще четверых. Скорее всего, они были убиты еще до того, как Шатель смог вмешаться. Но как только смог – тут же взял дело в свои руки. И тогда он, его подручный Манёвр и наш «похититель мозгов» принялись за работу: им надо было вскрыть черепа, добыть мозг, вылущить глазные яблоки и закопать тела.

Шарко тошнило. Он встал, взял со стола список участников Каирского конгресса, помахал им:

– Манёвр и Шатель – актеры на второстепенных ролях. Нам нужен премьер – настоящий убийца. Тот, кто калечил египетских девушек. Тот, кто все эти годы, вполне возможно, перемещается из страны в страну, чтобы вскрывать черепа. Заправила. И его имя названо здесь, в этом списке. Демонстрации в Бирме подавлялись двадцать два года назад. Если после янгонской бойни он действительно отправился в Каир, сейчас нашему убийце должно быть как минимум сорок пять лет.

Шарко захлопнулся, как ракушка, склонился над списком и принялся вычеркивать имена. Люси, еще не вполне пришедшая в себя, решила тем временем подсоединиться к вай-фай отеля. Войдя в Интернет, она набрала в гугловской строке поиска «Петер Джеймсон» и получила ноль подходящих результатов. Тогда она ввела другое имя – «Джеймс Петерсон». И закричала:

– Франк! Франк! Иди сюда – посмотри! Вот Джеймс Петерсон, который нам подходит!

Шарко не услышал, ей пришлось повторить призыв. Он поднял голову,



сказал: «Думаю, мне удастся выкинуть отсюда половину», подошел к Люси, глянул на монитор, где теперь была уже статья «Википедии». С фотографией. Невысокий худой мужчина с неправильными чертами лица, с непреклонным взглядом.

Они стали молча читать. Джеймс Петерсон... Родители эмигрировали из Нью-Йорка во Францию. Родился в Париже в 1923 году. Вундеркинд, поступивший в университет пятнадцатилетним. Одно время преподавал психологию, затем – ему тогда не было еще и двадцати – занялся изучением нервной системы. В свою очередь, эмигрировал в США, где работал в Йельском университете, специализируясь в исследованиях прямой стимуляции мозга с помощью электричества и химии... Эти исследования легли в основу единственной его, опубликованной в 1952 году книги «Воздействие на мозг и свобода духа». В 1953 году Петерсон странным образом исчез с научного горизонта, и больше о нем никогда никто не слышал.

Люси продолжила поиск – безуспешно: больше никаких сведений о Петерсоне; действительно, исчез как не бывало. Но полицейские уже знали, куда он делся: именно в 1953-м в Мон-Провиданс объявился некто Петер Джеймсон... Стало быть, Петерсона, как и других, завербовали для опытов над детьми. ЦРУ, опять ЦРУ. Пока след обрывался здесь, но Шарко и Люси ждали звонка от Пьера Монетта, которого попросили собрать всю возможную информацию.

А пока можно было поискать книгу Петерсона, что и сделала Люси. Набрала название – и в «Картинках» сразу же появилась обложка. У полицейских от изумления закружилась голова.

Перед ними был громадный бык, стоявший перед улыбающимся, заложившим руки за спину человечком со светлыми усиками. Перед Джеймсом Петерсоном собственной персоной.

– Бык нос к носу с человеком, в точности как в фильме Лакомба, – сказал Шарко. – О чем там говорится, в этой чертовой книжке?

Люси поискала еще немножко, нашла издательскую аннотацию к книге и прочитала вслух:

– «Физиология настолько далеко шагнула вперед, что сегодня стало возможно исследовать мозг, подавлять или возбуждать агрессию, влиять на материнский инстинкт или изменять сексуальное поведение. Вожак-тиран, вожак-деспот обезьяньей стаи, после того как будет произведена стимуляция одной из зон его мозга, уступит все свои позиции бывшим „рабам“. Быть может, прямое воздействие на мозг, которое благодаря удивительным, поистине чудесным физическим методам и приемам

становится вполне реальным, представляет собой еще более важный этап в истории человечества, чем укрощение энергии атома».

Шарко чувствовал, что на страницах этой книги точно найдется ответ на все мучающие их вопросы. Он встал, взял валявшуюся на кровати куртку, надел ее, сунул в карман список и направился к двери:

– Пошли. Пока не позвонил жандарм, попробуем глянуть, что за кошмары спрятаны в этой книге на самом деле.

Монографию Джеймса Петерсона можно было заказать, но хотелось получить ее как можно скорее, а ни в одном книжном магазине из тех, куда они заходили, книги не оказалось. Наконец какой-то сообразительный продавец, поинтересовавшись, о чем книга, и прочитав аннотацию, посоветовал им обратиться на медицинский факультет Монреальского университета, точнее, на кафедру неврологии. Мало того, книготорговец сам позвонил на кафедру, выяснил, что лучше всего проконсультироваться у профессора Жана Бассо, потом передал трубку Шарко, и тот договорился с профессором о встрече через несколько часов. К тому времени Бассо успеет пролистать и восстановить в памяти книжку, которая действительно у него есть и которую он когда-то читал.

В такси Люси и Шарко почти не разговаривали: не находилось слов, слишком близко ко всем этим гнусностям пришлось подойти обоим. Им довелось соприкоснуться с тьмой, окутавшей когда-то эту страну, ее науку, ее религию, – с тьмой, которая просочилась в самые тайные уголки сознания моральных уродов, все это проделывавших. Люси думала о своей семье, о своих девочках, которых старалась воспитывать в чистоте, с надеждой, что они будут жить в нормальном мире. Как же ей хотелось в это верить... В конце концов лица ее малышей вернулись к ней, она перестала видеть вместо них лица Алисы Тонкен и Лидии Окар – несчастных, которые ни о чем не просили и которым не оставили ни малейшего шанса. Сейчас Люси чувствовала себя беспомощной, как никогда, и ужасно боялась ошибиться.

Они приехали.

Университетские корпуса, центральный – с высоченной башней, располагались между восточным склоном Мон-Руаяль и кампусом, опустевшие на время каникул строения которого исчезали где-то вдали. Пожалуй, самое сильное впечатление производила тут именно пустота, воцарившаяся летом. Никого из пятидесяти с лишним тысяч студентов, никого на улицах, никого в кафе, спортивных залах, библиотеках, магазинах. Все закрыто, заперто. Ощущение города-призрака, где лишь изредка можно встретить кого-то из ученых, служащих управления или рабочих-ремонтников.

Они вышли из машины перед зданием Политехнической школы, отличавшимся оригинальным дизайном, и у первого же встречного

спросили дорогу. Спрашивали и дальше – у всех, кто попадался на пути. С грехом пополам установили, что корпус, где их ждет профессор, носит имя Поля Демаре.

Выяснилось, что этот корпус находится совсем в другом месте, и добрались они до цели только после того, как, спустившись в подземелье, связывавшее между собой университетские здания, одолели еще не меньше километра коридоров. И вот наконец их провожают в кабинет профессора Жана Бассо, заведующего лабораторией, которая занимается исследованиями центральной нервной системы.

Профессору было на вид лет пятьдесят, и он слегка смахивал на Эйнштейна. Шарко снова – теперь уже в двух словах – объяснил, зачем они пришли: нужна информация о книге Джеймса Петерсона «Воздействие на мозг и свобода духа».

– Конечно-конечно, я прекрасно ее знаю, да и кто же мог пропустить такую работу о мозге! Автор был выдающимся ученым, к несчастью слишком рано прекратившим свои изыскания.

– Не знаете, почему прекратившим?

– Нет, это мне неизвестно...

Шарко чуть не выпалил: «Зато нам известно... Он продолжил свои, как вы говорите, изыскания неподалеку отсюда, он сделал своими подопытными кроликами детей, он участвовал в секретной программе ЦРУ вместе с сумасшедшим режиссером по имени Жак Лакомб!»

Но вместо всего этого спросил:

– А что с ним стало дальше, вам известно?

– Нет, совсем неизвестно. Меня интересовала только научная деятельность этого человека, а его частная жизнь... увольте...

Бассо вынул из ящика толстую – страниц четыреста – книгу в черно-зеленой обложке с той самой фотографией: бык напротив человека. Книжка выглядела потрепанной, страницы пожелтели, углы загнуты.

– Попробую коротко объяснить вам, в чем тут суть. Начну вот с чего. Для ученых того времени наша голова, наш мозг были, *grosso modo* <sup>[35]</sup>, чем-то вроде громадного черного ящика – не поймешь, что там делается внутри. И Петерсон, человек чрезвычайно одаренный, заинтересовался одной из фундаментальных проблем неврологии: тем, что происходит от того мгновения, когда информация попадает в орган чувств, например в глаз (он видит красный сигнал светофора), до того мгновения, как полученная информация сказывается на поведении (человек жмет на педаль тормоза). Какие механизмы в пресловутом черном ящике приводятся в действие для того, чтобы превратить звук или, допустим,

запах в поведенческую реакцию. Основной принцип, которому следует Петерсон в своей работе, – это принцип *tabula rasa*<sup>[36]</sup>. Согласно этому принципу, мозг новорожденного – словно чистая доска, на которой впоследствии, по мере того как ребенок станет набираться опыта, будут появляться записи, и благодаря этому будут развиваться те или иные зоны мозга, ответственные за разные органы чувств. Если опять-таки коротко, воспоминания, эмоциональные реакции, моторика, слова, мысли – словом, все, из чего складывается индивидуальность, ведет свое происхождение из окружающего мира, то есть в начале пути индивидуума все это существует вне его. В подтверждение своей теории Петерсон провел множество опытов с животными. Обезьян, например, он от рождения лишал некоторых чувств, а кошек непрерывно визуальным стимулировал. В первом случае мозг не развивался, а в случае избыточных ощущений мозг достигал веса выше среднего. Вот вам и убедительное доказательство того, что структура мозга формируется по мере поступления в него чувственных переживаний. Когда читаешь эту книгу, не можешь не ощутить, насколько увлекала Петерсона проблема взаимодействия чувства и мозга.

Люси сочла возможным вмешаться:

- Профессор, вам известно что-нибудь о синдроме Е?
- Первый раз слышу.
- А о ментальной контаминации?
- Что вы имеете в виду?

– Распространение агрессивности, склонности к насилию путем воздействия на органы чувств. Человеку показывают изображения и дают слушать звуки такой силы и жестокости, что у него меняется структура мозга и он начинает действовать агрессивно, изменяя при этом и поведение тех, кто находится рядом с ним.

Люси сама удивилась тому, что сказала. Хотя это ведь, в конце концов, самое существенное в их поиске.

Профессор почесал подбородок:

– Агрессия распространяется подобно инфекции? Начиная от отдельного пациента – назовем его «пациент зеро» – и при участии тех, кто с ним соседствует? Интересная теория, но...

Он подумал, прежде чем продолжить. И им показалось, он разволновался.

– Должен признаться, никогда не слыхал ни о чем подобном. Но об этом стоит подумать. Надо будет заняться вашей теорией. Кстати, и Петерсон, возможно, разрабатывал что-то такое – его ведь действительно больше всего интересовали зоны мозга, отвечающие за насилие. Да-да, в

опытах с обезьянами это ясно просматривается.

Посетители быстро переглянулись.

– Что за опыты с обезьянами?

– Опыты, в которых он показывал: для обезьян с повреждениями в области центра Брока и миндалины мозжечка было характерно ненормальное поведение в стае, такая травма приводила к неспособности контролировать ярость и фрустрацию. Петерсон дошел до того, что натравливал таких обезьян на тигров. Кроме того, он обнаружил, что у животных, агрессивных от природы, зона миндалины мозжечка значительно меньше, чем у спокойных. Как будто склонность к агрессии сокращает эту зону, будто этот участок атрофируется. Но он так и не нашел объяснения такой атрофии.

Постепенно французы начали понимать, чем занимался Петерсон, и оценили важность его открытий. В понимании самой сути синдрома Е они тоже с каждой секундой продвигались вперед. Слушая профессора, Люси медленно листала книгу. Бросались в глаза старые черно-белые фотографии. Кошки с десятками электродов на черепе. Обезьяны с какими-то закрепленными на голове коробками. И наконец, Петерсон перед быком – тот самый снимок, который был использован для обложки.

Люси показала его профессору:

– Что означает этот снимок?

– Впечатляюще, правда? Петерсон ведь еще и одним из первых стал заниматься глубинной стимуляцией мозга! Иными словами, добиваться с помощью воздействия на мозг электрическими импульсами перемен в поведении.

Шарко почувствовал, что его захлестнула горячая волна. Глубинная стимуляция мозга... Этот термин, кажется, мелькнул в протоколе вскрытия граваншонских трупов... или когда они говорили с судмедэкспертом? Под кожей Мухаммеда Абана, в районе ключицы, нашли крошечный кусочек зеленого пластика, и было высказано предположение, что одним из возможных объяснений его наличия может быть применение в терапии хронической стимуляции глубинных структур головного мозга... Да, так!

– Объясните, пожалуйста, подробнее, – попросил он севшим голосом.

– Гальвани, год тысяча семьсот девяносто первый: мышцы лягушки сокращаются при стимуляции их электричеством. Эксперимент был повторен Вольтой в тысяча восьмисотом году, затем Дюбуа-Реймоном в тысяча восемьсот сорок восьмом. Перенесемся еще на двадцать лет вперед: в тысяча восемьсот семидесятом году немец Фрич и швейцарец Хитциг, исследуя первыми в мире локализацию функций в мозгу, заметили, что

электростимуляция мозга погруженной в наркотический сон собаки заставляет ее совершать произвольные движения телом и лапами. Следующий прыжок – в год тысяча девятьсот тридцать второй. Этот опыт сильно повлиял на Петерсона: стимуляция разных зон мозга кошки, не подвергнутой анестезии, приводила к естественным эмоциональным реакциям и действиям животного – кошка то мяукала, то мурлыкала, то злобно шипела.

Господи, какой ужас... Люси мгновенно представила себе, как Петерсон вскрывает в своей лаборатории череп кошки, чтобы добраться до ее мозга, – бодрствующей, живой!

– ...Эксперименты с бодрствующими, не находящимися под наркозом животными стали огромным шагом вперед, благодаря им ученые осознали, что электричество лежит в основе не только моторики живого существа, но и его эмоций. И именно Петерсон создал метод стимуляции глубинных структур головного мозга. Знаете, как это делается? В мозг имплантируют... то есть внедряют в него электроды, связанные со специальным прибором, который позволяет посылать в нужную зону электрические импульсы. Большая «коробка», которую вы видите на голове обезьяны, мадемуазель, на самом деле – эквивалент распределительного щита. Переключая на нем крошечные металлические рубильнички, возбуждали разные участки мозга и, соответственно, вызывали ту или иную реакцию. Конечно, в то время аппаратура была громоздкой, сама система приводила к увечьям, но ведь все работало!

М-да, поучительно, в высшей степени поучительно... Шарко представил себе серию переключателей, которые в зависимости от их положения и от того, какой именно приведут в действие, провоцируют у подопытного сон, гнев или двигательную активность... А что произойдет, если включить все «рубильнички» сразу? Что чувствовали кошки, когда мяукали, сами того не желая? Должно быть, ужасу и жестокости этих экспериментов не было предела...

А профессор тем временем продолжал говорить, открывая им правду – настолько же чудовищную, насколько реальную.

– ...Петерсон с точки зрения психологии характера был явным демонстрантом: ему необходимо было производить впечатление. Если говорить об эксперименте с быком, то он попросту вживил электроды в двигательную зону коры головного мозга животного. Коробка находилась вне поля зрения фотографа, а пульт управления Петерсон спрятал в руке, так что его тоже не было видно. Когда ученый нажимал на кнопку, электрический ток как бы парализовывал группу нервных клеток в коре

больших полушарий, и животное лишалось возможности сдвинуться с места. И все это мгновенно – вроде как стоп-кадр в кинофильме.

Шарко обхватил голову руками. Конечно, он знал – благодаря своей шизофрении, благодаря сеансам в Сальпетриер, – что ученые на многое способны, но чтобы на такое...

Жан Бассо заметил его волнение и улыбнулся:

– Что, верится с трудом, да? Тем не менее это было, и было полвека назад. Сегодня стимуляция глубинных структур головного мозга, DBS<sup>[37]</sup>, стала популярной процедурой, почти обиходной. Техника миниатюризировалась. Под кожу в области ключицы имплантируется нейростимулятор, который генерирует сигналы строго определенной частоты и амплитуды, направляя их по тонким изолированным проводам, коннекторам, к вживленным в мозг пациента электродам... Пациенту выдается специальный пульт – портативное устройство, которое позволяет ему самостоятельно включать и выключать нейростимулятор тогда, когда это необходимо, проверять уровень заряда батарейки, изменять параметры стимуляции (амплитуду, частоту и ширину импульса) в пределах, заданных врачом... Таким образом удастся безопасно и эффективно подавлять симптомы болезни Паркинсона, эссенциального тремора, невроза навязчивых состояний, дистонии, в скором времени, очевидно, так будут лечить депрессии, нарушения сна. Уже разрабатываются новые стандарты.

Шарко все пытался отогнать кошмарную мысль, которая постепенно разрасталась в его голове, но никак не мог избавиться от нее. Нет, такого не может быть, это просто уму непостижимо! И все-таки он решился спросить:

– Как вы думаете, а можно делать нечто подобное с агрессивностью? Я имею в виду – включать ее у кого-то и выключать по собственной воле с помощью... с помощью обычного пульта.

Естественно, он думал о «пациенте зеро». О человеке – спусковом механизме, способном спровоцировать бойню, которую можно было бы держать под контролем чисто научными методами, – это ведь куда удобнее, чем полагаться на случай.

– Конечно. Страшно это говорить, но электричество всегда сильнее воли и сознания. С помощью стимулятора можно остановить сердце, заставить пациента спать или бодрствовать, вспоминать или забывать. Тут неисчислимое количество возможностей. Главная трудность – вживить электроды именно туда, куда надо, чтобы импульсы шли только в нужном направлении. С одной стороны, длинные электроды протыкают мозг чисто физически, стало быть проходят через зоны, ответственные за движение,



речь, память, с этим нужно считаться, иначе могут возникнуть проблемы, с которыми мы еще не научились справляться. А с другой стороны, и это важнее всего, надо в каждом случае правильно выбрать зону, предназначенную для стимуляции. Если взять, скажем, ту, что отвечает за агрессивность, склонность к насилию (это мозговая миндалина), то она чрезвычайно мала, к тому же многофункциональна и взаимодействует с другими участками, весьма чувствительными. Чуть отклонишься, пусть всего на долю миллиметра, и вот уже твой пациент теряет память, начинает бредить или его парализует. Вот почему разработка стандартов, которые позволили бы сделать терапию массовой, требует огромных денег и долгого времени. В нейрохирургии ошибаться нельзя. У нее чрезвычайно много возможностей, порой кажется, что это чистая магия. Но опасностей она таит в себе столько же... Это сразу и рай и ад для человеческого мозга... Вот, наверное, и все, что я могу сказать об этой книге.

Шарко захлопнул книгу и положил ее на стол перед профессором. Вопросов у полицейских не осталось, они поблагодарили, распрощались с Жаном Бассо и вышли, ощущая, что собственные их мозги вот-вот взорвутся.

Оказавшись на свежем воздухе, они сели на скамейку посреди пустынной университетской территории. Как на кладбище – тишина, спокойствие... Шарко вытащил из кармана список, с которым был неразлучен, и принялся изучать невычеркнутые фамилии, водя по строчкам кончиком авторучки.

– Ты все поняла так же, как я, Люси?

– Думаю, да. Нам надо искать не просто человека, разбирающегося в медицине, но способного произвести достаточно сложную операцию по внедрению в мозг электродов. То есть ученого, занимающегося структурой мозга... А ведь Джеймс Петерсон вряд ли есть в этом списке? Сколько ему сейчас может быть лет?

– О, много! Даже если он поменял имя, в этом списке есть только один человек с таким давним годом рождения: тысяча девятьсот двадцать третий. Но это женщина.

– Не забудь еще, что в списке только французы...

Шарко все вычеркивал и вычеркивал.

– Помню, помню... Только ведь легионер Манёвр был французом, правда? Так почему бы тогда нашему похитителю мозгов тоже не быть французом...

– А может, у доктора Петерсона были дети? Например, сын, который пошел по его стопам, продолжил, так сказать, научную династию?

– Скоро узнаем. Монетт должен позвонить с минуты на минуту.

Люси сидела чуть наклонившись вперед, зажав руки между коленями.

– Мы почти у цели, – вздохнула она. – Убийца явно где-то здесь, прямо у нас перед глазами, и мне кажется, что... мне кажется, мы уже нашли то, за чем сюда приехали. Скажи, ты хоть отдаешь себе отчет в значимости наших открытий? Если синдром Е действительно существует, это ставит столько проблем... Свободы личности, способности личности что-то решать самостоятельно, отвечать за те или иные свои поступки... Нет, не могу поверить, что нами управляет чистая химия или электричество! А Бог? Где тут место Богу? Где тут место чувствам, душе, в них-то нет ничего искусственного, их протезами не заменишь!

Количество подозреваемых на странице уменьшилось, но все еще оставалось внушительным. Человек сорок примерно...

– И все-таки... – размышлял вслух Шарко. – Ладно, возьмем,

например, шизофреника. Ты видишь вон под той аркой человека в белом халате? Так вот шизофреник может видеть кого-то точно так же, как ты видишь сейчас этого исследователя или лаборанта. Видеть только потому, что несколько миллиметров его мозга барахлят. Никакого отношения ни к Богу, ни к колдовству. Все дело в химии. В сволочной химии.

Его телефон зазвонил. Комиссар глянул на высветившийся номер:

– Это Пьер Монетт... – Нажал на клавишу громкой связи и откликнулся: – Добрый день, Пьер! Ну что?

– Есть кое-какая информация насчет вашего Петера Джеймсона, – сказал жандарм.

Петера Джеймсона... Значит, Джеймс Петерсон точно прибыл в Канаду под другим именем. Правда, не слишком-то напрягал мозги, чтобы придумать новое имя.

– Он обосновался в Монреале в пятьдесят третьем году, работал в больнице Мон-Провиданс на должности врача-исследователя, конкретно – в том крыле больницы, где содержались самые тяжелые из умственно отсталых. В пятьдесят пятом году женился, имя невесты – Элен Риффо. Канадка по происхождению, преподаватель математики. Почти сразу же они удочерили девочку, а еще несколько недель спустя Джеймсон сбежал вместе с новоявленной дочкой, оставив жену соломенной вдовой. Вроде бы даже адреса, где его искать, ей не дал. След его так и затерялся, никто никогда Джеймсона больше не видел. По-видимому, женился он только ради этого удочерения, потому что холостяк не имеет права брать ребенка. Такая вот сухая справка, но, в общем, это все, что удалось узнать. Хотя нет! Есть еще одна подробность, имеющая, мне кажется, для вас значение. Приемная дочь Джеймсона была из сироток Мон-Провиданса.

При этих словах в душе Люси, как и в душе Шарко, началась настоящая буря. Они уставились друг на друга, ошеломленные услышанным, но, казалось, в одну и ту же секунду догадались.

– Имя девочки! Назовите имя девочки!

– Колин Санате.

Указательный палец Шарко быстро заскользил по списку: кажется, он видел там какую-то Колин. Вот! На букву «С»! Санате Колин. Нашлась. Шарко вяло поблагодарил и повесил трубку. Люси прижалась к нему, не сводя глаз со строчки в списке.

«Колин Санате – родилась 15 октября 1948 года – нейробиолог – работает в Научно-исследовательском центре военной медицины. Гренобль».

– Центр военной медицины, военной... – прошептал Шарко.

– Господи, родилась в сорок восьмом, ровесница Алисы. Колин Санате, Колин Санате... Слушай, да это же анаграмма имени «Алиса Тонкен»! И вот она здесь, в твоём списке... Мы все время видели эту строчку. – Люси закрыла руками лицо. – Только не она... только не Алиса...

Шарко вздохнул, открытие поразило и его.

– Нейробиолог-исследователь... Конечно же, лишь для прикрытия, чтобы непонятно было, чем она на самом деле занимается в армии. Что ж, теперь все срослось. Бедная девочка-мученица сама стала палачом. Это она – похитительница мозгов. Это она стоит за всеми ужасами, с которыми мы столкнулись. Это она покалечила и убила трех египетских девушек. Это она ездила в Руанду, и она появлялась везде, где происходили массовые убийства...

Несколько секунд они молчали, Люси не могла прийти в себя. Та, для кого она искала справедливости, ради кого с самого начала расследования добивалась истины, оказалась той, на кого она охотилась, той, которая убивала, которая изымала глаза и мозг у каждой своей жертвы. Она организовывала эти ужасы, она была их главной вдохновительницей. Сумасшедшая. Убийца.

Шарко уже не мог сидеть на месте, он метался перед скамьей, как тигр в клетке.

– Вот представь себе такой расклад. Они, Петерсон и Лакомб, в качестве результата всех этих многолетних попыток, экспериментов, настойчивых поисков снимают вместе фильм, запечатлевают на пленку выдающееся открытие, подтверждают существование ментальной контаминации. Феномена, в который Петерсон верил с самого начала, на исследование которого ему удалось получить у ЦРУ деньги. А после этого, когда фильм был уже сделан и факт открытия подтвержден в комнате с кроликами, ученый убеждает режиссера-оператора ничего не говорить об этом людям из ЦРУ. Он-то осознает значимость своего открытия, он-то понимает, какое могущество дает это открытие. Может быть, ему хочется повыгоднее продать свои знания, продать тому, кто заплатит больше, сделает его богачом. Может быть, он считает, что французская разведка – разведка его родной страны – окажется особенно щедрой...

Люси кивнула и продолжила:

– Лакомб поддается на уговоры и соглашается. Чтобы скрыть достигнутое от ЦРУ, они прячут фильм с кроликами за другой, достаточно странной короткометражкой: ничего подобного никто другой сделать бы не сумел, зато Жак на такие странности – мастер. Даже если американские

спецслужбы видели эту короткометражку – они ведь по долгу службы, конечно же, проверяли все бобины, их копии, пленку, – они ничего не поняли. Самое большее, что они смогли обнаружить, помимо открытого изображения, – наличие кадров с Жюдит Саньоль, проникающих прямо в подсознание. Гений и безумец Жак Лакомб обдурил американскую разведку на ее собственном поле, заставил играть в свою игру.

– Точно! А у Петерсона уже созрел план скрыться, бежать из Канады, но он хочет взять с собой Алису – девочку, благодаря которой смог воспроизвести синдром Е. Кем она была для ученого? Только объектом исследования, подопытным кроликом? А может быть, он проникся к ребенку своего рода симпатией, привязался к Алисе? Или дорожил ею всего лишь как живым доказательством своего успеха? Трофеем? Диковинкой? Не имеет значения. Как бы то ни было, он женится, удочеряет Алису и избавляется от Лакомба, устроив пожар. Затем – возможно, с помощью и на деньги французской разведки – перебирается на родину и исчезает там из виду вместе с Алисой и оригиналом фильма.

– Вот только Лакомб, со своей стороны, тоже принял меры. Сделал несколько копий короткометражки и спрятал их в разных местах. Эти двое, должно быть, жили в постоянном страхе, боясь не только ЦРУ, но и друг друга. Наверняка у обоих было нечто вроде мании преследования.

– Ты права, но меры предосторожности не спасли Лакомба: он погиб от руки напарника. А Петерсон укрылся где-то во Франции, под крылышком у французских спецслужб, и, скорее всего, продолжал работать. Открытый им синдром Е – прямо под носом у ЦРУ – стал достоянием французов, а Алиса – жертвой фанатизма Петерсона, заложницей его безумия. Мы знаем, сколько мук перенесла девочка в Мон-Провиданс, знаем, что произошло с ней в экспериментальной палате: она первой набросилась на кроликов, она высекла искру, из которой разгорелось пламя бойни. Именно Алиса – «пациент зеро» с синдромом Е, именно в ней – причина безумия, охватившего остальных девочек. Эксперимент не мог пройти для нее без последствий, нет, он оставил в ребенке глубокий след, изуродовал психику. Агрессивность, склонность к насилию укоренились в девочке помимо ее воли, стали частью структуры ее мозга. Но это не помешало ей проявить блестящие способности и – почти наверняка – продолжить дело папаши. Если можно так сказать, Алиса приняла у него эстафету.

– Не могу забыть, как выглядели тела Люка Шпильмана и его подружки... Все эти удары ножом... Сколько там было неистовства, остервенения, слепой злобы, неоправданной, немотивированной, нет,

невозможно такое понять!

– И то же – с девушками в Египте... И то же со стариком-реставратором... И с кроликами. Сейчас Алисе шестьдесят два года, но возраст не мешает ей убивать. Безумие и жестокость живут в ней, как жили во всех тех, кто оказался замешан в этой истории.

Люси, уставившись в землю, сжала кулаки, покачала головой:

– И все-таки есть кое-что, чего я не понимаю. Зачем Мухаммеду Абану вживляли электроды, то есть для чего было делать ему глубинную стимуляцию мозга?

– Ничего тут нет особенно сложного. Имело место естественное, внезапное и неконтролируемое проявление синдрома Е в легионе, которое привело к убийству пяти легионеров-новобранцев. Вот только Абан, раненный в плечо, остался жив. Но с одной стороны, нельзя было оставить его в живых именно из-за того, что он стал свидетелем случившегося, а с другой – он, как Алиса, был тем самым «пациентом zero». Думаю, прежде чем его прикончить, Алиса Тонкен, она же Колин Санате, хотела провести эксперимент. У нее оказался под рукой живой человек, способный послужить ей подопытным кроликом, – такое случается нечасто. Она заполучила кого-то, кто, по существу, был подобием самой Алисы и, по-видимому, вернул ее к самому мучительному периоду ее жизни. Одному Богу известно, каким пыткам она его подвергла...

Лицо Люси омрачилось.

– Да, одному Богу известно... Но мы тоже скоро узнаем...

Она встала, проследила глазами за самолетом в небе, потом повернулась к Шарко, который нервно крутил в руках мобильник:

– Небось хочешь позвонить шефу?

– Ну да, именно это я и должен сделать.

Люси сжала ему запястья:

– Единственное, о чем я прошу: дай мне возможность увидеть Алису. Лицом к лицу. Мне необходимо поговорить с ней, посмотреть ей в глаза, чтобы избавиться наконец от наваждения. Не хочу больше думать о ней как о несчастной маленькой девочке, хочу – как о худшей из убийц!

Шарко сразу вспомнил, как сам он смотрел на насаженное на стальную трубу тело Атефа Абд эль-Ааля, вспомнил чувство патологической радости, которую ощутил, крутанув колесико зажигалки и увидев лицо араба сквозь языки пламени. Комиссар подошел к Люси и прошептал ей прямо в ухо:

– Эта история длится дольше полувека, несколько часов значения не имеют. Я позвоню ему перед самым отлетом, я тоже хочу быть в первом

ряду и ничего не пропустить. Нет, а ты-то как думала?

Улетели они в тот же вечер, взяв билеты на последний рейс до Парижа. Самолет оказался наполовину пустым, и устроились они рядышком. Люси, прижавшись лбом к стеклу иллюминатора, смотрела, как Монреаль внизу превращается в подобие огромного светящегося корабля, как его постепенно заволакивает ночная тьма. Город, который запомнится ей только самой мрачной своей стороной.

Потом под ними поплыла черная бездна океана, той внешне безобидной громады, в которой неустанно плещется жизнь и в чьей утробе – наша будущая судьба.

Шарко, сидевший слева от Люси, надел маску для сна и поудобнее устроился в кресле. Голова его покачивалась, он наконец расслабился. Конечно, они могли бы потратить эти восемь часов над океаном на разговоры, рассказать друг другу свою жизнь, открыть свое прошлое, они могли бы за это время научиться лучше понимать друг друга, но оба знали, что молчание в этом смысле надежнее слов.

Люси с печалью и неутоленным желанием смотрела в его лицо, читала следы пережитого. Проведя тыльной стороной ладони по щетине, она вспомнила, что связь между ними зародилась в эпицентре их страданий. И все-таки есть надежда. В глубине души ей так хотелось убедить себя, что надежда есть, что на всех выжженных землях снова заколосится пшеница, не тем летом, так этим, так когда-нибудь. Наверное, этот человек пережил все самое ужасное, что только можно пережить, наверное, он изо дня в день старательно катил своим посохом шарик жизни, который все разрушался и разрушался всякий раз, как ему приходилось заходить на территорию зла. И тем не менее Люси хотелось попробовать. Попробовать вернуть ему хотя бы одну десятую, одну сотую того, что он потерял. Хотелось быть с ним рядом, когда дело не ладится и когда ладится. Ей хотелось, чтобы он обнял ее двойняшек, чтобы, зарывшись лицом в их волосы, он, может быть, подумал об их общем ребенке. Ей хотелось быть с ним, вот и все.

Она убрала руку с его подбородка и чуть приоткрыла рот, чтобы нашептать ему все это, пусть даже он и спит. Она же теперь знала: какой-то частью мозга он ее слышит и сказанное ею все равно уляжется в его сознании. Хотела нашептать, но не нашептала.

Просто наклонилась к нему и поцеловала в щеку.



Может быть, это и есть начало любви.

С той минуты, когда их самолет приземлился в Орли, все понеслось с небывалой скоростью. Мартен Леклерк, как только ему обо всем рассказали, подключил к работе судебную полицию Гренобля. Шарко забросил вещи в багажник дожидавшейся его на стоянке аэропорта машины, и, не заезжая в дом 36 на Орфевр, они с Люси устремились на юг.

Последний отрезок пути... Последняя дорожка кокаина – сразу и эйфория, и разрушение... Скоро, уже скоро. Ровно в шесть утра<sup>[38]</sup> гренобльские полицейские ворвутся в дом Колин Санате, шестидесяти двух лет, проживающей на набережной реки Изер, на набережной Корато.

А Шарко и Люси ворвутся первыми.

Мелькали за окном пейзажи, долины сменялись холмами, все ближе были горы, шуршал под колесами сухой асфальт. Люси то начинала дремать, то подскакивала, внезапно просыпаясь, одежда ее была измята, волосы растрепаны, о том, чтобы умыться, нечего и мечтать. Растрепанная, измятая, немытая? Ну и пусть, какая разница! Надо идти к цели. Идти до конца. Вот так, сразу, не останавливаясь, без передышки, не задумываясь. Надо вскрыть нарыв – как можно скорее. И покончить с этим, покончить, покончить.

Гренобль. Для комиссара – город с названием, начисто лишенным гармонии. Он помнил мрак пещеры – той, где несколько лет назад нашел убийцу<sup>[39]</sup>. Тогда Эжени была рядом, в машине, спокойно спала, свернувшись калачиком на заднем сиденье, а теперь – теперь Шарко не решался поверить, что все стало гораздо лучше, что после ночи, проведенной с Люси, призрак ушел из его головы навсегда. Неужели ему наконец-то удалось закрыть дверь к Элоизе и Сюзанне – дверь, так долго остававшуюся открытой? Неужели ему удалось стереть с губ мед траура, от которого, казалось, не избавиться уже никогда? Впервые за долгое-долгое время он осмеливался надеяться.

Стать нормальным человеком, таким, как все. Ну, пусть хотя бы почти таким.

Они встретились с коллегами из Гренобля около четырех утра. Познакомились, выпили кофе, поговорили.

В 5:30 десяток полицейских направился к дому Колин Санате. Над горизонтом показался краешек огненно-рыжего солнца. Медленные воды Изера поблескивали серебром. Люси всем своим существом чувствовала

приближение конца охоты. Лучший момент в жизни полицейского, высшая награда. Скоро, скоро все будет позади.

Они приехали. Дом оказался просторным, фасад – внушительным. Полицейских удивило, что из щели между ставнями на втором этаже сочился свет. Стало быть, Колин Санате не спала. Соблюдая все меры предосторожности, члены отряда встали по местам. Напряженные тела, острые взгляды, мурашки по телу.

Ровно в шесть утра пятью ударами тарана полицейские взломали тяжелые ворота и спустя мгновение, быстрые, как пчелы, влетели в жилище преступницы. Люси и Шарко очень скоро нагнали опередивших их на лестнице гренобльских коллег; лучи фонариков плясали на ступеньках, пересекались, тяжелые ботинки отбивали ритм.

Не было никакой борьбы, взрывов, выстрелов. Ничего похожего на невероятный шквал ужаса и насилия последних дней. Только гнусное ощущение, что ты нарушил право одинокой женщины на неприкосновенность ее жилища.

Колин Санате только что встала из-за письменного стола. Лицо ее было спокойным, она даже не удивилась. Медленным движением положила на стол перьевую ручку и остановила взгляд на Люси. Мужчины кинулись к ней с наручниками, кто-то стал зачитывать ее права – она спокойно подставила руки. Не сопротивлялась. Как будто все происходившее здесь подчинялось неумолимой логике.

Люси, словно загипнотизированная, до глубины души потрясенная тем, что у нее на глазах стал явью черно-белый персонаж, затерянный было вместе с фильмом пятидесятилетней давности, подошла ближе. Санате оказалась на голову выше. На ней был синий шелковый халат, коротко постриженные светлые с проседью волосы обрамляли лицо с резкими чертами, с выдающимися вперед челюстями. Как хорошо она сохранилась для своего возраста... А взгляд... Люси тонула во взгляде темных глаз, который и сегодня, спустя столько лет, оставался таким же мрачным и таким же чудовищно пустым. Взгляд больного ребенка, совершенно перевернувший Люси, когда она увидела фильм впервые.

Рот пожилой женщины приоткрылся, она заговорила:

– Я догадывалась, что рано или поздно вы придете. После смерти Манёвра и самоубийства Шателя все стало рассыпаться: эффект домино, косточки падают одна за другой.

Она чуть наклонила голову, всмотрелась – так, будто хотела прочесть мысли Люси:

– Не судите меня так строго, мадам, не думайте, что я худшая из

преступниц. Надеюсь, раз вы приехали сюда, значит поняли, что мы с отцом хотели совершить.

Шарко позади шепнул что-то на ухо руководителю группы захвата, и спустя несколько секунд все тихо вышли, оставив его и Люси наедине с Колин. Он закрыл дверь и подошел ближе. А Люси в это время уже говорила, не в силах сдержать ярость:

– Совершить? Это вы называете «совершить»? Вы убили беззащитного старика, вы повесили его и выпотрошили! Вы с фантастической жестокостью зарезали женщину и ее друга – им обоим не было еще и тридцати! Вы действительно худшая из преступниц!

Хозяйка дома села на кровать, всем своим видом выражая покорность.

– А чего вы от меня хотите? Я – «пациент зеро», я была им всю жизнь и остаюсь им. Синдром Е хлынул из моего черепа в тот памятный летний день пятьдесят четвертого года, безвозвратно изменив самую структуру моего мозга. Крошечной его доли, но этого достаточно. Готовность к насилию стала частью меня, а то, в чем насилие проявляется, не всегда... не всегда уж очень рационально. Поверьте: если бы я могла извлечь и проанализировать собственный мозг, я бы это сделала. Клянусь, сделала бы.

– Вы... вы сумасшедшая.

Санате, поджав губы, покачала головой:

– Всего этого не должно было случиться. Мы хотели просто-напросто изъять из обращения, забрать себе копии фильма, которые Жак Лакомб ухитрился разослать чуть не по всему миру. И нам это удалось, да, удалось, мы разыскали большую часть, даже до Америки добрались, и все было бы хорошо, если бы... Если бы не эта чертова бобина, отправленная из Канады в Бельгию. Вот надо же было... надо же было Шпильману сунуть нос в наши дела! Есть такие люди, настоящие параноики, помешанные на заговорах и секретных службах, именно они нас больше всего и пугают. Потому что стоит где-то соскочить какой-то гайке, они это чувствуют и немедленно реагируют. Ей-богу, у них есть шестое чувство. Возможно, этот Шпильман видел фильмы ЦРУ, ставшие доступными после статьи в «Нью-Йорк таймс». Когда он раздобыл, одному Господу ведомо какими способами, эту бобину и просмотрел пленку, он сразу заметил в правом верхнем углу кадра белый кружок. Фирменный знак Лакомба... И сразу понял, что ему в руки попал, скорее всего, еще один из фильмов ЦРУ, ускользнувший от экспертов при расследовании. Ну и стал копать. Стал разбирать фильм по косточкам. И увидел там мое лицо... мое лицо в детстве...

Шарко, который стоял рядом с Люси, прервал монолог:

– Вы все время говорите «мы», «нам»... «Мы хотели изъять из обращения копии...», «нам это удалось...». Кто это – «мы»? Французские секретные службы? Армия?

Она поколебалась, но в конце концов ответила:

– Люди. Те самые люди – а их много, – которые каждый день трудятся над тем, чтобы защитить нашу страну. Только не смешивайте нас с этими подонками, с этим жульем, наводняющим улицы ваших городов. Мы – ученые, мыслители, руководители, принимающие решения, и мы делаем все, чтобы обеспечить миру прогресс. А прогресс требует жертв – независимо от того, каковы эти жертвы. Так было всегда, ну и зачем же менять установленный порядок?

Люси уже не могла устоять на месте, у нее внутри все кипело от размеренных речей этой психопатки, от ее спокойствия, от ее хорошо поставленного голоса.

– Такие жертвы, как несчастные египетские девочки? Они были еще совсем детьми! Их-то за что?

Колин Санате сцепила зубы, сдерживая желание ответить, но молчать все-таки не смогла: раз уж начала оправдываться, надо продолжать.

– Отец умер за два года до геноцида в Бирме. Он всю жизнь отслеживал проявления синдрома Е, доказательства его существования. Он никогда не проводил полевых испытаний, потому что прекрасно знал: все это можно создать и исследовать в лаборатории. Сначала он меня просто использовал, потом втянул в свою работу, сформировал как ученого, практически обусловил то, что я продолжила его поиски, пошла по его стопам. Я училась на медицинском, занималась научной работой, специализировалась в нейробиологии. Меня никто не спрашивал, меня в это... втравили. Я выросла среди военных, среди людей с суровыми лицами, в домах без окон, и стала сама отслеживать этот синдром, только уже в полевых условиях.

– Вас туда посылали? В те страны, где имел место геноцид?

– Да. С легионерами, с гуманитарной помощью, с врачами из Красного Креста. Мы собирали трупы, укладывали их в штабеля десятками, пока не начали гнить. А я пользовалась случаем, чтобы изучить их мозг, – официальная аккредитация давала на это право.

– И в Египте? Там тоже официальная аккредитация позволяла вскрывать черепа?

– Феномен коллективной истерии с проявлениями особой жестокости – штука такая редкая, такая случайная, что почти невозможно

всерьез изучать его. Ну и когда я узнала, что Египет накрыла волна массовой истерии и что девочки, затронутые ею, так и остались агрессивными, я ни минуты не колебалась. Отправилась туда, в Каир, на конгресс участников Глобальной сети безопасных инъекций. И разыскала девушек.

– И убили их. И искалечили. Там-то вы действовали в одиночку, никто вам ничего не приказывал. Более того – не разрешал.

Она ответила холодно, без малейшего признака сочувствия к своим жертвам:

– Существовал только один способ подтвердить наличие синдрома Е – вскрыть череп и, порывшись в мозгу, добраться до миндалины, которая при такой симптоматике должна быть атрофирована. В то время не было таких мощных сканеров, какими вооружены медики сейчас. Я извлекла у каждой из девушек мозг, отделила нужную мне часть и привезла эти три фрагмента в своем чемодане. Немножко формалина, небольшие емкости, мой багаж не досматривали – а если бы даже и досмотрели, что с того? Я занимаюсь наукой, я приехала на конгресс, я была в составе делегации... Что же касается увечий... – Она поиграла желваками. – Что касается увечий – так получилось. Вы бы, наверное, назвали это неосознанными стремлениями, садизмом и были бы, наверное, правы... Наш разум открыл еще далеко не все свои тайны. И ваш старик-реставратор, к несчастью, за это поплатился. Я хотела вам показать, что на этот раз вы имеете дело не с теми... мелкими правонарушителями, с какими сталкиваетесь каждый день. Что тут все по-другому. Кажется, мне это удалось?

Ответа не последовало, и она продолжила:

– Мои действия в Каире не слишком-то понравились моим начальникам, но, узнав о телеграмме, посланной в Интерпол египетским полицейским, они были вынуждены прикрыть меня, чтобы прикрыть себя. Тогда и решили убрать этого египетского полицейского руками его продажного брата. Потому что выбора не оставалось: надо было, как и прежде, хранить в тайне все, что связано с синдромом Е. А все прочее... знаете, оно – как побочные действия лекарства.

У Люси это не укладывалось в голове: высокопоставленные чиновники, руководители секретных служб держат в своих рядах опасную для общества женщину, убийцу, готовую пойти на все ради прогресса науки.

– Вернувшись во Францию, я тщательно исследовала мозг каждой из трех девушек и обнаружила, что у всех них наблюдается характерная для синдрома Е атрофия миндалины мозжечка. Понимаете? Тут ведь и речи не

было о каком-либо геноциде! Происхождение этого феномена неизвестно, точнее – у него вообще нет никакого происхождения: он возникает без всякой причины, он возникает внезапно и необъяснимо, и он способен в некоторых случаях распространяться как вирус, оставляя неизгладимый отпечаток в человеческом мозге. Я получила реальные, конкретные доказательства существования синдрома Е, мало того – я получила доказательства того, что этот синдром может поразить любого и в любое время. Любого! Вас, меня, весь мир! Для него не существует ни государственных границ, ни разницы в религиях, он переходит от одного народа к другому, из одного времени в другое... Я еще раз убедилась в этом в июле того же года, побывав в Руанде. Осмелюсь сказать: это был весьма... плодотворный год. Я приезжала туда, где после очередной бойни вырастали груды трупов, копалась в этих трупах, вскрывала черепа. Но на этот раз – черепа палачей, тех, кто убивал женщин и детей ударами мачете. И у них – практически всякий раз – обнаруживала все ту же атрофию миндалин. Вообразите мое изумление! Страсть к насилию у одного заражает мозг другого, приводит к атрофии миндалин уже у него и делает таким же агрессивным и жестоким, как первый. И так далее и так далее... И впрямь настоящий вирус насилия. Речь шла о фундаментальном открытии, которое вынуждало подвергнуть пересмотру многие научные концепции, связанные с исследованием причин массовых убийств.

– Но вы и ваши сообщники, естественно, хранили в тайне ваше открытие?

– Конечно. Слишком многое было поставлено на карту. Не храни мы это в тайне, слишком много возникло бы геополитических, военных и финансовых проблем. Моей навязчивой идеей стало с тех пор научиться управлять синдромом Е: вызывать у одного, распространять на других. Последнее по времени стихийное его проявление случилось в Иностранном легионе. До того я столько лет искала возможности создать «пациента зеро», но это было почти невозможно. Требовались длительные наблюдения, а главное – требовался материал для экспериментов: люди. В то время, когда отец работал над этим, в начале пятидесятых, все было куда проще, ученые были свободны в своих действиях, они пользовались поддержкой высокопоставленных лиц, секретных служб. Они располагали, наконец, сырьем в виде, например, пациентов больницы Мон-Провиданс. Я и сама стала для них таким сырьем.

Боже, какой кошмар! Эта женщина превратилась в кусок мороженого мяса – без способности чувствовать, без способности сожалеть. Самый наглядный, самый продуманный и самый тщательно выделанный образчик

остервенелого ученого.

Колин вздохнула:

– Зато сейчас, в наше время, существует решение, позволяющее получить результат куда быстрее, то решение, путь к которому указывал мой отец и которое сегодня осуществимо благодаря развитию науки и техники. Глубинная стимуляция мозга... Дивное средство для создания «пациента зеро», того, от которого будет распространяться ментальная контаминация. Ты вживляешь электроды в миндалину мозжечка и – простым нажатием кнопки на пульте – включаешь предельную агрессивность. А дальнейшее распространение этой агрессивности, передача синдрома Е тем, кто находится рядом с «пациентом зеро», тем, кто привык к подчинению и кто сознательно помещен тобою же в ситуацию стресса и страха, происходит легко, само собой.

Она говорила и говорила, она бесстрастно нагромождала один ужас на другой – с невозмутимым выражением лица и ощущая, судя по всему, единственную потребность: оправдать свои действия.

– Только представьте себе солдат, навсегда избавившихся от страха, солдат, которые убивают без колебаний, без жалости к жертвам, действуют словно единая могучая рука. Представьте себе и иные формы управляемой ментальной контаминации – такой, которая поражает другие зоны мозга, например ответственные за моторику или память. Можно было бы расправиться с целой армией без единого выстрела... Пока, конечно, нам неизвестно множество параметров, особенно важно определить, каковы оптимальные условия для распространения вируса агрессии от «пациента зеро». До какой степени сильным должен быть стресс у его окружения? Каким образом можно добиться такого стресса? Но когда-нибудь, когда будут решены все эти проблемы, станет возможно управлять процессом полностью, контролировать его, регистрировать в протоколах экспериментов и описывать в научных статьях. А они будут решены – со мной или без меня.

Шарко давно уже ходил взад-вперед по комнате, но не сводил глаз с мадам Санате. Руки его сами собой судорожно сжались в кулаки.

– При вскрытии тела Мухаммеда Абана в области ключицы был найден фрагмент чехла от электрода. Что вы делали с этим человеком?

– Абан уцелел, когда случилась эта оплошность в подразделении Шателя, и стал «пациентом зеро». Прежде чем приступить к исследованию его мозга, я испытала на нем ряд методик стимуляции глубинных структур. Стимуляции подвергались главным образом зоны боли, это было необходимо, чтобы вычертить кривые и составить статистические таблицы.



Убрать его пришлось бы в любом случае, ну и, скажем так, перед этим я его использовала на полную катушку.

Шарко перекосило от омерзения. Вот почему в плоти Абана были найдены обломки его собственных ногтей! Его пытали!

А кошмарный рассказ между тем продолжался.

– Когда он был уже мертв, Манёвр позаботился о том, чтобы тело нельзя было опознать. На самом деле этого legionera искусным не назовешь, никакой тонкости в работе, никакой эстетики – орудовал клещами да топором. Обеспечив неузнаваемость трупов, Манёвр захоронил их в Граваншоне – посреди пустого пространства, в месте, где не бывает людей, там, откуда было не протянуть ниточку к легиону.

– Какова во всем этом роль Шателя?

Она пожала плечами:

– Как бы это ни выглядело, на самом деле его роль была не слишком велика. Помимо официальных обязанностей, ему было поручено просто отслеживать случайные проявления синдрома Е в своем подразделении. Мы с полковником никогда особо не ладили. Как и многие другие, он не одобрял моих методов, особенно того, что я сделала в Египте. Что же касается legionera Манёвра, этот был у меня на жалованье, и ему была поставлена цель раздобыть копию фильма. Когда Жюльен вышел на след, обнаружил, что бобина может быть у Шпильмана или у этого старика-реставратора, мы ходили к ним обоим вместе. Я хотела избавиться от свидетелей сама.

Люси чувствовала, что Шарко вот-вот взорвется.

– Зачем было изымать глаза? – спросила она резко.

Колин Санате встала:

– Пойдемте со мной...

Комиссар, которого уже по-настоящему трясло, проложил им дорогу в толпе жандармов. Хозяйка дома спустилась в просторный и чистый подвал, указала на старенький серый коврик. Люси поняла просьбу, скатала коврик в рулон – стала видна крышка люка, откинула крышку – и сморщилась: вот где был ужас!

Здесь, в подполе, стояли десятки банок, в которых плавали, медленно вращаясь в формалине, глазные яблоки – с серыми, черными, зелеными, голубыми радужками... Люси с отвращением взяла одну из банок, протянула комиссару. Санате всмотрелась в содержимое, и ее собственные зрачки блеснули как-то злодейски.

– Глаза... Свет, изображение, глаз, мозг, синдром Е... Все связано. Теперь вам понятно? Одно не может существовать без другого. Те глаза,

которые вы держите, – это глаза человека с синдромом Е. Знаете, глаз всегда меня буквально околдовывал, как и моего отца, и Жака Лакомба – такой совершенный, такой драгоценный орган! Те глазные яблоки, что у вас в руках, принадлежали Мухаммеду Абану, которого эти идиоты-легионеры приняли за его брата, Хакима Абана. Между вашими пальцами, мадам, находятся сейчас глаза «пациента зеро». Глаза, которые каким-то образом – может быть, нам так никогда и не удастся объяснить каким – отловили в воздухе синдром Е и направили его в мозг, чтобы изменить его структуру. Разве такие глаза не заслуживают самого бережного хранения?

Теперь взгляд самой Санате стал безумным, но Люси трудно было сформулировать, что это за вид безумия. Безумия, рождающегося из настойчивости человеческих существ, готовых на все, лишь бы не отступить от своих убеждений. Люси обернулась на Шарко, который стоял чуть поодаль, потом взяла Колин Санате за локоть и подвела к ожидавшим наверху жандармам. Но прежде чем передать преступницу в руки блюстителей порядка, спросила ее:

– Остаток жизни вы проведете в тюрьме. Скажите, неужели стоило заниматься тем, чем вы занимались, чтобы все так закончилось?

– О да, конечно же стоило! Еще как стоило! Вы просто не понимаете, до какой степени.

И Колин улыбнулась. А Люси поняла, что эту улыбку ни за какими решетками, ни в какой камере не заточить.

– Изображения, мадам, образы... Жестокость, насилие, выраженные в образах, они везде, они множатся и множатся. Подумайте о своих детях, мадам, вспомните, как они балдеют перед компьютером или приставкой с играми. Подумайте о том, как податлив мозг ребенка, как трудно ему устоять перед теми кошмарами, которые показывают ему чуть ли не с младенчества. Двадцать лет назад еще не было ничего подобного. Если получится, загляните в протоколы вскрытия Эрика Харриса, Дилана Клеболда, Джозефа Уитмана – юношей, которые приходили в учебные заведения с ружьем и стреляли во все, что шевелится. Посмотрите, что пишут о мозговых миндалинах этих молодых людей, – наверняка прочтете, что они атрофированы. И вы поймете, что вся планета бегом мчится к самоуничтожению! – Она поджала губы, но потом передумала и добавила: – Никому нет пощады. Синдром Е может проявиться у кого угодно, где угодно. Завтра, может быть, в вашем доме, у вас, у ваших детей. Как знать...

На этом разговор был закончен, и жандармы увели преступницу.

Люси бил озноб. Она снова спустилась в подвал, спустилась

бесшумно, полностью обессиленная, измученная. Единственное желание, которое у нее осталось, – вернуться домой, укрыться в объятиях своих девочек и уснуть.

Шарко сидел перед десятками глаз, которые смотрели на него и рассказывали ему о пережитых страданиях.

– Пойдем? – спросила Люси шепотом. – Давай скорее уедем отсюда, я больше не могу!

Комиссар долго молча смотрел на нее, потом тяжело вздохнул и встал.

Они добрались до цели. До края ужасов. Они добрались до цели в путешествии без возврата – в путешествии, открывшем им все виды безумия, какие только возможны. Человеческого безумия, безумия, охватывающего целые страны, безумия, которым поражен весь мир. Потому что он живет в хаосе, потому что главное место в нем занимают сильнодействующие образы.

Шарко щелкнул выключателем, и глаза Мухаммеда Абана сверкнули на мгновение, прежде чем навсегда угаснуть во тьме подземелья.

Все было кончено...

## Эпилог

Прошел месяц.

Золотистый круассан пляжа в Сабль-д'Олон поджаривался под лучами августовского солнца. Люси, нацепив темные очки, наблюдала за своими малышками, Кларой и Жюльеттой: девочки усердно копали лопатками влажный песок и насыпали его в ведерки. Над волнами кружились чайки, от океана шел мирный теплый гул. Вокруг лежали, сидели, ходили счастливые люди – пляж был заполнен до отказа, и обилие здоровых загорелых тел тоже успокаивало.

В десятый – не меньше! – раз (а ведь прошло не больше часа!) Люси повернулась к молу. Он должен прийти с минуты на минуту. Он, Франк Шарко, мужчина, который вот уже с месяц как завладел всеми ее мыслями. Тот, любовь к которому она хранила на самом доньшке души, хранила как светильник, которому никогда не погаснуть. Со дня ареста Колин Санате они виделись всего три раза, ведь до торопливых объятий надо было еще добраться на скоростном поезде, а после – вернуться обратно. Зато звонили друг другу почти каждый вечер – иногда на минутку, иногда говорили часами, и отношения – не без ошибок и неловкостей – выстраивались.

Хотя они и пытались избегать упоминаний о последнем деле, оно надолго оставило отпечаток в их душах. Страдания, пережитые ими в ходе его, сразу было не забыть – на это требовалось время. Колин Санате раскололась в первые же часы после ареста, она сдала всех: и высокопоставленных военных, и работников секретных служб, и политиков, и ученых. Не существующий официально научно-исследовательский центр, занимавшийся вроде как проблемами нейрохирургии, на самом деле интересовался только одним: синдромом Е и стимуляцией глубинных структур головного мозга. Располагался он в десяти метрах под землей, в строго засекреченных помещениях военно-медицинской службы. Там готовили и проводили опыты и описывали все это в протоколах, там же делали и хирургические операции. Медленно, но верно вырисовывалась общая картина, одно за другим выплывали – и еще будут выплывать – имена идеологов этой работы. Конечно, расследование продолжается, дело далеко не закрыто, и засекреченность только мешает продвигаться вперед, но тот, кто должен расплатиться за то, что натворил, расплатится. Если все пойдет как надо...

Люси вернулась мыслями к близнецам, игравшим теперь в лужице воды. Она строго-настрого приказала девочкам оставаться рядом – слишком уж много народу на пляже, недолго и потеряться. Вот они и хохотали тут, неподалеку, всего в нескольких метрах от нее. Ведерко, лопатка, счастье... С видеоиграми покончено, Люси выбросила их все до единой. Во что бы то ни стало уберечь детей от мира, где картинка призывает к насилию, от тлетворного влияния игры на душу и сознание ребенка. Вернуться к самому простому, к старым, деревянным и пластмассовым игрушкам, к ручному труду, к вырезкам из бумаги... Все это с развитием техники исчезает так быстро... Санате отчасти права: куда он катится, наш мир, в какую пропасть?

Через неделю кончатся каникулы, кончится отпуск, надо будет возвращаться в Лилль. Она закроется в четырех стенах и будет думать – о будущем, о том, как улучшить жизнь, которая несется со страшной скоростью. Люси смотрела, как утекает сквозь пальцы песок, и повторяла себе снова и снова, что не сможет жить, не сможет дышать, уйдя из полиции. Эта работа как болезнь проникла в каждую клеточку ее организма, только благодаря работе она стала личностью, стала Люси Энебель, именно на работе она раскрывается полностью, но... Но она знает, что способна развиваться, расти, она способна быть лучшей матерью, чем сейчас, и лучшей, чем сейчас, дочерью. Она уверена, совершенно уверена, что это ей удастся. Только волю приложить.

Она расплылась в улыбке, услышав за спиной это совершенно особенное поскрипывание песка. Обернулась. Рядом стоял Шарко в своих невообразимых полотняных штанах, в белой рубашке, жаль, глаз не видно – скрыл их за этими дурацкими, чинеными-перечинеными очками. Люси вскочила, обняла его, они поцеловались. Она погладила его по щеке тыльной стороной ладони:

– Я так соскучилась...

Шарко снял очки, улыбнулся, сбросил на песок рюкзак, достал из него пакетик и кивнул в сторону близняшек:

– Ты с ними поговорила?

– Почему бы тебе самому все не сказать девочкам? Ты что, такой застенчивый?

– Но это же ваши каникулы – каникулы для вас троих, и мне бы не хотелось нарушить ваш покой своим вторжением...

– Да ну, что за глупости! Ладно, не волнуйся, все я им сказала. И они готовы принять тебя в нашу компанию, готовы поселить с нами вместе, но при одном условии...

– Каком же?

Люси показала на пакетик в его руке:

– При условии, что ты не будешь больше всякий раз, как их видишь, совать им засахаренные каштаны. Они этих каштанов терпеть не могут.

Шарко всмотрелся в пакетик так, будто первый раз его видел.

– Они правы. Это жуткая дрянь.

Он подошел к мусорному контейнеру, в последний раз взглянул на пакетик с засахаренными каштанами и выбросил их. Закрыв крышку контейнера. Прощайте, каштаны. Прощай, соус-коктейль.

Прибежали девочки и кинулись его обнимать. Прижались к нему – обе сразу. Он целовал их в румяные щечки, ласково гладил по волосам. Близнецы требовали, чтобы он играл с ними в мяч, он пообещал: непременно, но через несколько минут, – а без меня потренируйтесь хорошенько, ладно? Сел рядом с Люси, подвернул брюки повыше.

– Ну и как там с твоим шефом? – спросила Люси.

Шарко смотрел на девочек, Люси никогда в жизни не видела в глазах мужчины столько любви, столько нежности.

– Все кончено. Вчера Мартен подал прошение об отставке. Сломался, не выдержал – за каких-то восемь лет до срока. После всего, что перенес, после всех жертв. Работа его доконала.

– А ты... ты сам? Как будет с тобой? С твоей работой в Нантерре? С нами обоими... Надумал что-нибудь?

Теперь он набрал горсть песка и стал смотреть, как песчинки утекают между пальцами.

– А знаешь, несколько лет назад я же плюнул на все и открыл лавку с игрушками на севере... Потом опять вернулся к криминологии, а потом...

Люси вытаращила глаза:

– Шутишь? Ты – и лавка с игрушками?

Он порылся в рюкзаке и вытащил паровозик с прицепленной к нему черной вагонеткой для угля и дров. Игрушка сверкнула на солнце лакированными бочками.

– Знаешь, как называлась моя лавочка? «Волшебный мир». А теперь ее нет. Теперь на этом месте магазин, где торгуют компьютерными играми.

Люси почувствовала, как в горле встает комок. Шарко говорил так взволнованно!

– «Волшебный мир» – до чего красиво...

Он кивнул, глядя на горизонт так, будто там и происходит самое главное.

– Я в то время хотел изменить свою жизнь, отойти в сторону, заняться

дочкой – видеть, как она растет. Я хотел напомнить себе, что был когда-то таким, как она, напомнить себе, что лучшие наши воспоминания – это воспоминания о родителях...

Шарко бережно вернул паровозик в рюкзак.

– Знаешь, а ведь за то время, что было отдано нашему с тобой последнему делу, случилось нечто очень важное. Не стало кого-то, кто занимал большое место в моей жизни. Кого-то, кто, думаю, являлся мне только затем, чтобы объяснять то, о чем я никогда и слышать не хотел.

Люси занервничала:

– Ты меня пугаешь!

– Успокойся, я не хочу больше никогда видеть этого кого-то! А для этого есть только одно средство: идти вперед. Ну и я решил через несколько дней тоже навеститься к начальству. И сказать, что...

Ему не дала договорить Жюльетта: подошла и спросила, можно ли ей сходить за мороженым. Люси быстро осмотрелась, убедилась, что мороженое продается совсем рядом, метрах в десяти отсюда – на молу, хотела было встать и пойти вместе с дочкой, но Шарко удержал ее:

– погоди, дай договорю. Надо с этим покончить прямо сейчас.

Люси протянула девочке купюру:

– Пойдешь вместе с Кларой, купите мороженого и сразу вернетесь сюда. Договорились?

Жюльетта кивнула, и девочки стали пробираться между курортниками. Пока Люси смотрела им вслед, Шарко опять взялся за песок: сыпал, сыпал...

– Я уже сказал, что подам заявление об отставке, – наконец заговорил он снова. – И если... если ты меня примешь, тогда... Ты же понимаешь, я не знаю, что из этого получится, у меня есть всякие старые привычки, и потом, для моих поездов нужна отдельная комната, и малышам нельзя будет их трогать, потому что...

Люси потянулась к нему и обняла:

– Значит, ты решил? И значит, ты переберешься к нам?

Он уткнулся в плечо Люси, закрыл глаза:

– В моем возрасте ведь еще можно многое попробовать, правда? Я не слишком дипломатичен, но это мне не мешает успешно торговать. И потом... У меня на счете довольно много денег, я же не из транжир... Как ты думаешь: магазин «Немо» в Старом городе все еще продается?

Люси залезла ему под рубашку и стала гладить по спине. Как она любила эти минуты рядом с ним, как любила, пусть они длятся и длятся...

– Франк...

Они молчали, шумело все вокруг: кто-то смеялся, кто-то звонко кричал, что-то нашептывал ветер. Почти забывшись в счастье и ласке, Люси все-таки краем глаза глянула туда, где продавали мороженое. Пляж был переполнен, перед ней все время мелькали какие-то люди, она вытянула шею, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в толчее. Ага, вон там небольшая очередь, человек пять или шесть. Но девочек не видно. Люси чуть отодвинулась, Шарко встал и принялся раздеваться.

– Франк, посмотри туда, вон, видишь – очередь. Видишь там моих девочек? Ты же помнишь: одна в розовом купальнике, другая в желтом?

Шарко снова нацепил очки, вгляделся. Люси тоже вскочила, сердце у нее сжалось. Она оглядывала пляж, берег, заметила брошенные лопатки и ведерки. Снова посмотрела на очередь за мороженым, на всех, кто был там рядом. Дети, взрослые, машины, сотни машин, ах ты черт, как спят отсветы от их стекол...

– Скажи, ты их видишь? Скажи, что ты их видишь, Франк!

Шарко не ответил. Что-то в нем переменялось. Он пошел к молу, сначала обычным шагом, потом все быстрее, быстрее, потом побежал. Люси, оглядываясь то вправо, то влево, за ним. Она пробиравалась между загорающими курортниками, на их смазанную маслом кожу летел песок из-под ее подошв, и люди, которых она потревожила, сердились. Когда она добралась до продавца мороженого, кровь стучала в ее висках. Она стала расспрашивать тех, кто стоял в очереди.

– Да-да, я видела девочек-двойняшек, – сказала одна женщина, – они ушли вон туда, к дороге, с каким-то мужчиной.

Люси, уже не дыша, кинулась к шоссе, раскаленный асфальт обжигал босые ноги, но она ничего не замечала. Она бежала по одну сторону мола, Шарко по другую...

И вдруг у нее вырвался крик, вопль, пришедший из глубины веков.

Вопль матери, сердцем чувствующей, что с ее детьми случилось несчастье.



## **СНОСКИ**

Имеется в виду аналитическая группа Института криминалистических исследований при национальной жандармерии в Рони-су-Буа. – *Примеч. автора.*

*Здесь: до скончания века (лат.).*

**3**

*Зипрекса* – антипсихотический препарат.

*Здесь: на первый взгляд (лат.).*

*Бьянка и Бернард* – мышки, персонажи диснеевского мультфильма «Спасатели».

«Блюбёрд» (синешейка), «МК-Ультра», «Артишок» (*англ.*).

См.: *Тилье Ф.* Комната мертвых. М.: Иностранка, 2011.



«Сокровище повешенного» – французское название американского фильма «Закон и Джейк Уэйд» (1958).

*Никаб* – женский головной убор с узкой прорезью для глаз, обычно черного цвета.

*Гувернорат* – административно-территориальная единица в Египте, в данном случае – в Каире.

«Счастливый город» (англ.).

После смерти (*лат.*).

*Галабея* – длинная свободная рубаха с широкими рукавами, без воротника и пояса.

«Звездный путь» (англ.).

*НАКГО* – Национальная автоматизированная картотека генетических отпечатков.



Коптская православная сестринская община (*англ.*).

*Сестра Эмманюэль* – монахиня из конгрегации Богородицы Сионской. Много лет помогала беднякам в квартале Эзбет-эль-Нахль, занималась строительством школ, детских садов, диспансеров.

*ГСБИ* – Глобальная сеть безопасных инъекций.

Низкие цены (*англ.*).

Имеется в виду дом в Амитивилле (США), принадлежавший семье Дефео. Рональд (Буч) Дефео-младший, убивший в 1974 г. своих родителей и четырех братьев и сестер, утверждал, что сделал это по велению «голосов». Семья, поселившаяся в опустевшем доме год спустя, в спешке бежала оттуда. Ужасам Амитивилля посвящено несколько американских фильмов и книг, а сам дом превратился в приманку для туристов.

«Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders IV» (*англ.*). IV – четвертое издание.

В доме № 36 по набережной Орфевр на острове Сите расположено Региональное управление судебной полиции Префектуры полиции Парижа.

Имеется в виду книга пастора Патрика Дебуа «Холокост при помощи пуль. Путешествие священника в поисках правды об убийстве полутора миллиона евреев».



Здесь: «мусорный фильм», стилизация под кино дурного вкуса (англ.).

«Отчаянное положение» (*англ.*). Британская рок-группа, основанная в 1977 г.

«Зеленый след» – молодежное экологическое движение под эгидой Всемирного фонда дикой природы.

В городе Обань, близ Марселя, расположен штаб Иностранного легиона, здесь осуществляется отбор и прием завербованных.

«Легион – наше отечество» (*лат.*).

*Сердце Пирата* – сценическое имя Беатрис Мартен, молодой поп-звезды и автора песен из Квебека.

*НЦНИ* – французский Национальный центр научных исследований.

«Голубой гигант» – так часто называют транснациональную корпорацию IBM.



«Нэшвиллские хищники» (*англ.*). Профессиональный хоккейный клуб, играющий в НХЛ.

«Находки Шпильмана» (*англ.*).

«Ментальная контаминация. Презентация» (*англ.*).

Грубо говоря (*лат.*).

Букв.: выскобленная доска (*лат.*).

Deep Brain Stimulation (*англ.*).

Французская полиция в ходе расследования имеет право производить в домах граждан обыск только с 6 до 21 ч.

Имеется в виду финал романа Франка Тилье «Медовый траур».